

ЛЕВ КОНСТАНТИНОВ

УДАР МЕЧОМ

ЛЕВ КОНСТАНТИНОВ

УДАР МЕЧОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1970

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОХОТА НА ГОРЛИНКУ

ОБЛАВА

Секретарь райкома комсомола возвратилась с облавы к утру. Задержалась у порога райкомовского домика, щепкой сняла налипшую на сапоги грязь. Вошла в кабинет, поставила у кушетки, чтоб был под рукой, автомат. Письменный стол, старенькое кресло, этажерка с книгами, сейф — вот и вся обстановка.

Девушка присела в кресло, опустила голову на руки, задумалась. Надо бы снять сапоги, сбросить пропитанную лесной росой брезентовую куртку, но тело сковала усталость. Над городком вставал поздний осенний рассвет. Секретарь райкома глянула на часы: стрелки сошлись на цифре восемь. До начала рабочего дня оставался целый час, и можно было позволить себе забыть — просто сидеть и ни о чем не думать, опустив голову на руки.

Хриловато задребезжал телефон.

— Да, — сказала она в трубку. — Да, это я. Понятно. В восемь двадцать буду у вас.

Девушка подошла к зеркалу, глянула на себя и огорчилась: под глазами легли темные, почти коричневые, круги. Она решила умыться, хоть немного при-

вести себя в порядок. И, занимаясь этими будничными делами, вспоминала события прошедших суток.

Вчера тоже все началось со звонка. Она проводила совещание секретарей комсомольских организаций, когда позвонил начальник райотдела милиции. Он сообщил, что принятое ранее решение по известному ей делу остается в силе.

Секретарь райкома знала, о чем идет речь. Организовывалась облава на банду украинских буржуазных националистов. Несколько часов назад она получила пакет, который имела право вскрыть только после этого звонка. В пакете был план облавы, место и время сбора, порядок и пути движения группы, созданной из комсомольских активистов. И сейчас она сказала начальнику милиции, что комсомольцы, как всегда, не подведут.

Закончив телефонный разговор, она открыла сейф, извлекла серый засургученный пакет. С треском сломались печати.

— Хлопцы, — сказала секретарь райкома, — сегодня ночью облава.

Ребята возбужденно зашептались. Они уже привыкли к внезапным тревогам, и все-таки каждый раз их охватывало тревожное беспокойство ожидания. Ведь им было по семнадцать-восемнадцать, и разве не с ними на прошлом совещании сидел Юрко Перепелица, а потом принесли Юрка из леса на плащ-палатке...

Секретарь, когда увидела пробитый бандитской пулей комсомольский билет Юрка, не выдержала, разрыдалась — и никак не могла налить воду из графина: струйка не попадала в стакан. Кто-то из активистов хотел помочь, она не разрешила, упрямо проговорила: «Я сама». Комсомольцы, видевшие ее всегда деловой и собранной, отворачивались, на цыпочках выходили из кабинета.

По инструкции полагалось сжечь комсомольский билет Юрка. Но секретарь все не решалась это сделать, ей казалось, что вдруг случится чудо, и Юрко и другие хлопцы, погибшие от бандитских пуль, однажды войдут к ней в кабинет, весело скажут: «Не

рано ли списала нас?» А она им ответит: «Вот ваши билеты, парни...»

Ночью милиция, районные активисты, колхозники из окрестных сел обложили лес. Надеялись захватить врага врасплох. Не удалось. Кто-то все-таки предупредил бандитов. Хоть и слабые, невидимые, а тянулись ниточки из районного центра в лес.

Бандеровцы организовали засаду. И неожиданно ударили из автоматов по участникам облавы, когда те еще не развернулись в боевую цепь и шли плотной колонной. Бой только начинался, а уже несколько человек были убиты. Но автоматные очереди не вызвали паники: на облаву шли обстрелянные, хорошо знающие и лес и лесные порядки люди. Многие из них еще не успели после войны сменить гимнастерки на штатские пиджаки — партия послала их работать в западные области Украины, и, закончив войну с фашистами, они сразу же ушли в бой с фашистскими последышами.

Участники облавы растянулись в кольцо, охватывая чащу, в которой засели бандиты. Связной передал секретарю райкома приказ командира: зайти с ребятами в тыл банде, отрезать пути отхода.

— Хлопцы, кто знает эти места? — спросила она у своих.

— Я знаю, — отозвался Павло Маркуша, секретарь сосновских комсомольцев; он был в войну партизанским разведчиком.

Павло повел группу глубоким оврагом — нависли над головой кусты черемухи, дикой сирени, влажно пружинила под ногами земля. В стороне шлепали винтовочные выстрелы, выбивали дробь автоматы, расплосовал темноту взрыв гранаты. Бандеровцы плотным огнем прижали участников облавы к земле.

— Хлопцы, швыдче! — поторапливала на ходу секретарь. — Слышите? Жарко там нашим...

Но все и так знали, что в лесу внезапный огонь нескольких автоматов может решить исход боя. Шли размашистым шагом, ступая след в след, хотя и не было сейчас необходимости в такой осторожности — просто так учили в истребительном отряде. Препра-

дило дорогу сваленное поперек тропинки дерево — обошли его по склону, попался ручей — вброд через ручей.

Ползком выбрались на гребень лесного буерака. Неожиданным ударом прижали бандитов к вырубке, и они темными тенями заматались между деревьями. Гремели выстрелы, и тени спотыкались, падали. Бой шел яростный, жестокий, когда никто не думает о пощаде, бьются насмерть и действует только один закон: «кто — кого».

В прорезь прицела секретарь поймала рослого бандеровца, вскинувшего гранату. Автомат заплесал в руках, вспышки на мгновение ослепили. «Есть один», — мелькнула в бешеном напряжении мысль, когда бандит ткнулся головой в пригорок. Дружно стучали рядом автоматы ребят. Кто-то из бандитов истошно вопил: «Сдаюсь!»

Секретарь заметила, как по канаве, темной лентой врезавшейся в овраг, ползет бандит в рваном полушубке. Видимо, отделился от своих — то ли получил какое-то задание, то ли трусил и теперь спасал шкуру. Бандит приподнялся на локтях, ощупывая взглядом те полсотни метров, что отделяли его от спасительного оврага, вскочил и побежал. «Стой!» — резко крикнула секретарь и подняла автомат. Бандит обернулся, и девушка узнала его — попович из Явора, исчезнувший несколько месяцев назад; родственники сказали, будто уехал учиться. И оттого, что узнала, промедлила мгновение — не так-то просто стрелять в знакомого человека. Попович нажал на гашетку первым, и автоматная очередь срезала ветку над ее головой. Секретарь прижалась к земле, а когда выстрелила — было поздно. Попович с разбегу сиганул в овраг, покотился по склону, слышно было, как далеко внизу затрещал кустарник.

Бой, как майская гроза, затихал последними раскатами. Еще щелкали одиночные выстрелы, а люди уже подтягивались к командирам, перекликались, выясняли, кто жив. На стареньком полушубке принесли Павла Маркушу. Голубые глаза стеклянно смотрели в небо, рука сжимала ворот сорочки.

Прямо с облавы, еще не сбросив напряжения боя, секретарь пришла в райком. Предстоял серьезный разговор, и надо было хоть немного отдохнуть, прийти в себя. Девушка снимала комнату на окраине местечка, добираться туда было далеко, особенно в темноте да по грязи, и она часто оставалась ночевать в райкоме — за легкой ширмой стояла кушетка. Это было удобно и на случай внезапных ночных тревог, срочных вызовов.

Пока она приводила себя в порядок, рассвет выбелил кабинет, разогнал полутени из углов: на часах восемь пятнадцать.

Здание райотдела МГБ находилось совсем рядом, в пяти шагах. И в восемь двадцать, как было условлено, девушка постучалась в кабинет начальника райотдела.

Майор поднялся ей навстречу.

— Намаялась?

— Есть немного, — честно призналась девушка и удивилась: вместе были на облаве, пробирались по одним лесным тропам, размочаленным осенней непогодой, а майор в чистой форме, выбрит, подтянут — вот это закалочка!

— Садись, секретарь, говорить будем, — майор указал на стул против себя. — Не передумала? Еще не поздно...

Девушка вспомнила: так и не положила комсомольский билет Юрка в сейф, не хотелось верить, что парня нет больше среди живых.

— Не передумала, — ответила она и выдержала прямой, изучающий взгляд майора.

Погибшие не уходят из нашей жизни. Разве не они помогают нам выбирать дорогу? И, угадывая эти мысли, майор сказал:

— Твоя дорога и до этого была нелегкой. Но теперь придется труднее. Понадобятся умная храбрость, расчетливое мужество, полнейший контроль над каждым словом и шагом. То, что мы тебе предлагаем, не каждому под силу. Но мы долго присматривались к тебе — справишься.

— Я не раз думала над вашими словами, това-

рищ майор. Скажите, в чем заключается задание, и я постараюсь его выполнить.

Майор добродушно засмеялся.

— Очень ты быстрая. Мы направим тебя на учебу — пройдешь специальную подготовку. Советую отнестись к ней со всей серьезностью. «Экзамены» ведь у тебя будут принимать враги. И если окажешься плохой ученицей — переэкзаменовки не будет.

Секретарь райкома кивнула: понимаю. Спросила:

— Значит, за парту?

— Иначе нельзя. Противник у тебя будет умный, хитрый, поднаторевший в подпольной борьбе. И тебе придется основательно его изучить, прежде чем встретиться лицом к лицу.

Это категоричное «тебе придется» как бы устанавливало, крепило новую основу их разговора: слова майора воспринимались уже не как пожелание — это был приказ.

— Ты по-прежнему снимаешь комнату вместе с Марией Григорьевной Шевчук, учительницей из нашей школы?

— Да, — подтвердила девушка, не понимая, куда клонит майор.

— Хорошо ее знаешь?

— Как себя.

— Откуда родом, кто родители, где училась, с кем дружила? — продолжал расспрашивать начальник райотдела.

— Мария часто рассказывала о себе.

...Несколько месяцев назад в райком комсомола зашла быстроглазая девушка. Синий плащик ее был в грязи, модные туфельки раскисли. «Не наша, — определила секретарь, — только с рейсового автобуса». Девушка сказала, что она учительница, недавно закончила педагогический и теперь получила назначение в местную школу.

— Где остановилась?

— А нигде пока. Чемодан в коридоре. Я к вам сразу и пришла, потому что вы — райком, а я — комсомолка.

Молоденькая учительница промерзла — было хо-

лодно, сыро, шел дождь. Секретарь райкома вздохнула: присылают вот таких, неприиспособленных. В туфельках да по местной грязи. Она отослала ее на свою квартиру обсушиться и обогреться. Так у нее появилась хорошая подруга. Долгими вечерами девушки о многом переговаривали, вспоминали прошлое, пытались заглянуть в будущее...

— Как себя знаю Марию, — повторила секретарь райкома.

— От и добре, — кивнул майор. — Днями она получит назначение в школу Харьковской области. Ты не должна с нею переписываться и вообще поддерживать какие-либо отношения. Так лучше. Ясно?

— Так точно!

— Ого! — засмеялся майор. — Вот это мне нравится. Только по глазам вижу — ничего тебе пока не ясно. Хочется знать, с чего это вдруг Мария уедет? Очень у нее подходящая биография, простая, скромная биография интеллигентной украинской дивчины. А тебя, вероятно, в каждом селе знают. Наверное, по всему району знакомые?

— Конечно. Я ведь секретарь райкома комсомола: встречи, собрания, командировки, да и просто так — разговоры с девчатами, с парнями...

— Вот, вот, — майор словно и не ждал другого ответа. — Все это мы учли. Именно поэтому после учебы ты тоже сюда не вернешься.

Шла осень 1945-го. Тяжелая первая послевоенная осень. Раны страны еще не зарубцевались: на обширных пространствах до Волги печально чернели скелеты городов, лежал в развалинах киевский Крещатик, мертво зияли глазницами вышибленных окон многометровые корпуса заводов.

Приходили на пепелища плотники, становились к станкам вчерашние солдаты, дети и старухи по камешку разбирали руины домов — страна начинала отстраиваться, привыкать к мирной тишине.

Вступали в новую жизнь и области Западной Украины. Но не все еще бои закончились на украин-

ской земле за Збручем. Гремели предательские выстрелы — в спину, из-за угла, из нош. Пылали убогие селянские хаты под соломой — коммунисты не жили в добротных хуторских домах. Горели клубы и школы, только что построенные для селянских детей.

Украинские буржуазные националисты объявили бандитскую, террористическую войну народу, в любви к которому распинались на тайных и гласных сборищах, в грязных газетенках.

Дорогу убийцам преградили чекисты, истребительные отряды, сформированные из коммунистов и комсомольцев. С бандитами воевал весь народ...

ЗАТЕРЯЛОСЬ В ЛЕСАХ СЕЛО

Небольшое село Зеленый Гай оказалось в центре тревожных событий. Здесь в обширных лесах затаилось несколько банд.

Зеленый Гай прижался к лесу. Пять десятков хат. Длинная улица без названия — одна на все село, и давать ей имя не было смысла. Почерневшие под дождями и ветрами соломенные крыши. Село было не из богатых, редко-редко попадался каменный дом под красной черепицей. В центре села — школа: приземистый белый прямоугольник парадным входом обращен к небольшой площади, открытой всем ветрам. С другой стороны школы — вишневый сад. Старые деревья разбросали ветви над землей, на стволах у них причудливые наросты, липкая янтарная смола. Сад подступает к лесу, отгорожен от него только невысоким, плетеным из лозы тыном.

А на десятки километров вокруг — леса, леса, леса... В них изредка островками вкраплены хутора. И медленно, трудно приходит на хутора новая жизнь.

На Зеленый Гай опустился вечер. Весенний вечер — теплый, тихий, с запахом цветущих деревьев, росных трав. Кружит в воздухе

вишневая метель — белым снегом ложится цвет вишен на землю.

Рано ложатся спать в Зеленом Гае. Заходит солнце, и закрываются наглухо резные ставни на окнах мазанок, спускаются с цепи дворняги. За ставнями, за высокими, в человеческий рост, заборами своя жизнь, чужая, а иногда и враждебная постороннему. «Моя хата — мое и горе» — это неписаное правило соблюдают в Зеленом Гае крепко.

Только в одном доме светятся яркими пятнами окна — в квартире заведующей школой. Совсем недавно молодая учительница приехала в Зеленый Гай, не привыкла еще к сельскому распорядку — вставать и ложиться с солнцем. Несколько дней назад зеленогайчане не без любопытства наблюдали, как подкатила к школе машина, вышла из нее девушка, шофер вынес два чемоданчика и несколько связок книг. «Вчителька», — догадались. Кто-то сумрачно проронил: «Сбежит и эта». Учителя в Зеленом Гае не задерживались — глухомань...

И еще в одной хате, что рядом со школой, пробивается сквозь неплотно подогнанную ставню яркая полоска. Живет там комсомольский секретарь Данила Бондарчук, и сегодня собрались у него комсомольцы на свое собрание. По одному, по двое пробирались они в сумерках через садок к хате Данилы. Ни к чему сельчанам видеть их вместе — один промолчит, а другой...

Но, видно, кто-то все-таки заранее узнал про комсомольское собрание, передал весточку в лес. И когда собрались комсомольцы, из темноты, из лесной чащобы тенью вышел к Даниловой хате бандеровец. Звякнул металлом, сторожко оглянулся по сторонам — слышал ли кто? Но над селом — глухая тишина, даже псы и те перестали лаять.

Бандит принал к окну, вгляделся, стараясь рассмотреть, кто там, в хате. Занавешено изнутри: свет пробивается, а увидеть ничего невозможно. Он чуть слышно помянул черта, отошел к деревьям, прильнул к стволу — ждал. Бандит прикинул расстояние до порога хаты — совсем рядом, всего метров двадцать.

Он снял автомат, потянул затвор. Медленно текли минуты. Бандит полез было в карман за сигаркой, пошуршал пачкой, но закурить не решился. Все-таки сунул сигарету в зубы и по привычке, воспитанной годами засад и внезапных нападений, не прикуривая, несколько раз крепко затянулся — горьковатый запах успокаивал. И опять затих, весь обратившись в слух.

Звякнул засов двери, вышли из хаты хлопцы и девчата. Постояли у крылечка, попрощались друг с другом, начали расходиться — кто напрямик по улице, кто стежкой через сад. Хозяин остался у крыльца, дожидаясь, пока заслонит темнота его товарищей, затихнут вдаль их шаги.

И вдруг громыхнул выстрел. Сгинула вечерняя тишь. Хлопец пошатнулся, упал.

Бандит бросился к лесу, с треском пробиваясь сквозь молодой вишняк. Вскрикнула девушка, звонко и горестно: «Данько! Данила, отзовись!» «Надийка, к Даниле! Хлопцы, перекрывай выходы из села!» — решительно командовал какой-то парень. Вслед бандиту полоснул выстрел, за ним второй. Он обернулся на бегу, веером пустил длинную очередь по саду, вновь побежал размашистыми скачками. А наперерез ему уже мчались те, кто двумя минутами раньше попрощался с Данилой. Дорогу бандиту преградил тын, он перепрыгнул через него и очутился на широкой сельской улице. Но и здесь навстречу бежали люди.

Они отрезали дорогу к лесу, знали: там он растает, затеряется в балках, ярах, просеках, тайными тропинками доберется до своей берлоги.

Тишины как не бывало. Засветились в хатах окна, захлопали двери, заматались тени. Путь в лес был закрыт. И тогда бандит побежал не из села, а в глубь него. Несся улицей, петляя, шарахаясь от выстрелов, прижимаясь к плетням, укрываясь за стволами деревьев. Опять перепрыгнул через плетень, припал к земле, замер в густом кустарнике. Преследователи пронесли мимо. Но он знал: его хитрость раз-

гадают скоро. И когда обшарят каждую пядь, он попадется в эту сеть и не будет ему пощады.

Бандеровец приподнялся, затравленно осматрелся: совсем рядом светились окна школы. А если пересидеть там? Мягкими, неслышными шагами он пробрался вдоль стены, нащупал дверную ручку, потянул к себе — заперто.

А в спину ударил крик:

— Не иначе как в саду схоронился! Заходи справа! Эй, кто там, держите под прицелом стезжку к лесу!

Бандеровец уже понял, что командовал преследователями опытный человек, уйти из рук такого не так-то просто. Пройдет еще несколько минут, и сомкнутся фланги погони, он окажется в мешке.

Беглец метнулся к окну и, стараясь не попасть в светлое пятно, стукнул в окно.

— Кто там?

— Одчиніть, будь ласка! З сільради...

Зазвенел отброшенный крюк, лесовик надавил плечом на дверь, влетел в сенцы, захлопнул дверь за собой.

— Молчи! Убью!.. — отрывисто сказал в темноту.

И столько отчаянной злобы прозвучало в этих словах, что можно было не сомневаться — убьет.

Ему никто не ответил. Не закричали, как он предполагал, не позвали на помощь. А погоня приближалась. Вот уже голоса, звон оружия, топот слышались у школьного крыльца.

— Попробуй только пикни! — снова пригрозил бандеровец.

Опять постучали — на этот раз в дверь. Властно и настойчиво. Лесовик поднял автомат, приготовился встретить каждого, кто переступит порог, очередью в упор. В темноте чья-то рука нашла его руку. Тихонько подтолкнула в дальний угол. Он сразу сообразил, что там его не будет видно, если даже дверь и откроют. Подчинился молча — в душе затеплилась надежда, что удастся выпутаться, обмануть погоню.

— Кто? — голос девичий, испуганный и робкий.

— У вас никого нет? Никто не пробежал мимо?

— Не видела... Страшно очень, стреляют... Открыты вам? Скажите хоть, ради бога, что стряслось?

— Не открывайте никому, — посоветовали заботливо с подворья. — Данилу, кажется, бандеровцы убили.

— Данилу?

Стихли шаги, ушли люди, а они все молчали, боялись пошевелиться. Бандит повел рукой в темноте. Ладонь уткнулась в упругое девичье плечо. Девушка отодвинулась, прижалась к стене.

— Дякую красно, — хрипло сказал неожиданный гость. Он спрятал автомат под полу колушка. Крепче надвинул шапку. — Вроде бы уgomонились. Все. Еще увидимся — я твой должник.

— Куда собрался? — опять почему-то испугалась девушка.

— В лес, к своим.

— Все стезжки перекрыли. Поймают тебя, догадываются, где прятался...

Девушка всхлипнула, жалобно зашептала:

— Что я наделала, что наделала? И зачем только приехала в эту глушь?

— А-а-а... так ты новая учительница, — сообразил бандеровец. И строго прикрикнул: — Перестань ныть!

Он остановился у двери, приник к ней, прислушался, яростным шепотом выругался.

— Твоя правда. Из села сейчас не выйти.

Слышно было, как внезапно поднявшийся ветер качает верхушки могучих грабов на школьном дворе да тягуче скрипит расколотый молнией ясен.

— Смотри ты, держится до сих пор... — удивился бандеровец.

— Кто?

— Ясен... Его лет пять назад громовица сожгла, а он, видишь, отошел. Могучий, видать, корень, поэтому и ожил...

— Откуда знаешь?

— Знаю.

Девушка тоже слушала ветер, ночные шорохи, потом спросила:

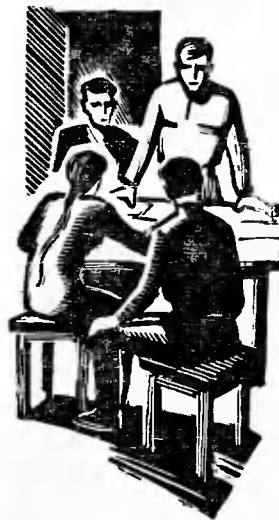
— Что ж, так и будешь стоять в сених?

Лесной гость промолчал. Он не знал, на что решиться.

Учительница тихо открыла дверь в комнату, вышла на свет. Проверила, плотно ли задернуто окно, и позвала:

— Проходи сюда!..

КТО ХОЗЯИН В ЗЕЛЕНОМ ГАЕ?

Через несколько дней снова собрались комсомольцы. На этот раз в хате у Надийки Михайлюк. Пришли десять человек. Ждали еще Олеся Гнатюка, запаздывал хлопец, а почему — никто не знал. Двенадцатым на учете стоял Данила Бондарчук. Его отправили в госпиталь в областной город.

В углу сидел инструктор райкома комсомола Иван Нечай. Инструктор хмурился, нетерпеливо постукивал пальцами по столу.

Надийка скрутила жгутом газету, принялась старательно протирать стекло лампы.

— Закрой сначала ставни, — недовольно проворчал Степан Костюк.

— Боишься? — бросил насмешливо Нечай.

Костюк вспыхнул.

— Голову не хочу задарма потерять.

— Ладно вам, хлопцы, — примирительно вмешалась Надийка. Она вышла из хаты, звякнула прогонычами, вгоняя их в гнезда. Ставни захлопнулись.

Вместе с Надийкой в хату вошли Лесь и новенькая дивчина, заведующая школой. Она смущенно осматривалась, щурилась от света.

— Вот еще одного това-

рища привел, — сказал Лесь, — Мария Шевчук, вчителька.

— Знаем, — отозвались хлопцы и девчата: в селе всегда и все знают, кто приехал и кто уехал.

— Добрый вечер вам, — поздоровалась учительница сразу со всеми. Она сняла цветастую косынку, легонько тронула ладонями волосы. Зарделась под любопытными взглядами парней, чуть повела плечом: ну и смотрите, раз смотрится — вот я, вся перед вами... Какая есть, прошу любить и жаловать.

Красивая дивчина, статная. Прическа у нее новомодная, короткая, как на фотографиях у актрис. Брови стрелками летят от переносицы. А глаза темные, как угольки-жаринки. Такая не одного хлопца присушит.

— Комсомолка? — строго спросил Нечай.

— Да, — ответила Мария. — Вот только на учет не успела встать, школу принимала, не до этого было.

— Идите сюда, садитесь, — гостеприимно пригласила Надийка, освобождая место на скамейке рядом с собой.

Нечай открыл собрание. Как представитель райкома, он на время заменил секретаря. Иван машинально, двумя пальцами под ремень, расправил гимнастерку, вышел на середину горницы.

— На учете в организации состоит двенадцать комсомольцев. Данила Бондарчук тяжело ранен бандеровцами и находится в госпитале. Остальные присутствуют. Какие будут предложения?

— Давай начинай, — солидно пробасил Костюк.

— Кому поручим вести собрание?

— Ты и веди — чего уж там.

— Добре, — кивнул головой Нечай. — Только вначале я хотел предложить вот что. Среди нас находится новый товарищ, Мария Григорьевна Шевчук. Пусть расскажет свою биографию — в коллектив ведь принимаем, а время тревожное, в тех, кто рядом, должны быть уверены.

— Какая там у меня биография. — Мария усмехнулась доброжелательно и чуть снисходительно. —

Ну, родилась... училась... выросла... теперь вот сама учу детей...

— Нет, так не пойдет, — строго прервал ее Нечай. — Мы имеем право знать о вас больше. И это не праздное любопытство, учтите.

— Я понимаю, — Мария Григорьевна чуть развела руки в стороны, будто сказала: вы, конечно, право такое имеете, но что же поделаешь, если рассказывать-то нечего.

— Родители мои живут в Полтавской области. Отец работает в колхозе конюхом. В том селе и я жила все время. В комсомол в школе вступала. Во время войны отец партизанил, в армию его не взяли из-за болезни. После школы поступила в педагогический институт, училась неплохо, выполняла разные комсомольские поручения: была пионервожатой, комсоргом группы. Как учебу закончила, получила назначение во Львовскую область, учительствовала там недолго, вскоре меня перевели в ваше село. Взысканий не имела. Вот, кажется, и все...

— Замужем? — шутливо поинтересовался Костюк.

— Нет, — смущенно засмеялась Мария. — Не успела...

Иван неодобрительно посмотрел на Костюка: дело серьезное, а он шуточки шутить вздумал.

— Еще вопросы будут? Или приступим к прениям?

Была у Ивана странность: приклеилась к нему канцелярско-заседательская терминология. Доля инструктора райкома комсомола известная — командировки, собрания да заседания.

— А что воно так — прения? — удивленно спросил Костюк.

— Обсуждать ту чи иную проблему.

— Ишь ты, проблему... А я думал, Марию Григорьевну.

— Да бросьте вы дивчину мучить, — вмешалась Надийка. — Понятно ведь, кого зря заведовать школой не пришлют.

Нечай сказал, что, поскольку все ясно, Мария

Григорьевна Шевчук принимается на учет в организацию, а он, когда будет в районе, все официально оформит.

— Спасибо вам, — как-то очень по-простому поблагодарила Мария. И неизвестно, кому адресовалось это «спасибо»: то ли Нечаю, избавлявшему ее от хлопот — в район путь неблизкий, то ли хлопцам, доброжелательно принявшим ее в свою комсомольскую организацию.

— Ну, а теперь, товарищи комсомольцы, давайте советоваться, — вновь поднялся Нечай. — Сдается мне, что неправильную позицию заняли мы в вопросах борьбы с националистическими бандитами. Прячемся больше, выжидаем, пока другие с бандюгами воюют, а они нас по одному выбивают. Не годится так! Конечно, каждый помогает как может, в этом отношении я ничего плохого сказать не хочу. Но получилось так, что мы как бы в подполье ушли, вот даже собрание свое втайне от всех проводим. А ведь при своей власти, народной, живем, на своей земле. Кто в конце концов хозяин в Зеленом Гае? В селе не чувствуется комсомольского влияния, и молодежь к нам мало тянется, потому что не знает, чем мы занимаемся. Двенадцать комсомольцев большая сила, если они вместе действуют. Верно я говорю?

— Так-то оно так... — протянул Лесь Гнатюк. — Нам и самим надоело прятаться. А вот что ты предлагаешь?

— Сейчас вопрос стоит так, — Нечай решительно рубанул рукой, — или они нас, или мы их. Только должен сказать, в любом случае бандам конец, и придет он скорее, если каждый выйдет с ними на бой. Хватит, долго терпели! Поэтому райком комсомола предлагает вам организовать комсомольско-молодежный истребительный отряд. Ведь есть еще в селе, кроме комсомольцев, парни, что не побоятся взяться за винтовки?

Хлопцы задумались, задымили сигарками, и клубы сизого дыма волнами поплыли вокруг лампы. То, что предлагал Нечай от имени райкома комсомола, было заманчиво и ответственно. Истребительные от-

ряды создавались из коммунистов и комсомольцев на освобожденных от оккупантов землях. Они охраняли порядок, вылавливали укрывшихся в тайниках полицейских, других предателей, оказывали помощь в борьбе с бандами, расплотившимися во время оккупации.

— Слышал я про такие отряды, — будто размышляя вслух, проговорил Лесь. — Рассказывали люди, в некоторых селах они здорово бандитов пощипали. Пора, наверное, и нам. Сколько там тех бандитов? Жменька, горсточка. Вся их сила на том и держится, что страх стараются на селянина нагнать, назад, в ярмо загнать: пошел на место, было! А селянин, который и от пилсудчиков горя хлебнул и от фашистов с полицией, по их мнению, должен всего бояться. Только не те теперь люди, что раньше. Советская власть помогла им на ноги встать...

— Вот, вот, — подхватил Нечай. — Так кому, как не нам, банды выводить под корень?

— Ты нас не уговаривай, — прервал Нечая Костюк. — Мы и до этого вроде не очень отсиживались. Хоть одна облава обходилась без комсомольцев? Но отряд нам нужен, чтобы бандиты нас боялись, а не мы их. Правильно ставишь вопрос: в Зеленом Гае мы хозяева. И хлопцы есть надежные: Степан Пилипчук демобилизовался из армии, тракторист Шмыгельский в отряд вступит, не откажется и Роман Дацюк, тот, что на ферме животноводческой работает. Оружие надо... А то пока на всех нас три винтовки выдали.

— Оружие будет. Я советовался, с кем положено, обещали на первых порах выделить и инструктора.

— Вот это мне нравится! — возбужденно вскочил Лесь. — Погоняем бандитов!

— Тю ты, оглашенный, напугал, — засмеялась Надийка. — Нас-то в отряд примете?

— Обязательно, сердце мое, — сверкнул белозубой улыбкой Лесь. — Я без тебя никуда... — пошутил парень.

Комсомольцы заулыбались: ни для кого не являлась секретом явная симпатия Леся к русокосой Надийке.

— Значит, я буду докладывать от вашего имени в райкоме о создании истребительного отряда, — подвел итоги Нечай.

Иван напомнил, что теперь всерьез надо браться за воспитательную работу с молодежью. Посоветовал каждому подумать, что он может лично сделать.

— Кажется мне, что нужно нам к хлопцам и девчатам идти, а не заседать, как в подполье. Всю работу в клуб перенесем — там и собрания проводить будем, вечера, лекции. Приглашать следует как можно больше людей, пусть все видят, что комсомольцы хорошее дело делают, не запугал их выстрел в Данилу. Пустует клуб? Знаю, на днях третий заведующий сбежал, значит, нечего на приезжих надеяться, своего назначим...

Нечай говорил горячо, чувствовалось, что не раз и не два продумал все, и комсомольцы соглашались с ним: конечно, не дело оглядываться по сторонам, знали же, на что идут, когда в комсомол вступали. Недаром бандиты расклеивали листовки, запуская молодежь: «Кто заяву в комсомол напишет, тот сам себе смерть пропишет». Читали это, не испугались, так нечего на полдороге останавливаться.

— Делать надо только все по-умному, — перебил Нечая осторожный Костюк. — На бандитский нож никому напарываться неохота.

Нечай согласно кивнул и продолжал:

— Предлагаю на будущей неделе, не откладывая, провести в клубе первое собрание молодежи, чтоб потянулась она на огонек, на живое слово. Лесь играет на баяне? Пусть приходит с баяном в клуб, а не одну Надийку привораживает. Лекцию можно прочесть. Самая грамотная — Мария Григорьевна, ей и слово.

— Ой, хлопцы, какой же из меня лектор! — растерялась Мария. — Народу будет много, собьюсь, запутаюсь, только испорчу все...

Все собрание она просидела рядом с Надийкой. Молча улыбалась порывистости Лесья, серьезно слушала Нечая. И трудно было понять, что думает новенькая о тревожных делах зеленогайских комсо-

мольцев, как относится к важным решениям, которые они приняли. Впрочем, на нее особенного внимания не обращали, понимали: нужно дивчине осмотреться, познакомиться со всеми как следует, а уж тогда и спрос другой.

— Тема есть, — настаивал Нечай. — Расскажите всем про комсомол. Как возник, к чему стремится, как строит свою работу. Это всем интересно. Конечно, если не хотите — дело ваше. Только советую подумать...

В тоне, каким были сказаны эти слова, явственно ощущался холодок.

— Хорошо, — как-то очень поспешно согласилась Мария. И зачастила скороговоркой, будто оправдываясь: — Вы не подумайте чего-нибудь такого... Просто боюсь провалиться с лекцией... А так я не против...

Дальше Нечай сказал, что, поскольку секретарь комсомольской организации выбыл из строя на неопределенное время, райком решил провести переборы. Все согласились: организация не может быть без головы, это ясно. Вот только есть ли замена Даниле Бондарчуку? Нет ему замены. Такого хлопца потеряли! Лежит теперь в областном городе, в госпитале — хоть и вынули врачи бандитские пули, а неизвестно, когда на ноги встанет. Данила партизанил, войну прошел, ни один осколок не царапнул. А тут у родной хаты...

— Эх, — горестно вздохнул Лесь, — без Данилы тяжело будет!.. Бандюги проклятые! Когда все это кончится? — резко повернулся он к Ивану. — Ты в районе сидишь, все знаешь...

— Когда всех бандитов переловим.

— Переловим... — процедил сквозь зубы Степан. — Пока Стафийчуку вольготно живется. Он за нами гоняется. А мы по ночам собираемся, от своих и чужих прячемся...

— Но, но! — посуровел Нечай. — Без паники! Должен понимать: идет классовая борьба, а в любом бою хуже нет, когда паникуют...

Степан только рукой махнул да вздохнул тяжело.

И снова тишина. Думают комсомольцы: кого секретарем? Ошибиться нельзя, нет в селе пока партийной организации, и секретарь комсомола после председателя сельского Совета второй в нем человек. О решении собрания завтра же узнают в лесу, есть у бандитов в селе кое-кто. И новости в лес порой доходят даже быстрее, чем в райцентр. А как узнают в банде — беречься надо комсомольскому секретарю, ой как беречься.

Но не это пугает. Другое тревожит: кто может заменить Данилу? Перед ним и старшие шапки снимали. Лучше Данилы никто крыши на домах не ставил. И песни лучше его никто не пел.

— Надийку в секретари, — предложил вполголоса Лесь.

— Что вы, хлопцы! — засмущалась девушка.

— Надийку в секретари. Правильно! — поддержал Леся Степан.

Девушка совсем растерялась. Опустила голову, топорливо расплетала и заплетала косу. А когда голововали, Надия вдруг почувствовала чей-то пристальный взгляд. Чуть повернула голову — новенькая смотрит, заведующая школой. А поняла, что Надийка заметила ее взгляд, сразу отвела глаза. Странная какая-то, чего испугалась?

— Единогласно, — окинул всех взглядом Нечай. И очень официально сказал: — Поздравляю вас, товарищ Михайлюк!

«Здравствуй, дорогой Данила! Сообщаем, что вместо тебя избрали секретарем Надийку Михайлюкову. Опыта, конечно, у нее нет, как у тебя, зато характер подходящий, даром что тихая. Надеемся, справится. Дела же нам предстоят серьезные. Надо отомстить за тебя — банду будем выжигать из леса. Решили мы сформировать комсомольский истребительный отряд. Бюро райкома комсомола, учитывая наше положение, командировало к нам Нечая надолго. Он и в Зеленый Гай пересе-

лился. Новая учительница школы Мария Григорьевна Шевчук — комсомолка. Так что как было нас двенадцать, так и осталось... Выздоравливай, брате, поправляйся, очень тебя всем нам не хватает.

С комсомольским приветом ребята.

Товарищ Бондарчук! Вопрос стоит остро — укрепить организацию, подготовить ее к решительному бою. Не сомневайся, жизнь проголосует за нашу резолюцию.

Нечай».

Тонко звякнуло стекло. Мария открыла глаза, прислушалась. Стук повторился. Девушка вскочила с кровати, вдоль стены подошла к окну.

— Принес поклон от Стафийчука... — глухо донеслось до Марии.

Отодвинула засов, посторонилась. Ночной гость грузно — половицы жалобно скрипнули — прошел к окну, задернул занавеску.

Зажигая лампу, Мария приказала:

— Отвернись, оденусь.

Посланец Стафийчука восхищенно присвистнул:

— Ну и девка! Не случайно, видно, проводник* у тебя ночью прятался...

Мария промолчала. Она бесшумно передвигалась по комнате, наводила на скорую руку порядок — гостя сегодня не ждала.

Узкие темные брюки плотно обтягивали стройные ноги девушки. Поверх белой блузки накинута кожаная безрукавка — кепталь, отороченная мехом и расшитая красной шелковой ниткой. Красного же цвета и мягкие полусапожки. Таких красивых дев-

* Проводник — главарь провода — бандеровского органа, руководившего деятельностью банд УПА — ОУН.

чат хлопец видел только на сцене Львовского театра, когда однажды ходил в город на связь. В селе девушки брюк не носили. Пусть бы попробовала какая пройти улицей в брючках, из каждого двора на нее бы пальцем показывали, а иные так и плюнули бы вслед — тьфу, нечистая сила!

— Ну говори...

Мария сказала это равнодушно, будто каждую ночь ходили к ней гости из леса. Пришелец удивленно на нее посмотрел. Был это ладный, широкоплечий парень в старом ватнике, обтянувшем плечи, в огромных кирзовых сапогах, от которых на полу сразу остались грязные следы. В руках он держал немецкий «шмайсер» и небольшой пакет.

— А еще он тебе вот что передал, — хлопец протянул пакет.

Мария разрешила шпагат: националистические журналы, листовки, воззвания к населению. Листовки и журналы были отпечатаны, видать, в зарубежной типографии на хорошей бумаге, воззвания размножены на ротаторе.

Девушка сгребла в кучу всю эту продукцию и сунула в печку.

— Молодец, — одобрил посыльный, — добра схованка, не найдут.

— Нечего будет искать... — Мария подожгла листовки.

— Сдурела? — вскочил бандеровец и схватился за автомат. — Да ты знаешь, сколько людей жизнью рискуют, доставляя нам это? За кордона путь дальний, да через облавы...

— Не знаю и знать не хочу! — повысила голос Мария. — А если у меня найдут ваши паперы? Об этом Стафийчук подумал?

Огонь торопливо свертывал в черные ломкие трубочки страницы, тихо потрескивал пеплом. Мария кочергой перемешала золу.

— Клята дивка, — никак не мог успокоиться бандеровец. — Взяла — и в огонь... Что я Стафийчуку скажу?

— Ну, ты, выбирай выражения! — Мария не скрывала, как ей не нравятся и этот ночной визит и посылка из леса. — А Стафийчуку расскажи, что видел.

Бандеровец отложил автомат. На его лице было недоумение, он явно не знал, что же делать дальше.

— Как звать-то? — спросила Мария.

Вспышка раздражения прошла, хотя голос ее был недовольный.

— Остапом, — нехотя ответил парень.

— Устал, наверно? — подобрела Мария. И сама себе ответила: — И чего спрашиваю? Не близко...

— Два десятка километров протопал, — согласился Остап. — Да и если бы по дороге, то еще полбеды, а то стежками...

— Сними ватник, повечеряешь. На рассвете уйдешь.

— Я б и дольше остался, — неуклюже пошутил Остап.

Взгляд его воровато нырнул в глубокий вырез блузки, крутыми бугорками вздыбившейся на груди. Ему нестерпимо захотелось притронуться к ним, вдохнуть забытые запахи домашнего уюта, тепла, женского тела.

Мария перехватила его взгляд, резко сказала:

— Не про тебя, хлопче... — Но слова эти не прозвучали оскорбительно, скорее как дружелюбное предупреждение.

Остап вздохнул, совсем по-домашнему поставил в угол автомат, так ставит косу крестьянин, пришедший домой с сенокоса, снял шапку, и на глаза надвинулась густая копна нечесаных, слежавшихся волос. Хлопец стянул ватник. Мария увидела темную от грязи рубашку, расшитую когда-то радужным узором. Такие сорочки обычно вышивались девочками хлопцам в подарок. Теперь праздничная сорочка поблекла, от неумелой мужской стирки пожелтела и была завязана не веселым шнурочком с кисточкой, а куском шпагата.

— Растопи печку, — сказала Мария. — Или отвык уже от этого?

Остап умело разложил заготовленную растопку. Девушка поставила на плиту ведро, стала собирать на стол. Сдвинула в сторону тетради, учебники, принесла глечик с молоком, завернутое в чистую холстину сало.

В окно громко постучали. Остап резко выпрямился и мягко, чего никак нельзя было ожидать от его большого, неуклюжего тела, метнулся в угол к автомату. В том, как он чуть наклонился вперед, вскинув к плечу автомат, проскользнуло что-то от зверя, привыкшего к постоянной опасности.

Встревожилась и Мария. Торопливо смахнула со стола посуду. Прикинула, не будет ли видно из окна затаившегося Остапа. И только после этого отдернула занавеску.

— Не спите, Мария Григорьевна? — По голосу она узнала Леся Гнатыка. В расплывчатом, сером полумраке угадывались еще две тени.

— К урокам готовлюсь, — спокойно ответила Мария и, отложив в сторону тетрадку, взяла из стопки другую.

Оттуда, из темноты, хорошо было видно и ее и комнату, кроме ближнего угла.

— Не пустите воды-напиться? — спросил Лесь.

— Негоже, когда хлопец к девушке ночью заходит, — после паузы сказала Мария. — Что люди скажут? А водички вынесу...

Через неплотно прикрытую дверь Остап слышал, как Мария выговаривает хлопцам за то, что они блуждают ночью, и как те перебрасываются с нею шутками, рассказывают, что подстерегали связника из леса, да безрезультатно, а то бы они его встретили... Наконец Лесь попрощался, и Мария возвратилась. Остап шагнул к ней, злобно прохрипел:

— И нашим и вашим служишь?

Мария не испугалась, не отпрянула от автомата. Устало сказала:

— Учительница я, понятно тебе? Детей учу. Вот

женишься ты, и твой сын придет ко мне в класс, его буду грамоте обучать...

— На моей свадьбе вороны веселиться будут, — мрачно ругнулся Остап.

— Нельзя так шутить, — выговорила Мария и, наливая горячую воду в миску, scomандовала: — А теперь раздевайся до пояса — мойся, а то запаршивел весь. Да не стесняйся и не бойся — хлопцы по домам пошли...

...Она и Стафийчуку сказала, когда тот вошел в ее комнату: «Учительница я». Стафийчук устало опустился на табуретку, непослушными пальцами достал сигарету.

— Испугалась? — спросил он и, посмотрев на ее безвольно опустившиеся плечи, утвердительно сказал сам себе: «Испугалась». Это успокоило, он привык, что его появление вызывает страх, и знал по опыту: тот, кто боится, становится послушным и покорным.

Но учительница вдруг выпрямилась, резко ответила:

— Мне нечего бояться — зла никому не сделала...

— Ого, да ты, оказывается, с характером!.. — Прикурил от лампы и осмотрелся.

Комната была еще мало обжитой, чувствовалось, что в нее только вселились. Под дубовой лавой, сбитой на века, широкой и устойчивой, лежали чемоданы. Для одежды вбиты гвозди. Посуда громоздилась на табуретке. Но окно уже укрылось веселенькими ситцевыми занавесками, такими же, как и на спинках никелированной кровати, к стене прилажена полка с книгами, портрет Шевченко. На столе фотография мужчины средних лет в гуцулке.

— Кто?

— Знакомый один.

Стафийчук взял в руки фотографию: широкий лоб с ранними залысинами, жилистая шея — тесно ей в узком воротничке гуцулки, равнодушные глаза.

— Где-то я его видел... Нет, не вспомню...

Ужинали молча — говорить было не о чем. Ста-

фийчук ел неторопливо, аккуратно. Пистолет положил на край стола, все время поглядывал на окно, прислушивался к скрипу старого ясеня. Потом начал задавать вопросы, быстрые, резкие, как на допросе:

— Давно приехала?

— В воскресенье.

— Зачем?

— Детей учить.

— Чему?

— Чему меня учили.

— Чему тебя учили?

— Многому, — наивно сказала она, — математике, географии, литературе...

— Я не про то. Сам учитель — знаю. Любви к Украине в том институте тебя учили? К свободной и вольной?..

— Да, — кивнула головой Мария. И спросила сама: — Ну какой ты учитель? Оружие учителя — знания, а не вот это... — указала на пистолет.

Стафийчук встрепенулся и запальчиво сказал:

— Если хочешь знать, я литературу преподавал. Ты тоже?

— Нет, я математик.

Пока Мария мыла посуду, Стафийчук подошел к полке, посмотрел книги.

— «История ВКП(б)», — прочитал он вслух и раздраженно бросил: — Может, ты еще и коммунистка?

— Нет, комсомолка.

— Одно и то же.

— Я с Восточной. У нас вся молодежь — комсомольцы, — не то объяснила, не то возразила Мария.

— Читаешь не те книжки. Я тебе передам такие, которые написаны настоящими украинцами. А то даже ты пропахла восточным москальским духом...

— Подойди понюхай, — внезапно рассердилась Мария; она насмешливо уперла руки в бока и не отводила взгляд, хотя Стафийчук грозно хмурил брови. — Звать только не знаю как тебя, бывший учитель, а то я бы тебе сказала...

— Стасем называй. А що маеш сказаты?

— Пришел в чужую хату и командуешь... Учителем себя называешь, а за стол сел, шапку не снял. Я тебя не спрашивала, кто ты, когда в дом ввалился, не устраивай и мне допросы...

Мария осерчала не на шутку. В запальчивости сыпала словами, незаметно для себя перешла на местный диалект. Стась спросил:

— Говоришь, с Восточной? По выговору — западнянка.

— Работала после института под Львовом.

— Наших там встречала?

Стась оживился. Вопрос, почему его спасла от облавы эта дивчина, комсомолка, заведующая советской школой, не давал ему покоя. Он усиленно пытался найти ответ, но не находил и оттого не знал, как вести себя дальше в этой хате, где читают «Историю ВКП(б)».

— Разные попадались, — насмешливо ответила Мария. И снова сердито нахмурилась. — Опять допрашиваешь... друже Стась?

Это «друже» — обращение украинских националистов — прозвучало столь неожиданно для Стафийчука, что он даже привстал, хотел снова что-то спросить, но Мария не дала ему и рта раскрыть. Резко сказала:

— Давай договоримся: я тебя в гости не звала, вежливой быть не обязана. Если что не по праву: вот бог, — она кивнула в сторону пустого угла, — а вот порог, — и ткнула пальцем на дверь.

— Не будем ссориться, — примирительно согласился и Стафийчук. — А нашу литературу я все-таки тебе пришлю.

Он думал о том, что хорошо бы эту решительную, с таким добрым легальным положением дивчину привлечь на свою сторону. Можно было бы и отсидеться у нее, как сегодня, и жилье использовать для тайных встреч связников — кто заподозрит заведующую школой? Поэтому и не стал допытываться, кто да что, но про себя решил: как только вернется в лес,

сразу же поручит своим эсбековцам * навести о ней справки.

На прощанье Стафийчук протянул девушке руку, бодро сказал: «Ненька Украина не забудет твоей услуги». Мария усмехнулась, неопределенно ответила: «Будем надеяться...»

...И вот теперь от него пришел Остап.

— Стась велел передать, если понадобится что-нибудь от наших — повесь половик проветривать на старый ясень.

Это означало, что и Мария и ее дом теперь будут под постоянным наблюдением тех, кто в селе связан с бандеровцами. Кого?

— Что передать Стасю?

— Скажи: я прошу оставить меня в покое, — резко бросила учительница.

— Как же, так он тебя и оставит... — пробормотал парень уже за дверью.

* СБ — служба безпеки — карательный орган в бандитских формированиях украинских буржуазных националистов. Занималась расправой с непокорными, осуществляла террористические акты, помогала главарям держать в страхе бандитов, запугивать их жестокой расправой, если они проявляли колебания или сомнения. Сами бандиты часто сравнивали СБ с гестапо.

КЛЯТВА
ИВАНА
НЕЧАЯ

— Когда я была совсем маленькой, слышала легенду, которую хочу и вам рассказать. Давно это было, еще в годы революции. То ли под Москвой, то ли на Дальнем Востоке, а может, и здесь, когда рубились наши отцы с белополяками. Один красный отряд попал в тяжелое положение — окружили его враги, свинцовым дождем перекрыли все дороги-пути. И день бились бойцы и второй — патроны кончаются, пороховой дым глаза выедает, лица почернели от усталости, и врагов побили — не пересчитать, но выбраться из ловушки не могут. Велел тогда командир позвать самого молодого и смелого разведчика, о подвигах которого песни слагали. Сказал ему: «Мы погибнем, а тебе поручаем вынести к нашим красное знамя отряда, не должно оно попасть к врагам. Вот тебе последняя граната и пять патронов, больше у нас нет. Уходи и уноси знамя». Обмотал разведчик знамя вокруг тела, попрощался с товарищами, ушел. Только не повезло хлопцу — заметили его белляки, набросились со всех сторон, хотели живым взять. Пятью патронами прикончил разведчик пятерых. По-

том встал во весь рост, поднял над головой знамя, крикнул: «Подходи, кто смелый!» — и когда потянулись к нему вражьи руки, рванул кольцо гранаты. Взрыв разбросал по всей нашей стране капли его крови горячей, упали они на грудь самым честным, самым смелым хлопцам и девушкам и обернулись комсомольскими значками...

Кончила Мария Григорьевна лекцию. В зале тишина. На лавах сидят хлопцы и девушки. У хлопцев по последней деревенской моде вокруг шеи белые шарфы. Девчата сбросили хустыны* на плечи, у каждой до пояса тяжелые косы. Освещают зал несколько ламп, которые раздобыл где-то новый заведующий клубом Лесь Гнатюк. Он с баяном пристроился в уголке, положил руки на мехи, заслушался. На передних рядах чинно — руки на коленях — сидят люди пожилые, уважаемые в селе. Они тоже пришли посмотреть, что затеяла молодежь. Клуб давно пустовал, и всем надоели длинные тоскливые вечера, когда с заходом солнца наглухо закрываются ставни и остаешься один на один со своими думами и заботами. Такие обычаи в селах — на клубные вечера приходят все: и пожилые и малые. И сейчас по углам, на подоконниках, как воробьи на ветках, разместилась шумливая сельская мелкота. За председательским столом — Иван Нечай.

— А в комсомоле всех стригут, как вас? — ехидно спросили Марию Григорьевну откуда-то из задних рядов.

Вразброд, недружно засмеялись. Посуровевший Нечай встал, хотел, видно, что-то сказать, но Мария жестом остановила его: «Сама отвечу!» Она задорно тряхнула короткой прической, вышла из-за трибуны и теперь стояла на виду у всего зала — стройная дивчина, энергичная, коротковатое платье ладно облегает фигурку, и вся она в неверном свете ламп кажется пришлицей из другого, не деревенского мира.

— По голосу слышу — парень сказал. Может,

* Хустына — платок. (Здесь и дальше перевод с украинского.)

встанет, чтобы я хоть посмотрела на того, кто мою прическу приметил?

В глубине зала задвигались, зашумели вполголоса:

— Так встань...

— Да отвяжись ты!..

— Бач, як в темноте языкастый...

— Точно, — весело подтвердила Мария. — В темноте языкастый, при свете трусоватый.

— Ну, я сказал, — не выдержал, наконец, парень. Он встал, выпрямился во весь рост, неловко переминаясь с ноги на ногу; шапка в руках, взгляд исподлобья.

— Не нравится тебе моя прическа?

— Так я ж не про то, а что у всех девчат косы обпатают...

Мария через весь зал прошла к парню, стала рядом, повернула его лицом к себе.

— О комсомоле много небылиц плетут — боятся его или не знают о нем, вот и плетут. Думают, что найдут дурней, которые им поверят. Только нет больше таких. Правда, был до последнего времени один в... Зеленом Гае, да и тот поуменел.

— Ага... — растерянно пробормотал смутившийся парень.

Хлопцы и девчата, внимательно следившие за «ихней» учительшей, весело расхохотались. Мария почувствовала, что зал на ее стороне, понимает и принимает ее, и уже уверенно, озорно посоветовала парню:

— А вот тебе бы постричься не мешало. Вон как оброс...

Парень смущенно сопел, переминался с ноги на ногу. Он уже был не рад, что связался с этой острой на язык учительницей, перед всем селом опростоволохился.

— Ну, а что касается причесок, — уже серьезно сказала Мария, — так я вот что скажу: каждая дивчина должна носить ту, которая ей больше всего к лицу. Понятно?

— Какие еще будут вопросы? — спросил Нечай.

Вопросов было много. О том, как принимают в комсомол. И обязательно ли комсомольцам вступать в колхоз? Как комсомол на любовь смотрит? И можно ли у комсомола получить путевку, чтобы поехать учиться в город?

Мария отвечала неторопливо, обстоятельно. Лекция давно кончилась, и шел уже тот непринужденный, доверительный разговор, который можно вести только с умным и серьезным собеседником. Мария раскраснелась, оживилась, отбросила привычную сдержанность, находила удачные слова, пересыпала свою речь народными поговорками. Хлопцы и девчата окружили ее плотным кольцом. Особенно тянулись к учительнице девушки. Не одна, наверное, подумала, что и она могла бы быть такой же энергичной, толковой, как ее ровесница-учительница, вот только бы образования побольше.

Нечай тоже покинул председательское место. Он теперь стоял в кружке молодежи, рядом с Марией, иногда подсказывал ей, как правильно ответить.

Иван в душе удивлялся. Ишь ты, не такая уж она тихоня, эта новая учительница! И историю комсомола знает неплохо и с молодежью умеет разговаривать. Инструктор райкома был доволен — лекция, на которую комсомолцы возлагали столько надежд, явно удалась. А поволновался он немало. Клуб в селе давно уже не работал, пустовал, молодежь охотнее собиралась на посиделки «на дубки». Поэтому еще днем Надийка наказала всем комсомольцам, чтоб не только сами пришли на лекцию, но и всех приятелей привели. А Лесь засветло сел на крылечке клуба, растянул мехи баяна.

Появились хлопцы из недавно сформированного истребительного отряда. Им поручили нести охрану, но так, чтобы это не бросалось в глаза. Поздоровались ребята с Лесем и разошлись в разные стороны — никто теперь не подойдет к клубу незамеченным. Ранение Данилы многому научило, в том числе и осторожности.

— Сыграй, Лесю, мою любимую, — попросила На-

дийка и чистым звонким голоском попыталась уговорить «мисяченьку не свитыть никому».

Пришла Мария Григорьевна. Она просматривала исписанные листки бумаги, беззвучно шевелила губами — что-то повторяла.

Потянулись минуты ожидания. Придут... Не придут... А вдруг действительно не придет молодежь в клуб?

В Зеленом Гае в клуб собираются поздно, когда солнце укатится за горизонт. Вечером по хозяйству много дел. Надо встретить скотину с пастбища, подоить коров. И только когда совсем стемнело, к клубу потянулась молодежь. Хлопцы и девчата сперва оставались неподалеку, щелкали неизменными на деревенских посиделках семечками, перекидывались шуточками, с насмешкой поглядывали в сторону клуба.

Лесь отложил баян, гостеприимно распахнул двери.

— Проходите, не стесняйтесь...

Он первым вошел в пустой еще зал и заиграл что-то веселое, такое, что ноги сами начали выбивать дробненький гопачок. А когда танцы были в разгаре, вышел на сцену Нечай и громко объявил: «Мария Григорьевна Шевчук прочитает лекцию о комсомоле».

Марию Григорьевну сперва слушали больше из вежливости — новый человек, пусть себе говорит, закончит — опять потанцуем, — но потом заинтересовались: учительница говорила просто, доходчиво, сама увлеклась и слушателей сумела увлечь.

— Понравилась лекция? — обратился ко всем Нечай.

— Понравилась, — ответили ему.

Потом кто-то спросил:

— А что еще будет в клубе?

— Про то расскажет вам Лесь Гнатюк. Комсомольская организация назначила его заведовать клубом.

— Ого! Это ж выходит, Лесь в начальство выбился...

— А ведь правильно — на баяне хорошо играет...

— Так у него ж образования пять классов...

— Зато хлопец хороший, — вступилась за Лесьа какая-то дивчина и застеснялась, спряталась за подружек.

Лесь, смущаясь своей новой роли, довольно толково рассказал о планах комсомольцев. И еще сообщил: решили они добиваться, чтобы открыли в селе пятый и шестой классы вечерней школы, тогда каждый сможет учиться.

— Приходите в клуб, — приглашал Лесь, — кружки художественной самодеятельности организуем, концерт дадим...

Марию Григорьевну провожал домой Нечай. Шли молча. Окунулся Зеленый Гай в ночь. Небо лохматой шапкой нависло над селом — прямо над головой иссиня-черное, а по краям размытое отблесками ушедшей зари.

— Не думал я, что вы так хорошо лекцию прочитаете, — нарушил молчание Нечай.

— Недаром же меня четыре года в институте учили, — ответила Мария.

Ночью голоса далеко слышатся, поневоле хочется говорить тихонечко, только для того, кто рядом, и от этого вплетается в разговор доверительность.

— И только? Чтобы так рассказывать о комсомоле, его надо любить.

— Знать, хотите вы сказать?

— Нет, — настаивал Нечай, — именно любить. И еще что-то для этого нужно, ну, талант, что ли. Вот у меня, — огорченно признался он, — не получается так. Хотя и знаю я историю комсомола и для меня в нем вся жизнь — получал я билет в партизанском отряде, а вот не смог бы так говорить, как вы, — слушает меня молодежь с холодком. Вижу, как иногда отскакивают от людей мои слова. Не доходят...

— Это оттого, что вы жесткий, колючий, на всех с недоверием смотрите. Вот и на лекции — сидите отдельно от всех: неприступный, брови грозно сдви-

нуты, будто ждете, что сейчас, сию минуту, произойдет что-нибудь неприятное.

— А вы думали, не ждал? В том зале сидели и такие, что со Стафийчуком одной веревочкой связаны. Это и есть классовая борьба. Резолюции в ней прописывают автоматами!

— Нельзя всех подозревать, Иване, — убежденно сказала Мария. — К людям надо идти с открытым сердцем. Ненависть ослепляет. От любви вырастают крылья.

— Вы случайно не из сектанток? — едко поинтересовался Нечай. — И возлюбил ближнего своего? Любовь... Крылья... — зло рубанул рукой инструктор райкома комсомола.

Он внезапно остановился, схватил Марию за плечи, повернул к себе, заговорил горячо, больно:

— А вы видели девочек, растерзанных бандитами? Я видел. Приехала в село девчоночка, библиотекарка, только приехала, добрая, с открытым сердцем, книжки людям по хатам носила, упрасивала: «Почитай-те. Как вы можете жить, не прочитав «Фата моргана»? А над нею надругались, глаза выкололи и книжки в ее комнатухе кровью забрызгали. Слышали вы, как дети оплакивают отца? Вчера еще под потолок их подбрасывал, пестовал, а теперь лежит с пулей в спине, а ребятишки никак его не разбудят, плачут, и мать им ничего сказать не может, потому что мать тоже звери убили. Слышали вы это, видели? И вы хотите, чтобы я слова про любовь говорил? К кому? К врагу, к кату?

Мария осторожно сняла с плеч руки Нечая, отодвинулась в темноту.

— Я не о том, Иване.

— Так я о том! Ненавижу! Ненавижу и буду стрелять в каждого, кто на дороге у людей становится!

— Вдруг ошибетесь?

— Мне совесть моя подскажет.

— Смотрите, Нечай, — холодно сказала Мария. — И совесть может ошибиться. Да и кто вам дал такое право — стрелять в каждого, судить от

имени своей совести, верить только себе? Вам доверили многое — вы же озлобились, ожесточились...

— Не понимаете вы меня!

— И не пойму. По-другому думаю!

— Тогда не о чем нам разговаривать. Одно только скажу: поклялся я вот эту гимнастерку, — Нечай хлопнул себя ладонью по груди, — не менять на сорочку вышиванную до тех пор, пока хоть один бандеровец в округе землю топчет.

— Землю родную не один вы любите.

Иван замолчал. Они уже давно пришли к школе и теперь стояли у плетня. Мария неприятно поглядывала на темные окна комнаты — неудобная она, и, когда заходишь, будто весь мир остается где-то там, за порогом.

— Странная вы, Мария Григорьевна. Когда вы о комсомоле рассказывали — понимал вас, сейчас же — нет. Рассудочная вы какая-то, и хоть говорите о любви к людям — не верю...

Учительница насторожилась. Значит, прозвучали где-то неискренние нотки. Где ошиблась: в клубе ли, в разговоре? И в чем? Плохо, очень плохо, Мария! И жаль, что Иван не понял ее. Партизанский характер у Нечая — с таким и до беды недалеко. И ей, Марии, такие разговоры ни к чему: Иван только по виду простоватый, а так — пальца в рот не клади.

На следующий день все село говорило о вечере, организованном комсомольцами, и еще о том, что перед самым рассветом кто-то сорвал с клуба красное знамя, разорвал в клочья и втоптал в грязь.

**КАЖДЫЙ
ДОЛЖЕН
СДЕЛАТЬ
СВОЙ
ВЫБОР**

Ночью снова раздался тихий стук в окошко. Мария, не спрашивая кто, приоткрыла дверь,пустила ночного гостя. Стафийчук вежливо поздоровался, пожелал учительнице доброго вечера.

— А как же будет он добрым, если каждую неделю из леса навещают, — недовольно проговорила Мария. — Ну проходи, садись.

Стафийчук прошел в комнату, снял козушок. Был он невысокого роста, лицо молодое, а избородили его морщинки, время припечатало под глазами гусиные лапки. Поредевшие русые волосы, глубокие залысины придавали Стафийчуку сходство с деревенским фельдшером. Он не был ни чубатым красавцем, ни обросшим верзилкой, как рассказывала о нем сельская молва. Именем Стафийчука матери детей пугали, слухи о его кровавых подвигах быстро обрастали подробностями, и народ создал свой образ бандита, который никак внешне не походил на усталого человека, пришедшего к Марии. Но народ редко ошибается: в глазах Стафийчука проглядывала жестокость, в порывистых, резких движениях — недю-

жинная сила, и можно было предположить, что он и вынослив, и хитер, и коварен. Рассказывали, что бандит очень богомолен и сентиментален. На стенах лесного бункера висят его творения — пейзажи с белыми мазанками, вишневыми садовками и голубыми додури прудами — художник-недоучка, возомнивший себя «освободителем». Если творил расправу над сельскими активистами в лесной чаще, обычно предлагал помолиться перед смертью, в ответ на отказ сокрушенно покачивал головой: «Забыли мы про бога», и безжалостно вспарывал животы, резал звезды на спинах, прикрываясь именем господина и «самостийной» Украины.

Такой вот человек был гостем Марии Шевчук. Бандеровский проводник начал велеречиво, с благодарностей.

— Хлопцы рассказывали, как ты им помогла... Дякую от имени проводка!

— Почему хлопцы? Тебя что, не было?

— Ходили в рейд, оставалась здесь только часть наших, если б не ты — переловили бы их, как зайцев в силки. Вот сам пришел щирю подяку выразить.

Мария привычно проверила, плотно ли зашторено окно, поставила на стол глечик с молоком, окраец хлеба, положила чистый рушник.

Стась зорко осмотрел комнату, но взгляд его не нащупал ничего подозрительного. Он по-хозяйски — жалобно скрипнули половицы под тяжелым шагом — прошел к столу, присел на стул. Автомат проводник положил рядом.

— Садись и ты, — пригласил Марию.

— Я в своей хате, — ответила девушка, но покорно пристроилась на краешке стула. «Так и должно быть, — отметил Стась, — боится: побледнела, глаза беспокойно бегают, голос дрожит, вялый, беспомощный».

— Пришел, как и обещал, чтобы поговорить с тобой о том, что дорого каждому украинцу, — немного торжественно начал проводник. — Настоящему украинцу... — подчеркнул он.

— Может, не надо таких разговоров? — спросила

Мария. — Не доведут они до добра, сердцем чувствую.

— Кто же тебя так напугал, дивчино? — Стась картинно откинулся на спинку стула. — Кто тебе внушил, будто с нами нельзя говорить откровенно? — В словах проводника звучало искреннее удивление, недоумение.

Мария глянула на него настороженно, нерешительно спросила:

— Ты в Данилу стрелял?

— Я, — подтвердил Стась.

— Ну вот, видишь, как получается: Данила на комсомольском собрании против вас выступал, ругал — ты и решил с ним спорить с помощью автомата.

— Данила враг наш, а с врагом один разговор — смерть.

— Вот я и думаю: скажу что-нибудь не так — ты и со мной поступишь, как с Данилой... Нет уж, как в таких случаях умные люди говорят: моя хата с краю...

— Так ты совсем другая — не ровня Даниле... Уже мои люди во всей округе знают, что ты мне жизнь спасла.

— Этого еще не хватало, — совсем приуныла Мария. — Теперь у меня только один выход: уезжать отсюда немедленно.

— С чего бы это? — удивился проводник. — Я ведь о твоей безопасности забочусь. А то вдруг какой-нибудь ретивый «боевик» надумает свести счеты с советской учительницей.

— Не надо было этого делать, Стась, — Мария сказала это твердо, уверенно. — Получилось так, что помогла я тебе... Так зачем же про то болтать по всей округе?

Стась недовольно поморщился, его, видно, обидел этот неожиданный выговор. Он хотел было сказать, что не сопливой девчонке учить его, прошедшего многолетнюю школу борьбы, конспирации, но сдержался, терпеливо объяснил:

— Знают только наши доверенные люди. Их к

стенке ставь — слова не выдавишь. А предупредить следовало — действительно, могут не разобраться и отправить тебя на тот свет.

— За что? — Мария зябко передернула плечами, плотнее закуталась в широкий платок, накинутый на плечи. — Я ведь никому ничего плохого не сделала.

— Ты школой советской руководишь, комсомолкой являешься. — Стась многозначительно помолчал, потом строго спросил: — Чему детей учишь?

— Грамоте, вот чему.

— Не только. Наверное, рассказываешь им про Советскую власть, всякие коммунистические идеи ребятишкам вдальблываешь...

— Учю их тому, что предусмотрено программой. — Девушка решительно встала, давая понять, что спорить на эти темы не хочет.

— Сядь! — потребовал проводник. — Наш разговор только начинается. Если ты любишь свою Отчизну, должна воспитывать у детей любовь к Украине.

Мария немного помедлила с ответом. Она отвернулась к окну, и лица ее не было видно. О чем думает дивчина? Может быть, о том, что там, за окном, Украина, поля ее, заводы, росистые разливы лугов, необъятные поля пшеницы, горы буковинские и степи таврийские?

Сказала Мария:

— Ты прав, Стась, обязан учить каждый педагог своих питомцев любви к Родине...

— Согласна? — обрадовался проводник. — Я знал, что ты все поймешь.

— Когда была я совсем маленькой, отец любил водить меня осенними вечерами к реке. Стояли мы на круче, а высоко в небе тянулись к южным краям журавлиные ключи, и далеко вокруг слышалось их тоскливое курлыканье. «Слышишь? — спрашивал отец. — Журавли плачут. Ненадолго родину покидают, а плачут...» И еще он мне говорил, что не может человек без родины...

— Настоящий патриот твой отец, — одобчительно кивнул Стась. — На таких наша земля держится.

— Твоя правда, — охотно подтвердила Мария. — И когда пришли на нашу землю гитлеровцы, взял мой тато автомат и подался к партизанам...

По лицу Стася скользнула тень. Он нахмурился, сердито свел брови.

— Значит, ты из партизанской семейки.

— А чем тебе это не нравится? Партизаны с оружием в руках боролись за счастье Отчизны, защищали ее от лихого врага.

— В союзе с москалями...

— Сказала уже: не хочу на эти темы с тобой спорить. Все равно не поймем мы друг друга. И есть для меня только один выход — уехать из Зеленого Гая, раз натворила столько глупостей.

— Никуда ты не уедешь, — отрубил Стась. — Ты нам здесь нужна.

— Кому это «нам»? — учительница вскинула брови.

— Тем, кто не щадит ни сил, ни жизни в борьбе за великие идеи!

Главарь банды настроился на торжественный лад, заговорил о борьбе за самостийную державу, «свободную от коммунистов и москалей». Он умело подтасовывал факты, искажал события, в его рассказе бандеровцы выглядели чуть ли не великомучениками за народ — непонятно только, почему их именами детей на селах пугают. Мелькали обильно слова «любимая», «единственная», «прекрасная» в сочетании со словом «Украина», и опять-таки было непонятно, как можно истязать и грабить ту, которую называешь «единственной» и «прекрасной». Особенно часто мелькало слово «самостийность» — его Стась повторял как заклинание.

Проводник говорил долго. Он пустился в исторический экскурс, изложил воззрения видных националистических идеологов, помянул и «славных лицарей», которые оружием утверждают их идеи на украинской земле.

— Ничего я действительно не понимаю, — тоскливо, очень безнадежно махнула рукой Мария. — Вот ты говоришь: герои... А люди твоих хлопцев бан-

дитами называют — они хаты жгут, детей и тех не жалеют...

— Террор нас никогда не пугал, — опять принялся объяснять бандеровец. — Больше того, сейчас это единственное реальное для нас средство борьбы. Пусть горят села, пусть дым затягивает небо — история нас простит.

— Нет! Историю создает народ, а народ никогда не прощает причиненного ему зла.

— Браво, учительница! — насмешливо захлопал в ладоши Стась. — Оказывается, ты тоже умеешь дискутировать!..

— Говорю, что думаю.

— Заметил уже. Потому и прощаю злые слова в наш адрес. Не от ненависти они, а от непонимания целей нашей борьбы. Верю, что ты будешь с нами! — торжественно провозгласил он.

— Нет, Стась, — твердо ответила Мария. — Единственная моя мечта — жить спокойно, учить детей добруму и разумному.

Стась насупился, замолчал, нервно барабанил пальцами по столу. Ему-то казалось, что привел убедительные аргументы, доходчиво и популярно изложил основы бандеровской веры. И вот никаких результатов: то ли не верит ему эта учительница, то ли запугана и потому стремится держаться подальше от таких, как он. Твердит как заводная: «моя хата с краю». Наверное, считает, что для нее лучший выход — сидеть тихо и мирно, ни во что не вмешиваться. Только ничего не выйдет у нее с таким нейтралитетом. Не стал бы он, Стась, тратить на эту дивчину столько времени, если бы не важные для того причины.

Самый веский аргумент, размышлял Стафийчук, — это пуля. Жаль только, нельзя им воспользоваться в данном случае, учительница очень нужна ему, Стасю, для осуществления некоторых будущих планов. Она и сама еще не понимает, как крепко привязала себя к сотне и тем, что об облаве предупредила, и тем, что в трудную минуту проводника у себя укрывала.

Ничего, Стафийчук подберет к ней ключи. И не таких обламывали. Какое ему в конце концов дело, с верой ли в идею самостоятельности будет выполнять его приказы или нет? Важно, чтоб со страхом, с постоянной мыслью о мучительной смерти, если изменит, выдаст.

В окно трижды постучали: два раза подряд и после паузы еще раз.

— Мне пора, — поднялся проводник. Он щелкнул предохранителем автомата, вскинул его на плечо. Уже с порога сказал: — Мы еще встретимся, наш разговор не окончен. А пока хорошенько подумай над тем, что я тебе говорил. Предупреждаю: у тебя только два пути — или с нами, или против нас. И хотя ты спасла мне жизнь — забуду про это, если только вздумаешь снюхаться с нашими врагами.

— Снюхаться? — переспросила Мария. — Ну и лексикон у тебя, Стась, давно таких словечек не слышала... Значит, решил со мной не церемониться? Тогда зачем было так долго топтаться вокруг да около? Впрочем, — учительница говорила тоскливо и покорно, — получаю то, что заслужила, — за страх всегда платят дорогой ценой...

Провожая Стася до двери, она думала о том, что проводник один никуда не ходит, даже к ней навещался с телохранителями, и, пока рассуждал о соборной, самостоятельной державе, автоматы бандитов стерегли каждую тропинку к ее дому.

«НАЗОВЕМ ТЕБЯ ЗОРЯНОЙ...»

Стафийчук снова и снова посылал связников, и Мария чувствовала, что даже днем и она и дом ее находятся под неусыпным наблюдением. Потом Стафийчук снова лично пожаловал к Марии. На этот раз его сопровождал высокий хлопец с багровым рубцом на левой щеке. Пока Стась разговаривал с учительницей, он неподвижно сидел на лаве, положив на колени автомат.

— Надумала? — уже с порога спросил проводник. Он торопился и не хотел терять время на пустые разговоры.

— Не для меня это, Стась. Я учительница, и единственное, о чем прошу, не впутывайте меня в свои дела. Темные они у вас, как лес, в котором прячесь от людских глаз.

— Ого, вон ты как заговорила! — глаза бандитского главаря злобно блеснули. Он оглянулся на телохранителя, и тот, сняв с колен автомат, равнодушно откликнулся:

— Стрелять не будем — шуму много. Я удавку на всякий случай прихватил, будто знал, что понадобится...

Удавка — бандитское изобретение. Человек, на ко-

того она набрасывалась, прощался с жизнью мучительно и безмолвно. Мария вздрогнула, попятилась к стене. Бандеровцы пристально следили за каждым ее движением. Стафийчук уловил во взгляде загнанность, безысходность и удовлетворенно усмехнулся. Так лучше. Похорохорилась, а на поверку оказалась, как все: когда заставляют поцеловаться со смертью, готова на колени стать.

Но Мария переборола себя. Она вдруг выпрямилась, и во всей ее хрупкой фигурке появилась такая решительность, что бандеровцы изумленно переглянулись. Учительница презрительно бросила:

— Думаешь, испугалась? Я тебе не Горпина с хутора глухого, которой ты пистоль под нос сунешь, и она уже пятки лизать будет.

Бесстрашно подошла к тому, что сидел на лаве.

— Ну, набрасывай свою удавку...

Телохранитель вопросительно посмотрел на проводника. Тот незаметно для Марии жестом приказал: пока не трогай, повремени. Спросил:

— Что заставило тебя протянуть мне руку помощи? — Несмотря на высокопарный тон, вопрос звучал издевательски.

— Сама не знаю. Сперва перепугалась, а когда пришла в себя, уже поздно было что-нибудь делать — все равно подумали бы, что тебя прячу. Но сейчас я бы тебя спасти не стала, нет! — Мария в ярости топнула ногой.

— А второй раз, когда сообщила про облаву?

— Ну что ты все пытаешься? Думаешь, дурачок? А если бы тебя поймали и пытали про ту ночь? Где бы я сейчас была?

— Ага, понимаешь, связаны мы с тобой одной веревочкой. Советы тебе не простят то, что сделала. По их понятиям, ты уже стала нашей пособницей. У нас же, — опять перешел Стась на возвышенный тон, — национальной героиней станешь. Центральный провод там, за кордоном, про тебя узнает. Наши поэты вирши о тебе будут писать... Видно, прошлый раз ты меня не поняла, потому еще раз повторю.

Станный это был разговор. Глухой ночью, за зашторенными, чтобы и полоска света не пробилась, окнами, жестокими угрозами и сладкими посулами вербовали бандеровцы в банду молодую учительницу. И наконец, бандит выложил свой последний, жестокий аргумент.

— Тебя мы не уьем, — он пренебрежительно махнул рукой: мол, на кой ляд нам твоя смерть? — Но ты такой жизни тоже не порадуешься. Детей, говоришь, любишь? Как пуценят перестреляем твоих учеников в случае чего. Они будут отвечать за твою верность нам или твое предательство...

Мария бессильно опустила на стул. Она готова была умереть сама, но чтобы погибли дети? Разве можно такое допустить? Стафийчук пристально следил за нею и, конечно, догадался, о чем думает. Решительно подтвердил еще раз:

— Не сомневайся — перестреляем!

Стась не случайно так настойчиво добивался согласия Марии на вступление в банду. В последнее время он и его сообщники попали в отчаянное положение. Банду сильно потрепали истребительные отряды. Облавы следовали одна за другой. После каждой росли потери. А пополнения ждать неоткуда. По подпольным каналам связи шли из-за границы оружие, деньги, пропагандистские материалы. «Боевиков» же предлагалось вербовать «на землях», то есть на территории Украины. Но селяне не хотели идти к бандеровцам. Так прямо в лицо им и говорили: «Краще смерть». Некоторых бандиты убивали. Другие сами брались за оружие — вступали в «ястребки».

Стафийчук знал: в окрестных лесах отсиживаются, затаились мелкие группы бандеровцев, давно уже превратившихся в обыкновенных грабителей с большой дороги. Но связи с ними не было. Трудно стало курьерам Стася пробираться тайными тропами: их ненавидело население, вылавливали сельские активисты и без лишних слов волокли в милицию. Совсем недавно провалился один из самых надеж-

ных мертвых пунктов*. И почему? Ребятишки, эти чертенята в красных галстуках, высмотрели.

А связь необходима. Не только с краевым проводом (она пока действовала надежно, вели ее опытные конспираторы), с другими группами националистов. Недавно получен приказ центрального провода о проведении операции «Гром и пепел». Приказ категоричный: осуществить операцию в ближайшее время, не останавливаясь ни перед чем. Что им, закордонным вождям, до трудностей Стафийчука? А где взять силы, чтобы осуществить такое рискованное дело? Выход только один: объединить разрозненных «боевиков», подчинить единому командованию. И чем скорее, тем лучше: не ровен час останешься командиром без солдат, загнанным волком будешь кружить по лесным буеракам. И для всего этого нужен человек, который бы свободно передвигался по селам и хуторам, вязал порванные нити. Мария очень подходит для этой задачи. Если ее как следует вышколить, разумеется. Стась навел справки: Мария Григорьевна Шевчук действительно закончила педагогический институт, работала под Львовом. Ее родители проживают в Полтавской области, отец — колхозный конюх, мать — дома. Живут небогато. Мария ничем не обязана Советам, и нечего ей за них цепляться. Да и условия для вербовки подходящие.

— Все поняла?

Он подошел поближе, чтобы видеть ее лицо. В глазах учительницы не было слез, не было и ненависти — смотрели трезво, как смотрит человек, уверовавший в силу другого человека. Стасю это понравилось: «расчетливая».

— Что надо делать? — спросила Мария. Потом вдруг опять вспыхнула, бросила зло: — А эту ночь я тебе припомню!

— Вот это другой разговор! — Стась облегченно

вдохнул, пошутил: — Будут у нас еще ноченьки впереди, рассчитаешься.

Телохранитель тоже усмехнулся. Нарочитая, настоженная дрема спала с него, он захлопал по карманам, нащупывая кисет.

Стафийчук долго и подробно инструктировал Марию. О средствах связи, опознавании его людей, которые будут приходить, о том, что надо делать, если возникнет срочная необходимость связаться с ним. Под конец, вспомнив, заулыбался:

— Рассказывали мне, как ты лекцию читала... Талант! Говорят, даже старики заслушались. Правильно! От комсомола не отрывайся, все их поручения выполняй — чтобы никаких подозрений. Нас можешь лаять и хаять как вздумается — не убудет. За колхоз агитируй, лекции читай — надо, чтобы тебе верили...

На прощанье опять не удержался от патетики:

— Придет время, и твое имя прогремит по всей Украине. Лучшие сыны народа будут произносить его с благоговением...

Телохранитель притушил сигарку и смачно плюнул на пол. Стась покосился на него неодобрительно и деловито, буднично закончил:

— Мы назовем тебя Зоряной. Сам кличку для тебя выбрал.

...С этой ночи легла тропка между домом Марии и лесом. Приходили люди Стася, передавали поручения проводника, учили Марию «тайнам» лесной борьбы. О разном говорила с ними учительница: о жизни в лесу, о прошлом, иногда расспрашивала о проводнике. Лесные «инструкторы» благожелательно — Стась предупредил, чтобы были внимательными к только что завербованной учительнице, — удовлетворяли ее любопытство. Конечно, не вдаваясь в особые подробности. Смеялись: «Видно, понравился тебе наш проводник...» Один расскажет одно, другой — другое...

Стась к обучению Марии отнесся весьма ответственно. В его планах она занимала важное место, потому и не жалел ни сил, ни времени. Радовался

* Мертвый, или контактный, пункт — у бандеровцев тайник для подпольной почты.

про себя: «Добрый курьер выйдет из этой дивчины». Иногда тоже сбрасывал вечную подозрительность и вспоминал прошлое. Мария умела слушать, восхищенно ахала, когда повествовал проводник о своих «подвигах», сокрушенно вздыхала, если речь заходила о лишениях. Кажется, она окончательно примирилась со своей участью.

«Сообщаю некоторые сведения о проводнике. Станислав Омелькович Стафийчук (псевдо — Ярмаш), 1914 года рождения, из семьи греко-католического священника. Рано, в возрасте 15 лет, примкнул к бандеровско-националистическому движению. Получил образование во Львове, недолго учительствовал в Зеленом Гае. Исчез из Зеленого Гая в 1935 году. Некоторые его сообщники утверждают, что он отправился в Берлин, для обучения в Центральной академии ОУН. В период раскола** решительно поддерживал Бандеру, с которым лично знаком. На Украине вновь появился в 1941 году. Командовал сотней УПА. Принимал участие в расправе над крестьянами села Старого и в других карательных акциях бандеровцев против мирных жителей... Гор ли н к а».*

* Псевдо — псевдоним, подпольная кличка у бандеровцев.

** Имеется в виду борьба за власть в ОУН между Мельником и Бандерой. Мельник, который возглавлял ОУН, недостаточно поворотливо выполнял приказы гестапо. Бандера с кучкой приближенных и с помощью все того же гестапо подготовил «переворот» и захватил власть в ОУН. В преддверии войны гитлеровцы наводили «порядок» среди своих прихвостней.

НЕЖЕНКА, МАМИНА ДОЦЯ

Мария действительно предупредила банду об облаве. Вот как это было. Шел урок. Мария не спеша диктовала условия задачи. Белоголовый хлопчик топтался у доски.

— Пиши, Васылько: в селе пятьдесят крестьянских дворов и пять хуторов. Пятьдесят дворов имеют наделы по три гектара. У хуторов по пятьдесят гектаров. Требуется узнать, сколько пахотной земли в среднем приходится на двор и сколько гектаров земли будет в колхозе, если крестьяне решат его создать...

Васылько стучал мелом, выписывая цифры, раздумывал над сложной задачей. А Мария между тем думала о своем. Связной от Стася приходил дня три тому. Поручение принес мелкое, не стоящее того, чтоб из-за него ноги бить. Скоро ли Стась сочтет «обучение» окончанным? Все проверяет...

— Значит, так: перемножаем три на пятьдесят и пять на пятьдесят, потом все складываем... — Васылько вдруг перестал писать и понимающе протянул: — Эге, так в нашем селе землю еще в прошлом году поделили. Мария Григорьевна, это про нас задача, да?

Мальчик доверчиво, ясными глазами смотрел на учительницу.

— Молодец! А теперь узнай, сколько будет земли в колхозе...

— Моя ненька не хочет в колхоз вступать, — подняла руку Наталка Максимчукова. — С татом весь вечер спорят и спорят...

И весь класс принялся живо обсуждать вопрос, чьи родители уже вступили в колхоз, а чьи нет.

Василько тем временем аккуратно выписывал цифры:

— У колхоза будет четыреста гектаров пахотной земли...

— Ого! — удивились ребята. — Добре хозяйство...

— Есть колхозы, у которых и по восемь и по десять тысяч гектаров, — сказала учительница.

Дверь тихонько приоткрылась, в класс заглянул Иван Нечай, поманил Марию. Он сообщил, что сегодня ночью организуется облава на банду. Все комсомольцы Зеленого Гая будут принимать в ней участие. Сбор в десять часов в сельсовете. Иван был возбужден, спешил.

— Ну что ж, желаю удачи!

— А вы разве не пойдете? — удивился Нечай. Мария смущенно улыбнулась, развела руками.

— Ну какой из меня вояка? Я и винтовку в руках не держала. Только мешать буду. Да и к завтрашним урокам готовиться надо...

Инструктор райкома, слушая, хмурился все больше и больше.

— Вы неправильно понимаете свои задачи на селе, — резко сказал он. — Если думаете, что на современном этапе классовой борьбы учитель может остаться в стороне, то глубоко ошибаетесь, уважаемая Мария Григорьевна!

Густой румянец медленно заливал лицо Марии, пятнами перекидывался на шею. Эти пятна — расплывчатые, крупные — вызывали жалость. «Неженка, мамина дочка», — презрительно подумал Нечай.

— Так я и рада бы с вами... Но не гожусь я для

таких дел. Еще отстану где, вам же морока... — оправдывалась Мария.

Девушка вертела в руках мелок. Пальцы покрылись белой мукой. Тоненькие пальчики с синими пятнами от чернил. И вся она: хрупкая, в белоснежной блузке, утонувшая в огромных сапогах — прошли весенние дожди, и дороги поплыли лужами, — производила впечатление неприспособленности, вызывала жалость.

— Ладно, — махнул рукой Нечай, — сами справимся. Но об облаве — никому ни слова...

— Нет, нет, что вы! — обрадованно и облегченно закивала Мария.

Она возвратилась в класс, строго прикрикнула на расшалившихся ребят, дала задание на дом.

— На сегодня хватит.

— Так не все ж задачи решили, — разочарованно протянул Василько.

— В следующий раз.

Дома Мария разобрала, наконец, свои чемоданы, развесила на заборе, чтобы прохватил свежий ветерок, кое-что из одежды. Долго и звонко выбивала половик, посмотрела, куда бы его пристроить, потом небрежно бросила на ветку старого ясеня. «Хозяйственная у нас учительница», — делилась с соседками впечатлениями хроменькая баба Кылына. Едва стемнело, она заторопилась к кромке леса.

ЗОРИ
ГОРЯТ
ВПОЛНЕБА

Над лесами плыли весенние туманы. С вечера они забирались в овраги, в лесные чащобы, коротали там звездные, ясные ночи. По утрам разливались голубым, призрачным потоком по перелескам и полянам, затопляли деревья, сливались с водами рек и речушек. Деревья будто стояли по пояс в белом молоке.

Зори горели вполнеба — спокойные, яркие. Далеко за полночь не умолкали соловьи. Старые люди говорили, что в мае Весна празднует свою свадьбу с Солнцем, и все живое на земле радуется этому, славит жизнь.

Но утренние туманы еще пахли порохом и дымом пожарищ. С бандитами воевал весь народ. Кряжистые, мрачноватые селяне брали в руки винтовки и железной петлей облаив душили банды. Они по первому сигналу тревоги перекрывали бандеровские стежки, без усталости гоняли банды по лесам. Сельские активисты научились отлично владеть винтовкой, и мало кто из лесовиков уходил от пули. Хлопцы и девчата создавали истребительные отряды. Молодежь тянулась к комсомолу. Но пока еще туманы пахли порохом...

Марин полюбились про-

гулки по окрестностям села. Почти каждый вечер она отправлялась к околице. Из окон хат и дворов на нее смотрели десятки глаз. «Сумуе учителька, — переговаривались через плетни соседки и сочувственно вздыхали. — Да и как ей, молоденькой, в нашей глуши не грустить?»

Мария первой здоровалась со встречными. Так принято на селе. Когда с нею заговаривали, вспыхивала ярким румянцем. «Скромница», — отмечали с одобрением кумушки.

Деревенская улица заканчивалась «садыбами» — окраинной частью села, где хаты, сломав чинный строй, рассыпались в красочном беспорядке на холме. У его подножья — пруд с земляной гаткой — плотиной, сложенной еще в давние панские времена. На гребле полуразрушенная водяная мельница. Лопастные колеса выломаны, доски покрылись скользким ярко-зеленым мхом, с потолков причудливо свешивалась паутина, припорошенная мукой, посеребренная от давности пылью.

Сельчанам хорошо было видно, как учительница неторопливо проходила греблей, садилась на балки старенького шлюза и читала, кутаясь в платок. Иногда Мария спускалась книзу, где струился ручеек, питавшийся водой из-под неплотно прикрытых шлюзовых щитков. Ручеек петлял по травянистой луговине и исчезал в лесу. Мария садилась на почерневший пенек, опускала босые ноги в прозрачную, всю в солнечных зайчиках, воду. К ее прогулкам привыкли. И если вначале посматривали в сторону мельницы, то потом перестали обращать внимание на фигурку девушки.

Ивану Нечаю (он теперь переселился в Зеленый Гай) регулярные прогулки учительницы к старой мельнице внушали неясные опасения. Почему — он и сам не мог себе сказать. Просто казалось непонятным, что молодая девушка так любит одиночество. Иван поделился сомнениями с Надийкой.

- Странная какая-то эта Мария Григорьевна.
- Почему?
- От людей прячется...

— Да нет, просто не подружилась еще ни с кем — вот и скучает, — рассудительно возразила Надийка и ехидно добавила: — А то, может, развеселишь? Дивчина приметная...

— Ну тебя! — рассердился Нечай. — Я серьезно, а ты...

Надийка поиграла глазами, весело рассмеялась.

— Нет, не нравятся мне ее прогулки, — опять принялся за свое Нечай.

— Ой, вечно ты всех подозреваешь, Иван! Ты помнишь, какую лекцию про комсомол она читала?

— Что лекция... Бывает, слова с делами расходятся.

На следующий вечер Нечай пробрался на лесную опушку, откуда мельница как на ладони. Прислонился к грабу, терпеливо наблюдал, как появилась Мария, устроилась на пне, раскрыла книжку.

Минуты тянулись медленно. Иван уже начал поругивать себя за излишнюю подозрительность, когда учительница, отложив книжку в сторону, внимательно осмотрелась и пошла к мельнице. Иван насторожился. Марии не было несколько минут. «Что она там делает? — недоумевал Иван. — В мельнице ходить опасно, того гляди старая балка сорвется». Учительница возвратилась, снова взялась за книжку. А дальше Иван не поверил своим глазам: девушка вырвала из книги страницу, тщательно порвала листок, а клочки выбросила в ручей...

«Вырвала страницу? — торопливо размышлял Нечай. — Зачем? Почему по шматочку пустила в воду, будто боится, чтобы другие не прочитали? Стоп!.. А если это была не страница, просто лист бумаги? Письмо, записка?» Вывод напрашивался сам собой: нет, неспроста учительница ходит сюда на прогулки — в старой мельнице контактный пункт! Удобное место: село недалеко, и лес рядом. Заброшенное место — ветхое все, полуобвалившееся...

Унес ручеек разорванный грепс*. От кого — ясно. Ясно-то ясно, только могло ведь все это и почудиться.

* Грепс — так бандеровцы называли шифрованные письма.

А если действительно ходит учительница к мельнице книжки читать? Мало ли у кого какие странности... Нечай засомневался. Может быть, и вправду ему все мерещится? Еще недавно он действовал бы быстро и решительно: обыск, арест своею властью — в районе разберутся. Но сейчас почему-то не выходили из памяти слова Марии: «Вы готовы весь мир подозревать...» А вдруг?..

«...В РАЙОТДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. Днями бойцами комсомольского истребительного отряда села Зеленый Гай была задержана на кладбище в момент провокации учительница местной школы Шевчук М. Г. Провокация заключалась в том, что вот уже на протяжении почти месяца в полночь на кладбище раздаются женские вопли, которые темные элементы используют для антисоветской пропаганды. Шевчук М. Г. находилась в тени часовни, и хотя она категорически отрицает свою причастность к описываемым событиям, кроме нее, в данный конкретный момент это сделать было некому. Вызывает подозрение и то, что учительница ведет уединенный образ жизни, часто ходит по хуторам и окрестным селам, что является удобным для сбора сведений. М. Г. Шевчук в наших местах человек новый и требует, на мой взгляд, тщательной проверки.

Инструктор райкома ЛКСМУ Н. Нечай».

НОЧЬЮ НА КЛАДБИЩЕ

Иван не сразу написал это заявление. Он понимал, что обращение за помощью в райотдел МГБ — шаг весьма серьезный. Но с некоторых пор в Зеленом Гае стали твориться странные вещи. По селу поползли слухи, будто мертвые, которых страшит нынешняя безбожная жизнь, ровно в полночь встают из могил и плачут от жалости к людям.

— Сама чула, — захлебываясь от обилия впечатлений, рассказывала баба Кылына. — Иду от кумы мимо кладбища, ничь темная, хоч очи выколы, а воно як заплаче, як закрычить, та так жалибно, що я и сама б заплакала, тилькы злякалась дуже...

Баба Кылына, хроменькая, подвижная, истово крестилась, надвигала на глаза черный платок, хромала от хаты к хате, нашептывала деревенским кумушкам слухи о необычном «голосе» мертвых. Слушали ее с любопытством, но без особого доверия: может, у кумы причастилась, вот и попутала нечистая сила. Крепко любила выпить баба Кылына.

Однако события развивались стремительно. Через несколько дней «воно» опять вопило на кладбище что-то жалобное — разо-

брать трудно, — и слышали эти крики уже несколько человек.

— Забыли бога, в клуб шляются, в колхоз заявы пышуть — вот и подают мертвые нам знак, что настанет скоро конец света, — нашептывала баба Кылына, хромая от хаты к хате. Поскольку она первой услышала голос «мертвых», стала и главной толковательницей.

И самое удивительное — слушали ее теперь без насмешки. Да и как не слушать, если, почитай, через ночь над притихшим, закрывшимся на все крючки и запоры селом разносятся то стоны, то плач, а то и что-то такое, в чем нетрудно уловить угрозу забывшим о боге.

Надийка собрала комсомольцев, надо что-то делать, нельзя же сидеть сложа руки и смотреть, как ползут по селу слухи. И так уже горластые деревенские мамы кричат на дочерей: «Чтоб ноги твоей в клубе не было!.. А то я тебя дрючком!»

— И откуда эта нечистая сила на нашу голову свалилась? — сокрушалась Надийка. — Так хорошо все началось...

— Ясно откуда, — сказал Нечай, — из леса...

— Что будем делать, хлопцы?

— Ловить, больше ничего не остается.

На том и порешили. Нечай, Надийка и Степан Костюк разработали план поимки беспокойных «мертвецов»: окружить кладбище кольцом и, как только стемнеет, медленно, осторожно продвигаться к его центру — именно оттуда чаще всего доносятся вопли.

— Оружие проверьте, — напутствовал Нечай, — а то сдастся мне, нечистая сила эта с... автоматом.

— Женский же голос, — засомневался Лесь.

— Кричит женщина, но это еще ничего не значит. Мы ведь не знаем, одна ли она разгуливает по ночам, да и откуда приходит — тоже не знаем. Но ради шуток этого никто делать не станет, от таких шуточек не до смеха. Провокация бандитская, на суевериях бандеры капитал пытаются заработать! — закончил убежденно Нечай. Он предупредил, чтобы

о предстоящей засаде на кладбище ничего не говорили Марии.

— Это почему же? — удивилась Надийка.

— Не верю я учительнице: чужачка она, и мы для нее чужие.

— Опять за свое, Нечай? И въедливый же ты! Весь мир готов подозревать, — неожиданно повторила она слова Марии.

— Весь не весь, а целоваться с первым встречным не буду.

— А как же, жди, захочет Мария Григорьевна с тобой целоваться.

— Отставить шуточки, — непримиримо сказал Нечай. — Не хочешь понять что к чему, тогда приказываю не посвящать Шевчук в операцию. Как командир истребительного отряда приказываю!

— Ну, подожди, Нечай, — всерьез рассердилась Надийка, — буду на бюро райкома, там поговорим!

Кладбище не то чтобы в центре села, но и не на окраине. Небольшое, обнесенное низеньким штакетником, обкопанное рвом, а по насыпи курчавится декоративный клен, разросшийся в сплошную зеленую изгородь. В центре заброшенная часовенка, от нее в разные стороны расходятся лучами аллеи. Возле могил деревья — черемуха, пахучий жасмин, они тоже разрослись на радость живым и безвредно для покойников.

Поздним вечером ребята из истребительного отряда оцепили кладбище. Важно было, чтобы их не заметили раньше, до начала операции, иначе все сорвется. Поэтому Нечай, заблаговременно расположив «ястребков», приказал им не двигаться и только к полуночи по его сигналу начинать операцию.

Медленно гянулось время. Чернели в темноте кресты, пахла сильно и густо за могильными оградками маттиола, было тихо. Нечай прокричал совой, и комсомольцы двинулись к центру, сужая кольцо, только полоса метров в сто осталась свободной, и вела она прямо к лесу. На окраине леса с частью «ястребков» залег Степан Костюк. Небольшая хитрость, а нужная: решили комсомольцы обязательно дожждаться,

пока не понесется над кладбищем тоскливый плач, и схватить «нечистую силу» на месте преступления. Как всегда, спутницей Леся была Надийка.

Давно перевалило за полночь. Все было спокойно, равнодушно чернели кресты, пошел дождь, мелкий, надоедливый, ребята промокли до нитки — даже густой кустарник не спас. Нечай уже подумывал, что облава провалилась: или узнали каким-то образом о засаде, или у «нечистой силы» сегодня был выходной. Только собрался скомандовать отбой, как вдали на тропинке мелькнула чья-то тень. «Есть», — обрадованно подумал Нечай и приподнялся, стараясь лучше разглядеть, кто идет. Разобрать было трудно. Нечая показалось, что тень одета в саван — она белым пятном выделялась на фоне густо подкрашенной ночной тушью зелени. «Девушка, — догадался он, — в белом платье».

Неизвестная поравнялась с часовенкой, скрылась за нею, и в то же время над кладбищем раздался протяжный, тоскливый крик. И хотя его ждали, был он внезапен и жуток, пронзительно резал темноту, бил по напряженным до предела нервам, и звучала в нем злоба — к небу, к земле, к тем, кто спит под соломенными крышами Зеленого Гая. У Нечая мурашки побежали по спине. Он пересилил себя, вскочил и первым бросился к часовне. А со всех сторон уже бежали хлопцы, перепрыгивая через могилы, натыкаясь на кресты. Кладбище ожило, наполнилось шумом, топотом ног — скрываться было бесполезно — той, у часовни, никуда не уйти. Да она и не пыталась бежать, только вскрикнула, когда вязали руки.

— Попалась, птишка, — радостно сказал Нечай. — А ну, глянем, какая есть на вид «нечистая сила».

Луч фонарика располосовал темноту, уперся в лицо пленнице. Она зажмурилась, прикрыла глаза руками, а когда отняла их — комсомольцы остолбенели от удивления: поймали они Марию Григорьевну Шевчук! Учительница испуганно и жалобно сказала:

— Разве ж можно так пугать, хлопцы? Да еще на кладбище — и в могилу загнать недолго...

— Как вы сюда попали, Мария Григорьевна? — настороженно спросила Надийка.

— Я... — замялась Мария, — была на хуторах у родителей своих учеников, да заплуталась, сбилась с дороги в темноте, еле добралась до Зеленого Гая.

— И вас отпустили одну, ночью?

— Вышла засветло, а беспокоить людей не хотелось.

— Извините нас, Мария Григорьевна, — нарочито спокойным голосом сказал Нечай. — Ошиблись мы. Слышали ведь крик?

— Да, конечно. Совсем рядом где-то — я прямо оцепенела...

— Сбежала «нечистая сила», воспользовалась тем, что мы вас ловим, и под шумок смылась.

...На следующее утро Нечай уехал в район. Он больше не сомневался, что учительница Шевчук не та, за кого себя выдает. Возвратился инструктор райкома комсомола к вечеру. Вместе с ним приехал инспектор райфинотдела, веселый, разбитной парень.

«Принято решение ликвидировать Нечая. Приказываю под любыми предлогами заманить его к старому памятнику панским музыкантам. Операция назначена на завтрашний вечер. Можешь пригласить на свидание или сказать, что собираешься сообщить важные сведения. У памятника надо быть не раньше десяти. Там его встретят наши. Если не удастся, сообщи, когда будет комсомольское собрание, и добейся, чтобы после него Нечай пошел тебя провожать. Стас».

«Выполнить приказ отказываюсь. После засады на кладбище меня подозревают. Не исключено, что об этом знают чекисты. В таких условиях ликвидация инструктора райкома вызовет обыск, а возможно, и арест. Я окончательно попаду под подозрение. Зоряна».

ПЕСНЯ МЫКОЛЫ МАКСИСА

Мария ходила по близким и дальним селам, хуторам. Не так часто, чтобы особенно привлекать внимание, но и не редко. От села к селу дорога. А есть еще и тропинки. Они вертятся по озими вокруг прудов, выют-ся по окраинам лесов. Тропинки протаптывали проворные девчата, быстроногая детвора. У каждого крестьянина в окрестных селах родственники, сватья, кумовья. Этими ниточками связаны между собой селянские хаты крепко, хотя степень родства помнят только старые бабки. Недаром шутят: от родственника к родственнику всю Украину пройти можно. Отсюда и тропинки.

Учительницу в окрестных селах знали. Оттуда ходили в зеленогайскую школу ребятишки — одна она на этот дальний угол района. Встречали девушку приветливо. Усаживали за стол, ставили парное молоко, вслух удивлялись: такая молодая, а уже других учит. Мария рассказывала: «Ваш Петрусь очень старательный хлопчик...» Потом доставала толстую тетрадь, начинала расспрашивать сама, не знает ли кто старых песен народных, пословиц, поговорок? Хозяева помо-

ложе задумчиво чесали затылки: «Как-то не прислушивались...» Потом кто-нибудь обязательно вспоминал, что в соседней хате живет дед Панас, много он на веку всего перевидал и байки рассказывать горазд. Торжественно приводили деда. Тот, гордый всеобщим вниманием, охотно и щедро извлекал из памяти одну сказку за другой.

Смеются все дедовым байкам. Удивляются, что учительница так старательно, слово в слово, записывает их в тетрадь. Снисходительно улыбаются мужики: мало ли какие причуды у образованных! Им не вскакивать до рассвета, не спешить на поле...

Идет учительница от одного гостеприимного дома к другому. Все больше и больше записей у нее в тетради. Песен, народных дум, сказаний. Поздно возвращается домой. А то и вовсе заночует в дальнем хуторе, если уроки на следующий день позволяют. Привыкли люди к тому, что Мария Григорьевна за хорошей песней десятки километров пройдет. Комсомольцы предупреждают: «Мария, осторожнее, охотится за такими, как ты, Стафийчук». Мария улыбается, вежливо отвечает: «Пока все обходится и дальше обойдется».

Однажды встретил ее Нечай. Поздоровались. Мария первой протянула руку, пожурела:

— Не заходишь, хлопче, в гости, совсем забыл...

— Боюсь: приду и не уйду, — неловко отшутился Нечай.

Поинтересовался инструктор райкома комсомола, что за песни и сказки собирает учительница. Протянула Мария тетрадь. Иван прочитал: «Когда-то в стародавние времена ездил один мужик на панских лошадях с фурами всюду — пану деньги зарабатывал. Немало всяких чудес этот человек повидал...»

— Все ли, что собрано в тетрадке, относится к таким древним временам?

Учительница обидчиво поджала губы.

— Это фольклор, золотая нить языка нашего.

Нечай упрямо наклонил голову, глянул исподлобья. Привычка такая у комсомольского инструктора:

смотреть на тех, кто ему не нравится, строговато, сдвинув брови на переносицу.

— Знаю я цену народной мудрости, мать эти песни пела, бабка эти байки сказывала. Но сейчас и другое поют в наших селах.

И неожиданно тихо запел:

Ой, фашисты чи бандеры —

Одна сатанына.

Ой, колы б их та забрала

Лыхая година!

Голос у парня звонкий, чуть хрипловатый, застуженный ветрами, а хозяину послушный. Посерьезнел вдруг Иван:

— А вот эту молодежь особенно любит:

Бандеривськи ботокуды,

Що вы наробылы?

Комсомольця молодого

Безневинно вбылы.

Буйный витер ваши кости

Погани розвие,

А забуты комсомольця

Нихто не посмие.

Вот какие песни сегодня поют! И хоть написаны они недавно — это тоже фольклор: в них гнев и ненависть народа! Знаете, кто автор, — например, той, которую я пел?

Мария Григорьевна качнула головой, она торопливо, пристроив тетрадь на колено, записывала.

— Сложил ее комсомолец Мыкола Максис, волинчук. Восемнадцать лет было хлопцу, когда встретил свою смерть. А посвятил песню Мыкола двум комсомолкам, зверски замученным бандеровцами. Погиб хлопец от бандитской пули, а песня его борется...

Знал бы Нечай, откуда идет учительница — другому бы разговаривал. Была Мария на лесном хуторе, что затерялся в такой чащобе — и пройти трудно. В 1935 году появился в этих местах новый

человек, Тарас Скиба. За большие деньги купил кусок леса. Батрацкие руки вырубili деревья, выкорчевали пни, кустарник, и эти же руки подняли землю, бросили в нее зерно, поставили дом-крепость и огородили его тыном выше человеческого роста. Редко ходит хозяин дома Тарас в соседние села. Растет у Тараса Скибы дочь-красавица. Вдвоем живут они на хуторе, мать девушки умерла еще в войну, как-то внезапно и тихо.

Когда Мария подошла к дому Скибы, казалось, все подворье вымерло. Только псы-цепняки остервенело прыгали на забор. Наконец вышел хозяин. Хмуро осмотрел девушку, спросил, чего надо.

— Мне бы воды напиться, парит очень, — просительно проговорила Мария.

Скиба молча указал на колодец с притороченным к цепи ведром. Мария пила студеною воду, чувствуя на себе пристальный взгляд хозяина. Тот не уходил, что-то выжидая. Мария выпрямилась и спросила:

— Не знаете ли присказок народных?

— Кое-что знаю, — ответил неприветливо Скиба. — Ну вот хотя бы эту: «Ты лошадь поил?» — «Поил». — Скиба задумался, потом проворчал: — А дальше забыл. Может, вы помните?

— Вроде бы помню: «А чего ж у нее морда сухая?» — «До воды не достала».

Обмен пароллями состоялся. Хозяина будто подменили.

— Проходите в комнаты, — гостеприимно пригласил он.

В светлице вымытый до желтизны пол, герань на окнах, огромный фикус в кадке, занявший угол, патефон на тумбочке, прикрытый кисейной накидкой, иконы в вышитых рушниках, сулея самогонки на столе. За столом — трое.

— Слава героям! — сказала Зоряна.

— Героям слава! — откликнулись те, за столом.

ПРИКАЗАНО ВЗЯТЬ ЖИВЫМ

Фининспектор, приехавший вместе с Нечаем, оказался веселым, общительным парнем. Он недолго любил акты и налоговые ведомости — просидел над ними вечер в сельсовете и на этом закончил ревизию. Но покидать Зеленый Гай не торопился. Перезнакомился с хлопцами, девчатами. Был он человеком начитанным, рассказывал о больших городах, где ему довелось побывать. Однажды заговорили о том, кто кем станет, когда наладится жизнь, окрепнет колхоз.

— Поеду я в Киев, выучусь на инженера, — размышлялся Лесь.

— А чего? — поддержали его хлопцы. — У тебя к машинам талант.

— Заканчивай школу да подавайся в институт механизации сельского хозяйства, — посоветовал фининспектор. — Вернешься потом в село, будешь механиком.

— Мало у нас машин. На весь колхоз одна...

— Потому что колхоз небольшой. Вот вступят в него все селяне — на широкие поля много машин понадобится...

— К этому дело идет, — согласились хлопцы. — Давно б колхоз окреп, если б не бандеры проклятые...

Желтоватыми огоньками рдеют в темноте сигарки. Неторопливо идет разговор. Девчата тихо-тихо запели песню, хлопцы заслушались. Хороший вечер, тихий, и песня для души радость.

— Славный у тебя голосок, — похвалил фининспектор Надийку. — А ты кем станешь, дивчино?

— Учительницей... как Мария Григорьевна...

— Кстати, что-то ее сегодня не видно, — поинтересовался Нечай, — Не случилось ли чего?

Надийка ревниво передернула плечиком, сказала очень равнодушно, так равнодушно, что все на это обратили внимание:

— Ушла учительница в Долиновку. Говорила, там один старый много песен знает. Может, и заночевала где...

Нечай и фининспектор незаметно переглянулись. Посидели еще, поговорили. А когда луна выкатилась из-за дальнего леса, Нечай шепнул стоявшему рядом с ним Лесю:

— Тревога... Сбор «ястребков» с оружием через час у старой вербы около пруда. Передай другим. И чтобы тихо...

Фининспектор первым встал с дубков.

— Пора, хлопцы. Завтра опять за акты с утра садиться.

— И нам пора, — откликнулся Лесь.

А через час Иван Нечай представлял «фининспектора» комсомольцам истребительного отряда: «Лейтенант Василь Малеванный».

Лейтенант рассказал, что по полученным сведениям в старой мельнице находится контактный пункт националистов. Днем к мельнице никто не ходит — проверили. Значит, ночью... Задача «ястребков» — перехватить связника. Брать живым.

Лейтенант проверил оружие, распределил посты, договорился о сигналах. Комсомольцы по двое искали в темноте, кольцом охватывали мельницу, перекрывали засадами оба конца гребли. Василь с Нечаем забрались под куст верболоза у самого водяного колеса. Поодаль укрылись Лесь и Надийка. Девушка уверенно держала раздобытый Нечаем в райотделе

милиции кавалерийский карабин — слишком велика обычная трехлинейка для девичьих рук.

Долго лежали в темноте. Дурманяще пахли травы, тихо пробивалась из-под шлюзовых щитов вода. На озере глухо шлепали широкими хвостами-лопастями разгулявшиеся карпы. В селе гасли окна.

Лесь лежал совсем рядом с Надийкой, она чувствовала теплоту его тела. Парень наклонился, чуть слышно прошептал:

— Гарно, правда?

Надийка предупреждающе покачала головой: не отвлекайся, Лесь, слушай...

Невдалеке трижды ухнул пугач. Сигнал: рядом чужой. Надийка поудобнее перехватила карабин.

Бандеровец шел по берегу ручья, через луг, откуда его совсем не ожидали, потому что ближайший путь к мельнице от леса — через греблю, прямо у которой начиналась аллея столетних ясеней. Шел мягким, неслышным шагом, пригибаясь, держа наготове автомат.

Гнат Дзюба, пятнадцатилетний хлопчина, только вступивший в комсомол (берегли его «ястребки» и, как казалось всем, поставили в самое безопасное место), следуя приказу, беспрепятственно пропустил бандеровца к мельнице. Миновал связника и Олеса с Надийкой. Совсем рядом прошел, метрах в двадцати. Приблизился к вербе, раскинувшей ветви над ручьем, и затаился в ее тени, неподвижный. И тут явственно услышали легкий звон металла. Это Гнат не утерпел, стало ему обидно, что самое главное произойдет без него. Пополз он за бандитом да зацепился за что-то винтовкой.

— Бросай зброю! — сразу же крикнул бандиту Малеванный.

Бандеровец прыгнул в сторону, автоматная очередь выбила щепки из старого, почерневшего сруба мельницы. Так получилось, что лейтенант оказался в очень невыгодном положении — сорок метров земли, насквозь пробиваемых автоматом бандита. Василь ожесточенно рвался через эти метры под прикрытием Нечая и других ребят. Хлопцы стреляли

расчетливо, пули впивались в вербу, но бандеровца не трогали — был приказ взять живым. Связник, пригибаясь, побежал к ручью: там трава по пояс, а еще дальше — лес.

Навстречу поднялся Лесь. С винтовкой наперевес он в несколько прыжков очутился рядом с бандитом. Тот на бегу вскинул автомат.

Упал Лесь, срубленный очередью.

Бандит сорвал с пояса гранату, все еще надеясь пробить дорогу. Вырвал кольцо, взмахнул рукой. Его опередила Надийка. Выстрел почти слился со взрывом гранаты, которую ослабевшая рука не бросила — оттолкнула на несколько метров.

И сразу стало тихо.

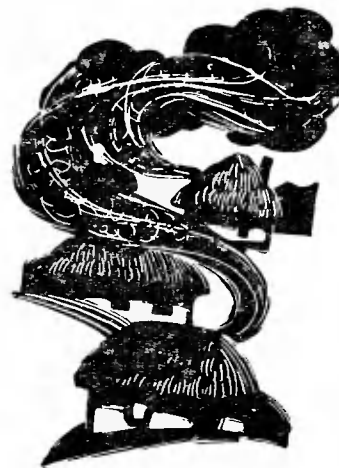
Хлопцы подняли Леся, вынесли на греблю. Лицо парня не потеряло напряжения последней минуты жизни; казалось, скомандуй — снова поднимется комсомолец навстречу бандитскому автомату.

Погиб комсомолец. Погиб боец...

Его и похоронят в этой земле. На вышитых руками старенькой неньки рушниках опустят гроб. Бросят по обычаю комочки земли — «любил он тебя — будь ему пухом», — и все село пройдет мимо свежего холмика с пятиконечной звездой.

...Бандитского связника тщательно обыскали. Ничего не нашли. Видно, спрятана была «почта», как это часто делали бандеровские связники, в металлической рубашке гранаты. Взрыв унес тайну.

ВИЗИТ ВЕЖЛИВОСТИ

В свои двадцать четыре года лейтенант Малеванный успел побывать и на фронте и во многих боях с бандами бандеровцев. В него не раз стреляли, было и так, что казалось, судьба отсчитывает лейтенанту последние секунды. И все-таки он возвращался с задания невредимым, докладывал начальнику райотдела: «Товарищ майор, ваше приказание выполнено...»

Товарищи по работе утверждали, что Малеванному отчаянно везет: родился, мол, в сорочке или какая-то дивчина каждый вечер за него бога просит. «Дай бог здоровья той дивчине, — отшучивался лейтенант, — знал бы котра — женился...» А сам относился к своей «везучести» более прозаически. Говорил:

— Вот, понимаете, вчера думал — конец, отгулял свое по земле. Сообщили, что на хуторке одном собираются на вечерницы гости из леса: агитировать молодежь. Ну и я, конечно, туда же. Иду по хутору, псы с цепи рвутся, лай стоит до неба. Они, эти сволочные дворняги, меня и демаскировали. Пока до хаты, где на посиделки собралась молодежь, дошел, там уже два бандита приготовились

меня с автоматами встретить: растолкали всех по углам, один стал у двери, второй у окна. Хлопцы местные под стенками жмутся, а что могут сделать голыми руками? Те, лесовики, орут: «Кто тут комсомольцы, выходи!» А там был Володя Сиротюк, только в комсомол вступил. Стал Володя против бандита, тоже кричит: «Я комсомолец! Вы мого тата вбылы, стрилий, вражина, и в мене!» Вот тут я и подоспел. Рванул дверь и с порога одного уложил из пистолета. А второй мне автомат в грудь упер, пальцем шевелит на спусковом крючке — все. И тогда Володька ему под ноги ка-ак кинется — ушла автоматная очередь в потолок. Вот так, а вы говорите: везет. Просто помощников много, друзей, вот и не страшен никакой черт лесной — выручат. Почти в каждом селе истребительные отряды созданы...

Малеванного знали во многих селах и любили за веселый характер, смелость, за то, что шел по жизни не угрюмо, как можно было бы предположить ввиду выполняемой им работы, а открыто и приветливо. Однажды, это было в сорок четвертом, сразу после освобождения области от гитлеровцев, Малеванный долго гонялся по лесам за бандой сотника Яра. Собственно, от этой банды осталось одно охвостье. Кого выбили, кто сбежал из леса при первой же возможности. Но уцелели наиболее оголтелые. О таких говорят: веревка по ним давно плачет. Яр отличался неимоверной жестокостью. Он внезапно налетал на беззащитные хутора, вырезал взрослых и детей, уводил активистов в лес на расправу. Малеванный со своей группой как-то оказался в небольшом селе сразу же после того, как там побывал Яр. Дымились, догорали хаты. На широкой деревенской улице рядом лежали несколько человек. У одного, пожилого седоусого крестьянина в груди торчал плоский немецкий штык, вместо лица — кровавая каша. «Председатель сельсовета, — сказал кто-то из уцелевших жителей. — А вот там его дочка...» Молоденькая девушка, казалось, обняла ствол яблони, прижалась к нему щекой. Малеванный подошел ближе. Бандиты пришили девушку к дереву большими гвоздями.

Тут же лежал комсомольский билет девушки — страницы его слиплись от крови.

Малеванный в ту ночь загнал Яра в лесную балку. Ночь была душная, по краям темного неба беззвучно полыхали зарницы — бандиты залегли за деревьями, и выкурить оттуда их было трудно. Они отчаянно отстреливались. Лейтенант приказал солдатам подойти вплотную и забрасывать гранатами. «За ту дивчину, — сказал им Малеванный. — И чтобы ни один не ушел...» А потом встал во весь рост и подошел к темному обрыву.

— Слухай, Яр! — крикнул лейтенант в темноту. — Це я, Мальований. Чи знаеш такого?

— Знаю, пес московський, — откликнулся Яр. — Бережу для тебе кулю!

— Сообщаю, что народным судом за преступления против Советской власти тебе вынесен смертный приговор. Приговор приведу в исполнение лично. Сегодня! — Сказал, будто вколотил гвоздь в доску.

Был короткий бой, когда пламя от гранатных взрывов вплелось в отблеск зарниц, и глухо стучали автоматы.

— Хлопцы! — крикнул своим Малеванный. — Не трогайте Яра, хочу глянуть тому псу в глаза!

Они встретились на дне балки, лицом к лицу, и Яр бросился бежать из западни.

— Да умри ж хоть по-человечески! — закричал лейтенант. — Повернись лицом к смерти!

Еще долго потом, стоило закрыть глаза, виделась лейтенанту девушка, обнявшая яблоню...

Ненависть к бандитам пластовалась у Малеванного день за днем, она была как завешание той дивчины: если ты мужчина — отомсти. Поэтому и не щадил себя, лез в самое пекло. Как-то сказал Нечаю:

— Понимаешь, Иванку, одна у меня мечта: дожить до того дня, когда выполем всю эту мерзость. Навсегда.

Но эта ненависть со временем не превратилась в злобу. Она не ослепляла, а была осознанной и целенаправленной, помогала бороться.

Лейтенант Малеванный и Нечай вскоре после по-

хорон Леся зашли будто ненароком к Марии. Учительница их не ждала, но встретила приветливо. Она все еще находилась под впечатлением гибели комсомольца и печально повторяла:

— Какой ужас!.. Молодой хлопец, ему бы жить и жить...

Нечая до боли в сердце хотелось крикнуть этой лицемерке: «Из-за тебя погиб Лесь! К тебе на связь шел бандит!»

С трудом сдержал себя, отвел глаза, чтоб не выдали, подошел к книжной полке. Книг было немного: школьные учебники, Иван Франко, Коцюбинский, Леся Украинка. Ивану показалось, что среди них он узнал ту, с которой ходила учительница к мельнице: томик стихов Тараса Шевченко! Полистал. В глаза бросилось — местами не хватало страниц, были они вырваны, что называется, с мясом. Иван в недоумении уставился на учительницу. Значит, она и вправду рвала тогда страницы из книги? Не записку, не письмо? Мария перехватила его взгляд, не дожидаясь вопроса, дружелюбно спросила:

— Любите Тараса Шевченко? Могу дать почитать. Там, правда, нет нескольких страниц. Дурная привычка, когда задумаюсь, мну и рву все, что ни попадет под руку, — вот и испортила книгу.

Объяснение звучало вполне естественно и правдоподобно.

Малеванный объяснил цель прихода:

— Много слышал о вас от молодежи, а до сих пор не познакомился. Неудобно как-то.

— Очень рада, что зашли на огонек. Значит, будет у меня вечер не такой скучный, как все.

— Да, веселья у нас немного. Я вот с ревизиями во многие села езжу, а в такую глухомань попадаю впервые.

— Не говорите, — согласилась Мария, — одно спасенье — работа, не то закисла бы. Люди, правда, здесь хорошие живут. А сколько песен знают, только диву даешься!

«Ишь ты, заливается, — неприязненно думал Нечай, — голову в заклад даю, вертит хвостом».

Вчера Нечай предложил сделать у Марии обыск. С гибелью связника все ниточки к тайнику были порваны, и только тот, кому предназначалась «почта», мог приоткрыть его тайну. Что таким человеком была Мария, Нечай не сомневался. Иначе б не ходила к мельнице через день-два.

Малеванный не согласился. Он изложил свои доводы. Что даст обыск? Практически ничего. После боя с бандитом те, к кому он шел, насторожены, наверняка уничтожили все улики. Схватить их за руку не удастся. Какие подозрения против учительницы? Прогулки к мельнице? Ну и что? Разве не может она гулять, где вздумается? Если Мария Шевчук действительно связана с бандеровцами, она рано или поздно не только себя — других выдаст. О том, кто на самом деле Малеванный, знают лишь «ястребки». Они предупреждены, болтать не станут. Фининспектор — парень молодой, почему бы ему не заинтересоваться красивой девушкой. Вот и можно для первого знакомства сходить к Марии Григорьевне в гости.

— Ты понимаешь, горячая твоя головешка, — убеждал Василь Нечай, — какой шум произведет обыск у учительницы? Все село о нем узнает — ей после этого здесь не жить. А если она не виновата? Мало ли случайных совпадений бывает! Кстати, мы проверили: в ту ночь, когда вы засаду устроили на кладбище, Марию Григорьевну действительно видели на дальних хуторах.

Нечай вынужден был признать соображения Малеванного существенными. Он вновь и вновь вспоминал встречи и разговоры с учительницей — обычная девушка, может быть, несколько изнеженная для здешних мест. Нечай попытался поставить себя на ее место: чужое село, малознакомые люди, маленькая комнатуха, в которую рано вкрадываются сумерки, одинокие вечера. И наверное, страх — напугана разговорами о зверствах бандеровцев. Недавно приехала, а уже слышала выстрел в Данилу, была на похоронах Леся... «Слишком подозрительным становлюсь, — ругнул себя Нечай. — И правда, плохой это союзник — неверие в людей».

Марию — Зоряну встревожило посещение Малеванного и Нечая. Где, в какой мелочи ошиблась? На хуторе Скибы ее никто не видел — это точно. Не было за нею слежки и в другое время — проверяла. На особенно ответственные встречи ее сопровождал Остап, тот самый, что приходил как-то ночью в эту комнату; кличка — Блакытний. У Остапа была тройная задача: оберегать Марию от своих и от чужих — мало ли в какую оказию она могла попасть на лесных дорожках; тщательно следить за каждым шагом курьера; служить «визитной карточкой» Зоряны во время переговоров с вожаками националистических бандитских группок. Некоторые проводники не очень доверяли паролем, предпочитали старый, проверенный способ опознавания: среди пришедших должен быть человек, которого они или кто-либо из их приближенных знали бы лично. Остап Блакытний, уроженец этих мест, был известен многим.

Обычно он шел в стороне, за сотню шагов от учительницы, редко выходил на тропинки и дороги. Зоряна почти никогда не видела, где он в данную минуту. В одном была уверена: стоит позвать, как бандеровец мгновенно окажется тут как тут. Нет, Остап обязательно заметил бы слежку, если бы прицепился «хвост». Тогда где же ошибка?

Обо всем этом думала учительница, оставаясь радужной хозяйкой, обмениваясь шутками с Малеванным и Нечаем. Мария искренне жаловалась на трудности в школе, рассказывала о забавных сценках во время посещения сел.

Малеванный между тем внимательно осматривал комнату, прикидывая, где бы мог находиться тайник. Но в глаза бросались второстепенные детали: гвозди для одежды, неумело забитые женской рукой, спицы для вязания, резиновые сапоги, забрызганные грязью. Взгляд остановился на неплотно пригнутой половице. Василь прошелся по комнате — половица скрипнула. Мария равнодушно сказала:

— Беда с полом, разохся, трещит...

— Сейчас посмотрим, что можно сделать.

— Нет, что вы, не надо. Я уже договорилась

с плотником, завтра придет, починит... — Мария подошла к лейтенанту, и доска, на которую она ступила, скрипнула опять.

Теперь Василь не мог поднять половицу, для этого пришлось бы просить хозяйку отойти в сторону.

— Кстати, — сказала Мария, — не нашли тех, к кому шел бандит, убивший Леся?

— А ты откуда знаешь, что это был связник? — быстро, вопросом на вопрос, откликнулся Нечай.

— Люди говорят...

— Пусть их ищут те, кому положено.

Мария подошла к столу, переложила стопку тетрадей так, что стала видна фотография в причудливой рамке. Лейтенант внимательно всмотрелся в нее: Средних лет мужчина, жилистая шея, равнодушные глаза.

— Кто это?

— Так, знакомый...

— Видно, хороший мастер снимал — отличная работа. Не знаете, в какой мастерской?

— Посмотрите, там, кажется, написано.

Лейтенант отодвинул крышку. На белом фоне четкая надпись золотой вязью: «Фотоателье Ф. И. Возного». У владельца ателье от частого употребления испортился штамп — буква «Ф» стерлась и едва просматривалась.

— Буду во Львове, обязательно сфотографируюсь у этого Возного.

— Вряд ли удастся. Насколько я знаю, пан Возный уже давно закрыл свою мастерскую...

Когда Василь и Нечай возвращались от учительницы, инструктор райкома комсомола возбужденно говорил:

— Ну и штучка, эта Мария! Видел? Хитрая какая, словами сыплет, а ухватиться не за что.

— Дивчина как дивчина, — равнодушно ответил ему Василь. — Красивая — вот это верно.

Нечай недовольно насупился.

Стафийчук отдал приказ банде на время прекратить активные действия. Необходимо было затаиться, накопить силы для операции «Гром и пепел». Изредка приходили в банду связники из окрестных сел, сообщали, что в округе спокойно, вот только комсомольцы собирают вокруг себя молодежь, «работать» стало трудно, знают они всех и вся.

Комсомольцы Зеленого Гаю действительно времени даром не теряли, использовали затишье для подготовки к новым схваткам. Неутомимый Нечай почти каждый день проводил с хлопцами занятия по строевой подготовке. На пустыре за сельской околицей был оборудован тир, оттуда часто раздавались выстрелы. Отряд разросся — демобилизованные из армии солдаты возвращались по домам. Особенно обрадовался Нечай, когда почти одновременно прибыли два брата-близнеца Гаевые, сержанты Роман и Петро. Братья были дружками Нечая еще по школьным годам, вместе воевали в партизанском отряде, а когда пришла Советская Армия — им едва исполнилось семнадцать, — попросились добровольцами

на фронт, добивали фашистов где-то в Германии. Они явились в Зеленый Гай в полной форме, с орденами и медалями на гимнастерках, быстро разобрались в обстановке и уже на третий день пришли к Нечая — принимай в отряд. Иван назначил их командирами отделений, и братья, привычно вскинув винтовки на плечи, принялись обучать «салажат». Они гоняли хлопцев до седьмого пота, учили хитрой тактике засад, отражению внезапных атак, стремительным ночным маршам, ориентировке в лесу — кто знает солдатскую науку лучше сержантов?

— Ну, бандерам крышка, — удовлетворенно сказал как-то Нечай. — Легко им было убивать старых да малых, пока хлопцы на фронтах сражались, теперь же мы — сила.

Комиссаром отряда стала Надийка. После смерти Леся она очень изменилась — посуровела, редко пела песни, почти все свободное время отдавала комсомольской работе. Часто беседовала с хлопцами и девчатами, сообщала им газетные новости, помогала и делом: одного уредила в колхоз вступить, другому помогла вместе с комсомольцами новую хату поставить, добила, чтобы открыли в Зеленом Гае вечерний пятый класс, сама ходила по домам, убеждала родителей не препятствовать детям, которые к знаниям тянутся. Вот из таких встреч, бесед, забот и слагалась ее комсомольская работа. Девушка не расставалась с пистолетом, да и комсомольцы берегли своего секретаря. Она сперва не замечала той негласной охраны, которая сопровождала ее повсюду, — просто собирается идти к родственникам в соседнее село, и обязательно, оказывается, кому-нибудь по дороге с нею. А когда узнала, рассердилась:

— Что я, хлопцы, маленькая?

— В том-то и дело, что не маленькая — очень уж заметная, большой человек, — пошутил Нечай.

Себя же Нечай не берег. Он часто навещался в дальние хутора, куда еще только вторгалось новое, немало там было хлопцев и девчат в батраках у лесных хозяйчиков. Обездоленные войной, отрезанные от людей зеленым морем леса, ребята гнули спины

на какого-нибудь «благотетеля» за кусок хлеба, за новые сапоги к рождеству.

Нечай находил с ними общий язык, часто навещал то одного, то другого. А потом какая-нибудь батрачка Марыся шла к секретарю комсомольской организации Надийке Михайлюк с листком бумаги: «Прошу дуже записаты мэнэ до комсомолу...» Строчки выписаны неровно, коряво, но за ними — целая жизнь, нелегко принятое решение.

Нечай крепко не любил хуторских хозяйчиков и не упускал случая насолить им. А среди батраков у него прибавилось друзей, и с их помощью Иван узнавал о всех подозрительных событиях, происходящих в округе: о том, что баба Кылына самогону много варит, а не продает — куда деваает? Или что Панько одноглазый нагрузил на воз три мешка муки, уехал к вечеру, возвратился без мешков — куда во-зил, на ночь глядя на базар не ездят? Эти и другие сведения попадали через комсомольцев к лейтенанту Малеванному, он их изучал, сортировал, принимал свои меры.

Информаторы Стафийчука не обманывали его, когда говорили, что «работать» стало трудно — комсомольцы плотно перекрывали все тропинки к лесу.

Побывал Нечай и на хуторе Скибы. На свое счастье, попал туда, когда хозяина не было дома, а то неизвестно, как бы закончился этот визит — Скиба не любил непрошенных гостей, а болото рядом — мог же Нечай заблудиться и утонуть?

Подходя к хутору, опытный Нечай прихватил толстую суковатую палку. Непривязанные псы, тосковавшие без дела, лениво подняли уши, так же лениво встали, учуяв Ивана. Правда или нет, но говорят, будто собаки инстинктивно перенимают нрав хозяина, и у добрых людей тоже становятся добрыми, а у злых превращаются в бешеных цепняков. Псы тосковали без дела и явно оживились, когда Иван грохнул калиткой. Первым набросился рыжий, весь в клочках линялой шерсти кобель. Он неся стрелой, прижав уши к спине, захлебываясь от бешенства, шагах в двух от Нечая пружинисто оттолкнулся от зем-

ли, чтобы с ходу сбить жертву с ног. Иван коротко размахнулся и вытянул рыжего меж ушей так, что тот, перевернувшись в воздухе, мешком с половой шлепнулся на землю, забился в судорогах. Остальные сразу растеряли пыл, завyli, зарычали, но опыт рыжего был настолько впечатляющим, что броситься на Нечая не решился ни один.

— Убил! Убил Полкана! — выскочила на крыльцо из дома высокая, статная девушка. Она, видно, мыла полы: подол юбки высоко подоткнут, в руках тряпка.

— Развели волков! Или людей боитесь? — не сдерживая злости, сказал Нечай. — Не волнуйся, не подохнет твой Полкан. Собаки, они живучие, — насмешливо успокоил он девушку.

— Твое счастье, что на хуторе никого нет...

— Я не вор, мне хозяина бояться нечего. Уйми псов, а то у меня есть кое-что и покрепче палки, — Нечай хлопнул себя по карману.

Девушка посадила собак на цепь, и инструктор райкома отбросил дубинку, подошел поближе.

— Ну, здравствуй, красавица...

— День добрый, — ответила девушка на приветствие, бесцеремонно разглядывая гостя.

Иван тоже исподлобья посмотрел на нее кто такая? На наймычку вроде не похожа — вид уверенный и властный. Девушка одета была в вышитую блузку, простенькую, для дома. Белокурые косы тяжелым венком лежали на голове. Глаза темные, с чуть приметной раскосинкой, а лицо скуластое — видно, текла в жилах доля горячей южной крови.

— Где глаза такие отхватила? — грубовато пошутил Нечай.

— Нравятся? — кокетливо спросила девушка и сразу же стерла улыбку. — Зачем пришел?

— В гости к тебе! Только встречаешь не больно приветливо, чуть псами не затравила...

— Не мои собаки — отцовы...

«Дочка Скибы, — сообразил Нечай. — Ведь говорили же, что у кулака есть красавица дочь».

— Как зовут?

— Владой.

— Красивое имя, древнее.

— Не моя заслуга. Каким нарекли, то и ношу.

Пока они разговаривали так — полушутливо, полусерьезно, — Влада обеспокоенно поглядывала на дорогу, что вела к хутору. Время возвращаться отцу, что подумает, когда увидит ее с незнакомым хлопцем? Скиба раз и навсегда запретил дочери приглашать к себе на хутор кого бы то ни было. Редко-редко отпускал ее к крестной матери в соседние Подгайцы. А так для единственной дочери ничего не жалел, щедро покупал наряды, красивые безделушки, потакал ее капризам. Скиба приучил дочку к лесной жизни, привил страсть к охоте, подарил дорогую бельгийскую двустволку, и Влада часами бродила по болотам, по лесным чащобам, почти никогда не сталкиваясь с людьми — на север от хутора лесам не было конца-краю. Ведь не считать же людьми бандеровцев, которые забредали к Скибе, яростно глотали вместе с ним самогон, вечно боялись всего, хватались, как дурные, при каждом шорохе за автоматы. Впрочем, когда один из бандитов бесцеремонно облапил Владу, у Скибы кровью налились глаза, и он не сказал — прорычал: «Убью!» Можно было не сомневаться — убьет: хуторянин в гневе был страшен, а силы ему ни у кого не занимать. Скиба любил дочь, не было у него никого, кроме нее. Любил, но не баловал, не раз повторял: «Кто рано встает, тому бог дает». И вставала Влада до зари, работала до ночи — хозяйство у хуторянина было изрядное, — и только иногда к сердцу подступала злая тоска. Подходила тогда к зеркалу, смотрела на себя, думала: «Кому нужна моя краса? И что это за жизнь такая — все тайком, прячась от людей?»

Скиба в мечтах видел свою дочь богатой госпожой, муж у нее первый человек на всю округу, ломают перед Владой шапки за десять шагов. Давно, еще при панах, был он во Львове и видел там вельможных, образованных паненок — такой будет и его Влада. Но для этого надо, чтоб настали другие времена, и тогда старый Скиба покажет, чего он стоит, прижмет окрестную голытьбу, будет хозяином, ка-

ких мало в крае. Не с пустыми руками будет начинать — кое-что скопил, припрятал.

Вот о чем мечтал сумрачными вечерами хуторянин Скиба, намекал о своих планах дочери, а та лишь тяжело вздыхала: «Жизнь проходит, тато. Я ведь и сейчас могла бы учиться — никто не мешает». — «Не при Советах!» — вскипал Скиба. «А что вам плохого сделали Советы?» — дочка в упрямстве не уступала отцу. «Руки мне сковали своими законами. Последнее отберут — босьякам да лодырям раздадут». Скиба тупо смотрел в окно. Что отберут — так это точно. Стафийчук про то не раз говорил. Отбрали же у других зажиточных хозяев, а до него просто пока не добрались, не успели — живет на отшибе, в лесу. И уже примеривался Скиба, как будет стрелять из автомата в тех, кто придет отнимать у него добро...

Не знал всего этого Нечай, когда встретился с Владой, как не знал и того, что случайно забрел в осиное гнездо.

— А ты ведь себя не назвал, хлопец, — вдруг сказала Влада. — Нехорошо так: мое имя выпытал, свое не сказал, — мягко выговорила она.

— Зовут меня Иваном. Иван Нечай, — протянул руку инструктор райкома.

— Нечай... Нечай... — Влада вспоминала, где она слышала эту фамилию. Кажется, ее с проклятиями упоминал Стафийчук в разговоре с отцом. Ну конечно же, Стась грозился добраться до вожака комсомольцев Нечая. Она еще тогда подумала, что, наверное, смелый хлопчина этот Нечай, раз таким, как Стась, поперек дороги становится. И сейчас с любопытством посмотрела на Ивана. — Ты в комсомоле работаешь?

— Да, — удивился Нечай. — А ты откуда знаешь?

Странная девушка: по виду не скажешь, что из пугливых, а все время озирается, нервничает — на щеках вспыхивает и исчезает румянец, руки теребят передник.

— Ты как сюда попал?

— С дороги сбился. Шел в Зеленый Гай и заблудился.

— Добрый же тебе круг пришлось сделать...

— И то, уж думал, не выберусь...

— Сейчас я тебя на стежку выведу...

Влада сбегала в дом и быстренько возвратилась в сапожках, на плечах платок. Девушка очень волновалась и не скрывала этого. И когда Нечай спросил, что ее тревожит, она вместо ответа ускорила шаг и, только уйдя на порядочное расстояние от хутора, облегченно вздохнула.

— Вот эта стежка и выведет тебя на дорогу к селу.

Нечай искренне поблагодарил:

— Дякую, дивчино. Увижу ли тебя еще?

— А хочешь? — дрогнувшим голосом спросила Влада.

— Так какому ж хлопцу не захочется с такой красавицей встретиться? — В глазах у Ивана запрыгали лукавые искорки. — Приходи к нам в клуб.

— В Зеленый Гай мне дорога заказана, — печально ответила Влада. И вдруг предложила: — А знаешь, приходи ты в воскресенье к Змеиному болоту. Найдешь? Буду ждать...

«Срочно сообщите обстоятельства гибели гитлеровского коменданта Зеленого Гая. Горlinkа».

ТРЕВОЖНЫЕ НОЧИ

На крылечко дома кто-то положил цветы. Зоряна пересчитала их: семь ромашек, махровый красный георгин. Ее хотел видеть сам Стафийчук, встречу назначал на воскресенье. Дорогу покажет Остап.

На свидание с проводником Зоряна собиралась долго и тщательно. Задумчиво перебрала свой небогатый туалет. Что надеть? В конце концов выбрала простенькую суконную юбку, вышитую блузку, ярко расшитую безрукавку — кептарь. Ради воскресенья надела низку разноцветных бус. На волосы набросила шелковую косынку. Она знала, что наряд ей к лицу, и в то же время она выглядит достаточно скромно — никакого вызова сельскому общественному мнению.

По пыльной дороге мальчишки гоняли тряпичный мяч, совсем как в ее родном селе. Они дружно загалдели, увидев учительницу. На скамейках у домов сидели принаряженные молодницы. Степенные отцы семейств, одетые, несмотря на жару, в темные костюмы и сапоги, солидно попыхивали трубками. С учительницей здоровались приветливо — учитель первый на селе человек.

Мария Григорьевна за селом свернула на боковую тропинку, что вела к озеру, к заброшенным торфоразработкам — дальше в лес. Остап уже ждал Зоряну у старого каменного памятника. Когда-то вельможный польский пан приехал вместе с подпанками в эти места поохотиться и повеселиться. Пока пан пугал уток в камышах, челядь расстелила на пригорке скатерти, поставила вина. Паны пировали, а по озеру на лодке плавали музыканты, играли вальсы и полонезы. Тайком тоже прикладывались к бутылкам. Перевернулась лодка, пошли музыканты на дно. Никто не выбрался. На том пригорке и сложили им памятник. Об этом поведал Зоряне Остап, когда шли они лесом. Путь предстоял неблизкий, поэтому они не торопились, чтобы не устать раньше времени, шли размеренным, экономным шагом. Остап был без автомата, и вряд ли кто заподозрил бы в этом черноволосом медлительном хлопце бандита-бандеровца.

Он прекрасно знал лес. Вот и сейчас Остап рассказывал Марии, что самыми первыми зацветают весной мать-и-мачеха, гусиный лук, сон-трава. На глинистом откосе он отыскал побеги с большими листьями, протянул Марии. Девушка притронулась: сверху гладкие и прохладные, снизу теплые и пушистые.

— Потому народ и называет мать-и-мачехой: холодные, жесткие, как мачеха, ласковые, теплые, как мать.

— Мирный ты человек, Остап. Добрый бы из тебя садовник вышел. Или лесник. А ты за автомат взялся...

Блакытный молчал. Он приходил теперь на условленные места в чистых сорочках, побритым и принаряженным. С весной стало легче жить в лесу, можно было и выкупаться в озере и постирать. Зоряна обратила внимание на эту перемену, пошутила:

— Уж не надумал ли жениться?

— А что ж, — лениво ответил Остап, — и мы же люди.

— Ну какой ты человек? По лесам блукаешь, людей губишь...

Остап вспыхнул, сердито засопел, ускорил шаг.

— Так и до вечера недотелепаемся...

Потом вдруг сказал горячо и взволнованно:

— Бьешь под сердце. Сама не лучше меня. Чего полезла в петлю? Мне-то что, я с войны свою долю с лесами связал, а ты?

— Не было у меня другого выхода, — тихо ответила девушка. — Не себя, детишек не могла под ваш нож подставить. Убили бы, как Стафийчук грозился?

— Он бы убил...

Остап помрачнел. Давно вели они между собой такие откровенные разговоры. А поводом послужила листовка, которую случайно увидела Зоряна у Блакытного.

...Было это на лесном хуторе у Скибы. После первого визита Зоряна не раз пробиралась лесом к усадьбе Тараса. Лучшую зацепную хату найти было трудно.

Однажды ее вот так же, как сегодня, сопровождал Остап. Пока Зоряна вела переговоры с Шуликою — осторожным и напуганным облавами бандитом из дальнего Бурлацкого леса, — Остап сидел на скамеечке, зорко посматривал по сторонам. Потом достал из кармана листок бумаги, начал читать, водя пальцем по строчкам. Зоряна тихонько вышла из хаты, заглянула через плечо Блакытного: «...сдавайте оружие, выходите из лесов... Если на вашей совети нет...» — разбирал по слогам Остап. Увидев учительницу, он поспешно сунул листовку в карман.

— Поздно. Видела. — Она спокойно смотрела на бандеровца.

— Иди донеси! А то, может, сама пришьешь?

— Тише, скаженный. — Зоряна взмахом бровей указала на окна хаты. — Потом поговорим. А сейчас марш в лес, охолонь...

Было уже поздно, в ненастье упала ночь на лесной хутор внезапно. Зоряна решила заночевать. Хозяин отправил ее и Остапа спать на сеновал, кинув туда два козуха: «Больше нет, не обессудьте». Остап привычно разровнял душистое сено, пахнущее мятой, чабрецом и еще какими-то травами, названий кото-

рым Зоряна не знала. Кожухи он протянул девушке:

— Заворачивайся и ложись. Ночи еще холодные, как бы не продрогла.

— Стели на двоих — один кожух вниз, другим укроемся. Не погрыземся, в одной стае ходим...

Они лежали в темноте — спина к спине, — чувствуя дыхание друг друга. Молчали. Сквозь худую крышу виднелись клочки растревоженного непогодой неба, влетал порывистый ветер, и тогда сено шуршало, шевелилось, будто тянулось к небу и к ветру.

— Как в могиле лежим, — первым не выдержал Остап. Он повернул голову к Марии. — Скажешь Стафийчуку, Зоряна?

— А то! Может, убьешь?

— Не могу. Но Стафийчук узнает — не простит.

— Не такой он всеильный, твой Стафийчук. Тоже мне герой нашелся...

Скрипнула дверь, кто-то вышел во двор, мягко шлепая сапогами по траве.

— Не спит хозяин. Видно, беспокойно на душе.

Остап прислушался к звукам во дворе. Долгие месяцы лесной жизни научили его воспринимать мир на слух так же уверенно, как и глазами. И сейчас он точно определил, что делает Скиба, хотя и не видел его.

Скрутил сигарку. Закурил. Потоптался на месте. Проверил, заперта ли калитка. Но вот Скиба почему-то затаился. Это встревожило Остапа, он потянулся к пистолету, который положил сбоку, у бедра — так можно стрелять моментально. Девушка придержала его руку:

— Затихни.

В проеме показалась голова Скибы. Он долго всматривался в лежащих неподвижно Остапа и Зоряну и, только убедившись, что они спят, так же тихо спустился вниз.

— Проверяет...

— Не такой уж он всеильный, твой Стафийчук, — возвратилась к прерванному разговору Зоряна. — Надумал выходить из леса? — вдруг напрямик спросила она.

— Не знаю, ничего не знаю... Хоть так, хоть эдак — один конец!

В словах Остапа прозвучала тоска. Девушка успокаивающе провела рукой по его волосам, неожиданно спросила:

— Боишься смерти?

— Боюсь...

— А как других убивал?

— Нет на мне чужой крови. Пока нет.

Бывают ночи, как и людские характеры, — беспокойные. От них не спрячешься в себе. У кого воля сильная, тот молчит до рассвета, сжав зубы. Другим обязательно надо выговориться.

...Остап говорил прерывисто, сбивчиво, боясь, что его сейчас перебьют и останется камнем на душе недосказанное. Это была обычная история полуграмотного сельского хлопца, батрака богатых хуторян, обманутого звонкими националистическими лозунгами.

Отец умер, когда Остапу было десять. Осталось их у матери двое: он и сестра Гафийка, младшенькая. Босые ноги пастушонка истоптали все луга в округе. Потом умерла и мать. Жили в землянке. Остап батрачил. Приносил сестре кусок хлеба, который удавалось взять с хозяйского стола. Сестра тоже подросла, пошла в няньки. Стали жить немного лучше — Остап был неплохим работником, здоровым, двужилым хлопцем, и платили ему теперь больше.

Когда в Западной Украине установилась Советская власть, Остапу дали землю, помогли семенами. Он послал сестру учиться в школу. И вдруг война. Гитлеровский комендант надругался над пятнадцатилетней Гафийкой...

Вьюжной зимней ночью Остап подался в лес. На свою беду, попал не к партизанам — к бандеровцам. Те вышколили, вымуштровали из хлопца «боевика». С немцами жили мирно. Мелкие дразги не в счет. Остап все ждал, когда настанет обещанный день расплаты над палачами, да так и не дождался. Шли дни, и время зарубцевало рану. А комендант все-таки получил свое — от рук партизан.

У Остапа же на смену мести пришли другие чув-

ства — страх перед Стафийчуком, страх перед крестьянами, которых грабила банда, страх за убийства, поджоги, налеты на села. Все это творила банда, и каждый в ней нес на себе кровь, пролитую сообща.

— Вот так, Зоряна, — с болью закончил исповедь Блакытный, — могло ведь все быть по-другому.

Девушка не знала, верить ему или не верить. Если обманывает, то для чего? Проверяет по поручению Стася? А вдруг искренне? Зоряна обязана была сразу же донести о настроениях Блакытного Стафийчуку. Они опасны для всех. Но Мария Шевчук еще не до конца стала Зоряной.

— А над тем, что ты говорил, я подумую...

— ...А что бы ты сделал с гитлеровским комендантом, если бы встретил его?

Остап не сразу понял, о чем его спрашивают. Они уже далеко ушли от села и пробирались лесной тропой в густом лесничестве. Гибкие ветви хлестали по лицу, по одежде. Не больно — одетые в легкую зелень, они ласково прикасались к путникам.

— О чем ты, Зоряна?

— Вспомнила наш разговор... Вдруг бы встретил ты того кота?

— Убил бы гада! Этому меня дуже добре теперь обучили!..

Она вновь удивилась происшедшей в парне перемене. Только что шел по лесу спокойный, внешне ко всему равнодушный, песенку насвистывал. Сломал ветку и по мальчишеской привычке рубанул головы белым ромашкам. Услышал крик кукушки, стал сосредоточенно считать: «Раз... два... три... десять... Мало наворожила лесная птица...» А тут передернул лицо в жесткой гримасе и даже походку сменил — пошел пригибаясь, будто ожидая, что сейчас из-за какого-нибудь дерева появится фашист и он бросится на него, вцепится в глотку.

— Убил бы!..

Нет, видно, не все раны зарубцовывает время и не всякую боль забывает память.

— Так чего же сам стал фашистским прислужником?

Они стояли друг против друга на лесной тропе. Блакытный шагнул к девушке, поднял руку... Она не отступила, не побежала — тоже шагнула ему навстречу. Остап схватил ее за плечи, сжал, повернул резко — глаза в глаза. Оттолкнул — понял, что ничего не сможет ей сделать, прохрипел:

— Как же ты нас ненавидишь!

— А то, думаешь, люблю? — Она поправила волосы, одежду. — В свою упряжку запрячь вы меня смогли, любить не заставите!

— Прикончит тебя Стафийчук. Узнает тебя поближе и...

— Если ты не донесешь — не узнает. Мы с тобой теперь квиты. Листовку выбросил?..

— Нет. Будет пропуском — здесь написано.

— Дурень! Если найдут — погибнешь ни за что.

— Скажу, на сигарки подобрал.

— Так тебе и поверят... Гляжу на тебя и не понимаю. Хлопец ладный, такому б сейчас труд по душе, дивчину кохану — жил бы припеваючи. А ты — куда ветер тебя согнул, туда и стелешься.

Она сказала это беззлобно, жалеючи непутевого парня, у которого не выдалась доля.

— Кстати, знаешь, кто убил коменданта?

— Партизаны. Нас тогда здесь не было — водил Стафийчук в ровенские леса.

— Отомстил за твою Гафийку замечательный парень...

**ДАЛЬНОСТЬ
ПОЛЕТА
ПУЛИ —
ТРИ
КИЛОМЕТРА**

Он лежал здесь с ночи, много часов подряд. Неподвижно лежал, и даже куст бузины, который его укрыл, не шевелился. Почти рядом с его засадой высился каменный памятник панским музыкантам, так и не доигравшим для их вельможностей последний полонез. На памятнике сельские мальчишки гвоздями выцарапывали свои имена и имена подружек. Серый камень крошился, и гвозди оставляли в нем глубокие борозды. Его имя тоже было выцарапано у самой вершины памятника — для вечности. Он знал здесь каждую складку на земле — этот куст и серый валун были его знакомцами. Он еще раньше решил, что укроется в густом, огромном кусте бузины, как хохолок торчавшем на краю канавы, перерезавшей пригорок. Оттуда видно далеко вокруг. Хаты на противоположном берегу. Камыши под кручами. Бывший панский фольварк.

Дрема навалилась вместе с рассветом. Он разрешил себе закрыть глаза, забыться, положив голову на руку. И хотя это был не сон — так, не переставая чувствовать все вокруг, не спят, — несколько минут

приободрили, немного сняли усталость. А рука не должна дрогнуть, иначе все будет напрасно.

Первыми на сельских дворах появились хозяйки. Они с ведрами прошли к хлевам, и слышно было, как протяжно мычат коровы, а еще ему показалось, что он услышал тугой стук молочных струй по донцам ведер. Но это только показалось — до села, напрямик через озеро, два километра.

«...Надо будет обязательно учесть ветер, хоть и слабый он».

На ветку совсем рядом села пичуга, склонила голову набок, глянула зеленым глазом. Человек, большой, неподвижный, распластанный на земле, внушал доверие, и пичуга принялась чистить острить клювик. Для нее тоже начинался трудовой день.

На бывшем панском фольварке, как маятники, вышагивали часовые. Бегала солдатня, сыто урчали грузовики — шоферы пробовали моторы. Но прошло еще часа два-три — солнце окончательно влезло на небосвод, пастушата прогнали стадо к лесу, роса подсохла, а земля прикрылась кисеей легкой дымки, прежде чем во двор фольварка въехал вездеход. Солдаты построились в прямоугольник.

Он потянул винтовку к себе, намотал ремень на локоть левой руки, уперся локтем в давно приготовленную ямку. Ему захотелось, чтобы земля остановилась в своем движении по вселенной, потому что на какой-то миг показалось, будто зашаталась она, и края горизонта справа и слева поднялись и опустились, как волны в море. В прорезь прицела был виден комендант. Он приехал не парад принимать — через несколько минут солдаты по команде прыгнут в кузова машин, и эти машины, пушки двинутся в лес. Фашисты долго и тщательно готовились к карательной операции, надеясь разом покончить с партизанским отрядом.

У него были свои счеты с комендантом. Но сейчас он думал только о том, что не должен, не имеет права промахнуться, хотя и легли между ними два километра. Если промахнется, комендант не станет до-

жидаться второго выстрела, укроется за вездеход, — там его не достать.

Глазам больно — они устали.

Солдаты замерли, два офицера, выкидывая ноги, пошли навстречу друг другу.

...Дальность полета пули — три километра, прицельная дальность стрельбы — две тысячи метров. Планка на прицеле была отжата до отказа...

Офицеры сошлись точно у середины солдатского прямоугольника, остановились, приложив руки к козырькам...

И тогда он нажал на спусковой крючок. А потом уходил к лесу, не пригибаясь, во весь рост — он свое дело сделал, теперь скрываться было нечего. Партизанская пуля навывлет прошила фашистское сердце. В лесах и селах об этом выстреле сложили легенды...

У него были свои счеты с комендантом. Это его имя было выбито дружками у самой вершины памятника: «Гафийка + Данько = любовь». Это его любовь измордовал фашистский кат. Данила Бондарчук отмстил, как подобает мужчине, — кровь за кровь...

— Данила Бондарчук, комсомольский секретарь? — не сразу поверил Остап Блакытный.

— Он после стал секретарем — как из леса вышел.

— В него наши недавно стреляли?

— Лежит Данила в больнице, пуля рядом с сердцем прошла...

Остап обхватил голову руками.

— Если бы я знал все это раньше...

— То что бы ты сделал?

— Предупредил Данилу... Я ведь, выходит, его вечный должник.

— У тебя будет еще возможность отдать свой долг Даниле.

Она сказала это жестко и твердо.

Опять пошли лесными гропами, и чем дальше уходили от жилья, тем гуще, непроходимее, сумрачнее становился лес. Остап кружил по полянам, чутко прислушивался к шуму деревьев, несколько раз останавливался и даже возвращался назад.

Девушка хотела сломать ветку, обмахнуться зеленым веером — в лесу было душно. Остап перехватил ее руку, предупредил, что здесь нельзя оставлять никаких следов. Потом исчезли веселые, прикрытые травами полянки. Мягко пружинил под ногами мох, поваленные ветрами деревья и в разгар дня были мокрыми, скользкими — солнечные лучи не пробивали густую крону.

— Далеко еще? Ноги сбила, тяжело идти.

— Скоро.

И действительно, когда, казалось, добрались уже до непролазных чащоб, из-за дерева вышел бандит с автоматом. Он протянул Остапу грязный платок, приказал завязать спутнице глаза.

— Геть! — раздраженно сказала Зоряна. — Не буду из-за вашей вонючей ямы тряпку на очи набрасывать.

Бандеровец все-таки настоял на своем: приказ Стафийчука. Она побрела, спотыкаясь о корни, перепоясавшие землю. Опять куда-то сворачивали, петляли между деревьями, спускались в овраги.

— Ведьмаки проклятые, забрались к черту в зубы, — шипела Зоряна, когда низкие ветки влажно скользили по лицу.

— Ты дывись, зла яка! — удивлялся встретивший бандеровец.

Наконец остановились. Послышались неясные голоса, зашумел, сдвинувшись с места, здоровенный куст. «Ступенька... еще одна... и еще... — подсказывал Остап. — Все».

Зоряна сорвала повязку. Она стояла в бункере. Стафийчук приветливо улыбался и протягивал руку.

КУРЬЕР БАНДИТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

— Чтоб вас... с вашей конспирацией!

Стафийчук рассмеялся, показав остренькие, мелкие, прокуренные до желтизны зубы. Засмеялись и двое других, сидевших на колченогих, крепко сколоченных табуретках.

Бункер, судя по доброте, был построен давно, основательно, еще в те времена, когда бандеровцы заботились не о временном пристанище, а о надежном убежище на черный день. Что он наступит, наиболее дальновидные бандиты не сомневались.

Стась сам выбрал место для своей базы, завез заблаговременно оружие, снаряжение, в соседних селах внедрил свою агентуру. Шутит, что в его бункере можно отсиживаться до второго всемирного потопа.

— Так гостей не встречают! — Зоряна говорила капризно и обиженно.

— У нас одинаковые для всех правила, — извиняясь, объяснил Стафийчук. — Так что не взыщи.

Зоряна быстрым взглядом обвела бункер, будто искала, на ком или на чем сорвать накопившуюся злость. Заметила на стене короткий немецкий автомат, сняла «шмайсер», передер-

нула затвор. Бандеровцы поспешно сунули руки в карманы, за отвороты линялых стеганок. Только Стафийчук не двинулся с места, не схватился за пистолет, смотрел заинтересованно — не больше.

Зоряна щелкнула предохранителем.

— Знакомая игрушка? — спросил Стась.

— Да. Отец обучил обращаться с нею. Партизан он при немцах...

Националисты переглянулись. Худой и бледный от сидения в бункерах бандеровец, которого Стафийчук называл Дротом*, встревоженно проговорил:

— Привел партизанского выкормыша...

Она резко повернулась к бандеровцу.

— Гей ты, Дрот, или как там тебя, смотри, как бы не нарубала из тебя гвоздей!

Дрот удивленно заморгал, побагровел, подхватился с табуретки.

— Сядь, — приказал Стась. — Говорил вам: огонь девка, пальца в рот не клади — откусит, скажет, так и было... А ты, Зоряна, тоже не кипятись, жизнь у нас такая, никому не верим.

— Ну ладно, разболтались, — сказала она. — Давайте к делу, мне не позже восьми надо уйти, а то не попаду в село.

— Хлопцы выведут на дорогу.

Зоряна доложила о встречах за последние две недели. Она исколесила всю округу, побывала на многих хуторах. Шла от одной встречи к другой. Дорогу к Скибе ей указал Стафийчук. Скиба привел к Шулике. Шулика передал Дубняку. Дубняк выделил хлопца, который отвел ее на место встречи с Джурою... Так связывала и связывала Зоряна ниточки лесной паутины, штопала в ней прорехи.

Она называла Стафийчуку и его подручным явки, зацепные хаты, подпольные клочки главарей банд. Бандеровцы радовались: «Живой еще Дубняк, а говорили, что попался чекистам...»

Они помрачнели, когда Зоряна перешла к характеристике националистических группок, о которых

* Дрот — проволока.

знала со слов проводников. Малочисленные. Загнанные облавами в чащобы. Тайные схроны и склады оружия больше не существуют. Боеприпасы на исходе. На «боевиков» разлагающе действуют призывы властей выходить из леса и сдавать оружие. Особенно участились случаи бегства после того, как некоторые, начитавшись листовок, явились к представителям власти с повинной и действительно получили амнистию. Живут теперь неплохо, и слухи об этом проникли в лес.

Стафийчук и его помощники переспрашивали подробности, уточняли по карте местонахождение групп. Стась нервно заходил по бункеру. Следя за ним взглядом, Зоряна увидела в дальнем, плохо освещенном углу бункера сваленное в кучу обмундирование солдат Советской Армии: шинели, гимнастерки, пилютки со звездочками. Тоже, наверное, досталось от немцев по наследству. Содрали где-нибудь в лагере фашисты одежду с военнопленных, отдали националистам.

Марию Стафийчук похвалил. Даже не ожидал, что она так успешно справится с заданием. Предупредил строго:

— Но, боже тебя упаси, Зоряна, попасть в лапы к врагам нашим. Теперь ты знаешь столько, что дороже многих «боевиков».

Посоветовался со своими, не прикрепить ли постоянно к Зоряне Блакытного? Пусть и дальше охраняет и бережет учительницу. У девушки тоскливо сжалось сердце. Знала она цену такой «охране» — пуля в спину в случае провала. Но возражать не стала — бесполезно.

— Вот еще что, — вспомнила она, — со всеми условилась о сборе. Место — хутор Скибы. Сигнал — звездочки, выбитые на старом памятнике. Количество знаков укажет место встречи.

Проводник не скрывал своей радости. На сборе вожак договорится о совместных действиях, и тогда он, Стафийчук, сможет приступить к выполнению задания закордонного провода. Операция «Гром и пепел» будет осуществлена. Он торжественно сказал:

— От имени отчизны выношу тебе, Зоряна, щирую подяку.

При этих словах бандеровцы нехотя встали. Дрот чуть презрительно покосился на главаря. Велеречивость бывшего сельского учителя основательно надоела его подручным.

Стась оживленно потер руки, предложил:

— Добре поработали, час и отдохнуть.

В люке появилась нечесаная голова бандеровца со шрамом, приходившего как-то ночью к Марии.

— Спроворь нам, Василь, пообедать.

Карту убрали. Появились сулея самогона, жестяные кружки. Василь нарезал самодельным, остро отточенным ножом сало, располосовал каравай. Из шкафчика достал глечик с маслом, луковицы, крупную рыжеватую соль. Стафийчук разлил самогонку, протянул кружку девушке.

— Опыанею, — она отвела его руку, — а мне еще идти и идти.

— Не бойся, выйдешь куда надо.

— Куда доля заведет, туда и выйдет...

Посыпались шуточки, грубоватые остроты. Выпивка на столе — бандеровцы повеселели. Зоряна чуть пригубила самогон. В нос ударил противный запах первака.

— Э, так у нас не пьют, дивчино, — запротестовал Дрот. — Хотя ты меня и обидела, но я зло таить не буду. Давай за знакомство, видно, бедовая ты...

— Помиритесь, — поддержал Стась. — Ты уж прости его, Зоряна.

— Ладно, — не заставила себя упрашивать Зоряна.

Все выпили. Глаза учительницы заискрились переменчивым блеском. Бандеровцы звучно хрустели луковицами, посыпали сало крупной солью. Выпили еще по одной. Но на этот раз Зоряна решительно отказалась, ее не стали неволить — самим больше достанется.

— Опыанеешь, ни на что годный не будешь... — предостерегла Зоряна Стафийчука.

Дрот захохотал.

— Ты смотри, Стась, как она о тебе заботится, мне бы такую.

— А чом не пара? — самодовольно отозвался Стафийчук. Он все чаще и чаще поглядывал на круглые колени Марии, едва прикрытые короткой юбкой.

Девушка раскраснелась, косынка сползла с волос, прическа сбилась, и сейчас она была совсем не похожа на ту сдержанную, подчеркнуто-строгую учительницу, которая каждое утро входит к ребятам в класс, учит девочек и хлопчиков доброму, разумному.

Так бывает иногда. Если в готовом портрете человека легкая рука мастера изменит лишь некоторые черты, то появится совершенно новый образ, лишь отдаленно напоминающий оригинал. В последние дни только деталей не хватало для полного превращения учительницы Марии Шевчук в курьера бандитского подполья Зоряну. Теперь они появились. Стафийчук мог гордиться — он был мастером, подчинившим ее своей воле.

— Было время, — разнеженно разглагольствовал Дрот, — гуляли по всему краю... Любого вражину — к стенке, любую молодницу — в постель...

— Эге ж, — меланхолично поддакивал ему приятель. — Только бы не партизаны — немцы не в счет, они не мешали. А помнишь, Дрот, как ты от медведцев драпал в одних подштанниках?

— Тьфу, нечистая сила, — выругался Дрот, — не мог чего другого вспомнить!

Стафийчук побледнел, глаза издерганно, пьяно мигали, под ними легли густые тени.

— А ну давайте по последней, — главарь поднялся.

Бандеровцы нетвердо считали ступеньки, проталкиваясь в люк.

— Наконец-то, — облегченно вздохнула Мария.

— Чего? — не понял Стась.

— Говорю, наконец, эти бугаи выкатились...

Мария прикинула, сколько выпили. В сулее не меньше двух литров. Откуда только самогон поставляют в лес?

Стафийчук помотал головой, отгоняя пьяную одурь.

Скрутил сигарку, сильно затянулся. На какое-то время это его отрезвило. Проводник схватил Марию за плечи, прижал к себе, подталкивая к нарам. Она не вырывалась, только уклонялась от жадных, прижженных самогоном губ. Близость девушки, ее податливость, покорность распалили Стафийчука.

— Василь, — заорал он, — тащи выпивки!..

Выпили. И снова наполнила кружки Мария. Себе плеснула на донышко.

— Спаиваешь? — мотнул головой Стась.

— Как же, тебя спойшь, — одобрительно сказала Зоряна и заставила Стафийчука до дна опрокинуть кружку.

Он заснул сразу, моментально — так проваливаются в бездонную яму. Кружка покатилась, гроыхая, под стол, но разбудить Стафийчука сейчас уже ничто не смогло бы.

Мария долго сидела на табуретке, не шевелясь, наслаждаясь тишиной, сбрасывая с себя напряжение последних часов. Она прикрыла рукой глаза, прислонилась к стояку, подпиравшему накат. Всмотрелась в спящего. Стафийчук свалился боком, и пьяная слюна пузырилась на губах. Наскоро прибрала на столе. Выбралась из бункера. На пне сидел телохранитель — чинил сорочку.

— Дай-ка я, — Зоряна взяла иголку с ниткой, споро заработала.

И вдруг кто-то заорал истошно:

— Держите ее! Секретарь райкома комсомола! Чекистка!

И прежде чем она успела сообразить, что происходит, руки ей завернули за спину, окружили плотным кольцом. Она тоже узнала говорившего — поповский сынок из Явора. Бандеровец возбужденно продолжал:

— Я ее узнал — она в нашем районе на Львовщине была комсомольским секретарем! Сколько хлопцев сгубила в облавах! Сам от нее еле ушел!

Мария не вырывалась, ждала, когда придет Стафийчук, которого никак не могли добудиться. Дрот был уже здесь, зло матерился:

— Змиюка чекистская...

Стафийчук рассвирепел. Его опухшее после пьянки лицо, налитые кровью глаза выражали то бешеный гнев, то растерянность: сам вербовал ее, посвятил в тайное тайных — и на тебе! Но сомневаться не приходилось: Волоцюга, опознавший Марию, был старым, проверенным «боевиком», да и учительница ничего не отрицала.

— Сперва на допыт* ее, — распорядился Стафийчук, — потом отдадим хлопцам в бункер, пусть потешатся — и на сук...

Мария побледнела.

— Не боишься за меня голову потерять, Ярмаш? С тебя спросят!

— У кого узнала мое псевдо? — заорал Стась и сунул кулаком девушке в лицо.

Тоненькая алая струйка потекла из разбитых губ. Мария резко выпрямилась, крикнула:

— Хватит! Рукам волю даешь, ну что ж — отплачу за все, я и так перед тобой в долгу! Ну-ка развяжи меня!

— Она мне приказывает! — истерически захохотал Стафийчук.

Мария, презрительно прищурившись, слушала Стафийчука.

— Кто я такая, Ярмаш, можешь узнать швидко по такому адресу... — она замялась. — А ну наклонись, скажу. Да не бойся, не кусаюсь!

Стафийчук посерьезнел, растерянно заморгал короткими ресницами.

— Гони курьера, и немедленно, — уверенно приказала Мария, — пусть передаст: «Горlinkа просит помощи». Того, кто с ним придет, сразу ко мне. До того времени стерегите, раз не верите. А с тем злыднем, — она презрительно кивнула на Волоцюгу, — я разделаюсь позже...

Ее бросили в старый, полуобвалившийся бункер. Курьер ушел через тридцать минут — с теми, кто нахаживался по указанному Марией адресу, шутить не

приходилось. У бункера выставили охрану. Девушка осталась одна. Курьер мог возвратиться только через сорок восемь часов.

«Подлые враги украинского народа — буржуазные националисты — совершили еще одно кровавое злодеяние. От их рук трагически погибла молодая учительница из села Зеленый Гай Мария Григорьевна Шевчук. Со всем недавно приехала к нам Мария Григорьевна, но ее успели полюбить и дети и взрослые. Мария Григорьевна учила ребят добру, любви к Украине, к родному народу. Верная традициям народной интеллигенции, Мария Григорьевна после окончания института учительствовала в селах, несла людям свет знаний. Как комсомолка, она проводила значительную общественную работу среди молодежи, собирала и записывала народные песни. Бандеровские палачи замучили учительницу-комсомолку, но ее короткая светлая жизнь для всех нас будет примером. Убийц настигнет суровая кара, им не уйти от возмездия.»

*Группа товарищей»
(районная газета «Нове життя»).*

* Д о п ы т — допрос.

КЛЕТКА ДЛЯ КОРОЛЕВНЫ

Змеиное болото затерялось в лесной глухомани. От Зеленого Гая до него десяток километров; только не каждый решится их пройти по полусгнившим кладкам через топи, по старым перекидным мосткам из жердей через заплывшие илом ручьи. Зато нет лучшего места для охоты — гнездится там великое множество диких уток. Но забредает туда редкий охотник. Пугает не только дорога по трясинам, прикрытым обманчиво-надежным ковром из густого мха, болотной ягоды, редкого кустарника. В годы войны шли здесь тяжелые бои, рейдами проходили партизанские отряды, прикрывались от гитлеровских карателей заслонами из мин. Нашпигована ими земля: и горе тому, кто наткнется на паутинку-проволочку, легшую от куста к кусту. Вполне возможна и встреча с бандитами — выбирают они для своих дел места поглуше. Змеиным болотом давно уже пугают непослушных детей...

В субботу Иван спросил у хлопцев, нет ли у кого охотничьего ружья и снаряжения. Роман Гаевой притащил ему трофейную немецкую двустволку и туго набитый патронташ. Степан

Костюк — высокие болотные сапоги и ягдташ. К охоте все было готово.

— Куда собрался? — поинтересовалась Надийка.

— На Змеиное, уток постреляю.

Надийка неторопливо обошла Нечая. Осмотрела его со всех сторон, даже приложила ладонь ко лбу. Покрутила пальцем у виска:

— А ты, случаем, не того?

Хлопцы рассмеялись, так у нее это выразительно получилось.

— Да вроде нет, Надийка.

— Так какая же нечистая сила прет тебя к лешакам в гости? Или не знаешь, что это за болото?

— Надо повидаться с одним человеком. Интересный человек...

У Нечая даже голос стал мягче, когда заговорил о предстоящей встрече.

— В брюках твой человек или в юбке?

— Косы у нее серебряные, а когда солнечный луч на них упадет — золотыми становятся.

— Так, понятно... — Надия старалась подстроиться под шутливый тон Ивана. — Влада Скиба — королева лесная! Угадала? Как в таком случае ты говоришь: на повестке дня — любовь?

Девушка говорила спокойно и бесстрастно. Как маленького, терпеливо уговаривала:

— Скиба и его хутор под подозрением. Не удастся только схватить его на горячем, а то бы давно уже упрятали туда, куда Макар телят не гонял. Думаешь, дочка у него другая? Такая же, дай ей власть да плетку в руки — погонит на панцину...

Нечай, сноровисто подгоняя снаряжение, внимательно слушал Надийку. Он еще и сам не мог точно сказать, зачем понадобилась ему эта встреча. Влада — чужачка, это факт. Может, и верно, что дети за отцов не отвечают, только есть и другая пословица: яблоко от яблони недалеко падает. Здесь, на хуторах, дети не могут не отвечать за своих родителей. Тесно сплелось все в единый клубок, и сын не может не знать, чем занимается его отец. Он может быть или с ним, или против него — третьего не дано.

— Ты сам голову в капкан суешь, — уговаривала Надийка. — А вдруг это ловушка? Места удобные. А твоя Влада — подсадная утка.

— Вряд ли. Скиба не станет рисковать дочерью, если это его затея. Не дурак, сообразит, что я предупрежу вас, куда ушел. В конце концов я ведь тоже человек: хочу отдохнуть, поохотиться, а Влада — дело десятое.

Неправду сказал Нечай. Не стал бы он тратить дорогое время на охотничьи забавы. Заинтересовала его эта девушка, чем — пока и сам не знал. Может быть, тем, что судьба у нее такая странная — жить одиноко в лесу.

Как бы там ни было, ранним воскресным утром, еще алела зорька, отправился Нечай к болоту. Сельский пастух пожелал ему добычливой охоты.

— Дякую, — ответил Нечай.

— Э-э, какой из тебя охотник, если ты ответить не умеешь?

— А как надо ответить, дядько Панас?

— К черту меня пошли да дулю покажи.

— Зачем же дулю?

— Самое что ни на есть надежное средство против зависти. Я вот смотрю на тебя и думаю: убьет Нечай утку, вернется с охоты, зажарит ее хозяйка, стопочку опрокинет Нечай, а я корку сухую буду грызть — завидую, еще сглажу. А ты мне дулю под нос — помогает.

Посмеялись, побалагурили. Нечай распрощался с разговорчивым Панасом, пошел дальше. А пастух, собирая по сельским подворьям стадо, заглянул к бабе Кылыне. Не было у бабы Кылыны коровы, зато сама она приходилась Панасу кумой.

— Пошел Нечай к Змеиному болоту. На охоту пошел. И один, ничего не боится комсомолец, — заметил, между прочим, в разговоре Панас.

Баба Кылына наскоро попотчевала пастуха стопкой самогонки с маринованными грибочками, выпроводила к стаду и заторопилась, захромала — тоже к околице.

Первые километры Нечай одолел быстро. Прият-

но было идти по утренней прохладе — солнце еще только выползло, отяжелевшая от росы трава мягко и влажно шлепала по сапогам. Дальше — путь труднее, шаг медленнее, пошли гати да кладки.

Змеиное только называлось болотом — это было огромное озеро, уже сдавшееся в борьбе со временем: с каждым годом оно все больше и больше заболачивалось, зарастало, мелело. Но пока болотная тина одолела лишь берега, а дальше простиралось большое водное зеркало, испещренное множеством островков, местами густо поросшее двухметровым камышом, гибким лозняком, изрезанное протоками. Немногим были известны редкие твердые подходы к воде, а так — ходи, броди вокруг — водицы не зачерпнешь.

Только у самого озера Нечай сообразил, как трудно ему отыскать в хитросплетениях болотных тропинок Владу. Эх, не условился поточнее! Он упорно продирался сквозь заросли папоротника, частокол полусгнившего валежника, по давним приметам угадывая стежку, которая должна будет вывести его к воде. Ориентиром служила сосна причудливой формы, росшая на одном из островков: память услужливо подсказала эту приметку.

Нечай благополучно перебрался на твердый бугорок земли, отыскал место посуше, уселся передохнуть, оглядеться. Гулко зашлепала крыльями по воде потревоженная утка и, оставив длинную дорожку, оторвалась от воды, пошла кружить над камышами. Домовитая водяная курочка неслышно пробежала по ряске. Иван вспомнил о ружье, снял с плеча, положил рядом. Дичи было много, и он не торопился: что толку стрелять, если шлепнется сбитый крыжак в воду — не достанешь. Нечай выждал, пока летевший прямо на него крупный селезень поравнялся с береговой кромкой, и только тогда вскинул ружье. Он услышал, как шлепнула дробь по тугому перу — селезень кувыркнулся, забил косыми крыльями по траве.

Почти тотчас же где-то неподалеку тоже раздался выстрел, и эхо его покатилося по воде. «Эге, не один

я здесь», — подумал Нечай и на всякий случай переложил пистолет из кармана за отворот ватника. Он прилег, слился с землей, ждал. В дальней затоке показалась лодка. Кто-то сноровисто работал веслом — узкая душегубка стрелой резала воду. Она выскочила на широкий разлив, гребец встал, из-под руки всмотрелся в прибрежные камыши. Это была Влада. Нечай тоже поднялся, призывно махнул рукой:

— Гей, на лодке!

Посудина мягко прошуршала по дну, ткнулась в бережок.

— Садись, Иване, — гостеприимно пригласила Влада. Она была в брюках, в стеганой куртке, ружье и патронташ лежали на скамеечке.

— Сейчас, только утку подберу.

Лодка была неустойчива, при резких движениях едва не черпала бортом воду, но только на такой узконосой, вытянутой в длину долбленке и можно было пробраться сквозь густые камыши.

— Одну сбил?

— Раз и стрелял. Какая охота с берега?

— Тогда приготовься — сейчас пойдут самые утиные места.

В камышах много полянок — окон. Небольшие, затянутае ряской, укрытые со всех сторон густым тростниковым камышом, они служат надежным дневным пристанищем уткам. От полянки к полянке — узкие тропки по воде, проложенные неизвестно кем. Влада отлично знала здесь все, гнала легкую, быструю лодку, казалось, прямо на непроницаемую камышовую стену, а за нею вдруг оказывался «пятачок» чистой воды. С треском, паническим криком взлетала утка, и Нечай бил влет, навскидку, едва успевая перезарядить ружье. Влада разругиалась, работая веслом, сбросила куртку. Они не разговаривали, было не до этого: оба увлеклись, оба с трепетом ждали, когда вырвется из камышей следующий крыжак, потом еще и еще...

— Досыть! — первой опомнилась Влада. — Добрый же переполох мы подняли! — засмеялась она,

показывая Нечаю на вспугнутых уток, которые на бредущем носились над озером.

Нечай отложил ружье, повернулся к девушке.

— Ну и молодчина ты, Влада! — с искренним восторгом сказал он. — Так на уток вывозить! Правда говорят, что ты лесная королевна.

— Кто говорит? — встрепенулась Влада, и темные брови ее сошлись на переносице.

— Наши хлопцы, зеленогайские.

— Ты разве сказал, куда идешь?!

— А чего скрывать?

Девушка ничего не ответила, только сильными взмахами весла погнала лодку от берега, возле которого они крутились.

— Куда плывем? — спросил Иван.

— Увидишь. Садись на весла.

— Попробую.

Иван развернул лодку и погнал ее в направлении, которое указывала ему Влада. Озабоченность не покидала девушку. И только когда они отмахали километра два через озера, с разбегу влетели в реденький камыш, Влада разрешила Ивану передохнуть. Он положил весло, достал сигареты. С наслаждением закурил.

— Смотри, — тронула его за плечо Влада и указала на лес.

На дальний берег, от которого они так стремительно уплыли, вышли трое. Автоматы в руках. Смушковые шапки даже в жару. Осторожная волчья поступь: перебежками от дерева к дереву, от куста к кусту, будто знали, что здесь кто-то должен быть, готовые немедленно открыть огонь по каждому шороху. Иван схватился за весло, начал разворачивать лодку.

— Скаженный! — умоляюще зашептала Влада. — Да тебя убьют, не успеешь к берегу причалить. Что ты один против трех автоматов?

— Выслежу берлогу, — настаивал Иван. — Не мешай, Владзя...

— Багато, хлопче, берешь на себя. И близко к ним не подступишься, на «охоту» вышли, кого-то

ищут... Нет, не пушу! — Девушка схватила весло и погнала лодку дальше в камыши.

Нечай вынужден был согласиться с доводами Влада. Про себя удивился ее умению ориентироваться в обстановке, трезвому расчету — тому, как быстро она взвесила «за» и «против». Иван насупился, он с трудом мирился с мыслью, что враг был совсем рядом и вот ушел безнаказанно, и ничего он, Нечай, не мог поделать. На охоту, гады, вышли... На охоту... На кого?

— Интересно, кого искали? — будто угадывая его тяжелую думу, спросила Влада. И быстро, резко добавила: — Уж не тебя ли?

— Скоро доплывем?

— Скоро...

И действительно, через некоторое время долбленка причалила к небольшому островку. Покатый холмик земли. Заросли черной ольхи с осинником. Верболюз смотрится в воду. На макушке островка две сосенки. Под ними легкий шалаш. Костровая яма. Тренога для котелка.

— Прибыли! — провозгласила Влада.

Нечай с интересом осматривался, приглядывался к островку.

— Твои владения?

— Да, если я королева, то мои владения — Змеиное. Здесь же столица.

— Мне нравится.

— Тогда будь как дома. Чтобы ты не волновался напрасно, скажу: в столицу без моего ведома ни один человек не проберется. Путь сюда только водой. На Змеином всего две лодки — на одной мы приплыли, а вторую я заранее угнала в камыш.

— Предусмотрительная...

— С волками жить...

— А кто волки?

— У кого нрав звериный.

Уклонилась Влада от ответа. И Нечай не стал настаивать — не время еще. Достаточно и того, что, когда появились бандиты, Влада явно была на его стороне. И сейчас позаботилась о его безопасности,

оградила островок от появления непрошенных гостей. Интересно, зачем ей понадобилась эта встреча?

Влада тем временем хлопотала у костра. В шалашике у нее оказались запасы провизии, и она сновисто готовила обед, иногда искоса поглядывала на Нечая. Девушке нравился симпатичный хлопчина, и, как убеждала она себя, не было ей никакого дела до того, что работал он комсомольским инструктором. Скрыла от отца, что приходил Нечай на хутор? Не сказала о предстоящей встрече с ним? Ну и что? Могут же быть у нее свои, девичьи, секреты! Так думала Влада, прогоняя беспокойство: впервые за много лет у нее появилась тайна, которую надо было беречь даже от самых близких. До сих пор тайны были у нее с отцом пополам: он куда-то уходил по ночам, у них останавливались бандеровцы, как-то несколько дней кряду жил Стась. Влада, считая все это делами сугубо мужскими, не вмешивалась в них и твердо помнила совет отца: хочешь жить — держи язык за зубами. Отцу виднее, он сам знает, как и что делать. Иногда в приливе тоски ей хотелось разорвать все запреты, вырваться к людям, как бы они ее ни принимали. Но страшил гнев старого Скибы, да и не могла она бросить его одного.

— Садись, Иване, к столу. — Влада расстелила кусок чистого брезента на траве, подала ему. — Сегодня ты у меня в гостях.

Наскоро перекусив, Иван и Влада уютно устроились возле шалаша. Иван молчал, чувствуя себя хорошо рядом с этой малознакомой привлекательной девушкой: в меру бойкая, но не настырная, умеет, когда надо, помолчать.

— Не надеялась, что придешь, — начала разговор Влада.

— Почему же?

— Не каждый отважится в такую глушь забираться. Только ты не из пугливых. И стреляешь добре...

— В партизанах научился.

— Знаю.

— Откуда?

— На одной земле живем.

Влада задумчиво посмотрела на бескрайнее море камыша, из которого пиками торчали кудлатые сосны, на дальний лес.

— Интересно, какая она, земля? Я ведь и знаю то лес да хутор. Дальше райцентра нигде не бывала. Читала, что есть большие города и живут там тысячи людей, где-то за морями лежат дальние страны. Чудно устроен мир: огромный он, а человек живет, как в клетке: четыре стены хаты, тын подворья...

— От человека все зависит: для иного вся земля умещается на шматке собственного поля — мое. А другому выпадают на долю дороги бескрайние, бесконечные — человеку простор нужен.

Иван потянулся к лесной ромашке, сорвал ее, воткнул Владе в косу, пошутил:

— Королевна должна быть в цветах.

Влада благодарно, застенчиво улыбнулась ему, с грустинкой сказала:

— Ну какая я королевна? Полуграмотная дивчина-хуторянка.

И вдруг, доверившись, начала сбивчиво говорить о том, как тоскливо бывает длинными осенними вечерами на хуторе. Стучат ветви в окна, гуляет унылый ветер по лесу, а ты одна и не с кем перекинуться словом — с отцом уже все сотни раз обговорено-переговорено. Одна сидишь в комнате, на полке пять книг перечитанных, а где-то ярко светят огни, смеются люди, ходят друг к другу в гости, веселятся, огорчаются, ссорятся, мирятся, радуются — живут. Сколько в комнате углов? Четыре?.. Нет, пять их, пятый тот самый, который ты никак не найдешь, когда меряешь ее шагами. Особенно тоскливо весной: все цветет, а ты одна и одна...

Нечай не перебивал Владу, боялся неосторожным словом или жестом сломать, нарушить внезапно возникшую уверенность, что ее поймут, не посмеются над откровенностью, не воспользуются беззащитностью. Влада искренне говорила о себе и ни слова об отце, о том, кто бывает на хуторе, о той второй, тай-

ной жизни, свидетельницей которой она была. И все-таки один раз нечаянно обмолвилась.

— Учиться тебе надо, — сказал Нечай.

— Вот и Мария Григорьевна так же говорит, — согласно кивнула Влада.

— Откуда ты знаешь Шевчук? — торопливо спросил Нечай.

Влада поняла, что нечаянно проговорила, назвала человека, о котором следовало бы ей молчать, и начала путано объяснять:

— Давно я ее видела. Еще когда она в школе работала. Заходила как-то на хутор...

Нечай сделал вид, что поверил.

Пора было собираться домой. Влада озабоченно посмотрела на солнце, прикинула: не меньше шести. Отец будет волноваться, да и дел по хозяйству много — даром что воскресенье. Уже другим путем она подвезла Нечая к берегу, спрятала лодку в осоке. Уток поделили: не поверит Скиба дочке, что за целый день не сшибла ни одного селезня. Остановились, чтобы попрощаться. Влада протянула руку, и Нечай задержал ее в своей руке.

— Придешь еще? — густо покраснев и опустив глаза, тихо спросила девушка. И доверчиво попросила: — Приходи, а?..

— Обязательно, — горячо сказал Нечай.

Условились о следующей встрече. И уже на прощанье, поколебавшись немного, Влада вдруг сказала настойчиво, твердо:

— Никому не говори в следующий раз, что идешь ко мне.

— Почему? — сразу насторожился Нечай.

— За себя боюсь. И за тебя...

И объяснила:

— Те трое, на берегу, тебя искали. Нечего им больше здесь делать. Верь мне, не я в том виновата. Кто-то из села предупредил. Веришь?

— Верю.

Курьер привел в банду Стафийчука пожилого, нетопливного селянина. Он был совсем мирного вида: поношенные, застиранные до белых пятен штаны из «чертовой кожи», сорочка, вышитая крестиком, коротковатый пиджачок, кнут в руках — так и хотелось посмотреть, где же кони, на которых он приехал. Сонные глазки равнодушно взирали на мир.

Со Стафийчуком он поздоровался, как со старым знакомым.

— Ого! — сказал Стась. — Такая честь для нас, друже Розум.

— Добре, добре, — прервал его тот, — про честь потом. Показывай, яку птаху прихватил... — И похозяйски, не спрашивая порогу, пошел к бункеру проводника.

Стафийчук по пути кратко изложил обстоятельства поимки Марии. Из его рассказа выходило, что он чуть ли не нарочно завлек Марию Шевчук на базу, заподозрив в ней чекистку. А Волоцюга лишь подтвердил его неясные подозрения. Закончил Стась по привычке цитатой из библии, немного торжественно: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни

сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы».

— Кажется, именно об этом вы и забыли, — иронически протянул Розум.

За это время Мария осунулась и побледнела, начала отвыкать от яркого света, от свежего воздуха. Кофточка ее почернела от грязи, пришлось спать на голой влажной земле, даже сена не дали. Мария увидела Розума, догадалась, кто он такой, облегченно вздохнула.

— Ну? — спросил Розум.

— Я — Горлинка.

Розум смотрел на нее все так же равнодушно, ни один мускул на лице не дрогнул.

— Горлинки не покидают леса...

— Но иногда залетают в села...

Стафийчук, Дрот, бандеровцы, набившиеся в бункер, напряженно слушали этот иносказательный разговор. Шел обмен паролями, известными только немногим посвященным. Розум смотрел на девушку выжидающе. Она дернула «молнию» на юбке, достала из потайного карманчика фотографию: средних лет мужчина, жилистая шея, равнодушные глаза.

— Кто это? — Розум пристально всмотрелся в фото.

— Так, знакомый...

— Видно, хороший мастер снимал — отличная работа. Не знаете, в какой мастерской?

— Посмотрите, там, кажется, написано.

Розум прочитал золоченую надпись: «Фотоателье Ф. И. Возного».

— Буду во Львове, обязательно сфотографируюсь у этого Возного.

Ответная фраза несколько отличалась от той, которую услышал однажды Василь Малеванный.

— Вряд ли удастся, — четко проговорила Горлинка. — Насколько я знаю, пан Возный давно сменил профессию...

Розум вернул фотографию. Вытянулся — кнут в сторону, руки по швам и даже попытался щелкнуть каблуками стоптанных яловых сапог.

— Послушно выконую ваши наказы, друже Горлинка!

Стафийчук остолбенело смотрел на все происходящее.

— Як же так? Хто ж вона така? Вчителька Марія... Зоряна... Горлинка...

— Приказы человека с такой фотографией и паролем выполняются безоговорочно! — чуть приподнято и взволнованно доложил Розум. И после приличествующей необыкновенному событию паузы холодно спросил у Стафийчука: — Может, и мне вы уже не верите? — В голосе прозвучали жесткие нотки. — Впрочем, служба безопасности займется выяснением причин, по которым вы едва не погубили... эмиссара центрального провода.

Стафийчук ошарашенно молчал.

— Соберите своих людей, Ярмаш, — властно приказала Горлинка.

Стазь опрометью выскочил из бункера.

Она брезгливо осмотрела свою испачканную, с приставшими комочками земли кофточку, бросила:

— Блакытного сюда.

Привели Остапа. Он испуганно влез в бункер, подталкиваемый Дротом, всячески демонстрировавшим служебное рвение.

— Я не хотел... — переминаясь с ноги на ногу, начал Блакытный, — вы не так меня поняли...

— Я правильно тебя поняла! Вот что: найди-ка, во что мне переодеться. В крайнем случае принеси мужскую сорочку и брюки. Продрогла вся в этой чертовой яме.

Горлинку оставили одну. Натянула одежду, принесенную Остапом, набросила кептарь. Блакытный постарался: у кого-то добыл небольших размеров брюки защитного цвета, вышитую сорочку. В новой одежде она больше походила на гибкого, стройного хлопца. Сняла со стены автомат, выбралась из бункера.

«Боевики» Стафийчука замерли в строю. «Немного», — подумала Горлинка, глядя на жиденькую шеренгу разномастно одетых националистов. Розум ото-

шел немного в сторону, как бы подчеркивая этим свое особое положение.

Прошлась перед строем четким, командирским шагом.

Низкорослый попович стоял на левом фланге. Пристально всматривалась в «боевиков», и те опускали головы, не выдерживая взгляда Горлинки. Это было как затишье перед бурей. А потом разразилась и сама буря.

— Продали Украину? — негромко, но так, чтоб слышали все, сказала Горлинка. — Променяли ее на вонючий самогон, на ворованное у селян сало? Знаете, как вас в селах называют? Бандитами! Весь народ поднялся против вас! Где та идея, за которую вы боретесь? Развеяли над лесами, утопили в крови. Ну ничего, я наведу у вас порядочек...

Она резко повернулась к Стафийчуку.

— Вы, проводник... вы что творите? Кто вас учил так вербовать агентов? Детей убить пригрозили... Ваше счастье, что на меня наткнулись... А если бы это была действительно учительница Шевчук? Вас бы по одному перехватывали! Где это видано, чтобы так мешать работать? Из-за ваших дурацких выдумок я и в засаду на кладбище попала. Шла с явки, а ваша дуреха заголосила — удивляюсь, как мне тогда поверили комсомольцы. А еще удивляюсь, почему я вас тогда же в расход не пустила, меньше хлопот бы было.

Среди националистов возник и сразу же исчез тихий шумок: «Если она с проводником так разговаривает, то с нами...» Горлинка всплеснула руками возмущенно, совсем по-женски:

— Так меня провалить!.. Сколько сил было положено, чтобы укрепиться на легальном положении, отвести подозрения! И один дурень пустил все по ветру!

Она ткнула пальцем в бледного Волоцюгу.

— Ты... выйди!

Попович вышел из строя.

— Так, говоришь, опознал меня, да? Была я секретарем комсомола?

— Булы... — трясущимися, побелевшими губами выдавил Волоцюга.

— Именно потому, что я, — на местоимении «я» Горлинка сделала ударение, — была комсомольским секретарем, ты ушел тогда живым из облавы. Но теперь хватит! В нашем деле дурень опаснее врага...

Сняла «шмайсер». Треснула автоматная очередь. Попович упал, руки его судорожно вцепились в траву, затихли.

ПО СЛЕДАМ ВЛАДЫ

Старый Скиба ремонтировал телегу. Он смазывал дегтем колесные втулки, обстукивая ободья. А в голову лезли тяжелые мысли. Почему изменилась Влада за последнее время? Пропадает где-то часами. Говорит, на охоту ходит, возвращается без дичи. И опять же перед охотой в зеркало смотрится, брови чернит. Не для уток, понятно... Да, выросла дочка. Красавица, статная, такая не одному хлопцу голову заморочит. Только где они, хлопцы? Глушь. Километров за пятьдесят отсюда живет старый друг-приятель, давно его не проводывал. А когда был последний раз, подрастал у того хлопчик. Наверное, уже парубком стал. Надо бы с Владой погостить у них денек-другой, все развлечение для девушки. А там, гляди, может, и выйдет что-нибудь. Хуторок тот ладный, хозяин в нем сидит добрый.

Влада опять позавчера пришла с охоты — стволы у двустволки чистые, ни нагара порохового, ни дыминки. Ох, присмотреться надо, неспроста это! По молодости, по неопытности наведет на хутор чекистов, своими руками крышу подпалит. И в воскресенье куда-то ходила и в среду...

Хлопнула дверь. На крыльцо вышла Влада в брюках, в куртке, с ружьем.

— Опять на охоту? — въедливо осведомился Скиба.

— Какая там охота! — раздраженно отмахнулась Влада. — Пойду пройдуся по лесу, а то как в тюрьме — ни людей, ни жизни не вижу.

— Ишь ты, жизни ей надо!.. — закричал Скиба. — Катается как сыр в масле, да еще и жалуется!..

— Тато, не галасуйте! — повысила голос и Влада. — Хватит, не маленькая. Давно бы сбежала отсюда, да вас жалко — совсем одичаете. Только думаю, надо и себя когда-нибудь пожалеть!

Скиба оторопел от неожиданности. Впервые говорила с ним дочь таким тоном — непримиримым и независимым. А Влада уже хлопнула калиткой.

— Вернусь — ужин приготовлю!..

Скиба посмотрел ей вслед, задумчиво тронул бороду. Гнев не мешал ему рассуждать хладнокровно. Первым делом надо узнать, куда побежала. А там уж он найдет способ унять того, кто напел ей эти песни. И Скиба зашагал по тропинке, которой только что шла Влада. Он не торопился: следы все равно укажут дорожку — на податливой лесной земле четко отпечатывались узорчатые подошвы Владиных сапожек.

Влада тоже шла не торопясь — до встречи с Нечаем оставалось часа полтора. Остановилась у приметной березы: в ее ветвях свила гнездо лесная птица, да запоздала с птенцами, и Владе интересно было посмотреть: окрепнут ли у них крылышки — лесной пернатый народ уже сбивается в стаи, скоро на юг тронется, а эти только летать учатся.

Еще задержалась она на минутку у родничка — глянула в воду, как в зеркало, к волосам приколола синий колокольчик. Влада теперь приходила к Нечаю с цветком в косе: раз сам прикрепил ромашку тогда, на озере, значит ему так нравится. Очень хотелось Владе, чтобы было Ивану с ней хорошо, потому что Иван не такой, как другие, он добрый, даром что на вид суровый, и повидал многое, и умный. Хорошо бы

пройтись рядом с Иваном зеленогайской улицей. И чтобы был Иван в вышитой ее руками сорочке.

Влада наклонилась к воде, чтобы еще раз взглянуть на себя, и услышала, нет, почувствовала, что кто-то осторожно бредет по тропинке. Она потянулась к ружью, легонько взвела курки. В патронах мелкая дробь, но и ее достаточно, чтобы метров за двадцать выворотить живот наизнанку. Ждала долго, но шорох не повторился. Влада пошла дальше — ружье в руках — не оглядываясь: и так почувствует, если за нею следят. И когда снова скрипнула ветка под неосторожным шагом, девушка больше не сомневалась — кто-то шел следом. Оставалось узнать, кто. Впереди был лесной ручей, достаточно глубокий, чтобы не перейти его вброд. Кладкой через ручей служили несколько досок на наспех сколоченном остоле. Если эти доски сбросить в воду, а потом выждать в кустах, времени будет достаточно, чтобы и увидеть преследователя и сразу же уйти вперед, пока ее не заметили.

Так и сделала. Из густого орешника она подсмотрела, как отец, чертыхаясь шепотом, вылавливает доски и сооружает вновь кладку. Ну что ж, в упрямстве своему отцу она не уступит, жаль, встреча с Иваном не получится...

И Влада пошла такими чащобами, в каких давно не бывала. Она неторопливо отшагала и первый километр, и второй, и пятый, не таясь, не скрываясь, давая Скибе полную возможность убедиться, что дочке полюбились такие вот дальние прогулки и ничего опасного для него, для Скибы, нет, так как выбирает она места пустынные, где никакая встреча ни с кем невозможна. Разве что с хлопцами Стася, но они не в счет, на этот случай твердый уговор: Владу они не трогают, а она ничего о них знать не должна, кроме того, что видит изредка на хуторе. Надо отдать Скибе должное: однажды заявив, что Влада никаких поручений Стася выполнять не будет, он твердо придерживался своего требования. Стась же до поры до времени тоже не настаивал. Он понимал, что в случае необходимости припугнуть Скибу

ему не составит особого труда, а Влада пока была не нужна — ее появление в селах сразу бы вызвало разговоры и подозрения. Связником быть не может, для других же целей есть свои люди.

Домой Влада пришла раньше Скибы, разделась, почистилась, приготовила ужин. И когда тот, злой, в болотной тине и сосновых иголках ввалился в хату, наивно всплеснула руками:

— И куда это вы ходили на ночь глядя?

— На луга смотрел, не промокло ли сено после дождей.

Дождя не было уже недели две.

Влада слегка пожурела отца — могла б и сама сходить. Пригласила к столу: молоко и яичница, другого не успела приготовить, сама только что возвратилась. Спокойствие давалось ей нелегко: «А что, если б выследил? Не сносить Ивану головы». И глухая неприязнь к отцу росла, становилась осязаемой.

ПРАВДА ИВАНА НЕЧАЯ

Вошла в Иванову жизнь чужая прежде девушка и сразу стала частью этой жизни. Ему тоже нелегко было вырваться к Владе — приходилось скрывать эти встречи от комсомольцев. Но Надийка все равно догадалась, вначале иронически посмеивалась, потом забеспокоилась всерьез, предупредила:

— Знаешь ведь, из какого гнезда птаха...

Знал Нечай. Из куркульского гнезда, бандитского. Пока не установлены связи старого Скибы с бандеровцами, не доказаны, но это дело времени. Иван убеждал себя, что ему не следует больше видеть Владу. Но проходило два-три дня, и опять Нечай тянуло в лес к приметной лесной поляне, на которой чаще всего скрещивались их тропинки. «Мало во мне классовой сознательности», — пытался упрекнуть себя Нечай. От упреков легче не становилось, золотые косы не тускнели, а девичьи глаза не переставали сниться по ночам.

— Или приворожила тебя лесная королевна? — сочувственно осведомлялась проницательная Надийка.

Иван и Влада теперь встречались часто, выбирая для этого места где-нибудь

посредине между хутором Скибы и Зеленым Гаем, каждый раз новые. На этом особенно настаивала Влада: ей казалось, что, если с Иваном что-нибудь случится, будет виновата только она одна. Вещунья совесть недаром предостерегала девушку. Были у них и серьезные разговоры, были и размолвки. Однажды Нечай, за что-то обидевшись на Владу, резко бросил:

— Ты — ко мне, Скиба — к Стафийчуку? Неплохо устроились.

— Глупый ты, Иван, ой какой же глупый! — оскорбилась Влада. — Ничего не понимаешь...

Обычно Влада очень точно приходила на свидания. А теперь не пришла. Иван строил разные предположения: что случилось? Меж ними был на этот случай уговор: если помешает что-нибудь — приходиться на то же место через три дня.

Иван постарался так заполнить эти три дня работой, что некогда было вверх посмотреть. Когда снова встретились, у Влады улыбочиво заискрились глаза.

— Почему не пришла? Я ждал, ждал...

— Правда?

— Все глаза проглядел, — не то в шутку, не то всерьез сказал Нечай.

— Не могла, — покраснев, ответила Влада. И вдруг, решившись, честно призналась: — Отец за мной следил — вот почему.

— Ты меня любишь, Владзя? — неожиданно для себя проговорил Иван.

— Люблю, Иванку.

Влада стояла перед Нечаем — совсем не строптивая королевна лесная, а покорная, робкая, испугавшаяся того, что сказала.

...Сколько раз мечтал Иван о настоящей любви, но никак не предполагал, что придет она к нему золотосой дочкой хуторянина. Это было неожиданно — мысли сбились, спутались, осталась только одна: Влада любит его... По сиреневому вечернему небосводу к горизонту катилось остывающее солнце. Вели шуршащий лесной разговор березы, черно-

белые стволы их расписали лес броскими, яркими красками. Мир — небо, солнце, березы — остался прежним. Двое под этим небом и этим солнцем изменились.

— Ничего я не боюсь с тобой, — шептала Влада, прижавшись к Ивану. — Пойду на край земли, глаза выцарапаю каждому, кто на тебя руку поднимет. И никому, никому тебя не отдам!

Не знала девушка, что пройдет всего несколько дней, и ей придется выбирать между двумя самыми близкими людьми — отцом и любимым. Иван ласково, нежно гладил косы Влады, всматривался в лицо.

— Не жалеешь? — робко спросил Иван.

— Нет, коханный. Разве жалеют, когда со счастьем встречаются?

Хотелось спросить Ивану, как же дальше у них все будет. Не решился. Отчаянный, твердый Иван, которого даже на бюро райкома не раз упрекали в излишней жесткости, странно робел перед девушкой. Она сама заговорила об этом.

— Хочу уйти я с хутора, Иван. Буду учиться, а нет — работать. Руки у меня не ленивые, ко всякому труду привычные. Разве я не вижу: между нашим хутором и Зеленым Гаем не километры — река глубокая лежит? И разная жизнь на ее берегах. Только боюсь: от одного берега отстану, к другому не пристану...

— Я тебе помогу, Владзя! Сам хотел тебя о том же просить: любишь меня — уходи с хутора. Куда захочешь, в город ли, в Зеленый Гай, но подальше от прошлого. Хочу, чтобы и думала ты, как я, и жила той же жизнью, что и я.

— А примут меня твои друзья-комсомольцы? — Тревога и боль ясно прозвучали в робком вопросе Влады.

— Не знаю, — честно ответил Иван. — Может, сразу и не поверят — чужая ты пока для них. А как дальше — от тебя и от меня зависит.

Когда уже прощались, она спросила:

— Ты какой цвет любишь? — И объяснила: — Хочу тебе сорочку вышить. Чтобы все девчата виде-

ли — есть у тебя кохана — и не морочили тебе голову.

— Не торопись, Влада, не так скоро надену я ту сорочку. За заботу же спасибо.

— Почему?

— Поклялся себе, поклялся Лесю убитому и Даниле израненному пообещал — будет на мне гимнастерка до тех пор, пока хоть один бандит топчет зеленогайскую землю.

Влада в смятении брела по тропинке домой. Ее отец — ворог Ивана. Иван — ворог ее отца. Все смешалось на этой земле, если суженый поднимает оружие на твоего отца. Только разве Иван первым взялся за оружие? Пришел с фронта, мечтал учиться, агрономом стать. Но запылали хаты, полилась кровь — не всем пришлось по душе мечта Ивана и тысяч таких, как он. Насмехался же отец: «Из грязи в князи лезут, голытьба, быдло проклятое...»

Своя правда у Ивана Нечая, и не отступит он от этой большой правды. И ее, Владу, выкинет из сердца и памяти, если она не будет с ним. Значит, надо идти одной дорогой с Иваном, потому что он для нее самый дорогой человек и правда у него большая — правда для всех.

СРЕДИ СВОИХ ВСЯКИЕ ПОПАДАЮТСЯ

Горлинка осталась в лесу. Возвращаться в Зеленый Гай было нельзя: долгое отсутствие учительницы не прошло незамеченным. «Ястребки» во главе с Нечаем и Малеванным прочесали лес вокруг села. Надийка нашла тетрадку учительницы. Вывод напрашивался один: Марию похитили и замучили бандеровцы. Вот тогда и появился в районной газете некролог.

Нет, Марии нельзя было возвращаться в Зеленый Гай, где в связи с ее смертью провели митинг — у портрета учительницы, обвитого траурными лентами, в почетном карауле стояли пионеры.

В лесу дел было много. Шла подготовка к операции «Гром и пепел». Каждый день Горлинка отправляла курьеров по установленным адресам и явкам. Курьеры уходили со строгими приказами, подкрепленными распоряжениями Розума — по просьбе Горлинка он тоже остался в лесу. Они приводили с собой группки «боевиков», выделенных в подмогу Стафийчуку для проведения операции. Ослушаться никто не осмеливался. От банды к банде ползли слухи, что приказ о проведении опера-

ции поступил непосредственно от центрального про- вода.

Нехотя, скрепя сердце Сорока, Шулика, Дубняк и Джура слали своих людей. Они попадали в руки мрачного Василя. Тот выдавал «боевикам» советское обмундирование, оружие, занимался строевой подготовкой. Когда-то он служил сержантом в Красной Армии, в сорок втором сдался в плен, националисты завербовали его в одном из лагерей. Василь знал команды, уставные требования. Он строил своих вояк, зычно командовал:

— Рядовой Слипак, выйти из строя!

— Выконую послушно, друже... — с готовностью отвечал приземистый плюгавый Слипак.

— Болван! — орал Василь. — Как отвечаешь, лайдак?

Слипак растерянно лез пятерней в потылицу. Виногато мямлил:

— Так воно б треба було сказаты: «Есть, товарищ сержант».

— Молодец, — несколько успокаивался Василь и подавал новую команду: — Рядовой Слипак, стать в строй!

— Слухаю послушно, друже...

— Гнида вонючая! Торба с дерьмом!

— А ты дай ему в зубы — враз поймет, — меланхолично посоветовал Василю Блакытный. Он сидел на пне и наблюдал за «учениями».

От короткого тычка Слипак, приглушенно всхлипнув, растянулся на земле.

— Молодец, — одобрил Остап.

Он стал важной персоной в банде — телохранителем самой Горлинки. Назначил его на эту должность Розум, долго и требовательно наставлявший Блакытного:

— Горлинка сама тебя назвала. Я тоже считаю, что ты подходишь. Ты полностью отвечаешь за ее жизнь. Бережь будешь и от своих и от чужих. Среди своих тоже всякие попадают...

Розум затянулся сигаркой, задумчиво проследил за колечками дыма, таявшими в синеве. Беседовали

они с глазу на глаз, на укромной полянке, закрытой со всех сторон орешником.

— Ницьи приказы, кроме Горлинки, для тебя не действительны, — методично, размеренно продолжал эсбековец. — Какими б странными они тебе ни показались — выполнять безоговорочно. Ты ни перед кем не отчитываешься, никому не должен сообщать о том, что делаешь, кроме меня и Горлинки, разумеется.

— Даже Стафийчуку? — понизил голос Блакытный.

— Сказано — никому. С этой минуты ты ему не подчиняешься. Если надо — спи у ног Горлинки, но чтоб ни один волос с ее головы не упал.

— Я за нее жизнь отдам, — горячо заверил Блакытный. Про себя пробормотал, что, кажется, это первый приказ за все время, который он с удовольствием выполнит.

Стафийчук вначале пытался связаться с краевым проводом, посылал курьеров, но они не возвращались — пропадали в неизвестности. Действовала только та курьерская тропа, которой пользовался Розум. Но Стасю как раз она была ни к чему — ему хотелось иметь связь, минуя курьера Горлинку и эсбековца Розума. Он решил выждать, внешне послушно выполнял все указания Горлинки, уступил ей свой бункер, старательно занимался подготовкой операции.

Однако Горлинка не очень доверяла показному смирению Стася. И оказалась права.

Однажды поздним вечером Дрот неслышно приблизился к командирскому бункеру, наклонился над люком.

— Геть! — отделился тенью от дерева Блакытный.

— Ты что, Остап, своих не признал?

— Отойти! — непримиримо сказал Остап. И повторил запомнившиеся слова Розума: «Среди своих тоже всякие попадают».

Дрот ушел в темноту.

На следующий день Розум решил отправить Дро-

та со срочным поручением в дальний курьерский рейс. Перед уходом «боевик» встретился со Стасем.

— Обязательно постарайся связаться с краевым проводом, — напутствовал Стафийчук своего помощника. — Получи подтверждение на операцию. Нутром чую — забрела в наше стадо серая лошадка. С Реном тебе не встретиться...

— До неба высоко, до бога далеко, — кивнул Дрот.

— Но увидеться с руководителем референтуры СБ вполне можно, а он уже укажет дорогу дальше. Его псевдо — Ястреб. На этот случай есть у меня одна явка...

Стась назвал явку, пользоваться которой можно было только при чрезвычайных обстоятельствах.

— Как только узнаешь хоть что-нибудь — немедленно возвращайся.

Но Дрот из рейса не вернулся — напоролся на засаду «ястребков».

ВСТРЕЧА НА ЛЕСНОЙ ТРОПЕ

Надийка собралась пойти в сельсовет — надо было договариваться о топливе на зиму для школы, — когда дверь ее хаты стремительно открылась и на пороге появилась Влада с неизменным ружьем за плечами. Это было так неожиданно, что Надийка испуганно ойкнула, выхватила из кармана пальто пистолет.

— Где Нечай? — едва переведа дыхание, спросила Влада.

«Так и знала, — подумала Надийка, — к Ивану! Необычные же дела должны были случиться, чтобы решилась она прийти в село».

— Так я тебе и сказала! — независимо, с неприкрытой неприязнью ответила Надийка.

Влада, видно, и не ожидала другого ответа. Она прижала ладони к груди — сердце вот-вот выскочит, — умоляюще посмотрела на Надийку.

— Мне Иван нужен. Я на квартире у него была, нету, хозяйка говорит: вчера еще куда-то уехал. Куда? Большая беда грозит Нечаю...

— Вот как! Наверное, от твоих же друзей и грозит беда. Мало вам крови да слез, на войне пролитых...

— Люблю я Ивана!

В голосе Влады Надийка уловила неподдельную искренность.

— Ушел Иван вчера в район. Возвратиться обещал сегодня к вечеру.

— Какой дорогой?

— Ходит он обычно через лес. Не любит Нечай кривых дорожек.

— Спасибо! — облегченно вздохнула Влада. — Я его где-нибудь перехвачу на пути.

— Неужели побежишь навстречу? — всполошилась Надийка.

— Я быстрая. Времени терять никак нельзя. Если разрешишь, я огородом твоим пройду. И так многие меня уже в селе видели, а глаза у людей разные: и ласковые и злые.

— Идем, я тебя провожу, — предложила Надийка.

Она вывела Владу к лесной опушке, хотела еще о чем-то спросить, но та торопливо протянула руку, прощаясь, и убежала.

А случилось вот что. Старый Скиба выследил все-таки дочь. Последнюю неделю он был, на удивление, добрым, заботливым, ни в чем не упрекал Владу, наоборот, сам предлагал, чтобы она пошла погуляла, поохотилась, развеяла грусть. Постепенно Влада забывала об осторожности, ей казалось, что отца удалось переломить и он, наконец, смирился. А Скиба тем временем тщательно следил за каждым ее шагом. Когда увидел, с кем встречается Влада, первым его желанием было тут же, сразу, убить комсомольца. Потом рассудил: зачем рисковать своей головой, если есть Стас? Его хлопцам подстрелить Нечая — раз плюнуть!

Сегодня рано утром на хутор заглянула Мария. Возвращаясь откуда-то издалека, она зашла отдохнуть, подкрепиться. Влада хлопотала на кухне. Из горницы сквозь неплотно прикрытую дверь доносились голоса. Она удивилась, почему это вдруг разговор в горнице прекратился: ушли, что ли, зачем тогда завтрак? Тихонечко приоткрыла дверь. Отец и Мария — голова к голове — шептались. Видно, о

чем-то важном. До Влады доносились обрывки фраз:

— Ходит вокруг хутора, что-то пронюхал... — Это отец сказал.

— Показалось, наверное... Случайно... Разные дела... — недоверчиво говорила Мария.

— Какое там случайно! Влада... Сам видел...

Влада поняла, что разговор идет о ней и о Нечая, и затаив дыхание прикинула к двери.

— Передай Стасю все это. Пусть немедленно решает, — настаивал Скиба.

— Добре. Я у тебя посплю немного — всю ночь шла, к вечеру уйду, удобнее так, чтобы не мозолить глаза. Стасю все расскажу. А ты пока сам ничего не предпринимай, понял?

— Поторопитесь только. Слыхал я, парень решительный, да и девка словно взбесилась последнее время...

Влада с трудом сдержала себя. Она подавила желание немедленно бежать в Зеленый Гай, отыскать Нечая, предупредить, что нависла над ним смертельная опасность, пусть стережется — бандиты обязательно постараются уничтожить его. Но надо было выждать время, отец сразу догадается, куда она подалась. И Влада с приветливой улыбкой внесла шипящую сковороду, пригласила Марию:

— Поешь. Проголодалась, наверное?

Поговорили о том, о сем. Потом Мария ушла спать, предупредив, чтобы не будили, все равно днем ходить опасно. Скиба собрался в поле. А Влада, только отец ушел, побежала к Нечая. Бежала просить коханого, чтобы немедленно, сегодня же уезжал из этих мест туда, куда не дотянутся кровавые руки Стася. И она с ним.

Но вышло все не так.

Встретила Влада Ивана на полпути к Зеленому Гаю. Иван молча выслушал ее сбивчивый рассказ.

— Значит жива Мария? Она сейчас на хуторе? — В глазах Нечая запрыгали недобрые огоньки.

— Да.

— Кто с нею?

— Хлопец какой-то, из банды, наверное.

— Когда пойдет?
— Говорила: к вечеру.
— Куда?

— Точно не знаю, но думаю, что повернет к сосновой посадке — знаешь ее? — обойдет ближнее село и по стежке к Змеиному. А дальше — неизвестно...

— Родная моя! — ласково поцеловал Нечай девушку в глаза, вдохнул запах ее волос. — Теперь тебе нельзя на хутор возвращаться: отец предаст, чтобы шкуру свою спасти. Уже предал, — зло добавил Иван. — Разве не ясно, что, когда эта бандеровская шлюха, Мария, доложит Стасю, тебя могут убить? Стась ведь не дурак. Поймет, что ты, если со мной что-либо случится, догадаешься, чьих это рук дело...

— Что же со мной будет? — растерянno спросила Влада и теснее прижалась к Ивану, будто отдаваясь под его защиту.

Нечай раздумывал недолго.

— Иди в Зеленый Гай, к Надийке, и жди меня.

— А ты?

— Я скоро вернусь!

Если бы знала Влада, что задумал ее Иван, ни за что бы не оставила его одного!

ПУЛЯ ДЛЯ ГОРЛИНКИ

Мария покинула хутор Скибы, когда солнце показилось к закату. Сопровождал ее Юрко Крук. Блакытный теперь часто выполнял поручения Горлинки самостоятельно. С Юрком Мария шла спокойно, он, пожалуй, не уступал Остапу в знании троп и лесных премудростей, без чего в лесу шагу не сделаешь — нарвешься на мину, напорешься на засаду — свою ли, чужую — разберутся потом, но уже без тебя. Юрко был мягче Остапа, и смотрел на мир не так жестко, и песни любил веселые; вечером в лагере запоем вдруг «Ой, лопнув обруч...», и самые унылые начинают притопывать и приплясывать. Но Мария видела и то, как иногда в вечерние зори Юрко уходил от всех на край поляны, усаживался на пенек и то-скливо, не мигая, смотрел на зеленый частокол леса — за ним села, там люди.

Юрко первым заметил слежку. По каким-то своим неприметным для обычных людей признакам он учуял, что за ними кто-то крадется.

— Мария, берегись! — вполголоса сказал он, расстегивая пиджак, под которым был спрятан автомат. Они шли след в след, и Мария не увидела — почув-

ствовала тревогу, охватившую Юрка, и сама забеспокоилась, ускорила шаг.

— Наши? — спросила она.

— Нет, наших здесь нет. Выследили. Один кто-то идет — наши же поодиночке не ходят.

Ускорили шаг, почти бежали, но и тот, неизвестный, не отставал, упорно пробивался сквозь кустарник. Юрко выхватил автомат из-под пиджака и теперь держал его в руках, готовый стрелять.

— Надо сворачивать! — крикнул он на бегу.

Но пока Мария раздумывала, прикидывала, выскочили на поляну — теперь уже поздно сворачивать, и девушка властно скомандовала: «Вперед!» Бежали по высокой траве, вымахавшей на поляне, ромашки били по ногам; беглецы запыхались, пока добрались до густого подберезовика, упали на землю, прижались к ней, всматриваясь туда, где должен был появиться преследователь. Он показался всего на мгновение, выскочил с разбегу на лесную кромку и тут же упал в траву, инстинктивно угадав, что на поляне превратится в отличную мишень, но и этого мгновения было достаточно, чтобы Мария узнала его. За ними гнался Нечай, невесть как напавший на их след. У Марии тоскливо сжалось сердце. Ох, Иване, Иване, буйная головушка, разве ж можно одному в такое время в лесу!..

Прошло несколько минут, и беглецы и преследователь затаились, выжидая, кто первым выдаст себя. Нечай отполз назад в лес. Марии было видно, как шевелилась трава. Сперва она не поняла, зачем это ему понадобилось, а Юрко догадался сразу:

— Обойдет кромкой...

— Успеем уйти в подсолнухи, — тихо сказала Мария.

Не успели. Только добрались до плантации, как Иван вынырнул сбоку, метрах в пятидесяти, крикнул предупреждающе: «Стой!» Девушка обернулась инстинктивно, и у Ивана вырвалось: «Мария!» Но он уже увидел рядом с нею бандеровца с автоматом, понял, с кем свела его судьба на оранжево-солнечной плантации, и нажал на спусковой крючок. Пуля вре-

залась в цветущую корзинку подсолнечника совсем рядом с Марией — брызнули в разные стороны семечки.

— Ух, клятый, как стреляет! — профессионально оценил противника Юрко.

Теперь уже скрываться не было смысла, и Юрко тоже нажал на гашетку — очередь веером прошла зеленые шершавые листья, срезала литые желтые шляпки.

— Уходи! — сказал Юрко.

— А ты?

— Задержу этого типа. Видишь, добром не отвяжется, настырный.

Мария сделала еще одну попытку увести бандеровца от Нечая, уклониться от боя.

— Попробуем вдвоем...

— Черта с два — не выпустит! Смотри — ползет, сволочь. Уходи, ради всех святых, потом поздно будет! — И, увидев, что Мария все еще колеблется, Юрко успокаивающе добавил: — Иди спокойно. На развилке у Змеинового болота догоню. Я скоро — у него ведь только пистолет...

Мария ясно себе представила, что будет дальше: погибнет Нечай, пистолет против автомата — оружие неравноценное, тем более что автомат этот в руках у Юрка: не один бой, не одну облаву прошел, который год по лесам бродит. Используя свою власть, она приказала Юрку: «Уходи вместе со мной. Так лучше». Но едва они приподнялись для перебежки, как пуля срезала сочный стебель у Марийкиной головы. Почти сразу же раздался шелест и треск — укрытый густой зеленой массой подсолнечника, Нечай подбирался вплотную.

— Беги, Мария! Ты же видишь, вдвоем не уйти, мешаешь мне. Чем он ближе, тем мне труднее, а на выстрелы скоро прибегут...

Ушла Мария, где ползком, где на четвереньках, метр за метром уползла от Юрка и Нечая, никогда не знавших друг друга, а теперь вот встретившихся, и кто-то из них так и не узнает имени пославшего в него пулю.

Автомат Юрка тарахтел скороговоркой, бандеровец стрелял, надеясь, что какая-нибудь пуля прорвется сквозь частокол стеблей. И правда, вслед за одной очередью раздался стон — видно, укусила-таки свинцовая муха Нечая.

Только где-то метров за двести от Юрка Мария выпрямилась, вытерла крупные горошинки пота и устало, не торопясь, пошла напрямик к лесу. Выстрел... Очередь... Выстрел... Очередь... Очередь...

Два человека встретились в бою. Оба говорят на одном языке. Родились на одной земле, и звезды им светили одни. За что же убивают они друг друга? Ведь Юрко не из панов, не куркульский и не поповский сын, все его богатство — кожаный да шапка... Есть мудрая народная легенда о злой, настоящей на крови отраве, превратившей братьев во врагов. Горьким ядом стали для Юрка националистические бредни, которыми задурманили ему голову, и хоть сам он не из панов — привели они его к куркулям и поповичам.

Очередь... Выстрел...

Чем дальше уходила в лес Мария, тем реже, глуше становились выстрелы — и Нечай и Юрко поняли, что нашла коса на камень, силы равные, и сэкономили патроны. Как это сказал Нечай: «Поклялся не менять гимнастерку на сорочку вышитую...» Он и сегодня был в гимнастерке — не пришло еще время Нечаю красоваться в сорочке.

У Зменного болота Мария долго ждала Юрка. Не пришел. И на базу не возвратился ни в тот день, ни в следующий. А потом Мария узнала, как все было. Они долго кружили по подсолнечниковым зарослям. Партизанский разведчик Нечай не хуже Марийкиного телохранителя знал приемы коварного ближнего боя. Он знал также, что вот-вот поспеет помощь из ближнего села, там уже тревожно бухнул выстрел из трехлинейки — сигнал сбора «ястребков». Юрко занервничал, заторопился, теперь частыми очередями прошивал зелень. После восьмого выстрела Нечай нажал кнопку, и пружина выбросила пустую обойму. Полез в карман за запасной, и его

прошиб холодный пот: обоймы не было, она, очевидно, выпала, потерялась во время погони. Иван мог уйти — бандеровец не стал бы его преследовать, не зная, что у Нечая кончились патроны, наоборот, он сам всячески старался от него оторваться, тем более теперь, когда Горлинка была в безопасности. Но Нечай не мог уйти, инструктор райкома комсомола был из тех людей, для которых после принятого решения собственная жизнь теряет значение — есть только цель, выполняя которую следует в случае необходимости жертвовать жизнью. Кровоточило плечо — пуля бандита прошла мякоть насквозь.

Нечай нащупал нож...

Через секунды они встретились — лицом к лицу, глаза в глаза, автомат Юрка смотрел комсомольцу в лоб. И в то короткое мгновение, когда бандеровец нажимал на спусковой крючок, Иван отчаянным усилием бросил тело в сторону — очередь прошумела в миллиметрах над головой — и в прыжке стегнул Юрка ножом по шее.

СЕРЬЕЗНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МАЛЕВАННОГО

— Думаешь, ты герой? — Малеванный раздраженно смотрел на Нечая. — Как же, один против двух, с пистолетом — на автомат, с ножом — на очередь! Дурень ты, вот кто! А я, я тоже хорош! — Лейтенант схватился за голову. — Как мог такое допустить?!

— Уж не по убитому ли бандиту горюешь? — въедливо спросил Нечай. — Вот не предполагал, где у него защитники найдутся!

Рука у Ивана на перевязи под пиджаком. Пуля насквозь пробила мякоть плеча.

— Да ты понимаешь, что говоришь? — Малеванный даже побледнел от негодования, резко отодвинул стакан с чаем, вскочил. — Я ведь тебя предупреждал: никаких самостоятельных действий! Мало ли какие у нас планы! Да, может, мы давно знаем, кто такой Скиба, но не арестовываем пока — что толку, если одного заберем, а другие останутся?

Малеванный пришел к Нечая сразу же, как только узнал о случившемся. Лейтенант очень рассердился, нет, не то слово — пришел в ярость, когда Нечай рассказал ему, как, расстав-

шись с Владой, он ушел подстергать Марию. Малеванный многого не мог объяснить Нечая, потому и кричал на него, топал ногами. Нечая же сейчас волновало только одно — Мария ушла живой и невредимой. Он страстно ненавидел бывшую учительницу. Остальные бандиты были для него безликими, однотипными — стая бешеных собак, которую надо уничтожить. Марию же он домой провожал, за руку здоровался. Она была не просто националисткой, она была предательницей, хитрой, коварной и жестокой: прикинулась овечкой, институт советский закончила, в комсомол вступила. Нет ничего паскуднее, отвратительнее предательства! Предателю — первая пуля. Так думал Иван и в ответ на все упреки Малеванного только упрямо твердил:

— Жалко, сбежала Мария! Не мог я по ним стрелять в лесу, далеко были, промазал бы...

— Конечно, жалко — согласился Малеванный, но с этими словами как-то не вязался тон, которым они произносились — отнюдь не сожалеющий.

Помолчали. Чай, приготовленный Ивановой хозяйкой, давно остыл. Малеванный, недовольно морщась, похлебал из стакана.

— Что с Владой-то будет? — спросил он. Осторожно спросил — деликатная проблема, из сердечных нитей сплетенная.

Нечай решительно рубанул воздух рукой:

— Женюсь я на ней...

— На дочке бандитского пособника, хуторянке, ты женишься, комсомольский инструктор? Скибе недолго осталось на воле гулять...

— Разве не пошла она против воли отца? Мы не выбираем себе родителей...

Малеванный неодобрительно покачал головой. Не нравилось ему все это. Мало ли в Зеленом Гае гарных девчат? Из хороших, честных семейств — от прадеда к деду хлебоборобы. Хотя бы та же Надийка, верная дивчина, чистое сердце, своими руками счастье строит. Вот уж правду говорят: дай сердцу волю — заведет в неволю. Именно в этом он

и попытался убедить Нечая. Иван не стал его слушать.

— Влада ради меня отца бросила! К честной жизни тянется: и если б я даже просто по-хорошему к ней относился, а не любил ее и оставил сейчас одну — предал бы, вот как это называется. Хватит об этом, поговорили!.. Тут голосованием не решишь!..

— В самом деле, хватит, — неожиданно миролюбиво согласился Малеванный и энергично потер руки. — Ох и погуляем на свадьбе! Красивую девушку, Иван, подцепил.

...Веселая была свадьба, комсомольская. Без по-па и венчания. Гуляло все село: и водой молодых кропили, и зерном дорогу пересыпали, и выкуп с них брали. «Смотри ты, — удивлялись старики, — комсомольцы, а обычай народный исполняют». И все-таки на Владиной и Ивановой свадьбе свадебные традиции были нарушены дважды: жених не был в вышитой руками невесты сорочке, а по правую руку от молодых не сидел отец невесты...

«В комсомольскую организацию села Зеленый Гай от Скибы Влады.

Прошу товарищей комсомольцев принять мене до себе в свои ряды. Мой отец очень виноват перед народом. Он не сможет искупить свою вину, так как погиб от рук таких же, как сам. Но я честно напишу, что если б и был живым, то все равно боролся бы против Украины Советской. Я его хорошо знаю, как знаю и тех, кому он служил. Это бандиты, и чем скорее мы их уничтожим, тем лучше для всех нас, а значит, и для всего народа.

В комсомол вступаю потому, что хочу быть честной. Прошу мне поверить, очень прошу. Если понадобится моя жизнь — отдам ее людям, чтобы хоть немного исправить зло, причиненное отцом. От начала и до конца принимаю главнейшую задачу комсомола — борьбу за народное счастье...»

ТАРАС СКИБА СОБИРАЕТСЯ НА СВАДЬБУ

После ухода, точнее бегства, дочери в Зеленый Гай Тарас Скиба жил только для одного — для мести. Как и предсказывала Влада, он быстро дичал, опускался: оброс, борода рыжей паклей свисала на засаленные лацканы потрепанного, измятого пиджака; набухли веки, из-под них злыми, острыми буравчиками блестели глаза. Он знал день и час, на который началась свадьба Ивана и Влады. Из села пришла баба Кылына, принесла самогон для лесовиков, заодно сообщила свежие новости.

— Твоя-то краля с комсомольцем этим, с Нечаем, не наmilуется. Все вдвоем да вдвоем. Свадьба завтра.

— Не каркай!

— А чего не каркать, — не обиделась Кылына, — если уже и по селу ходили, приглашали. И не так, как обычно: «Тато звалы, мама клычуть, и мы запрошуемо», а по-своему: «Молодые и комсомольская организация приглашают вас...» Тыфу!

— Так, говоришь, завтра свадьба?

Скиба, ссутулившись, бесцельно побрел по подворью. Поправил и так аккуратно сложенную поленницу, переложил с места на

место топор, убрал косу, небрежно прислоненную к тыну. Кылына тихо ойкала, когда он брался то за топор, то за косу.

— Убьешь их? — с надеждой проголосила она.

— Уйди ты, Христа ради, ведьма кривоногая! — зарычал Скиба.

Кылына, оглядываясь на каждом шагу, поминая то бога, то черта, рысцей протрусила к калитке. Скиба остался один. Подошел к дому, пошарил под крышей, извлек автомат. В горнице застелил стол клеенкой, достал из шкафчика машинное масло, старательно почистил ствол, замок, извлек патроны из магазина, осмотрел их, пересчитал. За этим занятием и застал его Остап, пришедший по поручению Горлинки предупредить, что днями соберутся у Скибы проводники для важного разговора — пусть хозяин знает и приготовится.

Скиба выслушал, прикрыл глаза ладонью.

— Нельзя у меня собираться. Сгорела моя зачепная хата, все пошло прахом, дочки и той лишился, кровинки моей.

— Ты куда собрался? — Остап кивнул на автомат.

— На весилля к дочке! Не приглашают меня, но я приду, поздравлю молодых. А вот это, — Скиба вскинул автомат, — пропоет им многая лета...

Остап осторожно отодвинул от себя ствол, проговорил убеждающе:

— Не мешал бы ты им жить, Тарас. Своя у них дорога...

— Одна у них сейчас дорога — на кладбище! Оттуда не возвращаются...

Ушел Остап. Не мог больше оставаться в этой хате, где в каждом углу поселилась глухая ненависть. Не мог разговаривать с человеком, готовящимся убить родную дочь... Много видел смертей Остап. И подлых: когда товарищей предают, вымаливая жизнь. И гордых: «Стреляй, собака, отольется тебе моя кровь, проклянут тебя и род твой люди!» Так кричал Стасю бедняк — председатель сельсовета, замученный в сорок пятом. Много видел смертей Остап. Но чтобы

вот так — на свадьбу дочери с автоматом? Он и Марии сказал:

— Ушел, потому что боялся — пристрелю. Взбесился старик, злобой давится, на губах даже пузырьки выступили — как у скаженного пса...

Мария одобрительно взглянула на Остапа — по-новому начал думать. Потом велела позвать Стася и Розума. Перед тем как они вошли, приказала Остапу:

— Расскажи, что знаешь. Только без эмоций, без переживаний.

Пока Остап докладывал, Розум задумчиво барабанил пальцами по столу, Мария сидела озабоченная, один лишь Стась сразу высказал свое отношение — красноречивым жестом провел по горлу.

— Правильно! — поддержала его Мария. — Действовать надо решительно...

— Кого? — спросил Розум.

Стась хотел объяснить, он даже привстал с табуретки. Его опередила Горлинка:

— Проводник предлагает немедленно убрать Скибу. Если Тарас убьет Нечая и Владу, выстрелы всполошат всю округу. А это значит — облавы, похватают нужных нам людей, возможно, даже пришлют воинскую часть. Стоит ли ставить под угрозу операцию «Гром и пепел» из-за двух убийств, которые только озлобят население? Жалко, конечно, Тараса, ослеп от ненависти, но у борьбы свои законы. Правильно я вас поняла, друже Стась?

Стась, от удивления раскрывший рот, ушел от ответа, пробормотал что-то невразумительное.

— Ваше мнение, друже Розум?

— Надо поторопиться... От зачепной хаты Скибы придется отказаться.

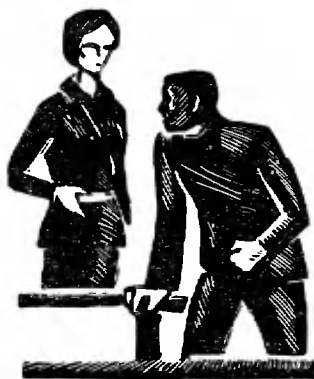
— Согласна, — подвела итог Мария. И Остапу: — Слышал? Иди...

Остап ушел. Вернулся через несколько часов. Молча отдал Марии автомат Скибы. Глухо сказал:

— Я его закопал. Все-таки человек...

— Не человек, — возразила Мария. — Поднявший руку на счастье детей перестает быть человеком.

**КАК
ВЫЮТ
ВЕРЕВКИ
ИЗ
НЕПОКОРНЫХ**

Стась вошел в бункер, когда Горлинка давала указания курьеру. Проводник удивился, увидев, как преобразилась его конура: чисто подметено, нары прибраны, на столе букет лесных цветов. Курьер сидел на краешке табуретки, и поза его ясно свидетельствовала о готовности выполнить приказ. Отправлялся он, судя по разговору, в Бурлацкий лес.

Стась в ближайшие дни сам намеревался побывать там. Он послушал немного Горлинку, которая не обратила на его приход ровно никакого внимания, скомандовал:

— Отставить! В Бурлацкий лес не пойдешь...

Горлинка сделала вид, что не заметила вмешательства Стася.

— Встретишься с Шуликою. Скажешь: «Гуси ключом в заморские страны потянулись». Шулика ответит: «К теплу от холода летят». Ты ему скажешь: «Добре там, а здесь лучше». И если он тебе ответит: «Ничего нет лучше родины», ты вручишь ему вот эту записочку. Шифр он знает. Пусть при тебе прочтет и сожжет. Повтори!

— Я сказал: отставить! — кричал Стась. —

Кто здесь проводник? Я тебя спрашиваю! — повернулся он к курьеру.

— Ты проводник, — нехотя ответил тот.

— Почему же не выполняешь мои приказы? Или на гилляку захотел?

Курьер туповато поглядывал то на Горлинку, то на Стася: с одной стороны, оно вроде и действительно Стась проводник, с другой — Горлинка на тот свет собственноручно Волоцюгу отправила. Вот уж правда: наны дерутся, а у хлопков чубы трещат.

— Ну-ка выйди, — приказала Горлинка курьеру. — Потом закончим. А то вот проводник хочет со мной побеседовать.

Они остались вдвоем.

— Не кажется ли вам, друже Ярмаш, что вы были, мягко выражаясь, невежливы? — недобрым голосом осведомилась Горлинка.

— Здесь только я командую! — уже не сдерживаясь, завопил Стась. — Проводник я или нет?

— Вы проводник! Успокойтесь, вы! А вот кто здесь командует... Хочу напомнить вам одну давнюю историю. Помните, вы служили тогда в сотне у Грома? Боевой был сотник, страх на всю округу нагонял. Имел только один недостаток: за невыполнение своих приказов не одному хлопцу пулю в лоб вогнал, а сам подчиняться так и не научился, потому что бандитом из тюрьмы пришел в лес, бандитом и остался. Однажды прибыл к Грому курьер. А он что? Взял и прогнал курьера, да еще смеялся: «Без ваших дурацких приказов обойдусь. Гром не из тех, кого можно на веревочке водить». Узнал про тот случай Рен. Да, да, проводник краевого провода... Приказал службе безопасности разобраться, назначить следователя. Дальше все просто было. Пришли денька через три эсбековцы, поставили Грома перед строем и... Умер без покаяния Гром. Вы тогда еще третьим с правого фланга стояли, друже Ярмаш. Оттуда, наверное, все хорошо было видно, не правда ли?

Стась побледнел, лиловые круги четче обозначились под глазами.

— Вы... откуда знаете?

— Могу сказать... Следствие по делу Грома вела я. Кстати, тогда у меня еще не было таких полномочий, как сейчас...

— На что вы намекаете?

— Не намекаю — предупреждаю: каждый, кто мешает свободной Украине, подохнет, как пес. Ишь ты, намекаю!.. Я вам не возлюбленная, чтобы намекать. Мое дело приказывать, ваше — выполнять. — И, не давая опомниться, продолжала: — Еще одно. Вы, конечно, не забыли, что вам лично обещано за успешное выполнение операции «Гром и пепел»? Обещание остается в силе. Но только я могу отдать приказ о вашем уходе за кордон. В случае срыва операции, моей гибели или других чрезвычайных обстоятельств никто не сможет осуществить то, чего вы так желаете.

Горлинка говорила сухо, официально, ровным, бесцветным голосом. Она изменилась до неузнаваемости: с проводником говорил человек, который привык командовать и не терпел ослушания. Стафийчук уже не раз проклинал ту минуту, когда вздумал требовать учительницу. Эта чертова девка может всадить пулю в лоб — и глазом не моргнет. Или отдаст приказ — и тебя, не колеблясь, расстреляют свои же собственные «боевики».

— Так что в ваших интересах, Ярмаш, чтобы со мной ничего не случилось, — многозначительно подвела итог Горлинка. Она отлично знала волчьи нравы главарей крупных и мелких банд.

Поняв это, Стась сделал соответствующие выводы.

— Что вы, что вы! Великая для меня честь встретиться со славной дочкой нашего... — семинарист, ученик униатов, громкими словами прикрывал растерянность.

— Бросьте! Лучше постарайтесь покрепче запомнить то, что я вам сказала...

Стафийчук запомнил. Он молча глотал обиды, вымещал злость на «боевиках», всячески старался завоевать доверие Горлинки.

Подготовка к совещанию проводников шла полным ходом. План Стафийчука по объединению мелких бан-

деровских групп был одобрен Горлинкой и Розумом. Правда, в последнюю минуту Стась заколебался: мелкие группы оперативнее, в случае провала уничтожено будет одно звено, другие останутся невредимыми. Но если чекисты нащупают объединенную банду — не уйдет никто.

— Пустое, — возражала Горлинка. — Общими силами можно такие дела закрутить! Волков бояться — в лес не ходить... В крайнем случае после операции опять рассредоточим наши силы. Ясно ведь — придется нам покидать этот район.

— Знает ли краевой провод о наших планах? — спрашивал Стась.

— В этой зоне ни один шаг не делается без ведома Рена, — отрезала Горлинка. — И вообще примите мой совет, Ярмаш, — не болтайте много на эту тему...

Розум тоже настаивал на решительных действиях. Оставалось согласовать обе операции во времени. Откладывать их Горлинка не разрешала: агенты доносили, что в селах, которые бандеровцы, занятые внутренними делами, не тревожили, наблюдается затишье, серьезных воинских подразделений вблизи нет.

Несколько раз исчезал Блакытный. Он появлялся весь забрызганный грязью проселочных дорог, небритый, усталый, вконец измотавшийся, и заваливался отсыпаться.

Какие дела водили его по лесным чащобам, никто не знал, да и не допытывался. Горлинка уходила с ним в лес, подальше от любопытствующих ушей и глаз, и там Остап докладывал о результатах своих походов.

В банде втихомолку поговаривали о слишком явной симпатии Горлинки к голубоглазому хлопцу. Остапу завидовали. Бандеровцы считали, что Горлинка своею властью вырвет Блакытного из леса, заберет с собой «туда»... Куда — об этом только догадывались.

Горлинка уже давно не обращала внимания на слухи, сплетни, на грязь, которую в нее бросали. Она относилась к этому как к неизбежному злу.

Но каждый раз внимательно прислушивалась к тому, что говорят о ней: вредит ли это ее делу или нет? В данном случае разговоры были на пользу: было бы странно для бандеровцев, если бы молодая курьерша строила из себя недотрогу. Вместе с тем Горлинка была довольна тем, как развивались ее отношения с Остапом. Вот и сегодня у них состоялся очень интересный разговор.

Остап, как обычно, сжато доложил о выполнении задания. Ходил он в Зеленый Гай — дело было срочное, спешное, пришлось, рискуя быть опознанным, появиться на окраине села днем. Все сошло благополучно.

Горлинка сидела на пригорке. Остап стоял рядом.

Неподалеку от них ржавым холмиком возвышался муравейник. Рыжие муравьи деловито сновали по тропинкам, тащили в свой дом былинки, стебельки и прочий строительный материал. Остап задумчиво наблюдал за ними, даже помог какому-то работяге — убрал прутник, преградивший дорогу.

— Вот все, даже муравьи, строят, только мы разрушаем...

— Не кисни. Осталось недолго.

— У вас все ясно, Мария Григорьевна. Зато я свою жизнь перегородил такими греблями, что век не разгородить.

— Мне бы твои заботы. — Мария совсем по-бабы пожаловалась: — Устала я, Остапе. Очень устала...

Тучки на небе собрались в стаю и двинулись к горизонту.

— Пора, — девушка встала. — Все понял?

— Сделаю, Мария Григорьевна, не беспокойтесь!

— Смотри, от тебя многое зависит.

— И жизнь моя тоже...

Остап вскинул на плечо автомат. Еле приметной тропинкой, по которой и идти можно было только согнувшись, они вернулись на базу.

КУРЬЕРЫ СТАСЯ

— Стась что-то затевает, — предупредил через несколько дней Марию Остап. — Нюхом чую — дело нечистое.

— А точнее?

— Притих сильно — не в его характере. Курьеров своих посылает к проводникам. Твои курьеры идут и его. С чем, никто не знает. И заметь: все больше Василь ходит, Мыкыта, Юрась, а они со Стасем еще при немцах гуляли по лесам. Непроста все это...

Симптомы какой-то внутренней, незаметной другим деятельности в банде Мария тоже заметила. И что курьеры Стася куда-то уходят, тоже видела. Вот только внимания на это раньше не обратила — жаль. Пожалуй, правильно Остап волнуется. От Стася всего можно ожидать. Трудно надеяться, что он окончательно смирился, доверяет ей до конца. Слишком уж необычными были обстоятельства, при которых они познакомились и «подружились». Возможно, Стась по своим каналам все еще пытается навести о ней справки. Все никак не успокоится... Не верит — звериные инстинкты для таких, как он, проживших не один год в лесу, часто значат больше, нежели все дру-

гие аргументы. Почему волк иногда минует западню? Шел прямо в нее, а за десяток шагов свернул...

— Ты можешь узнать, что передают курьеры Стася проводникам? — спросила Горлинка Остапа.

— Вряд ли, — засомневался хлопец. — Ты же знаешь наши порядки: что известно одному — до того другому дела нет.

— Надо, Остап. Я могу, конечно, призвать сюда и Стася и его курьеров, потребовать, чтобы сами сказали. Только думаю, на такой случай у Стафийчука разработана запасная версия — отбредется.

— Даже если и узнаем, помешать не сможем. У них — сила.

— Ничего, Остапе, бывали и похуже ситуации.

Остап ерошил густые волосы — верный признак размышлений. Спросил Марию:

— У тебя самогон есть?

— Стоит целая сулея под нарами. От Стася наследство.

— Ну, тогда попробуем...

В одном из бункеров он отыскал Василия. Тот спал, по давней арестантской привычке закутав голову ватником: пусть галдят и орут вокруг — не помешают. Остап легонько тряхнул Василия за плечо. Василий матюгнулся, поплотнее надвинул ватник.

— Да проснись ты, холера...

Бандит сел, аппетитно зевнул, опять матюгнулся.

— Чего тебе? Сон видел, будто сижу за столом в собственной хате, а на столе сало, колбаса на сковородке шипит, бутылка казенки. Только я стакан налил, ко рту потащил, а тут ты...

Остап пошептал ему что-то на ухо.

— Вот это дело! — оживился Василий. — Где добыл?

Остап опять пошептал. В бункере были еще бандеровцы — кто латал одежду, кто спал, а кто и просто лежал, бездумно уставившись в потолок. Бункер этот был далеко не таким комфортабельным, как у Стася. Обшивка на стенах местами полопалась, из-за нее сыпалась сырая комковатая земля, низкий потолок покрыт плесенью. Везде изжеванные окурки,

остатки еды, нагар от коптилок. Одно оружие в идеальном порядке, у каждого под рукой на случай внезапной тревоги.

— Куда собрались? — лениво поинтересовался кто-то.

— Важнейшее поручение, — озабоченно ответил Василий.

Через узкий люк Василий и Остап выбрались наружу. Крышкой люка служил большой куст на пазах, отодвинутый сейчас в сторону. Пола пиджака у Остапа недвусмысленно оттопыривалась. Забрались в заросли черемушника. Остап достал сулею самогонки, несколько луковиц.

— Ну, будьмо...

— Будьмо...

Выпили.

— Ворогам на погибель, нам на здоровья...

— Будьмо...

Опять выпили.

— Щоб дома не журылысь...

— Будьмо...

Еще выпили.

Хотя Остап и произносил тост за тостом, пили степенно, со знанием дела, неторопливо наливаясь хмельной истомой. Звенели алюминиевые кружки. Закусывали луковыми дольками.

— А ты хлопец непоганый, — прочувственно сказал Василий. — Смурный только, и нет в тебе той отчаянности, что у настоящих «боевиков». А так ничего. Я на тебя косо поглядывал еще с того случая, как комсомолку-библиотекарку прихватили. Хлопцы добре з нею побавылысь, а ты побледнел и ушел. Как баба... Давай выпьем еще!

Василь подставил кружку. Пьянел он быстро. После затхлого подземелья с вонючим духом свежий лесной воздух рвал легкие, дурманил голову. А тут еще самогонка. Крепкая. Баба Кылына, видно, сыпала в свое зелье известь — для крепости и количества — хлебнешь, глотку обжигает.

Василь жаловался на тяжелую жизнь, поминутно кивая в сторону бункера.

— Совсем бешеным стал Ярмаш. Сколько знаю его, таким сроду не был. Ни себя, ни других не жалеет. Я за эти дни столько километров натопа! Ну, скоро все кончится...

— Скоро, — эхом откликнулся Остап.

— Я тебе как другу говорю — недолго осталось. — Василь потянулся к сулее, снова налил себе и Остапу. Пьяно удивился: — Ты дывы, вроде и не пили, а донце показалось...

Прикончили сулею быстро. У Остапа хватило сил встать на ноги. Василь пытался подняться, опираясь на молоденькую березку. Березка гнулась, гибко выскальзывая из рук пьяного. Обнявшись, новые друзья побрели к бункеру. Василь загорланил: «Розпрягайте, хлопцы, коней...»

— Тише, — уговаривал его Остап, — Стась почует...

— Это верно, — скис Василь. — У человека настроение хорошее, так ему и поспиваты низзя. А ты добрый хлопец! Давай, Остапе, послезавтра друг дружку из виду не терять. Пустить Зеленый Гай по ветру — то дрибныци... *

— А здається мени, Горлинка про послезавтра ничего не говорила.

— Точно, у них уже все назначено. Сам ходил к Джуре, предупреждал...

— Ишь ты, а не сказала. Твой Стась сказал, а моя краля ни полслова...

— Бабы, они завсегда скрытны. Но я тебе как другу — держись за Василя, не пропадешь... А завтра — сбор проводников...

— Чертовы корни, переплутали стежку... Ты куда, Василь?

— В бункер не пойду, где-нибудь под кустом отоплюсь. Стась побаче — рука у него тяжелая. Предупреждал, чтоб до послезавтра ни капли в рот не брал. А после, говорил, погуляем...

Василь захрапел на полуслове. Добрую самогонку варит баба Кылына... Остап встал, пощупал голову — огнем горит. Непослушными руками попытался

отряхнуть траву, листья, лесную труху. Штаны в грязи, на рубашке тоже грязь. В таком виде и ввалился к Марии.

— Добре погулял, — засмеялась Горлинка, всплеснув руками.

Остап, спотыкаясь на каждом слове, выложил то, что удалось узнать.

— Ложись спать, — приказала Мария. — У меня ложись, нечего в таком виде по лагерю шататься. Трудный завтра день будет...

* Дрибныци — пустяки.

— Ну что ж, этого следовало ожидать, — спокойно сказал Розум. — Стафийчук, ошеломленный внезапными событиями, вначале выпустил из своих рук инициативу. Теперь пришел в себя, предпринимает контрмеры. Операция подготовлена и может состояться хоть завтра, но Стафийчук что-то заподозрил и на всякий случай решил опередить события. У проводников он пользуется влиянием — наслышаны о его «подвигах». Выбор места сбора тоже не случайный: Джюра — старый приятель Стася, вместе в берлинской «академии» обучались. Я знаю, что несколько дней назад Стась и Джюра встречались у Скибы — зацепная хата тогда еще действовала. О чем говорили — неизвестно. Охраняли их Василь, Скиба и телохранитель Джюры. Но я тоже кое-что предпринял.

— Что именно? — спросила Горлинка.

— Сегодня сюда придут мои хлопцы. Трое.

— Мало.

— Больше нельзя. Придется рисковать.

Часа через полтора в люк бункера просунулась патлатая голова кого-то из бандеровцев. Он доложил: задержали троих типов, те

говорят, что нужен им Розум. Пароль знают, а их никто не знает.

— Ведите, — распорядился Розум.

Вошли трое в сопровождении дозорных. Плечистые молодые парни. Гладко выбритые. В хромовых сапогах. Чем-то неуловимо похожие друг на друга. И еще на кого-то похожие. Мария пыталась вспомнить, напрягала память. Вспомнила: похожи на тех, кто маршировал при немцах в зондеркомандах. Такие же лощеные, сытые и туповатые. Щелкнули каблуками: «Слава героям!»

— Слава, слава... — прищурился усмешливо Розум. — Пароль!

Ответили. Розум приказал вернуть оружие. Они деловито затолкали короткие немецкие автоматы под спортивные пиджаки, пистолеты в карманы.

— Откуда, хлопцы? — спросил дозорный, пока Мария и Розум совещались.

— А оттуда... — Один из троих ткнул пальцем в пространство и загоготал своей, как ему показалось, удачной шутке.

— Да, школа... — завистливо вздохнул дозорный, приглядываясь к хромовым сапогам пришельцев. — Эти наведут порядок...

— Надежные? — спросила Горлинка.

— Эта троица побывала в таких передрыгах — в дурном сне не привидится. Ахнешь. Я вот все думаю: сколько у Украины верных, мужественных сынов, и никто о них не знает. Приходится — падают мертвыми, приходится — в огонь идут. Во имя чего? Ради Украины и народа ее.

— Придет время — люди о них узнают и гордиться будут. Ничего не забывается, Розум. И о вас узнают. Стану я опять учительницей, войду в класс и просто скажу: «Сегодня, дети, я расскажу вам о том, как боролись и побеждали лучшие сыны народа нашего...»

Розум смущенно усмехнулся. Не так уж и далеко до того времени, а пока...

— Эй, кто там! Остапа Блакытного сюда!

Остап неторопливо влез в бункер.

— Ну-ка закрой люк, — попросил его Розум. — Вот так-то лучше. Береженого бог бережет. Есть у нас с Горлинкой тебе важное задание, Остап. Готов его выполнить?

— Все, что угодно! — горячо блеснул глазами Блакытный.

— Пойдешь к памятнику панским музыкантам. Пойдешь так, чтобы ни одна собака твой след не унюхала. А выследят — стреляй, уходи куда угодно, но живым в руки не попадайся. Больше всего наших, из провода, стерегись. Тебя попытаются выследить, потому что я сам приказал не спускать глаз с каждого, кто уходит отсюда. Сможешь уйти незаметно?

Блакытный прикинул что-то в уме, коротко ответил:

— Смогу.

— И я думаю, что сможешь, — удовлетворенно кивнул Розум. — У памятника тебя будет ждать человек. Кто бы он ни был, не удивляйся. Покажешь ему вот это, — Розум протянул Остапу кленовую сопилку без мундштука. — Мундштук у него. Он еще тебя спросит: «А играешь ли ты, хлопче, на сопилке?» Ответишь: «Нет, только учусь». Запомни: слова должны стоять именно в таком порядке — иначе тебе не поверят. После этого скажешь ему: «Погода изменилась. Буря будет завтра». Если же он начнет расспрашивать, скажи, что ничего больше не знаешь. Ясно?

Остап слово в слово повторил услышанное, спросил:

— Значит, я должен оставить Марию? Мало ли что может случиться...

— Поверь, не меньше тебя беспокоюсь. Но от того, как ты выполнишь только что полученное задание, зависит жизнь десятков людей...

Остап ушел.

— И нам пора собираться, — сказал Розум. — До Джуры километров двадцать, как раз успеем к началу.

Он надел старенький ватник, проверил пистолет, снял со стены автомат. Мария тоже осмотрела ору-

жие. Чуть в стороне от люка на траве сидели трое вновь прибывших. Они были готовы в дорогу.

Мария хотела пристроиться вслед за Розумом, но один из хлопцев, старший, наверное, опередил ее, и она оказалась за его спиной. Двое других шагали сзади, метрах в пятнадцати.

Прошли километра три по густому березняку. Один из тех, что шли сзади, вдруг бесшумно свалился под куст. Через несколько секунд послышались возня, звонкий удар и равнодушное напутствие: «Если еще вздумаешь вынюхивать, повешу на осине». Хлопец догнал их и пристроился следом. Так они и шли — не разговаривая, чутко прислушиваясь к каждому шороху, автоматы под локтями на ремнях. За весь длинный путь Розум только один раз сделал короткий привал. Легли на траву — голова к голове, — и он тихо объяснил хлопцам:

— У этого дома три окна. Мы войдем все вместе. Как только войдем — становитесь к окнам, но так, чтобы вам не могли стрелять в спину со двора. Будет там четверо, хозяин пятый да еще четверо телохранителей, итого девять. Никого не трогать, нам нужен один Стась. Но в случае чего — стрелять без команды. Наверняка выставлен пост из телохранителей. Те, что будут в кухне, нас не интересуют — без приказа своих проводников за оружие не возьмутся. А вот тех, что на подворье караулят, придется вязать — нам очень важно появиться перед Стасем и проводниками внезапно...

К зацепной хате подошли, когда уже стемнело. Мария бывала здесь раньше, еще в дни рейсов по селам и хуторам, и сейчас она безошибочно вывела свою группу к тыну из жердей. Залегли, долго прислушивались к неясным звукам, долетавшим от хаты. Окна хаты были плотно задернуты занавесками, они не пропускали света. На подворье тоже было тихо. Наконец откуда-то сбоку, от стога сена послышался тихий говор:

— Курить хочется...

— Так закури.

— Тютюн оставил в хате.

— На, возьми мой.

Двое хлопцев отделились от группы и поползли под забором на голоса. Вернулись быстро, и Розум, увидев их, встал и, не таясь, пошел к хате. Он пропустил Марию вперед: «Теперь твоя очередь. Дверь открывай резко, но так, чтобы свет не ослепил». Мария набрала в легкие побольше воздуха, чуть задержала дыхание — верный способ сбить нервную дрожь, — вошла в сени, подождала, пока и остальные перешагнули порожек, рванула дверь:

— Слава героям!

Проводники сидели за столом, слушали Стася, вышагивавшего по комнате. Он остановился как гром пораженный, увидев Марию, запнулся на полуслове. На столе стояли глечики с молоком, ломтями нарезанный хлеб. Отсутствие самогона свидетельствовало, что разговор шел серьезный. Краем глаза Мария видела, как за ее спиной неторопливо, но достаточно быстро прошли хлопцы Розума и встали у окон.

— Ну, что же не отвечаете на приветствие, боевые друзья и товарищи? — спросила она ласково и доброжелательно.

— Откуда вы взялись? — выдавил, наконец, из себя Стась.

— Прибыли по вашему приглашению, Ярмаш, по вашему, — зловеще проговорила Горлинка.

БУРЯ БУДЕТ ЗАВТРА

Проводники, люди все опытные, догадались, что Стась втянул их в какую-то игру, затеянную без ведома и за спиной у Розума и Горлинки. Это были атаманчики, признававшие только силу. А сила эта была на стороне Розума. И не только в виде трех молодых с автоматами. Розум представлял грозную СБ, бандеровскую службу безопасности, у которой суд всегда был скорым и безжалостным — к стенке, на жердь. Рядом с Розумом стояла Горлинка — эмиссар с чрезвычайными полномочиями.

...Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Может показаться странным, что вожаки немногочисленных, затерянных в лесах банд, каждая из которых была оторвана от всего мира, так панически боялись расправы со стороны своих же руководителей. Но дело в том, что бандеровское подполье, избравшее основным методом борьбы против украинского народа террор, само держалось на жесточайшем терроре. Расправа могла осуществиться немедленно, но могла прийти и в тот момент, когда ее меньше всего ждешь. Во всяком случае, бандитские главари

всех рангов всегда подчеркивали ее неизбежность и обязательность. Иначе трудно было бы держать в узде тех, кого националисты обманом, шантажом завлекли в свои сети, кто начал прозревать, избавляться от националистического дурмана. Вот почему главари банд, собравшиеся у лесника, меньше всего были склонны сопротивляться энергичному натиску Розума и Горлинки. Только Джура, которому Стась раньше высказал свои подозрения, держал автомат наготове.

— Положи зброю, Джура! — не терпящим возражения тоном приказала Горлинка. — Прибереги свой запал для будущего — пригодится. — Она внимательно посмотрела на собравшихся. — Ярмаш проявил инициативу, решив созвать вас накануне операции, что же, это хорошо. Он, правда, забыл пригласить меня, но это уже по части Розума — пусть решает, является ли это актом невежливости или предательством общих интересов...

Горлинка села на услужливо пододвинутый кем-то стул, по-хозяйски расположилась за столом.

— Ну, продолжайте, мы послушаем...

Стась, бледный, с нервно бегающими глазами, попытался оправдаться:

— Да мы ж хотели, как лучше... Чтоб не беспокоить вас — ведь осталось уточнить детали...

Бандеровец лихорадочно прикидывал, какие последствия может иметь этот неожиданный визит, пытался предугадать развитие событий.

— Бросьте, Ярмаш! Лучше докладывайте. Мы ведь пришли к началу, не так ли?

Стафийчук собрался с духом.

— Подготовка к операции «Гром и пепел» в основном закончена. Необходимо окончательно согласовать план действий... — Стась развернул карту. — Вот Зеленый Гай, — его палец уткнулся в точку на краю лесного массива. — Справа от села, километрах в двух, глубокий овраг под названием Сухая балка. К двадцати трем часам все наши наличные силы скрытно сосредоточиваются в балке и отсюда охватывают Зеленый Гай плотным кольцом. Ровно в пол-

ночь по общему сигналу приступаем к операции. Задача: жителей уничтожить, село сжечь, сровнять с землей...

И хотя присутствующие были давно посвящены в задуманное, у многих прошел мороз по коже. Тревожил масштаб — вырезать жителей целого села! Жалость, конечно, здесь была ни при чем — привыкли убивать детишек, женщин, безоружных селян. Но к сердцу подступал страх перед возмездием — никто не простиг им подобного злодеяния...

Стась источал ненависть. Он ненавидел всех: и людей, и землю, и жизнь. Годами скапливалась в нем эта звериная злоба — дикая, трусливая, прикрываемая цитатами из библии, иезуитскими разглагольствованиями о любви к отчизне-неньке. Бандеровец деловито, будто речь шла о чем-то обыденном, а не о кровавой расправе над мирными жителями, рассказал, для чего понадобилась эта акция.

В последнее время на международной арене шансы украинских бандеровцев резко упали. В пух и в прах разлетелся созданный оуновцами миф о том, что якобы население западных областей Украины восстанет против Советской власти. В него перестали верить даже руководители американской и английской разведок. Многочисленные делегации из-за рубежа, имевшие возможность детально познакомиться с жизнью населения Западной Украины, убеждаются в обратном: люди ненавидят бандеровцев-бандитов. В этих условиях необходимо найти новые возможности для решительной смены настроений. Операция «Гром и пепел» должна послужить великой цели: убедить широкую общественность в том, что бандеровское подполье не утратило силы. Наоборот, оно, мол, успешно развивается, и именно поэтому коммунисты обрушиваются на него массовыми репрессиями. Зеленый Гай должен стать «жертвой большевистского террора». Буквально на следующий день на пепелище нагрянут иностранные корреспонденты, которые знают, о чем и как писать. Чтобы облегчить их задачу, следует оставить в бывшем Зеленом Гае вещественные доказательства: пилотки со звездочками, гильзы пат-

ронов советского производства и т. д. «Работать» «боевики» будут в советской военной форме. На Западе есть немало газет, охотно публикующих антисоветские материалы. Они расскажут своим читателям о «зверствах большевиков», о «героической борьбе безоружных селян» против регулярной армии. В международные организации последуют запросы...

Об одном только умолчал Стафийчук — о том, что за успех операции «Гром и пепел» главари ОУН обещали ему уход за кордон и там солидное вознаграждение в твердой валюте.

Когда все было обговорено, Стась сказал:

— Я буду находиться...

— На базе, — перебила Горлинка.

— Как? Мне не доверяют? Отстраняют от командования?

— Совершенно правильно, Ярмаш, — невозмутимо подтвердила Горлинка. — Вам нельзя больше доверять. Вы любите ссылаться на божье слово, позвольте и мне напомнить, что сказано в Соборном послании святого Иакова: человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих... Святой Иаков неплохо, видно, знал психологию. Что вы решили, Розум?

— Решать буду не я, другие. Им доложу. А пока... — Розум помедлил, прикинул что-то в уме, коротко скомандовал: — Взять!

Один из хлопцев, стоявший ближе всех к Стасю, у него за спиной, резко взмахнул рукой, ребром ладони рубанул Ярмаша по шее. Тот, икнув, опустился на пол. Хлопец подобрал автомат Стася, волоком подтащил отяжелевшее тело к выходу. Джура вскопчил.

— Сиди! — прижал его к табуретке другой помощник Розума. — Не рыпайся.

Остальные молча смотрели на расправу. Видно, каждый мысленно благодарил господ бога, что не оказался на месте Стася.

— Со Стафийчуком все, — деловито сказала Горлинка. Она походила по комнате. Лицо холодное, властное, непроницаемое. — Учтите, так будет

с каждым, кто хоть на кроху отступит от намеченного плана операции. Не угрожаю, но советую запомнить мои слова. Последнее: очень важно обеспечить отход. Сами понимаете, уйти надо до того, как район будет оцеплен, пока не будут подняты по тревоге оперативные группы чекистов и истребительные отряды. Подготовьтесь к полной эвакуации. Все, что невозможно взять с собой, — уничтожьте.

Мария подошла к Джуре, посмотрела ему в глаза:

— На вас ложится самое трудное — вам поручаю вывести людей. Перестрелять десяток баб и изнасиловать деревенских девок каждый дурак сумеет. А вот скрыться, замести следы — для этого нужна ваша школа, Джура.

Заметив, что тот собирается возражать, Горлинка жестко, решительно сказала:

— Все. Пререкаться запрещаю. Мы не на ярмарке. — Она повернулась к главарям банд: — Командовать операцией будет Розум.

Горлинка встала, всем своим видом подчеркивая, что собирается сказать очень важные вещи.

— План операции во всех деталях согласован с краевым проводом. Его лично утвердил проводник Рен.

Националисты подтянулись, посерьезнели. Имя Рена много значило в этих лесах. Если сам таинственный «хозяин» занимался разработкой операции, тогда понятно, почему так дерзко и властно ведет себя эта курьерша.

— Рен приказал: все, что намечено, должно быть выполнено, — тихо сказала Горлинка.

— Кто подтвердит ваши слова? — сумрачно поинтересовался Джура.

— Референт службы безопасности краевого прохода Розум. Достаточно? Если да, тогда все. Приступайте, не будем терять времени...

Остап пристроился за разлапистым кустом. Автомат положил рядом. Памятник панским музы-

кантам отсюда был виден как на ладони — каменная глыба выросла в пригорок. Вокруг никого. Только однажды ему показалось, что треснула ветка под чьим-то чужим шагом. Он потянулся к автомату. Но треск не повторился: видно, почудилось.

Тот, к кому он пришел на связь, не появлялся, хотя по всем расчетам давно уже должен бы быть здесь. «Может, испугнул чем?» — встревожился Остап.

— Ну, долго будем в прятки играть? — неожиданно послышался чей-то веселый голос.

Остап промолчал, только теснее прижался к земле, ощупывая взглядом все вокруг. Ишь ты, спрятался так, что и с собаками не отыщешь.

— Поднимайся, хлопче, я уже час за тобой смотрю. Не иначе как ко мне пришел.

Остап нехотя встал — автомат в руке. Не понравилось ему, что обвел тот, неизвестный, вокруг пальца. И тотчас из соседнего кустарника выбрался невысокий хлопчина: рука в кармане куртки, взгляд хотя и дружелюбный, но настороженный.

Обменялись паролями.

— Значит, буря завтра? — переспросил хлопчина.

Остап кивнул: именно это просил передать Розум. Интересно, откуда он, этот парень? Не местный, точно. Остап узнал бы его. В кармане, ясно, пистолет.

— Дай закурить, — попросил Остап.

Хлопец достал пачку «Шахтерских».

Нет, не местный, такие папиросы здесь не курят, дорогие они для селянского кармана. Устроились у памятника, закурили.

— Я пошел, — сказал Остап немного погодя.

— Теперь тебе торопиться некуда, — протянул хлопчина. — Это мне надо спешить. Наверное, здорово погода испортилась, если бурю обещают завтра. Ты ничего не перепутал?

— Нет. Сказал тебе то, что сказали мне.

— Добре. Сейчас в лес?

— Туда. — Остап кивнул.

— Смотрите, осторожнее действуйте — буря дело серьезное.

Остап опять кивнул, хотя и не понял, о чем идет речь. Хлопчина ему нравился. Поинтересовался, свидятся ли еще?

— При хорошей погоде. А сейчас — все. Пока.

Хлопец решительно зашагал к селу.

Остап повернул к лесу. Необычное поручение выполнено. Надо выбираться к своим. Что-то там теперь с Горлинкой?

Операция «Гром и пепел» началась успешно.

Как только стемнело, из лесной угрюмой глухомани, из потайных берлог начали пробираться по направлению к Сухой балке группки бандитов. Было их немного, но каждый, давно потерявший человеческое обличье, мог причинить людям тяжелое, непоправимое горе, лихую беду. Ударная группа была одета в форму солдат Советской Армии, вооружена советскими автоматами и винтовками. Именно она должна была ворваться в Зеленый Гай и учинить расправу. Задача остальных — оцепить село кольцом, чтобы никто не выбрался живым. «Уничтожить всех» — так требовал приказ.

Еле приметными тропками пробираются бандиты к Сухой балке — тщательно отработаны маршруты, пересекаются они у памятника панским музыкантам — там стоят, прислонившись к холодным каменным плитам, Горлинка и Розум. Внимательно следят, сколько прибыло «боевиков», все ли направились к Сухой балке. Подошел мрачный Джура. Спросил: «Сколько?» Горлинка ответила.

— Мало, очень мало, — обеспокоенно проговорил Джура. — Я думал, нас больше осталось. Повывбивали в облавах...

Очень встревожен Джура. Не нравится ему все это. И темная ночь кажется не такой темной, как хотелось бы, и кто его знает, что там в селе. И еще не нравится, что исчез Стась. Много лет Стась преданно служил Бандере — почему же его вот так внезапно отстранили без всяких объяснений от важной операции? И не просто отстранили, а может, и прикончили. Хлопцы Розума не шутят... Уходит Джура в темноту, далеко уходит, а потом вдруг сворачивает в сторону, пригибается к земле, ждет...

Не спят и те, кого пригласили на завтра посмотреть «большевистские зверства». Собираются в дорогу, чтобы растащить, оплевать нечистой слюной остатки трагедии, которая вот-вот должна разразиться. Солидный толстый корреспондент западного еженедельника, регулярно публикующего антисоветские побасенки, уже набросал черновик срочного сообщения в редакцию. Останется только подставить местные детали и фамилии: «Ваш корреспондент только что побывал на месте бывшего украинского села Зеленый Гай. Еще дымится дома украинских фермеров».

Сухая балка — глубокая впадина с обрывистыми краями и голыми кручами. Идеальная западня, она ненасытно поглощала всех, кто пробирался в нее по единственной тропе. Собравшиеся здесь «боевики» ждали последнего приказа. Они молча сидели на земле, не разговаривали, не курили. Запрещено. Изредка тихо звенел металл — магазинны автоматов набиты до отказа, патроны в стволах.

— Пора, — решительно сказал Розум. — Горлинка, ты отсюда ни шагу. Без тебя справятся...

Ушел Розум. И оттуда, куда он ушел, ровно в 23.00 взлетела в небо ракета. Рыжий мертвенный свет вырвал из темноты балку, серую живую массу, копошащуюся на ее дне.

И тогда услышали бандиты грозную команду: — Бросай зброю!

Рванулся к выходу белоголовый Василь со шрамом на щеке — треснула автоматная очередь, упал Василь.

Кто-то из проводников попытался поднять на прорыв своих — застучал пулемет, отрезал дорогу.

— Бросай зброю! Из балки выхода нет! — снова крикнули сверху.

И, словно в подтверждение этих слов, опять заработали пулеметы — трассирующие очереди крестнакрест над головами бандитов перекрыли темную впадину.

— Сдаемся!

И потянулись к выходу из западни бандеровцы. Они угрюмо отворачивали щетинистые лица от лучей фонариков, бросали в кучу оружие, покорно поднимали руки. Ошеломленные случившимся, они даже не удивлялись, увидев среди тех, к чьим ногам швыряли автоматы и пистолеты, Розума и его «туповатых» хлопцев.

Антинародное подполье, бандитские шайки в обширном лесном районе были ликвидированы одним ударом. В облаве принимали участие оперативные группы — чекисты тоже хорошо подготовились к операции «Гром и пепел». Среди участников облавы были лейтенант Малеванный, зеленогайские комсомольцы Иван Нечай, Надийка, Степан Костюк, другие хлопцы из истребительного отряда.

Пленных построили в колонну, по бокам ее стали автоматчики.

— Где Джура? — внимательно всматриваясь в лица бандитов, спросил Розум. — Не хватало еще, чтобы этот волк сбежал!

Но Джура не сбежал. Услышав выстрелы, он понял, что банды попали в ловушку. И сразу догадался, кто ее устроил. Джура бросился к памятнику.

...Мария стояла под стволом автомата, сердцем отсчитывая секунды. Ее лицо ничего не выражало — это неправда, что в трагические, вдруг, внезапно наступившие минуты лица человеческие искажаются болью, ненавистью, страхом. Она слишком долго готовилась к этому, все продумала и взвесила, чтобы

теперь лицо ее выражало что-нибудь, кроме усталости. А мысль напряженно билась, рвалась, искала выхода. Нет, не может быть, чтобы вот так, по-глупому, под самый конец погибнуть!

— Стреляй, — сказала Мария.

Джура поднял автомат. Он усмехнулся и зло проговорил:

— Теперь ты заплатишь за все...

Ее автомат, выбитый внезапным ударом, упал на землю. Лежит, зарывшись стволом в траву, с почти полным магазином — только одну очередь сделала из него Мария. А если внезапно, в броске, схватить «шмайсер»? Не успеть, Джура стережет каждое движение.

Джура трусит. Глаза у него бегают. Прислушивается к выстрелам, чем реже они, тем больше нервничает бандит, торопится, прикидывает — успеет ли отсюда уйти потайными стежками. Почему он все-таки не стреляет? Ага, все еще сомневается, кто она: Горлинка, Мария Шевчук, Зоряна... Да нет, не сомневается — просто по бандитской привычке хочет покуражиться, привык ведь убивать безнаказанно.

Спокойно... Спокойно... В народе говорят, что самые злые собаки не выдерживают человеческого взгляда. Перед нею тоже собака, нет, хуже собаки — существо, утратившее все чувства, кроме двух: жажды убийства и стремления во что бы то ни стало спасти шкуру.

— Не-е-е... так просто ты не умрешь... — сказал Джура. — Сперва помучишься, на жердыне покрутишься, хлопцев потешишь, а уж потом...

Бой затихал. У него мог быть только один исход — это знали и Мария и Джура.

— Ну, пошла... — Джура грязно выругался.

Она знала: как только повернется к нему спиной, Джура всадит в нее очередь. Трус, не решается стрелять в лицо — боится взгляда в упор.

Мелькнула в чашобе тень. Кто-то неслышно, от дерева к дереву приближался к ним двоим на поляне. Свой? Чужой? Марии видно, Джуре нет, стоит спиной. Девушка вся внутренне собралась, надежда

вновь ожила в ней: ведь небо пока над головой, и ветка орешника касается лица. Тот, кто бежал, выскочил на край поляны, метров за двадцать, прижался к дереву, слился с ним. Она видела, как толстый палец Джуря лег на спусковой крючок. И тогда властно, как научилась за последние дни пребывания в банде, приказала:

— Стреляй!

И удивилась: очереди она не должна была бы услышать. Потом сообразила: не она падает на землю — Джюра ткнулся лицом в траву, бьется в предсмертной судороге. Тот, третий, а не Джюра выполнил ее команду.

К ней бежал Остап Блакытный, на ходу передергивая затвор.

— Мария! На секунду бы опоздал...

— Значит, не отлита еще для меня пуля, Остап... — Мария хотела сказать парню какие-то очень значительные, пежные слова — он ведь спас ей жизнь — и не могла их отыскать, сказала только: «Спасибо!» Голос ее дрожал. Во рту пересохло. Нервная дрожь била тело. Нелегко встречаться со смертью. Мария опустила на землю.

Остап понял, что с нею происходит, торопливо отстегнул фляжку.

— Выпей, водка.

Поднял «шмайсер», быстро очистил его от земли, протянул Горлинке.

— Посмотрел бы хоть, кого убил, — сказала Мария.

— Некогда. Уходить надо отсюда — наших всех перебили. Торопись, Горлинка!

— Не наших, врагов перебили. — Мария уже успокоилась, поправила одежду, вскинула автомат на плечо. — Чуешь, Остап? Врагов перебили — и твоих и моих... А торопиться действительно надо! Быстрее, быстрее!

Они пошли по лесной тропинке след в след, как привыкли ходить за последние месяцы. Шли туда, где недавно свинцовой грозой обрушился на овраг короткий бой. На полпути им встретился Розум.

— Кончилась твоя бандитская жизнь, Остап, — весело сказал он. — Начинай новую. Первые шаги в ней у тебя получились неплохо...

Розум повернулся к Марии.

— Тебе не следует идти к балке, Горлинка, — мягко посоветовал он.

— Почему?

— Там оперативные группы, «ястребки» — не надо, чтобы тебя видели. К сожалению, этот бой не последний...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ

ВСТРЕЧА С СОБОЙ

— Взгляните, — начальник облуправления МГБ протянул Марии фотокарточку.

Мария всмотрелась в плотный квадратик картона. Фото было сделано наспех, экспозиция при печати не выдержана, потому и поплыл по фотобумаге серый фон. На фотографии была изображена девушка: большие темные глаза, высокий лоб, прямые брови, надменный взгляд, короткая, почти мальчишечья прическа. Красивая дивчина. Мария могла поспорить, что с этой девушкой она уже встречалась. Полковник пристроил фотографию к подставке с карандашами, полюбовался, добродушно поторопил:

— Вспоминайте...

Мария смешно хмурила брови, подстегивала память, наконец, сдалась:

— Не знаю, кто такая. А кажется, виделась.

— Тогда гляньте в зеркало.

Полковник снова взял фото в руки.

— Это вы, — сказал очень серьезно.

— Не похожа, — будто и не удивилась Мария, — во-первых, взгляд... Потом — у меня косы...

— Да, различия имеют-

ся. Знаете, откуда фото? Найдено при обыске у одного эсбековца. А это приложение к нему, — полковник вручил Марии листик папиросной бумаги.

Это был смертный приговор Марии Шевчук, учительнице Зеленогайской начальной школы, вынесенный краевым проводом националистов «за зраду великої справи, яка привела до загибелі славних синів нашої героїчної боротьби».

Мария привычно отметила, что приговор оформлен по всем бандитским «правилам»: две подписи справа и слева, вверху — националистические призывы, снизу в правом уголке — «місце постою»*. Она спокойно положила листок на стол — рука не дрогнула. А в глазах мелькнули и погасли злые, быстрые, как вспышка выстрела, огоньки. Полковник заметил этот моментальный, почти неуловимый, всплеск ярости.

— Спокойно, товарищ Шевчук. На кого злитесь?

— На себя. Где-то ошиблась, раз эсбековцам стало известно о моей роли в операции «Гром и пепел». — Добавила деловито: — Значит, при встрече мне надо стрелять первой.

— Ого! — улыбнулся полковник. — Правильно о вас докладывали — не из пугливых. Лично вы нигде не ошиблись. СБ пришла к выводу о вашей подлинной роли в уничтожении банд на основании анализа причин провала операции. Одному из главарей удалось тогда скрыться. Видимо, он и сообщил подробности. Нам известно, что служба безопасности бандеровцев пыталась отыскать вашу фотографию. Не смогла. Даже ваше личное дело в районном отделе народного образования оказалось без фото. Мы позаботились об этом. Тогда СБ составила ваш довольно примитивный словесный портрет. Дальше, предполагаю, кто-то был загримирован «под вас» и наштампованы эти фотографии. Сходство националистки с учительницей из Зеленого Гая весьма

* Місце постою — место стоянки. Бандитские главари в приказах обычно так обозначали местонахождение своих штабов.

отдаленное. Это очень хорошо. Опознать вас практически невозможно. И все-таки надо быть готовыми к любым случайностям. Эти фотографии розданы наиболее проверенным «боевикам» с приказом искать вас и привести приговор в исполнение.

— Значит, «охота» продолжается?

— Да. И советую отнестись к этому достаточно серьезно. Речь идет не только о вашей безопасности, но и об успехе новой операции. Выражаясь языком летчиков, вы в ней будете ведущим. Ваши партнеры будут вас прикрывать. Очень много зависит от вашей собранности, выдержки, решительности.

— Понимаю. Как вы думаете, что предпримут бандеровцы дальше?

— Насколько я знаю их повадки, могу предположить, что будет подобран конкретный исполнитель приговора. Фото — это скорее пропагандистский трюк — для устрашения своих же: вот, мол, мы какие, ничего не прощаем, под землей найдем...

Была середина лета 1947 года. Разговор этот происходил в одном из старинных западноукраинских городов. Особняк находился на тихой улице, вдали от центра города. Мария долго петляла проулками, прежде чем вышла к этому зданию. Ей необходимо было убедиться, что никто, ни один человек не фиксирует ее визит.

Одета она была элегантно, но не броско. Погода стояла пасмурная, и Мария надела спортивный костюм из тонкой английской шерсти. Серый цвет был ей к лицу. Белая строгая блузка, модные по тем временам лаковые туфли-лодочки, тончайшие чулки, которые можно было приобрести только у спекулянтов — так одевались те, кто мог тратить на свои наряды немалые деньги, у кого были «пути» для покупки дефицитных товаров на «черном рынке».

Операция началась, и Мария даже в деталях придерживалась заранее намеченного плана.

— Где остановились? — спросил полковник.

— Как и планировали: приехала поездом, в пути меня многие видели. В гостинице свободных номеров не было, пришлось уламывать администратора —

редкий прохода. Но гостиница — это временно. С жильем буду решать так, как намечено.

— Мы, со своей стороны, провели всю подготовительную работу. Препятствия вряд ли возникнут.

— Если потребуется помощь, я сразу же сообщу.

— А теперь еще раз проверим готовность к операции. Я имею в виду не техническую сторону — этим наши товарищи еще займутся. Мне хотелось бы обратить ваше внимание только на некоторые детали. Вам придется стать другим человеком. Крайне важно, чтобы каждый ваш поступок психологически соответствовал той легенде, с которой придете к врагу. Ваша Горлинка была суровым, выдержанным человеком. Она такой и запомнилась бандитским главарям. Чекист в определенных ситуациях должен становиться актером — вам предстоит роль, прямо противоположная той, которая уже была сыграна.

— У меня были хорошие возможности для «репетиций», — Мария, немного поколебавшись, употребила именно это неожиданное в чекистской работе слово. — Во время подготовки к операции я имела возможность хорошо изучить обстановку, характеры людей, с которыми, возможно, придется иметь дело, оттенки их отношений друг с другом. Многие дали встречи с реальными прототипами, особенно с курьером из Мюнхена — молодой женщиной, задержанной нашими сотрудниками. По-моему, она и до сих пор убеждена, что я тоже вылетела из ее же гнезда.

— Мне докладывали: она с самого начала приняла вас за свою. Потому и откровенничала.

— Не совсем точно. Вначале не доверяла, присматривалась. Не помогло даже то, что я назвала пароль, который был ей известен. И только когда окольными вопросами выяснила, что у нас есть «общие знакомые», немного оттаяла. Злая особа. Я иногда думаю: откуда у таких, как она, столько ненависти, предвзятости, слепоты?

— Ваша собеседница росла в особой среде. Ее родители покинули Украину, когда ей было всего двенадцать лет. Причем в то время, когда эти украинские земли входили в состав буржуазной Польши.

Сколько она себя помнит, в ее семье, в их кругу пре-
выше всего ценились фанатизм, националистическая
иступленность.

Мария вспоминала длинные разговоры с этой националисткой, задержанной чекистами.

— Она решила, что я не особенно тверда в своих убеждениях. И уж постаралась как следует убедить, ссылаясь на традиции, путь «лучших борцов», реальные ситуации. В ее глазах я была, очевидно, преданной, но простоватой дивчиной, которую надо еще «доводить до кондиции», чтобы стала такой же, как и она, иступленной фанатичкой. А меня, естественно, интересовали детали, облик людей, которые играют какую-либо роль в окружении главарей, манера поведения, стиль общения бандеровцев между собой, те интимные стороны их опереточного балагана, которые она в порывах откровенности выбалтывала. Я теперь знаю, какие рубашки любил Бандера и по каким случаям Роман Шухевич* надевал парадную форму... — Мария улыбнулась одними глазами. — Вообще, если бы кто нас послушал со стороны, подумал бы, что две любительницы посплетничать перемывают косточки своим знакомым. И в то же время: сколько у нее сомнений, презрения к рядовым бандеровцам, «скотинке», как она говорила...

— Чем же окончились ваши беседы? — поинтересовался полковник.

— Условились: кто первым вырвется от вас, проинформирует центральный провод о нашей судьбе.

— Чувствую, нелегко вам далось это знакомство.

— Да нет, было даже интересно. Под конец курьера изрек: «Ты все больше становишься похожей на меня!» Она гордилась этим — всерьез ведь считает себя принадлежащей к касте избранных, сильной личностью, подчиняющей своему влиянию всех остальных. А я училась так же, как и она, истерично восхищаться «гениальностью» бандеровских главарей, пре-

* Роман Шухевич — «командующий» УПА, член центрального провода ОУН — один из главарей украинских буржуазных националистов.

зрительно щуриться, если речь заходила о рядовых.

Полковник слушал Марию с большим вниманием. Его интересовали мельчайшие подробности разговоров Марии с бандеровским курьером. В целом он был доволен: Марии эти контакты оказались полезными.

— Хотелось бы особенно отметить усилия тех товарищей, которые помогали мне готовиться к операции, — сказала Мария. — Очень опытные чекисты. И если я проваляюсь, то только по своей вине.

— Не надо так, — глаза у полковника потемнели. — Если есть хоть малейшие сомнения...

— Это я к слову... Времени, жаль, было маловато.

— Да, приходится торопиться. Мы не можем ни на день оттягивать ликвидацию главарей антинародного подполья. Сами понимаете, чем скорее обезвредим ту горстку бандитов, тем меньше зла принесут они людям.

Мария отвечала на вопросы полковника четко, сдержанно. Эта беседа была последней накануне ответственной операции. Полковник лично контролировал подготовку к ней. В некотором роде Мария была его «крестницей» — он отправлял ее еще в банду Стафийчука.

Прошло более двух лет. Полковник вспомнил, как Мария впервые пришла к нему: худенькая, большеглазая девушка, смелая, но неопытная, прошедшая много боев в лесах и еще ничего не знающая о тех боях, которые ей предстояло выдержать.

Был тогда у них обстоятельный разговор. Собственно, больше спрашивал полковник — Мария отвечала.

— Что вы знаете об идеологии и практике буржуазного национализма?

— Видела своими глазами: сожженные дома, замученные активисты!

— А вам приходилось знакомиться с истоками, идейными корнями национализма? Давайте все-таки выясним, в какой степени вы владеете этим материалом.

Вопросы были точными, четкими — как на экза-

мене. На какие-то из них Мария смогла ответить. На другие — нет. Она приуныла.

— Не огорчайтесь, — подбодрил полковник. — Я и не ожидал, что вы знаете такие детали, нюансы, которые и в антинародном подполье известны только немногим наиболее «подкованным», так называемым «идеологам». Вот почему вам необходимо учиться. Мне докладывали, что вы рветесь в схватку...

— Да, я не хочу отсиживаться, когда другие рискуют жизнью.

— Вижу, не убедил, — полковник присматривался к Марии. — Еще несколько вопросов. Вы хорошо стреляете? Из каких видов оружия?

— Из автомата, винтовки, пистолета «ТТ». На сто метров из винтовки выбиваю девяносто из ста возможных.

— Видите, очень средне. А вам надо владеть оружием так, чтобы в любой ситуации в случае необходимости выстрелить первой, и наверняка.

Мария молчала. Она вдруг подумала, что сейчас ей скажут: «Вы нам не подходите», и она уедет обратно в свой район, к комсомольцам. Там реальное дело, а здесь учеба, как в институте. Нет, лучше все-таки уехать...

Полковник понял, о чем она думает.

— Вы совсем не умеете скрывать свои мысли, — сказал он.

— Это потому, что я не хочу их скрывать перед вами... Ничего у меня не получится, — откровенно сказала Мария. — Стоит ли со мной возиться?

— Стоит, — уверенно сказал полковник.

Полковник не ошибся. Мария оказалась не просто старательной — талантливой ученицей.

С первых самостоятельных шагов она проявила себя трудолюбивым разведчиком, придающим большое значение так называемым «мелочам», но, если требовали обстоятельства, умеющим принимать мгновенные решения, действовать с размахом, импровизировать. «Нам не нужны ни сентиментально-наивные романтики, ни мрачные педанты», — любил повторять полковник.

Всего два года. Они многое дали Марии. И сейчас перед начальником облуправления МГБ сидел уже опытный разведчик, за плечами у которого трудная операция по ликвидации банд в районе Зеленого Гая.

Сразу после этих памятных событий Мария Шевчук, лейтенант госбезопасности, приступила к выполнению нового задания.

Полковник спросил, как себя чувствует Мария.

— Нормально. Последние дни отдыхала. Готова к выполнению задания.

— Ну что ж, прекрасно. Мы надеемся на вас. А теперь давайте еще раз хотя бы в общих чертах поговорим о том, что вам предстоит...

Шаг за шагом начальник областного управления анализировал предстоящую операцию.

Мария слушала внимательно, лишь изредка кивая: мол, понятно. Ничего не записывала, только иногда просила повторить имя, кличку или адрес.

— Вам будет помогать один из наших офицеров, майор Лисовский. Не исключено, что вам придется действовать в различных районах. Нужен человек, который координировал бы операцию, тщательно образом фиксировал весь ее ход. В случае необходимости — в самом крайнем случае, — подчеркнул полковник, — Лисовский придет вам на помощь. Для этого ему придется обнаружить себя, так что желательно, чтобы такая необходимость не возникла.

Начальник облуправления неожиданно сказал:

— Если сомневаетесь в своих силах — откажитесь от задания. Еще не поздно, никто вас не осудит.

Мария подошла к окну, раздвинула шторы.

— Посмотрите, товарищ полковник, какое синее небо! Как васильки в поле. Такое синее только на Украине...

Был поздний вечер. В синеву врезались вершины кленов, окруживших особняк.

— Это моя Украина. А в моей Украине нет места палачам. Не считайте меня ни фанатичкой, ни сентиментальной девицей. Просто я хорошо усвоила: счастье народа добывается в борьбе. За него надо сра-

жаться против всякой нечисти. И если ради этого надо погибнуть...

Полковник нахмурился.

— Знаете, в чем особенность нашей работы? — спросил он.

Мария помедлила с ответом. Не скажешь ведь, что диапазон этих «особенностей» очень широк: встреча с врагом лицом к лицу, ожидание выстрела в любую минуту, сотни неожиданностей, подстерегающих чекиста.

— Да, да, — будто угадал ее мысли полковник. — Все это может быть: и выстрел, и бандитский нож, и западня. Но я считаю главным даже не это, а другое — то, что мы не имеем право на ошибку и поражение. Возьмите инженера: ошибся — сломался станок, дорого стоит ремонт, но дело поправимое. А если ошибетесь вы? Погибнете сами, зверь уйдет из капкана, причинит много вреда...

— Я знаю, — тихо сказала Мария.

Полковник кивнул. Конечно же, эта дивчина знает то, о чем он говорит. Выполнила ведь трудное задание, действовала смело, решительно. У нее есть особая хватка, присущая только тем людям, которые очень преданы своему делу. Бывший секретарь райкома комсомола Мария Шевчук стала отличной чекисткой. Дивчина горячая, не сидится ей без дела, сама напросилась на задание. Впрочем, время такое, не до отдыха. Все еще бродят по лесам остатки националистических банд, ушли в подполье бандитские главарь. Бандеровцы любыми путями пытаются оттянуть свою гибель.

→ Вы были в банде, скажите, какое впечатление сложилось у вас от тех, кто в нее входил?

— Разные там люди. О главарях я не говорю, этих еще гитлеровцы школили, на Советскую власть натравливали. Руки у них в крови по локоть, на совести много преступлений против нашего народа. Вот почему они видят для себя только два пути: или продолжение террористической борьбы, или бегство на Запад. О том, чтобы скрыться у американцев, мечтают. У некоторых идеалов столько же, сколько у при-

блудной кошки, — кто мясо протянет, к тому и ластятся. Сложнее с рядовыми. Здесь есть и уголовники, и бывшие полицейские, и гестаповские провокаторы из концлагерей. Но есть и такие, которых завлекли в банды обманом, шантажом, угрозами, кто когда-то поддался националистическому угару. Вы знаете, что такое «атентат»? — спросила вдруг Мария.

— Представляю...

— Приводят в банду сельского хлопца. Объявляют «мобилизованным», ставят перед бандитским строем, дают автомат. А против него выводят схваченного активиста, бедняка, а то и просто случайно попавшего в бандитские лапы человека. «Стреляй! — приказывают новичку. — Убей его! Не хочешь? Становись на его место!» Я знаю случаи, когда хлопцы предпочитали умереть сами. Но другие не выдерживали, стреляли — и падал пленник, прошитый пулями, а парни бандитами становились: совершил преступление, нет больше пути назад. «Атентат» — это кровавые крестины в бандитскую веру. Я больше всего боялась, что мне тоже придется пройти через это. Что бы делала? Стрелять в своего? Пришлось бы выпускать диск по бандитскому строю, гибнуть самой и проваливать задание.

— Вы были на особом положении — сами приказывали.

— Да, и потому должна была быть злее, кровавее других.

— Согласитесь, что безвыходных ситуаций не бывает. Утверждаю это на основе собственного опыта.

Полковник был в штатском костюме, сидевшем на нем привычно и свободно. Костюм шит по моде года — темная, разлинеенная серой полоской ткань, широкие, расклешенные брюки, прямые, высокие плечи. Начальник управления начинал работу разведчика-чекиста в войну — прошел по тылам фашистов не одну сотню километров. Возглавлял отряд «Соколы». Отряд «специализировался» на разгроме фашистских штабов. Рассказывают, что однажды полковник — тогда еще капитан, — отбиваясь от фашистов

в захваченном дерзким налетом городке, вызвал себе на подмогу... роту карателей. «Соколы» не успели вовремя уйти — их окружили фашисты. Готовясь к отражению очередной атаки, капитан случайно сдвинул трубку телефонного аппарата. Телефон, на удивление, работал. Тогда он заставил пленного немецкого офицера сообщить своему командованию, что якобы в городке немцы, а партизаны наступают со всех сторон. Каратели с ходу ударили в тыл своим. Отряд прорвался в леса. Таких случаев в богатой практике полковника было немало, и он с полным правом мог ссылаться на собственный опыт.

Он остался доволен ответом Марии.

— Радует, что вы в связи со своей последней операцией не озлобились против всех и вся, можете отличать убежденных врагов от парней, случайно запутавшихся в националистических сетях. Я не отношусь к числу людей, которые недооценивают силы антинародного подполья, его коварство, жестокость. Это злобный и изворотливый враг. Но его не стоит и переоценивать. Особенно сейчас, когда все население безоговорочно поддерживает Советскую власть, помогает нам в борьбе с бандеровским охвостом. Крестьяне даже под страхом смерти отказываются давать бандитам продовольствие, сообщают нам о скронах, выявляют бандитских пособников. Помните Остапа Блакытного?

— Конечно!

— Суд счел возможным ограничиться условным наказанием. Остапу советовали временно уехать из Зеленого Гая — его бывшие «дружки» могли за просто всадить ему нож в спину. Но он не согласился. Вскоре на него было действительно совершено покушение. Однако мы своевременно узнали об этом и смогли предотвратить убийство. Работает сейчас человек и, наверное, как кошмарный сон вспоминает о своем пребывании в банде. Таким, как Остап, — а их немало — надо помогать выбраться из трясины бандеровщины. И в то же время было бы непостижимой ошибкой лично для вас забыть об опасности, морально расслабиться. Вы пойдете в самое логово,

к тем, кто направляет террор и убийства. Это все люди опытные...

Полковник усмехнулся.

— Читал я недавно одну книжку о нашем разведчике, работавшем в абвере. Автор изобразил фашистских контрразведчиков кругленькими такими идиотами и дураками, которых ничего не стоит обвести вокруг пальца. На это не надейтесь — вам дураки не попадутся.

Начальник управления нажал пуговку звонка.

— Принесите дело Дубровника, — приказал офицеру.

Через несколько минут тот внес распухшую от бумаг серую папку.

— Вот один из тех, с кем вам, возможно, придется иметь дело. Смотрите: Орест, он же Ластивка, он же Байда, он же Дубровник, и прочая, и прочая, бандитских титулов хоть отбавляй. Подлинное имя — Владимир Шмыгельский. Думаете, он за идеи воюет? Как бы не так — за хутор своего отца. Школили его националисты по всем правилам: вступил в юношеское националистическое военно-спортивное общество, в военную организацию националистов «Січ», перебрался оттуда в фашистско-националистический «Украинский легион», при гитлеровцах служил во «вспомогательной полиции», обучался в специальной школе в Австрии, снова служил в полиции, совершенствовал «мастерство» еще в одной школе под Берлином...

— Что и говорить — золотой фонд националистов, — пошутила Мария.

— Это еще не все. Добавьте чин сотника, разбой на территории Польской Народной Республики, злодеяния в наших западных областях. Сейчас это один из особо доверенных курьеров центрального провода. С таким обер-бандитом меряться силами — дело не легкое.

Полковник захлопнул папку.

— Поступили сведения, что Шмыгельский готовится побывать на «землях». Думаю, что это как-то связано с уничтожением банд в зоне Зеленого Гая. Может, его посылают штопать дыры? Ведь практиче-

ски антинародное подполье разгромлено. Вот и замесались закордонные «вожди»... А сейчас о другом. Есть у вас какие-либо личные просьбы?

— Нет.

— Медики утверждают, что у вас со здоровьем в порядке. Говорят, железное самообладание. Но железо — металл, его можно разрубить, разорвать, расплавить. Значит, вам надо быть крепче металла. Не обижайтесь, что не разрешили повидаться с родными?

— Раз нельзя, значит нельзя, товарищ полковник. Не маленькая, понимаю.

Полковник промерял кабинет широким шагом.

— Мы будем знать вас как Веселку. Еще раз уточните способы связи. Условное наименование операции — «Удар мечом». Откуда такое название? На нашей эмблеме — щит и меч. Чекистам не впервые отражать удары врага, щитом прикрывать завоевания народа. И в жестоких схватках иногда требуется нанести удар мечом. Задание ясно?

— Так точно!

— Приступайте к выполнению.

Когда Мария вышла из особняка, город уже давно спал. На пустынных улицах врезалась в темноту редкая цепочка фонарей. Было очень тихо. Но тишина не всегда бывает мирной.

**«ПРИМИТЕ
НАШИ
ПОЗДРАВЛЕНИЯ...»**

В конце первой недели занятий первокурсников филфака попросили собраться в Большой аудитории. Там обычно проходили все собрания. Пришли декан, секретарь факультетского комсомольского бюро, представители профкома, преподаватели.

Декан Петр Степанович Бойко, невысокий, сухощавый, очень энергичный, взял слово первым. Он говорил, по преподавательской привычке четко разделяя фразы паузами, взмахом руки выделяя наиболее важное:

— Дорогие друзья! Мои молодые коллеги! Мы рады приветствовать новое пополнение студенческой семьи нашего института...

Декану дружно захлопали. Он жестом прервал аплодисменты.

— Совсем недавно закончилась война — святая война народа нашего за свободу, за жизнь детей, за то, чтобы колосился хлеб на полях и цвели сады. Я вижу среди вас тех, кто с оружием в руках прошел дороги войны. Примите наши поздравления, товарищи демобилизованные воины, с началом первого в вашей жизни студенческого года!

Бойко преподавал в институте еще в те времена,

когда эта территория входила в состав буржуазной Польши. Очень недолго преподавал — коммуниста Бойко польская дефензива бросила в тюрьму. Сейчас он жадно всматривался в зал: перед ним сидели студенты, учить которых он мечтал в тюремных застенках. Вот парни в гимнастерках, на груди ордена, медали «За взятие...», «За освобождение...». Пожалуй, по наградам вон того чернوبرового хлопца можно географию Европы изучать: с боями ее прошел, освобождая от фашизма. Демобилизованные солдаты дернутся вместе, разместятся на соседних скамьях.

— В 1939 году западноукраинские земли воссоединились со своей сестрой — Советской Украиной. У нас была установлена народная власть. Но война прервала мирный труд. Гитлеровцы хотели отнять у нас все, чего мы достигли, утопить в крови национальное самосознание, уничтожить нашу культуру. Речь шла о жизни и смерти Украины — это понимал каждый украинец-патриот. Фашистским оккупантам верно служили буржуазные националисты, притащившиеся в их обозе. Народы-братья одолели гитлеровского зверя. Воссоединенная Украинская Советская Социалистическая Республика залечит раны, нанесенные фашистским лихолетьем, и станет еще сильнее, еще краше. Мы сердечно приветствуем сегодня детей рабочих и крестьян, которым Советская власть открыла широкую дорогу к знаниям...

Девчата устроились отдельно от хлопцев. Гафийки, Стефки — дочери вчерашних батрачек — будут учиться крепко, основательно. Сызмальства ведь привыкли трудиться от зари до зари. Одетые в простенькие сукенки, сшитые старательным, но не сведущим в модах местечковым портным. Рядом с ними — пареньки в пиджачках грубого сукна, неуклюжие, стеснительные. В глазах у них крутое упрямство: выучимся. И действительно, выучатся — молодые интеллигенты, они будут верно служить народной власти. Все старше, чем положено для первого курса, — по три-четыре года украла война.

Несколько горожанок держатся более независимо. Они и одеты получше.

— Учитесь и помните, что дорогу к знаниям вам открыл народ. Вы будете его полномочными представителями в науке! — так закончил свою речь декан.

Прошло всего пять дней занятий. Это собрание было первым для сотни парней и девочек, ставших студентами областного педагогического института. После приветствий представителей общественных организаций декан предложил выбрать старостат.

— Загребельного старостой! — выкрикнул кто-то из демобилизованных.

— Товарищ Загребельный, встаньте, пожалуйста, — попросил декан.

Поднялся широкоплечий парень. Руки по швам, подбородок вскинут:

— Старший сержант Загребельный!

Все засмеялись, и студент виновато объяснил:

— Простите, не привык я еще по-гражданскому. Только из армии, трудно к мирной жизни приспосабливаюсь...

— Ладный из тебя староста получится, товарищ старший сержант, — с удовольствием отметил декан. — А кого тебе в помощники определим? Может, дивчину? Девушек ведь здесь большинство, им и власть.

В аудитории установилась тишина. Ребята раздумывали, поглядывали на соседей. В самом деле, кого?

— Иву Менжерес! — предложили из девчоночьих рядов.

— Кто назвал кандидатуру Менжерес — встаньте.

Поднялась высокая белокурая студентка. Смело затараторила:

— У нее одни «отлично» на экзаменах. И товарищам помогала, если кто чего не знал. Вот!

Потом по просьбе декана встала Ива Менжерес. Она оказалась худенькой, стройной, темноглазой девушкой. На белоснежную блузку легла тугая коса. А взгляд из-под бровей — настороженный, дерзкий. Ее можно было бы назвать красавицей, если бы не та неприступная холодность, которую, казалось, источала вся ее фигурка.

— Дякую за шану. Но это не для меня.

— Почему? — удивился декан.

— Я поступила в институт, чтобы учиться, а не на собрания время тратить.

Студенты зашумели:

— Смотри ты, какая...

— И где только росла?

— Комсомолка? — спросил секретарь комсомольского бюро.

— Нет, — отрезала девушка.

— Примем, — добродушно улыбнулся секретарь.

— Кого-нибудь другого, только не меня!

Девушка злилась, это было заметно по тому, как сдвинулись к переносице брови, как заплетала и расплетала пушистую метелку косы. И эта злость окончательно развеяла симпатии, с которыми многие ребята вначале смотрели на свою привлекательную сокурсницу.

— Отклонить кандидатуру Менжерес! — закричали сразу несколько человек.

— Не надо нам такую в старостате!

— Сразу видно, каких кровей!

— Украинских! — крикнула Ива в ответ и села, отвернувшись к окну.

В президиуме недолго пошептались, потом декан сказал:

— Студентка Менжерес отводит свою кандидатуру. Это ее право. Думаю, у нас найдутся товарищи, которые охотно поработают на благо всех...

После собрания Бойко попросил задержаться на несколько минут секретаря комсомольского бюро и нового старосту Загребельного.

— Вот что я хотел сказать вам, хлопцы. Еще в тридцатые годы знал я профессора Менжереса — работал он тогда в нашем институте.

— Вот номер! — искренне удивился Загребельный.

— Отец нашей студентки был одним из поборников «самостийности», у него в доме постоянно собиралась националистически настроенная молодежь.

— Все понятно, — резко сказал секретарь бюро. — Яблоко от яблони падает недалеко...

— Не торопись с выводами, Руденко, — оборвал

комсорга декан. — В биографии Ивы есть и другие страницы — немецкий концлагерь, скитания по Европе. Девушка горя хлебнула немало, отсюда и ее озлобленность. Конечно, кое-что досталось в наследство и от папы. Нам, коммунистам, пришлось в те годы немало поработать, чтобы преодолевать влияние националистически настроенной профессуры на молодежь. Я это рассказываю вам для того, чтобы вы обратили на Иву особое внимание, помогли ей войти в студенческий коллектив, посмотреть на нашу жизнь честными глазами...

После собрания Ива медленно шла по длинному институтскому коридору: слева — дверь, справа — окно, снова дверь, снова окно. Она ругала себя за несдержанность, резкость, предупреждала ведь вуйко из Явора, чтобы за каждым словом следила, примеряла шаги под новую жизнь. Может, лучше было согласиться в этот старостат? Ну что там за работа — прогульщиков отмечать. А оно бы все спокойнее. Ива вздохнула.

— Не журись, Иво, — вдруг услышала рядом. Быстренько оглянулась — Оксана Таран, однокурсница. Неслышно подошла, обняла за плечи.

— Не печалься, сестро, говорю. Вот только не пойму, с чего это ты душу напоказ выставила?

— Чтоб не цеплялись больше!

— Молодая, необъезженная, — улыбочиво и доброжелательно иронизировала Оксана. — Видно, мало тебя жизнь трепала, злые ветры ласкали...

— Не жалею — не люблю.

— На сердитых воду возят.

— Какая есть. Только на мне не поедут: где сядут, там и слезут.

Из института вышли вместе. Вечер был теплый, ласковый. День только-только догорел. Студентки шли бульваром — катили навстречу коляски молодые мамы, мальчишки взбирались на каштаны, трясли деревья, сбивали зеленые, колючие плоды.

— Ты где живешь? — спросила Оксана.

— Я ведь горожанка. У отца был свой дом. Оставили мне в нем от щедрот квартиру.

— А мне говорили — приезжая...

— Можно и так считать. В тридцать седьмом наша семья перебралась в Польшу. Там я и росла. А теперь, этим летом, возвратилась. И никого из родных не нашла — всех война разбросала по свету белому. С большим трудом удалось отхлопотать квартиру, собрать кое-что из имущества. Спасибо, добрые люди помогли. А ты где устроилась?

— Комнатку снимаю у одной хозяйки. Одно только плохо — сын ее из армии возвратился, новое жилье надо искать.

Ива предложила:

— Перебирайся ко мне, у меня просторно. А вдвоем все веселее.

— Ой, Ивонько, — растрогалась Оксана, — не знаю, как тебя и благодарить!

— Тогда вот тебе мой адрес, завтра и перебирайся.

У перекрестка расстались. Оксана на прощанье еще раз посоветовала:

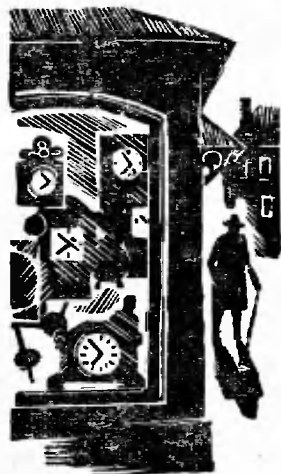
— А ты все-таки ни чувствам, ни словам воли не давай. Ни к чему...

«ГРЕПС ЗА КОРДОН: Голошу: приступила к созданию молодежной организации из числа студентов, настроенных с симпатией к нашим идеям. Возможности ограниченные, трудности вызываются контингентом студентов. Требуется время, чтобы организация начала активно действовать. Перспективная задача — замена уничтоженных звеньев. Ближайшая задача — агитация, выявление настроений. Пытаюсь установить контакты...
О ф е л и я».*

«ГРЕПС НА «ЗЕМЛИ». Действуете правильно. Примите наши поздравления...»

* Голошу — докладываю, сообщаю. Формула рапорта, принятая у бандеровцев.

**ФИРМА
ГАРАНТИРУЕТ
КАЧЕСТВО**

На углу двух центральных улиц — Киевской и Советской — находилась часовая мастерская, одна из лучших в городе. В ее зеркальных витринах были выставлены часы всевозможных марок и фирм. Витрины занимали всю стену. В них были представлены и огромные настенные часовые механизмы — громоздкие, неуклюжие, излишне щедро украшенные золочеными завитушками, и часы с маятниками, раньше отмечавшие время в родовых шляхетских имениях, и современные точнейшие хронометры. Были часы из бронзы, фарфора, дерева. Среди этого великолепия резко выделялись простенькие ходики с кукушкой. Все дзегаркэ* тикали, стучали, щелкали маятниками — шли. Они не нуждались в ремонте. Эти витрины были гордостью заведующего мастерской, известного в городе часовых дел мастера Андрея Трофимовича Яблонского. На сбор удивительной коллекции он потратил полжизни.

Перед витринами останавливались прохожие, разглядывали диковинки, восторженно покачивали голо-

* Дзегаркэ — часы.

вами. И ничего удивительного не было в том, что некоторые заходили в мастерскую, просили продать понравившиеся часы или, наоборот, предлагали для покупки свои. Обычно им отказывали — часами не горюем, но если надо починить — справимся с любыми. Фирма, так сказать, гарантирует качество. Иногда администратор приглашал пройти к заведующему, поговорить с ним. Этой чести удостоивались немногие.

Однажды у витрины мастерской остановилась девушка. Перед этим она долго гуляла по Киевской и Советской, потолкалась в универмаге, постояла у витрины обувного магазина. Витрина — как зеркало. Она отражает все, что происходит вокруг: людей, машины. Если смотреть на стекло витрины под углом — обзор смещается, увеличивается.

Внимание девушки, как и многих прохожих, привлекла коллекция пана Яблонского. Она осмотрела все часы, особенно внимательно простенькие ходики с кукушкой, даже сверила время на них по своим ручным часикам. Потом решительно толкнула стеклянную дверь в мастерскую. У длинной стойки — ряд столов. Склонились над ними мастера в белоснежных халатах, колдуют пинцетиками. Чуть в стороне — конторка администратора, за которой сидел франтоватый парень.

Девушка была элегантно одета, держалась уверенно, и вежливый молодой человек счел своим долгом встать ей навстречу.

— Що паненка бажає?

— У меня есть редкие часы. Хотела бы показать их пану Яблонскому.

Администратор стер с лица приветливую улыбку, непроизвольно шевельнул ноздрями — будто принимался.

— Мы не покупаем и не продаем — только ремонтируем.

— Мне сказали, что пан Яблонский большой любитель антикварных редкостей. У меня — XVII век... — настаивала посетительница. Она незаметно оглянулась по сторонам — не прислушивается ли кто к раз-

говору, — тихо добавила: — У них только один недостаток — потерялся ключик.

Администратор снова обрел приветливость.

— Почему сразу не сказали, что часы все-таки нуждаются в ремонте? Покажите, будь ласка.

Девушка щелкнула замком сумочки.

Часы были изумительной работы. Давний мастер сделал циферблат из небесно-голубого фарфора. В кругу изящно выписанных цифр был изображен бог времени Хронос, мудро и отрешенно вззирающий на мир. Циферблат стиснули в объятиях две золоченые змейки — их хвостики служили подставкой.

Молодой человек чуть склонил голову с идеальным пробормом.

— Я покажу ваш годинник пану майстру.

— Разрешите мне это сделать самой. Кстати, не рекомендую душить такими сильными духами, в Европе это было модно лет пять назад.

Администратор побагровел от смущения, невнятно пробормотал:

— Подождите минутку, узнаю, сможет ли пан мастер встретиться с вами.

Администратор исчез за плотной ширмой, отделявшей кабинет заведующего от общего зала.

В мастерскую вошел еще один посетитель. Это был широкоплечий молодой человек, видно, бывавший здесь и раньше: мастера разогнули спины, чтобы приветствовать его. Девушке не понравилось, что молодой человек внимательно разглядывает, будто ощупывает ее. Она села в мягкое кресло, взяла газету, развернула. Газетный лист прикрыл лицо. Посетитель топтался у стойки, громко расспрашивая какого-то Андрея Ивановича о здоровье и делах, сетовал на то, что теперь все труднее способному молодому человеку подработать свежую копейку.

Наконец он решил и подошел к девушке.

— Тысяча извинений, паненка, но я осмелюсь кое-что вам предложить...

— Что именно? — девушка отодвинула ненужную теперь газету.

— Вам подойдет — вижу по вашему виду, у ме-

ня глаз наметанный. — Широкоплечий молодой человек перешел на шепот. — Имею французские чулки... Могу предложить итальянское белье...

— Неплохо, — девушка заинтересовалась. — Вот мой адрес — загляните с образцами вашего товара. Если понравятся — буду постоянной клиенткой.

В глазах у широкоплечего зажглись алчные огоньки. Он подобострастно кланялся элегантной девушке.

— Пройдите, пожалуйста, к заведующему, — появился администратор.

Мастер Яблонский был еще не старым человеком. Но лицо у него было воскового цвета, кожа казалась почти прозрачной. Глубокие морщины поползли от глаз, редкие волосы старательно зачесаны на лысину. У мастера был неподвижный взгляд и холеные, длинные пальцы. Сейчас эти пальцы бережно ощупывали часы девушки.

— Действительно, редкая вещь, — сказал он вместо приветствия, — где вам удалось их приобрести?

— Достались по наследству.

— Давно остановились?

— Двадцать восемь лет назад.

— Где потеряли ключик?

— За Саном.

Мастер кивнул. Он уже осмотрел часы и остался доволен. Впрочем, глаза его ничего не выражали.

— Что за тип крутится в общем зале? — недружелюбно спросила девушка.

— Вы имеете в виду Стефана? Наверное, предлагал свой товар? Каждый живет, как может... У него есть хорошая черта — не надует покупателей и ценит постоянных клиентов. Ну-с, посмотрим, что можно сделать с вашими часиками...

— побыстрее, — вдруг резко сказала девушка, — ваш идиот и так продержал меня на виду у всех минут пятнадцать...

Яблонский пожал плечами. Жест этот мог означать что угодно: и извинение за нерасторопного администратора и удивление неожиданной грубостью. Он открыл сейф, извлек маленький ключик:

— Думаю, этот подойдет.

— Часы остановились ровно в полночь, — сказала девушка.

Стрелки застыли на цифре двенадцать.

«Попробуем их завести», — пробормотал про себя мастер и вставил ключ в едва приметное отверстие в корпусе. Перед тем, как повернуть ключ, он исподлобья глянул на девушку.

— У вас неплохая выдержка, пани, — впервые за все время улыбнулся мастер.

— Двенадцать еще не пробило. Слава героям!

— Героям слава.

Мастер сдвинул стрелки с отметки «двенадцать» и только тогда отбросил крышку часов. В корпус был вмонтирован миниатюрный взрывной механизм, на котором лежала шифровка — тоненький листик папирсной бумаги. Если бы часы открыли, не сдвинув предварительно стрелки, механизм бы сработал и взрыв уничтожил тайну шифровки.

...Парень потолкался немного в мастерской и исчез. Приходили и еще посетители, некоторые хотели бы поведаться с Яблонским. Вежливый администратор всем отказывал: пан мастер очень занят. Голос у него был ровный и бесцветный — как у хозяина.

«ГРЕПС ЗА КОРДОН: Контакты установлены. В организации — семь. Этого достаточно, чтобы выполнить ваши приказы. Расширять опасно. Жду обещанной встречи, инструкций, денег. О ф е л и я».

«ГРЕПС НА «ЗЕМЛИ»: Форсируйте подготовку к приему гостей. Это главное. О встрече сообщим дополнительно. Поздравляем вас с награждением Бронзовым крестом и званием сотника...»*

* Оуновцы действительно ввели у себя такие награды (Золотой, Серебряный, Бронзовый кресты и т. д.). Обычно они не вручались. «Награжденным» только сообщали, что их «заслуги» (участие в террористических актах, диверсиях, налетах на села и т. д.) оценены.

ТОСКА

Оксана и Ива поселились вместе. Когда Оксана первый раз пришла к новой подруге, очень удивилась.

— Не думала, что ты так живешь... — Она показала на старинную мебель, пианино, дорогие ковры, изящные безделушки. — Откуда это у тебя?

— Батькова спадщина*, — не вдаваясь в подробности, скупко объяснила Ива. — Кое-что люди сбегли, другое удалось собрать по чужим квартирам.

— Люкс, — восхитилась Оксана.

— Берлога, — поджала губы Ива. — Днями придет один нужный человек, поможет все это привести в божекий вид.

Квартира действительно смахивала на склад дорогой мебели.

В тот же день Оксана перевезла свои пожитки. Она радовалась.

— Мы тут сами себе хозяйки. Хотим — спим, хотим — гуляем.

Пришел «нужный человек» — Стефан. Он восторженно осмотрел мебель и ковры, немного поторговался, привел в следующий раз с собой мастеров, которые со вкусом обставили

* Спадщина — наследство.

комнаты, задрапировали окна, оборудовали стеллажи для книг. Стефан лебезил перед Ивой, а она обращалась с ним приветливо, но высокомерно. Ива объяснила Оксане:

— Хочется, наконец, жить по-человечески.

Оксана была на седьмом небе от счастья, что у нее такая подруга.

Потянулись дни — ровные, спокойные, одинаковые. Девушки избегали шумных компаний. Но Ива последовала совету новой подруги: кое-как объяснила на курсе свою вспыльчивость на собрании. Мол, нездоровилось, нелады были с жильем, вот и разнервничалась.

Она всеми силами старалась быть приветливой с товарищами. Никогда не отказывала, если требовалось помочь однокурсникам в занятиях. Регулярно ходила на воскресники. И в то же время тактично уклонялась от всевозможных собраний, которых на первом курсе проводилось с избытком. Ни с кем из парней или девочек особенно близко не сходилась.

Оксана была более общительной. Она звонко сыпала смехом, плутовато стреляла карими глазками, но... появившихся было поклонников быстро отвадила. Единственным человеком, который иногда заходил к ней в гости, был сумрачный парень, работавший не то инструктором, не то инспектором в каком-то областном учреждении. Звали его Марком.

Ива занималась усердно, чересчур усердно, выделяясь среди других студентов знаниями и прилежанием. На собраниях, где обсуждалась успеваемость, девушку неизменно ставили в пример. Иногда с нею беседовали комсомольские активисты: как живет, не требуется ли помощь? Ива искренне благодарила, отвечала, что все у нее в порядке, привыкает к новой жизни. Первое время она все вечера просиживала над конспектами, никуда не ходила, ни с кем не встречалась. Даже Оксана удивлялась.

— Не записалась ли ты в монашки, подруженька?

— Мой монастырь — белый свет, — туманно отвечала Ива.

Над кроватью у нее висела двустволка — про-

стое, без излишних украшений ружье, из тех, которые делают для работы, а не для забавы. Потускнела вороненая сталь на стволах, сошел, стерся лак приклада, видно, не всегда она висела вот так, без дела. Иногда девушка брала ружье в руки: подержит, подержит и... повесит обратно.

— Тоскуешь? — интересовалась деликатно Оксана.

Ива отмалчивалась.

Она рассказала новой подруге, что последние годы жила в Польше, в лесной глуши, охота там была богатая, привыкла к простору, а в городе ей не по себе. На осторожные вопросы, где именно жила, в каком воеводстве и почему забросила ее туда доля, отвечала неопределенно:

— Не мы выбираем себе дороги — они нас ищут. И еще сегодня не знаем, куда пойдем завтра...

— Не пойму я, что ты за человек, — сказала как-то Оксана, — все скрытничаешь...

— Нет, просто моя жизнь принадлежит не мне одной.

Что скрывалось за этой фразой, Оксана могла только догадываться.

Но все-таки иногда Ива оттаивала и тогда рассказывала, как хорошо ей жилось с отцом, а потом пришлось уезжать. Отец был в своей среде известным человеком, занимался общественной деятельностью, и всегда у них в квартире было шумно, собиралось много интересных людей, спорили, разрабатывали планы на будущее. Это было увлекательное время, а люди — настоящие украинцы, не чета тем, кого еще Тарас Шевченко называл лизоблюдами. И ходил к ним один парень, ох какой парень...

В такие дни Ива становилась беспокойной, нервной, она отшвыривала учебники, говорила подруге: собирайся. Одевалась в свои лучшие наряды, тщательно причесывалась, и они отправлялись куда-нибудь в ресторан, к свету, к людям. Ива много танцевала, не отказывала никому, кто бы ни пригласил, была полна какого-то неестественного, взвинченного веселья. Пила она обычно очень мало, выбирая вина

весьма тщательно. Оксана видела в этом признак аристократизма.

Приходили домой поздно. Ива, не снимая шубки, падала на кровать и долго, не шевелясь, лежала молча, не спала, о чем-то думала. «Недаром говорят — в тихом болоте черти водятся», — качала головой Оксана. Она довольно быстро приновилась к неровному, вспыльчивому характеру Ивы.

Однажды на свой столик Ива поставила фотографию симпатичного хлопца: упал на глаза буйный чуб, улыбается хлопчина, наверное, весело ему было, когда фотографировался. И видно, не сам снимался — половина карточки отрезана, да так неумело или в спешке, что край пошел волнистой линией.

— Кто? — допытывалась Оксана. — Файный легинь*. А как звать?

— Много у него имен было, — сказала Ива. И замолчала, перевела разговор на другое.

Но Оксана этот ответ запомнила.

А в один из ноябрьских дней Ива обвила рамку фотографии черной траурной лентой.

— Не пойду сегодня в институт, — сказала.

Оксана удивилась.

— Или письмо получила, что с ним, — кивнула на фото, — что-то стряслось? Так вроде не было письма...

— Ты что, не знаешь, какой сегодня день?

Оксана глянула на календарь — 21 ноября**. Протянула понимающе:

— А-а-а... Но в институт все-таки иди, не дай бог, те, — неопределенно кивнула куда-то в пространство, — поймут...

Ива накинула черный платочек на косы, нехотя согласилась:

— Добре, пиду...

Весь день она была необычно молчаливой и тихой.

Вечером после занятий они долго сидели в темно-

* Легинь — удалец.

** 21 ноября — у буржуазных националистов день памяти погибших. 21 ноября 1918 года у местечка Базар Житомирской области были разгромлены банды Тютюнника.

те, молчали. Заглянула в окно луна, проложила серебряную дорожку.

— Погиб? — наконец сломала тишину тихим, робким вопросом Оксана.

Бывает так, что молчать дальше неумоготу, молчание камнем давит на сердце, и кажется, не выдержит оно этой тяжести, остановится.

— В сорок шестом очередью его как пополам перерезали. Ой, попался бы мне тот, кто счастье мое погубил!

— И что бы ты? Мы, девчата, ничего не можем, ни счастье свое защитить, ни за горе отомстить. Наша доля — терпеть и... молчать.

Ива сняла ружье. Переломила двустволку, вогнула патроны, вскинула к плечу.

— Я все могу, — сказала глухо.

Ненависть в ее голосе была такой осязаемой, что казалось, можно тронуть ее рукой, но страшно — обожжешься.

— А кем он у тебя был?

— Учителем деревенским, потом сам учился в университете. Очень любил людей и землю нашу. Говорил: «За нее кровь свою отдам по капле. Только бы знать, что на крови этой щедрое зерно уродится...»

И снова они молчали. Оксана не решалась спрашивать — знала, ничего не скажет ей подруга, только насторожится. И так уже как-то обрезала: «Что ты все выпытываешь, будто по поручению отдела кадров».

Ива предложила:

— Давай вечерять. Живым — жигь.

— Я пляшку вина купила, — сказала Оксана. — И вот консервы, колбасу... Надо помянуть тех, кто погиб — Она медленно подбирала нужные слова, чтобы не ранить нетактичностью подругу.

— Что вино? Мой коханный был солдатом, а солдаты не пьют вина.

Призналась:

— Не люблю это слово: «поминки». Могильной землей оно пахнет.

Ива достала из шкафчика бутылку водки, соль, хлеб, лук. Поставила все на полированный глянec стола. Принесла из кухни алюминиевые кружки, плеснула в них водку, отодвинула хрустальные рюмки, которые поставила было Оксана. Подняла свою кружку, хотела что-то сказать, но потом махнула рукой, молча выпила.

— А у тебя, Оксана, есть суженый? А то мы все обо мне да обо мне.

— Мой тоже погиб, — тихо ответила Оксана.

Она как-то раньше рассказывала о себе. Отец и мать — сельские учителя, жили в небольшом местечке, внешне очень тихом и спокойном. Учителя и другие сельские интеллигенты держались вместе, знали хорошо друг друга, по воскресеньям ходили в гости, в праздники собирались за чаркой горилки. Пели украинские песни, мечтали о «самостийной» Украине. И — Оксана заговорила почти шепотом — не только мечтали, но и кое-что делали для нее. Особенно один молодой учитель... Оккупацию пережили без особого горя — немцы не трогали тех украинцев, которые лояльно относились к ним, а директор школы вообще сотрудничал с немецкими властями. А потом опять пришли Советы. Директора выслали на север за пособничество оккупантам, так объявили жителям, начались новые времена — явились из леса те, кто партизанил, вернулись из армии фронтовики, всех перебаламутили, организовали колхоз. Кое-кого предупредили: «Мы не потерпим буржуазной националистической пропаганды». Отец Оксаны сразу сник, стал примерным служащим, только в кругу очень близких людей позволял себе высказывать прежние взгляды. У него была любимая поговорка: «Бог не каждого бережет», и потому посоветовал он дочке податься в город, на всякий случай получить диплом. Старик умел мыслить реалистично, и, проклиная втихомолку Советы, он пришел к выводу, что все-таки они пришли надолго.

А молодой учитель из их школы вдруг исчез — ушел в лес. Был слух, что и те, кто верховодил при немцах, тоже обосновались неподалеку — леса во-

круг местечка легли на сотни километров. И загремели по ночам выстрелы, вспыхнуло небо заревом.

— Мой коханий — тот учитель, — открылась Оксана.

Ива кивнула:

— Я так и думала, что одна у нас с тобой доля. Сердце подсказывало...

Луна, наконец, одолела дорогу в два оконных стекла, и серебряная стежка померкла, исчезла. Ива щелкнула выключателем, свет вырвал у темноты комнату, больно ударил по глазам.

— Погрустили — и хватит.

Глаза у Ивы были сухие, губы плотно сжаты.

— Садитесь, будем знакомиться, — сказал Кругляк.

Менжерес опустила на стул, руки — на круглые колени. Она была вконец измотана всем, что произошло здесь. «Спокой... Спокой...» — твердила про себя и пыталась считать в уме, чтобы успокоиться, сбить нервное напряжение.

Но это мешало думать. Менжерес стала в упор смотреть на Кругляка. Лицо у того было под стать фамилии — круглое, как полная луна или сковородка, добродушное, нос — вареником, каштановые волосы гладко зачесаны назад, под правым глазом маленькая точка — родинка.

— Хороший же у вас метод знакомства, — зло пробормотала Ива, — заарештуваты, перелякаты до смерти, а потом — «добрый вечер, вас витае вуйко из Станислава».

— Из Явора, — поприветствовал Кругляк.

— А хоть з того свиту, — вскипела Менжерес, — щоб вин в могили трычи перевернувся, ваш вуйко.

— Ну зачем же так об уважаемых родственниках? Впрочем, давайте к делу. Я готов извиниться за причиненные вам неприятные минуты. Но ведь вы сами

понимаете, что это было необходимо. Вы для нас человек неизвестный.

Ива зло шевелила губами, наверное ругалась про себя.

— А теперь расскажите подробно о себе. Только правду, а не легенду, придуманную моими коллегами.

— Не скажу ни слова, — отрезала Менжерес. — И чего вин присикався? — перешла Менжерес на галицкое обращение в третьем лице. — Мий вуйко в Явори не мешкае. А якби й так, то зустрілась би не по якимсь там паролям... *

— Дурочка, или прикидываешься? — рассердился Кругляк. — Сама нас искала.

— Если вы сейчас же не уйдете, я буду кричать, — предупредила девушка. Она кинулась к окну и распахнула занавески.

Кругляк торопливо отошел в глубину комнаты. Его спутник, Северин, резко оттолкнул девушку, прыгнул к окну, рывком задвинул шторы.

Где-то там, за темными квадратами стекол, спал город. Было уже поздно, после полуночи. Эти двое пришли два часа назад.

Ива видела, как они вошли в дом. Стояла у дальней калитки с парнем, знакомым по институту, и заметила, как двое мужчин подошли к дому. «Ко мне», — догадалась интуитивно.

Менжерес знала, что ее не увидят — укрыла густая тень от дома.

— Мне пора.

— Еще минуточку, — попросил умоляюще парень. — Вечер такой хороший.

«Дает время «посетителям» осмотреться», — поняла Ива.

Он давно напрашивался в провожатые к Иве по вечерам, а она отшучивалась: дорогу, мол, и сама знаю. А сегодня разрешила. Интересно, увидел ли парень «гостей»? Похоже, что да, время зачем-то оттягивает, топчется на месте, как стреноженный конь.

* И чего он привязался? Мой дядя в Яворе не живет. А если бы и жил, то встречалась бы с ним не по каким-то паролям.

— А знаешь, — сказал Владислав, так звали парня, — я на тебя сразу внимание обратил — какая-то ты необычная, не как все...

«Как собачонка ластится», — неприязненно подумала Ива. Даже в темноте чувствовалось, что улыбается она очень насмешливо.

— А теперь скажи, что любишь. И скромная первокурсница не устоит перед решительной атакой умудренного студенческим опытом дипломанта...

— Зачем же так?

— А ты? Все вы хлопцы одним миром мазаны, — вдруг вздохнула сокрушенно девушка. Она поплотнее запахла шубку, решительно протянула руку: — Договорим как-нибудь в другой раз. До побачення.

И пошла к дому.

Дом был большой и старый. Много лет назад его построил дед Ивы, известный в те времена адвокат. На красного кирпича коробку посадили островерхую крышу с многочисленными шпилями и башенками. К коробке с двух сторон прилепились флигели. Все вместе — острые скаты крыши, шпили, башенки, флигели — придавали дому сходство с маленьким дворцом.

От парадного подъезда шла аллея из голубых елей. Большая территория вокруг была обнесена металлической решеткой. Затейливый узор украшал кованые железные ворота. Два каменных льва с мордами бульдогов и гривами сказочных скакунов стерегли вход.

Дед умер еще в двадцатые годы. Дом перешел по наследству к отцу Ивы. Во время оккупации в нем размещалось какое-то немецкое учреждение. После возвращения Иве пришлось потратить немало сил, чтобы доказать, что этот особняк — ее собственность. К счастью, сохранилось завещание отца, оно и помогло решить этот вопрос в горсовете. Но девушка понимала: претендовать ей, одинокой, на большой особняк бессмысленно, тем более что он уже был разлинеен на коммунальные квартиры, в них жили какие-то люди и уезжать не собирались. И когда в конце концов в горсовете ей предложили одну из таких квар-

тир — две комнаты и кухню, — она после долгих колебаний согласилась. Только дерзко потребовала, чтобы вернули имущество, разграбленное злыми людьми.

— Все претензии — к фашистам, — хмуро и холодно ответил ей инспектор жилотдела. — Они там хозяйничали. Но если что найдете в других квартирах, докажете, что ваше, — забирайте...

Инспектора раздражала эта визитерша — такая молодая, а цепкая, своего не упустит. «Надо бы поинтересоваться, что за птица ее отец, — подумал инспектор. — Почему это он так внезапно исчез из города накануне войны?» Но в уголке заявления Менжерес стояла четкая резолюция руководства жилотдела: «Решить положительно», и служащий махнул рукой. Тем более что как раз появилась еще одна посетительница — крикливая и шумная.

А Ива прошла по всем квартирам, отыскивала часть мебели — дорогой старинной работы, кое-что из домашней утвари. Велела дворнику все это снести в свои комнаты. Когда новые владельцы пробовали возражать, спокойно и холодно говорила: «Это мое. Скажите спасибо, что не требую плату за пользование». — «Да зачем вам столько мебели? — удивлялись соседи. — Не квартира, а склад...»

Но Ива знала, что делала: большую часть собранного имущества она продала, оставила себе только самое необходимое и ценное. Эту торговую операцию помог ей осуществить Стефан, заработавший неплохие комиссионные. На вырученные деньги — сумму немалую — она могла безбедно жить какое-то время. Жильцы особняка оборотистость оценили, но невзлюбили крепко и за глаза называли не иначе как мегерой. Слово было для большинства непонятное и оттого еще более обидное: «Вон наша мегера пошла»...

Иве было скучно в этом доме, и она обрадовалась, когда Оксана переселилась в особняк. Предупредила деловито: «Плату брать с тебя не буду, а всякие там квартирные налоги — пополам...» Она так и сказала: налоги.

Ива шла по аллее к парадному входу. Окна светились. Оксана была дома.

А полчасом раньше по этой же аллее прошли двое мужчин. Они долго присматривались, будто приняхивались к особняку, постояли у каменных львов. В пасти одного из чудовищ торчала еловая веточка.

— Все в порядке, — сказал высокий. — Можно идти.

Это был Северин. Второй — Кругляк — приземистый, полноватый, лет тридцати, молча зашагал по аллее. Солидное, но недорогое полупальто, перешитое из офицерской шинели, полевая сумка в руках придавали ему сходство с районным служащим средней руки, приехавшим в большой город по делам. Тогда так одевались многие, подгоняя военную одежду к мирному времени. Привезенные с фронтов полевые сумки на несколько лет вытеснили портфели.

— По лестнице на второй этаж, первая дверь налево, — напомнил Северин.

— Знаю...

Северин еще раньше познакомил Кругляка с детальной схемой дома. Они вошли в парадное, поднялись по скрипучим деревянным ступеням. Остановились у двери, прислушались. Оксана им открыла сразу же, как только Северин трижды, с интервалами, постучал. Ни о чем не спрашивая, она посторонилась, впуская гостей.

— Ива скоро придет, — сказала предупредительно.

— Подождем, — Кругляк и Северин прошли во вторую комнату, чуть поменьше первой.

— Это Ивина, — объяснила Оксана, — сегодня задержалась. Видно. Владислав все-таки набился в провожатые. А так — каждый вечер дома, над книжками.

— Как она тебе? — спросил Кругляк.

— Гарна дивчина, пане Кругляк, — Оксана отвечала торопливо, чуть заискивающе.

— Гарна — это эмоции. А конкретно?

— Не эмоции. Вы же знаете, я на весь мир смотрю

вашими глазами. Гарна — значит не болтливая, в чужие дела не лезет и про свои не рассказывает. Держится уверенно и себе цену знает. Красотой тоже доля не обидела. Хочу вас предупредить — Ива человек со странностями.

— Что это значит?

— А то, что характер у нее очень неуравновешенный. Вспыхивает, как свечка. И тогда способна на все.

— Посмотрим, — протянул неопределенно Кругляк.

Он бесцеремонно оглядывал комнату. Цепкий взгляд привычно фиксировал детали. Широкая кровать, шкаф, пианино, туалетный столик, стеллаж для книг — все добротное, из карельской березы, украшенной изящными золочеными вензелями: сплелись в причудливом рисунке инициалы отца Ивы — «К», «Л», «М». У письменного стола мягкое кожаное кресло, в таких сживали в давние времена солидные дельцы в собственных конторах. На полу и над кроватью — ковры. Северин открыл шкаф, он был битком набит одеждой. На стенах висело несколько гравюр — не серийно-художественного производства, а таких, которые лет тридцать назад еще можно было приобрести в антикварных магазинах. Правда, и обивка мебели, и ковры, и позолота уже потеряли былой нарядный блеск, поизносились и обтерлись, но все в этой комнате свидетельствовало, что хозяйка не привыкла к бедности, умеет со вкусом устраивать свою жизнь. Кругляку почему-то припомнилось собственное детство — в квартире его отца, солидного торговца галантерейными товарами, все было так же добротно. Ничего, он еще вернет себе то, что потерял отец.

В Ивиной комнате одна деталь резко выбивалась из общего интерьера. Над кроватью висела простенькая, выдавшая виды двустволка.

— Богато живет твоя хозяйюшка, — подвел итоги осмотра Кругляк. И кивнул на двустволку: — Ее?

— Да. Кое-что из имущества привезла с собой, кое-что собрала по всему особняку. Думаю, отец ее успел и припрятать перед отъездом самое ценное,

а она знает где. Рассказывает, что раньше жили на широкую ногу, а это все, — Оксана повела рукой вокруг, — называет осколками прошлого.

— Подружились?

— Нет. Она не из тех, кто быстро сходится с людьми. Крутая. Больше молчит, о чем-то думает. Иногда крепко нервничает, так, что скрыть это не может.

Кругляк задавал вопросы коротко, точно. Он не любил длинных фраз, многословие считал для мужчины большим пороком, нежели, к примеру, пьянство. Говаривал: «Пьяный похмелится, и опять человек, а болтун и во сне языком чешет, словоблудит».

— Что еще о ней знаешь?

— В главном ничего, кроме того, что докладывала через Северина.

Слышно было, как кто-то поднимается по лестнице. В дверь постучали — уверенно, по-хозяйски.

Кругляк распорядился.

— Я — здесь, — указал на кресло у стола. — Ты, — это Северину, — вон там, будешь у нее за спиной. Учти, дамочка может быть с оружием. Оксана, открой и пока не входи. Не обижайся, так лучше.

Оксана ушла. Кругляк грузно опустил тело в кресло, устроился поудобнее. Пока Оксана звенела запорами, он успел еще раз obeжать взглядом комнату, заставил Северина поплотнее задернуть шторы на окне.

Северин молчал. Вообще-то большой любитель поговорить, он рядом с Кругляком становился замкнутым, беспрекословно и четко старался выполнять все его приказания.

Ива распахнула дверь. Шубку она, наверное, сняла в передней и сейчас несла в руке, чтобы повесить в шкафу. К нему и направилась с порога, но вдруг увидела мужчин, удивленно остановилась, вскинув брови. Она хотела что-то спросить, но ее опередил Кругляк.

— Проходите, не стесняйтесь, — гостеприимно, даже сердечно пригласил он.

— Я у себя дома, — неприветливо ответила Ива. — А вот кто вы и что здесь делаете?

— Сейчас узнаете, — продолжал играть в добродушие Кругляк. — А пока все-таки пройдите в комнату и, пожалуйста, прикройте дверь, разговор у нас будет не для посторонних.

— И не подумаю, пока не узнаю, по какому праву вы ворвались в мою квартиру.

— Помогите нашей очаровательной хозяйке, — небрежно бросил Кругляк своему спутнику.

Тот бесцеремонно втолкнул девушку в комнату и плотно прикрыл дверь.

Ива пожала плечами, положила шубку на спинку кровати, поискала глазами, где бы сесть.

— Сюда, — указал ей Кругляк на мягкий круглый стульчик у туалетного столика, как раз против себя. — Очень хорошо. Вот теперь поговорим спокойно. Думаю, вы давно ожидаете нашего визита. Каждого преступника как кошмар преследует видение такой минуты.

— Вы меня с кем-то путаете, — раздраженно перебила его Ива. — Я не преступница. Вот мои документы.

Она старалась говорить спокойно, держать себя в руках, но видно было, что дается ей это с трудом.

— Да, сейчас вы студентка. А раньше, — повысил голос Кругляк, — вы были связной у националистического бандита Бурлака. Кстати, и его возлюбленной. Нам пришлось немало поработать, прежде чем было установлено ваше подлинное лицо, Менжерес. Или, может, вас лучше называть Офелией? Такое, кажется, у вас было красивое псевдо в вашей прошлой жизни?

Северин внимательно следил за каждым ее движением. Он был похож на цепного пса — свистни, и бросится рвать в клочья. На лице у Ивы не дрогнул ни один мускул. Только на щеки легла серая тень да глаза утратили яркий злой блеск — в них мелькнуло отчаяние.

— Менжерес — действительно моя фамилия. Но я не знаю никакого Бурлака и никогда не носила той клички, которую вы назвали. Кто все-таки вы и

что вам здесь надо? Шантажировать меня не удастся, предупреждаю заранее.

— А вы не догадались, кто мы? — вроде бы удивился Кругляк. — Скажите пожалуйста, какая немысленная...

Ива теперь уже не могла скрыть, что волнуется.

— Мы уполномочены произвести у вас обыск. Чтобы не терять времени, скажу: нам известно все. Повторяю: наши люди неплохо поработали, и мы знаем каждый ваш шаг от того времени, когда вы стали руководительницей гражданской сети в Долине, и до наших дней.

Длинная фраза далась Кругляку с трудом, необходимость что-то подробно объяснять раздражала его, и он недовольно морщился при каждом слове, как от зубной боли.

Менжерес попятилась к двери, но там стоял длинный Северин. Стоял как камень, который не обойти и не объехать.

— Сюда! — резко приказал Кругляк. — Сядьте на место. И не вздумайте сопротивляться — бесполезно. Вы влетели крепко, Менжерес. Помочь вам может только чистосердечное признание. Так что не теряйте времени.

Добродушие с него как рукой сняло. В масляных глазках, утонувших в припухших веках, даже появился азартный блеск. Кругляк весь подобрался, следил за каждым движением Ивы, слова его звучали властно и требовательно:

— Фамилия? Назовите фамилию!

— Менжерес.

— Не валяйте ваныку, или как это там у вас называется. Назовите подлинную фамилию, а не ту, что записана в фальшивках!

Кругляк говорил по-русски без акцента. Он с самого начала вел разговор на русском, а Ива отвечала на украинском, иногда употребляя русские слова.

— И все-таки вы меня принимаете за кого-то другого, — упорно твердила она. — Я не знаю, что такое гражданская сеть и где находится Долина. Если меня оклеветали, то правда скоро выяснится.

— Ишь ты, невинный ягненок, — прищурился Кругляк. — Когда вы с Бурлаком выжигали села, наверное, по-другому пела. Впрочем, хватит болтать! Будешь давать показания? — Он грубо и резко перешел на «ты». — Нет? Приступай к обыску, — приказал Северину.

Северин обыскивал комнату очень методично и тщательно, чувствовалось, что дело это для него привычное. Он вначале пересмотрел все книги и тетради, обшарил мебель, перевернул постель, вытряхнул чемоданы, простучал стены и пол.

— Про потолок забыл, — съязвила Ива.

Кругляк изредка подсказывал Северину, что еще надо осмотреть. И по мере того, как становилось ясно, что ничего компрометирующего отыскать не удастся, он темнел, наливался злостью.

— Посмотри в шубе, — раздраженно посоветовал помощнику.

— Вот, — наконец доложил Северин. Он извлек из внутреннего кармана шубки браунинг.

— Хорошо, — повеселел Кругляк. — А теперь займись подоконником. — Он перехватил взгляд Ивы, брошенный на окно.

Северин извлек из тайничка в подоконнике националистические листовки.

— Ну что вы теперь скажете? — повернулся Кругляк к девушке. — Может, поговорим начистоту?

Девушка упрямо закусилла нижнюю губку. Лицо у нее стало совсем некрасивым — лицом злой, упрямой, стареющей женщины.

— Вы сами все это подбросили. Хотите сфабриковать доказательства? Не выйдет — обыск проводился без зонятых...

— Смотри, как заговорила, — удивился Кругляк. — Ну ладно, собирайся, пойдешь с нами, там все припомним.

Он встал, сунул найденный браунинг и листовки в полевую сумку. Менжерес подошла к кровати, поправила зачем-то развороченную постель, собрала в чемодан выброшенные во время обыска вещи.

Северин придвинулся к Кругляку, они о чем-то

шептались. Ива подумала, что хорошо бы их сейчас полоснуть из автомата — одной очередью, в упор, как пришить к стенке. Ее взгляд задержался на ружье.

— Можно попрощаться с подругой? — покорно спросила разрешения у Кругляка.

— Ладно, — милостиво согласился тот и сам позвал Оксану.

Она появилась сразу же, будто ждала под дверью.

— Ружье надо забрать, — распорядился Кругляк, и Северин полез на кровать, чтобы снять двустволку.

Ива поморщилась, сказала укоризненно:

— Негоже в сапогах да на постель. Я сама подам. — И, не ожидая согласия, сбросила хромовые сапожки, легко взобралась на кровать.

Северин стоял теперь совсем рядом, он даже руку протянул, чтобы взять двустволку.

Ива сняла ружье, подержала секунду в руках, будто прощаясь с дорогой сердцу вещью, и внезапно с силой, коротко, почти не размахиваясь, ударила прикладом Северина в лицо. Тот вскрикнул, схватился за глаза. Второй удар пришелся по голове. Северин, складываясь пополам, брякнулся на пол.

Кругляк поспешно сунул руку в карман, но Ива уже успела перебросить двустволку в руках и теперь держала под прицелом и Кругляка и Оксану.

— Не брыкаться — стреляю без предупреждения! В патронах картечь.

— Погодите! — выкрикнул Кругляк.

— Молчать! — Лицо Ивы передернуло злая гримаса, глаза возбужденно заблестели. — Руки за спину!

Она, пятясь, отошла в дальний угол, и теперь ее отделяли метра три пространства и от Оксаны и от непрошенных гостей.

— Оксана, свяжи им руки. По очереди одному и второму — эта дылда сейчас тоже очухается, — Ива ткнула стволом в Северина.

— Веревок нет, — Оксана нерешительно топталась на месте. — Ивонько, хочь тебе сказать...

— Перестань болтать. Делай, что приказано. Скрути простыни жгутом и вяжи!

Кругляк беззвучно шевелил побелевшими губами, но заговорить не решался. Он по опыту знал, как опасно связываться с такими вот психами, которые сперва нажмут на спусковой крючок, а потом начнут выяснять, в кого стреляли.

Оксана послушно связала и его и Северина. Делала она это медленно, оттягивая время, и Иве снова пришлось подстегнуть ее злым окриком.

— Становись рядом с ними, — приказала она квартирантке. — Бросьте сумку и марш к стене, — процедила Менжерес Кругляку.

Не спуская глаз с Кругляка и Оксаны, она достала из сумки браунинг, взвела курок. Только после этого отложила двустволку. Каждое ее движение было точным, продуманным, экономным. По тому, как уверенно обращалась с оружием, можно было судить, что дело это для нее привычное.

Менжерес придвинула к себе чемодан, выбросила оттуда часть вещей, положила самое необходимое для дороги. Открыла ящик стола, достала пачку денег.

Торжествуя, сказала Кругляку:

— С удовольствием помогла бы вам расстаться с жизнью, но, к сожалению, лишена пока этой возможности. Я сейчас уйду. Не вздумайте поднимать шум раньше времени. Впрочем, — на ходу решила она, — придется заткнуть вам рты и привязать к кровати. Тебя тоже, — повернулась к Оксане, — чтобы своим друзьям не смогла помочь...

Кругляк глазами пытался подсказать Оксане, что надо делать.

— Выслушай их, — снова попросила та Иву, — может, все иначе повернется.

— Нет, — сказала, как отрезала, та. — Говорить не о чем. Знаю эту породу.

Кругляк поймал ее взгляд. В нем была ненависть, он был таким колючим, что Кругляку показалось, будто он пошел босиком по битому стеклу. Он прокли-

нал себя за то, что повел себя с этой взбалмошной девчонкой так беспечно.

Ива допустила только одну ошибку. Когда собирала вещи, ослабила контроль за пленниками, рассчитывая, что связаны они крепко. Оксана же связала Кругляка еле-еле, для видимости. И когда Менжерес, положив рядом пистолет, наклонилась над чемоданом, девушка незаметно дернула за конец простыни, которой связала коренастого Кругляка. Тому теперь было достаточно развести с силой руки, чтобы освободиться.

Туго набитый чемоданчик не закрывался.

— Помоги, — приказала Ива Оксане.

Они вдвоем надавили на крышку. Пистолет лежал на полу, ближе к Оксане. Кругляк упорно смотрел на него, и Оксана, наконец, поняла, что ст нее требуется. Когда чемодан удалось закрыть, она, вставая, ударом ноги отбросила браунинг в дальний угол. В ту же секунду Кругляк сбросил свои путы и перехватил двустолвку.

Менжерес выпрямилась. Руки у нее безвольно повисли, она попятилась к стене. Прошептала: «Конец...»

Оксана развязывала Северина.

— Нет, начало, — сказал хмуро Кругляк.

— Уводите быстрее, — жалобно попросила Ива. —

А то я сейчас запущу в вашу физиономию вот этим стулом...

Оксана привела в чувство Северина, обильно распятнала зеленкой ушибы. Северин злобно шипел, ощупывая лицо. Взглянул в зеркало, и собственный вид привел его в отчаяние. Хрипло пробормотал:

— Я с тобой еще посчитаюсь, стервоза...

— Ну, ты... До очередной свадьбы заживет, — пренебрежительно бросил Кругляк. И Менжерес: — Садитесь, познакомимся по-настоящему. Вы очень удачно прошли проверку, поздравляю.

Кругляк назвал пароль.

МАЛЕВАННЫЙ ПРОТИВ ЧУПРИНЫ

А теперь придется возвратиться к событиям, которые произошли гораздо раньше.

Однажды поздним вечером в райотдел МГБ наведался зеленогайский комсомолец Иван Нечай. Пришел он к своему старому другу старшему оперуполномоченному Малеванному. Нечай, как и положено солидному, уважающему себя человеку, неторопливо поздоровался со всеми за руку, передал приветы от ребят из истребительного отряда, поговорил о погоде — скоро в поле! — о том, что, наконец, прислали в их колхоз новые машины — рады хлопцы! Малеванный заварил чай покрепче, поставил на стол шербатое блюдечко с колотым сахаром. Был он в гимнастерке, надетой поверх теплого тонкого свитера — весна в этом году не торопилась, морозы крепко вцепились в март.

Устроились по-домашнему, чай пили не спеша и так же неторопливо обменивались новостями.

Как бы между прочим Нечай сказал:

— Помнишь Еву Сокольскую?

Малеванный покопался в памяти, но припомнить не смог.

— Ну, красивая такая, черноглазая. Живет в доме на отшибе, красной черепицей крытом?

— У вас в Зеленом Гае что ни дивчина, то красивая та чернобровая. Бандитов переловим — приеду свататься, — отшутился Малеванный, а сам насторожился: не такой человек Нечай, чтобы ни к тому ни к сему судачить о девчатах.

Нечай ненавидел бандеровцев и не раз доказывал свою храбрость в облавах. После женитьбы на Владе бывший инструктор райкома комсомола окончательно переселился в Зеленый Гай и стал там секретарем комсомольской организации. Осенью мечтал уехать учиться в сельскохозяйственный институт.

— Ева у нас приметная. Между прочим, очень на учительницу Шевчук похожая. Как в песне поется: русы косы до пояса...

— Не узнаю Нечая, — засмеялся Малеванный. — Женился, а на чужих девчат засматриваешься. Тебе теперь только и остается, что другую песню петь: гарна Маша, та не наша...

Иван невозмутимо продолжал:

— Года три назад родила Ева Сокольская дочку...

— Как говорят в таких случаях, пусть растет пригожей да счастливой...

— Дивчинка хорошенькая, — подтвердил Нечай. — Веселая такая, приветливая. Вот только одна беда — нет у ребенка отца. И никто на селе не знает, как ее по отчеству величать. А ведь не от божьего ж ветра Ева рожала...

Старший оперуполномоченный развел руками.

— Ну, это ее личное дело. Может, кого полюбила крепко, женатого, к примеру. Семью чужую рушить не захотела, а любовь свою не переборол.

— Бывает и так. Только тут все по-другому. Кажется мне, что обвенчался ее суженый с лесом и освятил их брак не поп, а проводник Рен.

Малеванный круто повернулся к Ивану, стер с губ добродушную улыбку:

— При чем тут Рен? Говори яснее, загадки в таких серьезных делах ни к чему.

— Ты, конечно, знаешь, что когда мы партизанили,

уходили в дальние рейды, разбойничали в этих местах варьяты* Рена. Рен даже на белом коне к фашистскому коменданту в гости приезжал, самогонку с ним пил...

— Действительно, этот злодей бродил в наших лесах.

— Вот, вот. Села сжигал, людей в землю вгонял. Его и по сей день хорошо помнят — кровавой памятью. И не одна вдова перед иконами поклоны бьет: пошли, боже, смерть Рену злую и тяжелую, развей его прах ветром, чтоб не осталось ни роду, ни племени.

Нечай потянулся к пачке с сигаретами, глубоко затыкнулся, немного успокоился.

— При Рене всегда был молодой хлопчина — адъютант. Знаешь, из таких файных казаков: профиль орлиный, взгляд соколиный, усы как пики, шапка на потылицу. А если без дурней, то красивый, говорят, парубок. И многие считают, что батя дивчинки — тот адъютант Рена. На селе ни с чем не скроешься. Люди все видят.

Малеванный засомневался:

— Может, бабские сплетни? Сколько лет прошло. А если даже и так — ошиблась дивчина, жизнь себе испортила, таких жалеть надо.

— Ой, брате, — зло сказал Нечай, — смотри, как бы коханный Евы нас с тобой не пожалел ножом или пулей. Кажется мне, недалеко он ушел от этих мест, заглядывает темными ночами к своей возлюбленной.

— Это уже серьезнее. Есть у тебя доказательства?

— Пока только подозрения...

Нечай рассказал, что Ева живет очень одиноко. Почти не знает с соседями, все сама да сама. Не любит, когда приходят к ней по делу вечером, старается поскорее выпроводить гостей. Но несколько раз замечали люди, что приходил к ней кто-то глубокой ночью и после этого появлялись в селе националистические листовки. А совсем недавно возвращался

* Варьяты — разбойники, бандиты.

он, Нечай, с комсомольского собрания и столкнулся недалеко от Евиной хаты с каким-то типом, который сиганул серой тенью в сады и исчез. Сперва думал: может, завела коханого. Так нет, знает он всех хлопцев наперечет, многие подбивали клинышки к Еве — всех отвадила. А дочка Евы вышла на улицу в красивой платке, сказала подружкам, что тато подарил. Языкастые девчонки принялись ее дразнить:

— Нет у тебя татка, тебя мама в подоле принесла.

Девочка расплакалась, кинулась с кулачками на подруг.

— А вот и нет, мой тато в лесу живет и по ночам ко мне ходит.

Ева услышала, выскочила на улицу, в чем в хате стояла, бледная, простоволосая, отшлепала дочку, увела с собой.

Все это люди видели и слышали. Вот и делают свои выводы.

— Не хочу наговаривать, — заключил Нечай, — но присмотреться к Еве стоит. Тем более что адъютант тот не какая-нибудь третьестепенная личность у бандитов, а сам Чуприна...

Лейтенант Малеванный удивленно присвистнул. Вот это номер! Если то, что говорит Нечай, подтвердится, то есть реальная возможность ухватиться за конец ниточки, которая тянется к Чуприне и Рену. Рен, главарь краевого провода, относится к числу самых злобных врагов. Какое-то время назад, после разгрома вооруженных банд, он исчез, скрылся в лесах. Чуприна посвящен во многие бандитские тайны.

На следующий день Малеванный доложил «по начальству» о разговоре с Нечаем.

Начальник райотдела МГБ отнесся к предположениям Нечая весьма серьезно. Ивана он знал лично, доверял его умению оценивать людей.

Сказал Малеванному:

— Если мне не изменяет память, среди захваченных у немцев документов было и досье на Чуприну. Уточните...

Фашистская разведка ценила лояльность главарей ОУН, но не очень доверяла своим прислужникам.

Каждый их шаг был под надзором. Бежали же оккупанты так поспешно, что не успели уничтожить картотеку на пособников.

Когда Малеванному принесли пухлую папку, лейтенант не без волнения развязал серые тесемки. Досье было оформлено со свойственной немецким чиновникам аккуратностью: все материалы пронумерованы, точно отмечены даты, в бумажный карманчик на оборотной стороне переплета вставлена фотография Романа Савчука — кличка Чуприна. Чубатый красавец улыбался доброжелательной улыбкой, в темных глазах читались дерзость и вызов: мол, смотрите, люди добрые, вот я какой. Узкий воротничок вышиванки красиво облегал сильную шею. Угадывались широкие плечи — тесно им в сером, небрежно накинутом по привычке деревенских парубков пиджаке. Чуть выющиеся волосы волной падали на высокий лоб. «Хорош, — отметил Малеванный, — такой может присушить не одну дивчину». Он с интересом принялся перелистывать подшитые в папке бумаги.

Много часов провел он в своем маленьком райотделовском кабинете, изучая дело Савчука — Чуприны, украинца, 1923 года рождения, члена ОУН. Когда, наконец, была перевернута последняя страница, разные мысли одолевали лейтенанта.

В доме своего отца, адвоката средней руки, Роман Савчук уже в детстве получил основательное националистическое воспитание. Вступил в полулегальную юношескую националистическую организацию. Опытные «наставники» дали подросткам вместо винтовок палки и учили маршировать, выдвигаться на огневые рубежи, маскироваться, наступать цепью. «Скоро вы получите настоящие винтовки и в радостный день пойдете походом против москалей и схидняков»*, — внушали Роману националистические учителя. В начале войны во время бомбежки погибла вся его семья. Роман остался один. Начались скитания по оккупированным селам в поисках работы, хлеба, при-

* Схидняки — так бандеровцы презрительно называли уроженцев восточных областей Украины.

станица. Спекулировал ворованным на «черных рынках», расплотившихся при немцах как грибы после дождя, оказывал мелкие услуги немецким солдатам: продать, купить... Добрался до Львова, служил посыльным в националистической газетенке, открытой гитлеровцами. Потом решил возвратиться в родной городок, переждать там лихое военное время. В дороге заболел, дней десять метался в горячке в хате сердобольной крестьянки. Там его нашел Рен, взял с собой. Какое-то время Роман служил в сотне, потом был адъютантом у Рена, стал районным проводником. Немецкий чиновник тщательно перечислил все акции, в которых вместе с Реном принимал участие Роман, но в качестве вывода написал: «Отличаясь преданностью националистическим идеям, Савчук—Чуприна вместе с тем относится к числу тех, кто считает твердый курс ненужным, а жестокость в обращении с местным населением неоправданной. Нашу просьбу сообщать сведения о Рене и других руководителей националистов решительно отклонил...»

На этом записи обрывались, но Малеванный уже знал, как сложилась дальнейшая судьба Чуприны. После освобождения западных областей Украины Чуприна был в числе тех бандеровцев, которые не сложили оружия и продолжали бороться с Советской властью. Народный суд приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу.

Малеванный вновь и вновь листал документы «дела». Роман Чуприна оказался его ровесником. И Малеванному стукнуло двадцать четыре года, и Чуприне столько же. Но как отличалась их жизнь! Хотя и одногодки и выросли оба на одной земле — украинской. В четырнадцать лет Малеванный вступил в комсомол. До войны учился в средней школе, ходил в походы, ездил в пионерские лагеря, завидовал добровольцам, сражавшимся в Испании, учился ненавидеть фашистов и мечтал стать летчиком. Началась война — его направили в военное училище. А дальше потянулись фронтовые дороги — длинные и трудные, бои на Днепре и под Харьковом. Война пощадила молодого лейтенанта, оставила в живых.

В сорок четвертом был ранен, после госпиталя получил предписание явиться в распоряжение одного из областных управлений МГБ недавно освобожденной Западной Украины. Оперативная работа — бесконечные тревоги, бессонные ночи, опасность, как и на фронте, всегда рядом, постоянная спутница, к которой настолько привыкли, что и не замечают. Отец погиб на фронте. Где-то под Киевом живет мать. Она надеется, что сейчас, когда окончилась война, ее сын станет учителем — в их семье все были учителями. А война для Малеванного продолжалась — надо было ликвидировать националистические банды. И снова внезапные тревоги, злые ночи, багровые от пламени пожаров...

Малеванный подумал, что хорошо было бы встретиться с Чуприной.

Роман Савчук попал к Рену в 1943-м. Рен был тогда молодым, уверенно и властно ходил по земле, легко вскакивал в седло. Носил сотник польский китель с накладными карманами, щегольские галифе, мазепинку с трезубом. В том селе, где валялся в горячке Роман, сотник равнодушно распорядился жизнью десятка людей, родственников партизан и коммунистов. Кого тут же пристрелили, кого бросили в колодец.

Из одной хаты выволокли Романа, он только начал подниматься после болезни. Привели к Рену. Проводник посмотрел на подростка, раскатисто захохотал. Жалким был вид у хлопца: остро выступили скулы, глубоко провалились лихорадочные колючие глаза — скрутила хвороба.

— Вот партизанского выкормыша поймали, — гордо доложил сотнику «стрілець».

Роману трудно было стоять, и он оперся спиной о тын. Услышал, что сказал бандеровец, похолодели ноги, подумал, что приходит конец.

— Я с партизанами не знаюсь, — обратился он к сотнику. — Як на то, давно

уже вас шукаю. Вышкол* маю, — добавил с некоторой гордостью.

— Цуценя дыке**, — без злости сказал Рен, — откуда такой?

Роман изложил историю своих скитаний.

Рен выслушал, поверил хлопцу, приказал «боевикам»:

— Возьмем этого шмаркатого швайкала*** с собой. Подкормим, и нехай воюе. Чтoб не говорили, что мы только убиваем, — ткнул в сторону дымившихся пепелищ. — Для тех, кто не забыл святые заветы предков, моя сотня как родная семья...

Роману не улыбалось бродить с бандеровцами по лесам, но вовремя понял: будет перечить — отправится на свидание с теми самыми предками. И потому сказал благодарно:

— Бардзо дякую, батько.

Кто-то из приближенных заметил одобрительно:

— Добре надумал, друже проводник. Воспитаем из щенка пса. Ничего, что сейчас мыршавый да облезлый. Были бы кости, мясо нарастет.

И закрутились чертовым колесом дни: рейды, налеты, бункера, лесные дороги.

Как-никак, а Роман почти закончил гимназию. Это сразу выделило его среди «боевиков», полуграмотных хлопцев, часто уголовников, прошедших другую учебу — тюрем, больших дорог, отрядов «вспомогательной полиции».

Он начал писать стихи. О черноглазых красавицах, вишнях в цвету и о том, какие бывают золотые закаты. «Боевики» заметили, что Роман много пишет, вместо того чтобы, как хорошие люди, в свободные минуты самогонку пить. Тетрадку с виршами принесли Рену — не к лицу «борцу за национальную идею» заниматься дурнищами, и батько прикажет плетью взразумить стихоплета.

Но Рен полистал обшарпанные листочки и велел

* Вышкол — выучка, обучение.

** Цуценя дыке — дикий щенок.

*** Шмаркатый швайкал — сопливый босяк.

доставить к нему лично «того хлопца, как его там...».

— Чуприну, — подсказали услужливо.

— Ага. Добряче призывще — Чуприна. Помню, был патлатым да нечесаным.

Роман за год вымахал в здорового парубка. Рен встретил его дружелюбно.

— Добре пишешь, — сказал. — Читал. Нужны нам грамотные люди, такие, чтоб могли наши идеи простым селянам объяснять. Будешь при мне по пропагандистской части. И писать станешь не про тендитных красоток — про борьбу нашу, про потоки крови, которыми орошаем цветы нашей свободы.

Считал, видно, Рен, что с поэтом надо разговаривать высоким штилем.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — с некоторой гордостью ответил Роман.

— Ага. Пора за тебя всерьез братья, учить тебя нашей науке.

Дорого обойдется Роману та наука...

Рен задумчиво, изучающе рассматривал хлопца. Роман выдержал его взгляд.

— Не мигаешь... Хорошо, — одобрил проводник и пришел в хорошее расположение духа.

— Казаком стал... Уже й под носом зачернело. Потому и лезут думки про красавиц. Сами были такими, пока не попробовали того меда...

«Боевики» захохотали шутке батька. Не часто шутил Рен.

— Чтоб не мешала тебе лирика воевать за наши идеи, сделаем так. На днях должны мы навеститься в одно село. Преподнесу я тебе подарунок. А пока оставайся в штабе.

К Роману подходили «боевики», поздравляли с повышением...

Рен безошибочно выбирал цели для своих налетов. Сперва его разведка точно устанавливала, что в селе и рядом с ним нет партизан, взрослые мужики в лесах, только и остались старые да малые, а в некоторых хатах прячутся беглые из лагерей военнопленных. Тогда и заявлялся в то село. Он охотился

за беглецами из гитлеровских лагерей, скрывавшимися в селах, за связными партизанских отрядов, их добровольными помощниками. Фашистское командование высоко ценило эту «деятельность» проводника. Для своих «боевиков» называл Рен такие акции «очищением от москалей и схидняков».

Так было и на этот раз. «Боевики» лихо ворвались в село. Их радостно приветствовали полицаи из «вспомогательной полиции», хвалились, что уже и сами основательно поработали, очистили население от «скоммунизованного элемента». Верховые бандеровцы с криком и гвалтом носились по селу, стреляя в воздух. Рен приказал начальнику полицаев представить список подозрительных лиц, указать хаты, в которых жили родственники партизан. Старший полицейский, понимаясь ухмыляясь, сказал:

— Начинайте прямо от околицы. Как говорят, в таких делах лучше перебрать, чем недобрать...

«Боевики» азартно принялись за грабеж, тащили все, что не прихватили раньше немцы.

Случайно они наткнулись на хату, где прятались два раненых партизана. Застучали выстрелы. Партизаны отстреливались яростно, бандеровцам пришлось выкатить станковый пулемет, забрасывать хату гранатами. «Живьем берите!» — командовал Рен. Он уже предвкушал, как обрадуются «подарку» приятели из фашистской разведки. Но выстрелы замолкли только тогда, когда обрушились стропила — партизаны сами выбрали себе смерть.

Рен велел согнать жителей на выбитый до черноты майдан. Он выехал на коне, следом за атаманом тянулся «штаб». Староста, поставленный немцами, дрожащими руками преподнес хлеб-соль. Пахнул хлеб остро и горько дымом. Проводник набожно перекрестился, отломил кусочек хлеба, обмакнул в соль. Он неторопливо подвигал челюстями, вытерся рушником, который протянула старостова дочка.

Косым клином над селом тянулся дым — горели хаты.

Речь Рена была краткой и выразительной.

— Надо бы вас всех перестрелять за тех двоих, —

обратился он с коня, — но настроение у меня хорошее, потому расстреляем только каждого десятого, чтоб неповадно наперед было...

Плакали люди, помощи ждать неоткуда. Не от немцев же... В самом начале перестрелки прикатил на мотоциклах из соседнего села фашистский патруль. Немцы поздоровались с проводником, о чем-то поговорили и укатили обратно — «акция» бандеровцев их не касалась.

«Боевики», не особенно считая, вытолкали из толпы кучку людей. Кто-то из адъютантов проводника торопливо пробормотал «приговор» — Рен во всем любил порядок. Обреченных повели на берег пруда.

Роман впервые участвовал в «акции» такого масштаба. Он стоял с автоматом в руках и пытался понять, за что и почему убивают этих людей. И не понимал...

Кинулась к Рену старуха, схватила за атаманское стремя.

— Помилуй, чоловіче, не губи невинных!

— И эту ведьму туда же! — вытянул проводник старуху плетью по спине.

Люди, пришибленные неожиданным горем, нечеловеческой жестокостью бандитов, молча двинулись на автоматы. Несколькими очередями поверх голов бандеровцы снова спрессовали их в тесный гурт.

Была среди смертников молодая дивчина. Лицо по самые брови закутала черным рваным платочком, щеки вымазала сажей. Но так можно было обмануть немцев, только не Рена.

— Привести сюда! — ткнул в нее плетью проводник. — Да снимите с нее рвань!

С девушки сорвали хустину, драную старушечью кофтенку. Она попятилась под цепким взглядом проводника, прикрыла тело руками.

— Гарна, — оценил Рен.

Дивчина, перепуганная насмерть, дрожала, беззвучно шевелила губами. Может, молилась.

— Гей, где Чуприка! — Проводник приподнялся на стременах. — Пусть подойдет...

Он и Чуприну спросил, гарна ли дивчина. И ког-

да тот, не понимая что к чему, кивнул, проводник сказал:

— Вот тебе мой подарок. Чтоб не снились по ночам черноглазые красотки, веди эту в садок. Да не торопись, мы еще задержимся, пан староста пригласил нас на вечерю.

Весело смеялись атаманской выдумке «боевики».

— Пошли, — сказал Чуприна девушке и забросил автомат за спину.

Вслед им понеслись циничные советы, похотливая матерщина.

Девушка пошла впереди хлопца, спотыкаясь на каждом шагу, будто слепая.

Они миновали «боевика», разжившегося во время «акции» барахлишком. Роман выдернул у него из рук мужской пиджак, кинул девушке: прикройся. «Боевик» схватился за пистолет, и тогда Роман с перекосенным от злости лицом двинул «соратника по борьбе» кованым немецким ботинком в живот.

Рен видел это. Притихли националисты, знали, не любит проводник грызни между своими: чужих кусайте, своих не трогайте.

И опять реакция Рена была неожиданной. Проредел одобрительно:

— Вырос волчонок! А ты, — это «пострадавшему», — хапай столько, сколько удержать можешь... — Рен отвернулся, показывая, что инцидент исчерпан.

Чуприна вел девушку садами — стих гомон толпы, приглушенно, издали доносились выкрики бандитов, шаставших по уцелевшим от погрома домам.

Дивчина шла покорно, изредка поворачивалась к Роману, будто спрашивала взглядом: здесь или идти дальше. Она зябко куталась в длинный, до пят, мужской пиджак. Ее покорность бесила Чуприну, ему хотелось, чтобы кинулась на него девушка с кулаками, и тогда по праву сильного он повалил бы ее на землю, растоптал ее красоту.

Они ушли далеко садами, а Роман все почему-то не останавливался, и с каждым шагом поднимались у него в душе горечь и недоумение: не о такой любви писал он в своих виршах, не так думал про пер-

вую встречу с дивчиной, когда ворочался у ночных костров.

Девушка приглушенно плакала, слезы катились крупными горошинами по щекам, она вытирала их рукавом — совсем как ребенок.

Владелец того сада, куда они пришли, был хозяйственным мужиком. Он обкосил деревья, и трава лежала в валках, пахла, просыхая, дурманище. Изредка с глухим стуком падали на землю яблоки, и даже в темноте было видно, какие они крупные. Девушка поняла, что дальше они не пойдут, и повернулась к Роману.

— Как звать? — спросил хрипло Чуприна.

— Что тебе до того? — горестно всхлипнула девушка.

— Перестань рюмсать!

— А ты... ты, бандите, робы, що надумав! Та не тягны ж, бо не маю бильше силы! Краше б убылы!

— Кто твой отец? — с болезненным интересом продолжал допытываться Чуприна.

— Нет у меня отца! Немцы убили. И брата старшего немцы закатували — партизаном был. Одна я на всем свете — как былина. И некому за меня отомстить будет! Немцы всю семью выбили, и теперь свой, украинец, нож к горлу приставил!

Все это девушка выкрикнула прямо в лицо Роману, уже не страшась того, что будет ей после этих слов.

Роман схватил ее за плечи, с силой повернул к себе — полетел на скошенные травы пиджак. Запрокинул дивчине голову и увидел в глазах ее ненависть — такой взгляд всю жизнь потом ходит с человеком по земле, даже если человек тот — бандит.

— Лучше убей сразу, только не глумись!

— Уходи, — сказал ей Роман.

Она не поверила, стояла и ждала, когда наступят смерть или позор, после которого тоже смерть.

— Иди с глаз! — закричал Роман и замахнулся, чтобы ударом прогнать дивчину.

Наверное, было в его голосе что-то такое, что дивчина перестала плакать. Роман резко толкнул

девушку, упала она на землю и тут же вскочила, прижимая юбочку ладонями. Кинулась в сторону.

Дивчина убежала в темноту, и вот уже стих шест яблоневых веток, потревоженных ее бегством. Роман круто повернулся, чтобы уйти туда, где огонь подпалил небосвод. Там догорали хаты, «вечерял» Рен, гуляли «боевики» — их песни даже сюда доносились.

— Хлопче, — услышал он неожиданно, — не уходи...

— Чего тебе?

— Не могу я в село вернуться — попаду в руки других... не таких, как ты... А тут боюсь... Страшно, темнота кругом...

— Дурочка, — Роман облегченно засмеялся, доверчивость девушки тронула его. — Не темноты бойся — людей страшись. Идем ближе к селу, там переждем.

Они долго стояли в тени крайних хат, пока не послышалась громкая команда строиться.

Чуприна вышел из ночи и молча присоединился к штабу проводника.

— А где... та? — мимоходом поинтересовался Рен, присматриваясь к колонне бандитов. Он подал команду:

— Кроком руш!

— Домой, наверное, пошла, — равнодушно ответил Чуприна.

— Напрасно. В таких случаях надо, чтоб не оставались в живых...

— Добре побавився, Ромцю? — хлопали Чуприну по широким плечам «боевики».

— Запомнит, — нарочито весело пробасил Роман, а у самого чесались руки съездить шутников по физиономии.

...Звали ту дивчину Евой. Пройдет время, и она сама скажет Роману: «Люблю!»

Вот так воспитывал Чуприна Рен, приучал к жестокости, к покорности сильным, день за днем вытраивал из души все человеческое.

Добра наука у батька Рена!

Но и в нее вносила жизнь неуловимые, часто не-
приметные поправки, иногда усиливая, а иногда и
ослабляя жестокие уроки проводника.

Так было с Евой, так случилось и тогда, когда
родилась у Романа дочка. Через несколько дней после
рождения Настуси едва не покатила с крутых
Романовых плеч чубатая голова. «Боевка» Рена по-
дожгла хату бедняка-активиста в глухом селе. Хо-
зяин упал у порога — наткнулся на бандитскую пу-
лю. Выскочила из хаты его жена, вытащила из огня
маленькую дочурку и заметалась по подворью, окру-
женному бандеровцами. Чуть поодаль стояли сосе-
ди — Рен приказал согнать их, чтоб смотрели, навек
запоминали, как в колхоз записываться.

Хата горела ярко.

Женщина страшно голосила, то бросалась на
грудь убитому мужу, то закрывала собой дочку от
бандитов.

— Кончайте их! — махнул рукой Рен.

Роман шагнул широко к женщине, выхватил у нее
девочку и пошел к людям, толпившимся за тыном.

— Чуприна! — резко крикнул Рен. — Брось бай-
стрюка у вогонь!

Проводник потянулся к пистолету.

— Одчепиться! — заорал и Роман, не помня се-
бя от ярости. — Не дам дытыну вбиваты!

Пуля пробила ему фуражку. Роман даже не обер-
нулся. Он знал — на двадцать метров Рен сбивает
из пистолета влет ворону. И сейчас не промахнулся —
пугает.

Он отдал ребенка соседям бедняка-горюна, нето-
ропливо подошел к проводнику.

— Батьку! Колысь вы мене пидибрали на до-
рози, подарувалы жыття, тепер моя черга — нехай
живе дытынка... *

— Ну, якщо просыш...

— Прошу, батько!

— Видите, — повернулся Рен к селянам, — ка-

* Батько! Когда-то вы меня подобрали на дороге, пода-
рили жизнь, теперь моя очередь — путь живет ребенок...

кие великодушные, чистые хлопцы воюют за вашу
свободу?

Проводник из всего умел извлечь выгоду.

«Боевики» потом говорили Роману:

— Любит. тебя хозяин. Ни от кого такое бы не
стерпел...

А Чуприна, мерявший жизнь лесными бандитски-
ми мерками, долго еще после этого восхищался
«великодушием» Рена и служил ему преданно и
верно.

«Молодая душа как воск, — говаривал Рен своим
помощникам, — лепи из нее что хочешь». Он требо-
вал, чтобы каждый из националистических главарей
в соответствии с инструкцией центрального провода
лично занимался воспитанием одного-двух юношей:
«Воспитывайте из них себе смену!» Далеко вперед
загадывал проводник! При этом он обычно ссылался
на Романа:

— Кем бы он стал, не попадись мне в руки?
Врагом нашим — вот кем!

Воспитал проводник Романа бандитом.

Чуприна писал «льотки» — листовки, призывал
в них вступать в УПА, приобретать «бифоны»*,
восхвалял «подвиги» сотников яров, стригунов, шу-
ров. От «подвигов» этих пахло мерзко, но сам Рен
сказал: «Мы идем к своей цели любым путем. Если
победим — никто нас не посмеет осудить, а погиб-
нем — будет нам все равно». Не знал Роман, кого
цитирует Рен. Ставил в конце листовок «з хаты до
хаты, з рук до рук», и казалось ему, что легкокрылы-
ми ласточками разлетаются они по земле. Даже не
догадывался, что население издевается над его высо-
копарным националистическим бредом, раскуривает
листовки на сигарки.

Потом стал Роман по воле Рена районным про-
водником. Теперь от информаторов ему поступали
всевозможные донесения, он их обрабатывал и от-

* Бифоны — так называемые «билеты боевого фонда» —
ними «расплачивались» националисты с ограбленными жителями
сел.

правлял краевому проводу. Вскоре Чуприна заметил, что почти в каждом донесении — жалобы на неприязнь населения, на его нежелание поддерживать бандеровцев. А потом посыпались вести о создании в селах групп самообороны, о том, что крестьяне сообщают «энкаведистам» о подпольных явках, прогоняют бандеровских агитаторов. Попало к Роману и донесение о том, как создавалась группа самообороны в селе Зеленый Гай: «И пришел тот нехристь, бывший партизан Данило Бондарчук в силъраду и сказав, що чув, будто объявилась коло села банда и потому хочет получить зброю, щоб бандеров бить. Голова силърады, из таких же партизан, дал ему карабина русского. Данила поплевал в ладони, будто хлеб собирался молотить, взял карабинку и сказал: «Треба выбить чертове симья». Слышали те слова человек пятнадцать, что стовбычылы у силърады, и некоторые схвально головами кивали.

А Данила организовал молодых в комсомол...

После ликвидации районного провода Рен назначил своего воспитанника адъютантом и больше не расставался с ним. Может быть, у него пробудилась тоска по семье, свойственная каждому. Или видел он в Романе наследника своей «справы». Но Рен действительно крепко привязался к хлопцу, доверял, последовательно и цепко передавал ненависть к «москалям, східнякам, Советам і іншим скомунізованим елементам».

А для Романа Рен вырос в фигуру «лыцаря», нестигаемого борца, который вот ничего, ну ничегошеньки не щадит для «неньки витчизны».

...Лейтенант Малеванный вновь и вновь анализировал все, что узнал о Савчуке — Чуприне. Чекистам было известно: вместе с проводником краевого провода Реном на запасной базе находится его «боевка» и адъютант. Очевидно, это был Роман. Но пока не было в их руках ниточек, которые привели бы к запасной базе.

Жизнь иногда тонко и хитро сплетает судьбы людей. Малеванный никогда не видел Чуприну, они находились во враждебных лагерях, при неожиданной

встрече обменялись бы вместо приветствия автоматными очередями. А вот если бы действительно встретиться с этим Чуприной? И поговорить с ним, попытаться открыть ему глаза?

У Малеванного складывался необычный план действий. Чтобы осуществить его, требовалось разрешение начальства. Лейтенант глянул на часы: почти полночь, поздно, но начальник райотдела в это время обычно еще на работе. Малеванный сунул два пальца под ремень, согнал за спину складки на гимнастерке, пригладил непокорный чуб, решительно прошагал по коридору к двери, плотно обитой войлоком.

— Товарищ майор, разрешите?

**СЮРПРИЗ
ДЛЯ
ПАНА
КРУГЛЯКА**

Разговаривать с Кругляком Ива отказалась наотрез, как тот ни убеждал, что происшедшее — только необходимая для нового человека проверка. Чертыхаясь и поминая недобрым словом всех родственников упрямой девки по десятое колено включительно, Кругляк вынужден был убраться ни с чем.

На следующий день к Иве заглянул Стефан. Девушка теперь знала его фамилию — Хотян. По словам мастера Яблонского, Хотян иногда оказывал его мастерской мелкие услуги. Вообще Яблонский довольно высоко оценил широкоплечего молодого человека.

— Поверьте гендляр* старой закалки — со Стефаном можно иметь дело. Вы думаете, его знают на «черном рынке»? Как бы не так! Никто его не знает в лицо. А между тем наш Стефан проворачивает довольно крупные операции, имеет солидную клиентуру, у него есть надежные пути получения дефицитных товаров.

Яблонский почти уважительно сказал Иве:

— Мне докладывали — его основной интерес — валюта. — Яблонский назидательно

* Гендляр — делец.

тельно покачал тонким, будто восковым, пальцем. — Дальновидный человек! И заметьте, делать такие дела и оставаться в тени — не каждому дано... Но меня не проведешь. Яблонский, — пан мастер заговорил о себе в третьем лице, — все видит. Коньяки и тряпки для Стефана прикрытие — в случае чего всего лишь мелкая спекуляция, пережитки проклятого прошлого...

Лестная характеристика Яблонского послужила Иве достаточным основанием для продолжения знакомства с предприимчивым Стефаном. Но и ее трудно было провести. Однажды, будто ненароком прижавшись к хлопцу, она провела рукой по карману его пиджака — там лежал пистолет. Человек, впервые положивший оружие в карман, будет время от времени по нему похлопывать — чисто машинально. Стефан, судя по всему, давно привык к пистолету. Ива не стала ни о чем расспрашивать, но выводы для себя сделала.

Стефан забежал поинтересоваться, нет ли у паны новых заказов.

— Пока воздержусь, самое необходимое у меня есть, а деньги швырять на ветер не привыкла.

Иве пришла в голову мысль выяснить, насколько посвящен Стефан в дела мастерской Яблонского:

— Да и потом не было времени подумать над заказом. Вчера вечером заглянули ко мне знакомые, засиделись допоздна...

— Хотите, угадаю, кто гостевал у вас? — в шутку предложил Стефан.

— Попробуйте, — включаясь в игру, согласилась Ива.

— Были двое. Один высокий и глуповатый...

— Правильно.

— Второй приземистый, неторопливый, под правым глазом родинка...

— Уж не следили ли вы за мной?

— У меня к вам сердечный интерес, — опять пошутил Стефан. Но серьезность тона не соответствовала игривому смыслу. — Значит, угадал?

Ива развела руками.

— Тогда вот мой совет. Вы моя постоянная клиентка, — подчеркнул интонацией сказанное Стефан, — и мне было бы неприятно, если бы с вами что-нибудь приключилось. Для моей фирмы — убыток... Визитеры у вас были серьезные, но почти бесполезные. С такими лучше ничего основательного не затевать...

— Понятно.

— И к дому не приваживать.

— Спасибо за совет.

— Не стоит. Советы раздаем бесплатно, — балагурил Стефан. — Если снова потребуются консультации, обращайтесь, я весь к услугам прекрасной паненки...

...Оксана передала Иве, что ее хочет видеть Кругляк, настаивает на встрече.

— Пошли его к бисовой маме, — зло стрельнула глазами Ива. И не то в шутку, не то всерьез пригрозила: — Будет надоедать — пристрелю из того браунинга, который они у меня нашли.

А Кругляк проявлял настойчивость вот почему. Он принадлежал к службе безопасности краевого провода. Его непосредственным шефом был референт этой службы Степан Сорока. Сорока жил в городе легально, занимал скромную должность инспектора отдела кадров педагогического института. Именно он поручил Кругляку проверку Ивы Менжерес. Теперь требовал отчета. Для срочных встреч Сороки и Кругляка место и время были обусловлены заранее.

Кругляк заволновался. Сорока вызывал не часто, обычно они пользовались для связи контактными пунктами. Только что-то очень важное могло заставить его пойти на прямую встречу.

Как только стемнело, эсбековец направился в центр города, к кафе «Лилея». Северин шел за ним метрах в пятидесяти, проверял, не прицепился ли «хвост». Правила конспирации Кругляк соблюдал неукоснительно. Может, поэтому ему пока везло — он удачно обходил засады.

Сорока сидел в кафе, маленькими глоточками пил чай, читал газету. На стул небрежно бросил деми-

сезонное пальтишко, рядом поставил пузатый потертый портфель — служащий после трудового дня зашел подкрепиться на скорую руку.

Кругляку пришлось основательно изучить витрину соседнего магазина, прежде чем Сорока вышел из кафе и зашагал неторопливо и устало по Киевской. Кругляк еще подождал и отправился следом. Где-то сзади шел Северин. Такая тройная подстраховка еще ни разу не подводила. На улице было в это время оживленно, люди торопились с работы, шли на вечерние киносеансы, молодежь просто гуляла. Кругляк забеспокоился, что потеряет в сутолоке из виду узкую спину шефа, и ускорил шаг. Эсбековец недоумевал: куда ведет? Не дай боже, к окраине, там на пустынных улицах они будут заметны, как блохи на снегу.

Сорока оглянулся, юркнул в парадное большого четырехэтажного дома. Кругляк облегченно вздохнул — эту явочную квартиру он знал, бывал здесь раньше. Теперь следовало убедиться, все ли в порядке у Северина. Кругляк отыскал глазами в толпе своего помощника. Тот неторопливо прогуливался по противоположной стороне улицы, выделяясь среди горожан дорогой смушковой шапкой. «Лайдак! — рассердился эсбековец. — Вырядился». Эсбековец снял свою потертую кепчонку, помял ее в руках. Этот жест предназначался для Северина и означал: жди меня здесь, следи.

Когда Кругляк вошел в квартиру на третьем этаже, Сорока успел уже раздеться и о чем-то говорил с хозяйкой. На столе стояли консервные банки, пакеты с колбасой, маслом. Похудевший портфель лежал рядом.

Хозяйка поспешно собрала продукты, ушла на кухню. Кругляк знал, что иногда шеф приходит на эту квартиру «отдохнуть». Потому и подкармливает пани Настю. В свое время Кругляк проверял ее прошлое. Оно было путаным и весьма причудливым: спекуляция, сводничество, торговля фальшивыми драгоценностями, доносы в гестапо. Эта дура имела обыкновение подписываться под доносами своей на-

стоящей фамилией — зарабатывала разрешение у немцев открыть комиссионный магазин. Гестаповцы, обычно не очень разборчивые, и те посчитали ее как агента слишком никчемным и охотно передали в «кадры» оуновцам. Она пригодилась, когда потребовалось готовить квартиры для будущей работы в условиях подполья. Кругляк с удовольствием вспомнил, как Настя валялась у него в ногах, когда он выложил, что узнал про нее. Она готова была на все, лишь бы получить обратно свои доносы. Дура она и есть дура: стал бы Кругляк отдавать ей подлинники. А копии не жалко...

Так размышлял Кругляк, неторопливо раздеваясь в передней. В то же время он зорко присматривался к шефу, стараясь угадать настроение. Зачем все-таки вызвал?

— Доповидайте, — потребовал Сорока.

— Голошу... — деловито начал Кругляк.

Он доложил, что Менжерес не откликнулась на пароль. От повторных встреч категорически отказалась. Она разыграла из себя простушку, которая и знать ничего не знает и ведать не ведает. О том, какая была устроена проверка и как она проходила, Кругляк предусмотрительно промолчал.

— А признайтесь, пан Кругляк, — дружелюбно спросил Сорока, — не весело ожидать картечь в живот?

Он презрительно прищурился, оглядывая с головы до ног приземистого Кругляка.

Начало разговора было не из веселых.

— Не понимаю, каким образом... — растерянно забормотал Кругляк. «Оксана, стерва, уже успела напакостить», — мелькнуло в голове.

— А хорошо, если бы она всадила в вас весь заряд, — почти мечтательно протянул Сорока, — вот, к примеру, сюда, — он ткнул пальцем в пояс Кругляку. — Кишки навыворот, а наша служба безопасностью избавляется от идиота. Как говорится: прощай, прощай, мне ничего не надо...

— Пан Сорока, разве вы не приказали...

— Приказал... Но что? Проверить Менжерес!

Не засекли ли ее, нет ли слежки и так далее. А вы разыграли провинциальный фарс с переодеванием. Кого вы хотели провести? Менжерес, которую лично знал Шухевич? Да вы в полиции на писарском стуле штаны протирали, когда она с Бурлаком Бецады жгла! Вы свои поганенькие доносы на приятелей в гестапо строчили, когда она была уже особо проверенным курьером! У нее два креста — Золотой и Серебряный — наши высшие награды!

У Сороки была привычка — во время «разносов» не смотреть на подчиненных. И сейчас он уставился немигающе куда-то в пространство, поверх головы Кругляка.

— Вы бы сразу предупредили...

— Я не обязан был вас предупреждать! Я и сейчас все это не должен вам говорить! Учтите, Кругляк, еще одна такая ошибка, и вы потопаете прямым ходом на небеса. Под землей найду!

Кругляк молчал, опустив голову. Возразить было нечего. Сорока и в самом деле приказал ему только проверить, не пришел ли под именем Менжерес другой человек. И не больше. Кругляк проявил инициативу. А это непозволительно. Он знал, что за это полагается — сам не раз по поручению Сороки приводил в исполнение приговоры. Знал и то, что говорили националисты про референта СБ: «Этот родную мать удавит, если будет такой приказ».

Он вспомнил, как впервые познакомился с Сорокой. Получил задание встретиться с референтом СБ, грозным Ястребом. Никак не предполагал, что Ястреб — студент выпускного курса института, скромный, тихий, прилежный молодой человек. Сорока носил большие очки в простой круглой оправе, на людях был суетливым, заискивающим и подобострастно улыбался старшим. Когда хотел что-нибудь сказать, инстинктивно втягивал голову в плечи, снизу вверх заглядывал в глаза собеседнику, сыпал густо кругленькими словами. Пиджачок на нем лоснился, брюки были аккуратно подштопаны. Что-то нервное, истерическое проскальзывало в быстрых движениях, в ненужной суетливости, в стремлении быть

неприметным и ненадоедливым. «Мельтешит, как шкодливая бабенка», — еще подумал скорый на оценки Кругляк, по привычке награждая новое начальство бранным словом.

«Шефа» ему показал связной на каком-то торжественном институтском вечере. Он назвал и пароль для встречи. Состоялась она здесь же, на квартире Насти. Когда остались вдвоем, Сороку будто подменили. Взгляд властный, ни одного лишнего движения, в голосе — явное превосходство и пренебрежение. Даже редкие прилизанные волосы будто стали гуще, а рост — выше. Кругляк тогда переходил из обычных курьеров в непосредственное подчинение референтуре СБ и был поражен, насколько досконально знает о нем Сорока все. Даже то, о чем он сам предпочел бы забыть.

— Кажется, это вас направляли в концлагеря для выявления коммунистов? И в Травниках* изрядно помяли пленные? А потом и немцы? За сострадание к несчастным? Не брешите, пан Кругляк, простите мне это неинтеллигентное выражение. Били вас за то, что вы меняли табак на золотые зубы. Да, да, заядлые курильщики выдирали их у себя и отдавали за пачку махры. А немцы не любят, когда их грабят — золотые коронки пленных они считали собственным имуществом... А не вы ли сели в тридцать девятом? За антисоветские убеждения, говорите? Полно, полно, всего лишь за то, что проворовались на торговой базе, где работали... Немцы отзывались о вас хорошо, мне как-то попалась на глаза ваша служебная характеристика. Особенно хвалили за участие в уничтожении гетто в Раве Русской. Кстати, там вам лучше не появляться — жители, которые вас запомнили, поступят с вами не очень интеллигентно...

Сорока любил это слово — «интеллигентно», употреблял его часто. Себя считал представителем украинской интеллигенции «новой генерации».

* В этом лагере охрана состояла из националистов, предателей украинского народа. Они уничтожили тысячи бойцов и командиров Советской Армии.

Уже после нескольких таких вопросов и реплик Кругляк предпочел рассказывать о себе начистоту. А жизнь его была прямолинейна, как винтовочный ствол: предательства, убийства, насилие.

Сорока решил, что этот человек вполне подойдет. Особенно для выполнения некоторых заданий по чистке*.

После окончания учебы Сорока стал работать в отделе кадров своего же института. Нашлись влиятельные друзья, которые помогли ему остаться в областном городе. В том же институте он помог и Кругляку пристроиться — по хозяйственной части.

Кругляк никогда не подводил своего шефа. Даже когда в ходе чистки пришлось убирать кое-кого из личных и давних друзей, утративших веру в победу идей «самостийности». А сейчас вот опростоволосился. Ну кто мог знать, что эта паненка такая цаца?

Но, оказывается, Сорока выложил еще не все.

— Отыскали Шевчук, эту зеленогайскую учительницу?

Кругляк виновато потупился:

— Как сквозь землю провалилась...

— Кто привлекался к акции?

— Северин.

— Но ведь он не может даже появиться в Зеленом Гае — чужой человек, сразу вызовет подозрения. Я начинаю всерьез сомневаться в ваших умственных способностях, пан Кругляк.

«Хоть бы матюгнулся, что ли, — с тоской думал Кругляк. — Все было бы легче. Нудит и нудит...» А на лице — вразрез с мыслями — написаны были и подобострастное внимание и готовность выполнить любые приказания шефа.

Сорока снял очки, неторопливо и аккуратно протер стекла белоснежным платочком. Без очков, близоруко шурящийся, он походил на рассеянного доброго дядю из детской сказки.

— Мы попали в очень трудное положение, — спо-

* Чистка ОУН была проведена весной 1945 года. Это была попытка террором затормозить распад банд.

койно, словно читая лекцию, заговорил Сорока. — Наши отряды разгромлены, даже запасная сеть провалена. Потеряны лучшие люди. Уничтожено то, что создавалось годами. И все это за кратчайшее время. Впрочем, это вам известно. Среди тех, кто остается в строю, — паника. Даже вернейшие, проверенные в десятках испытаний, заколебались. Некоторые уже бежали. Куда? Кто-то надеется отсидеться в укромной кривке*, кто-то, признав борьбу безнадежной, поднял руки. Сколько нас осталось? Немного...

Референт службы СБ краевого провода умел мыслить реалистично. Он позволял себе иногда задумываться над ближайшими и дальними перспективами подполья, начистоту изложить свои взгляды и выводы подчиненным. Но всегда подчеркивал: есть только один выход — бороться до конца. Каждым словом и жестом он старался создать себе репутацию человека особого склада: не знающего колебаний и сомнений.

Несколько лет назад Рен обратил внимание на нескладного, многословного студента, истово выступавшего напоказ свои националистические убеждения. Прозвал его «философом». И сумел разглядеть за чудаковатой внешностью твердую, жесткую натуру, за медоточивыми рассуждениями — беспринципность. Рен сделал его референтом службы СБ и не ошибся — Сорока ревностно наводил порядок в бандеровских рядах: доносил на бывших друзей, выполнял приговоры непокорным. И скоро прежняя его кличка — Философ — забылась, у «штудента» появилось новое псевдо — Ястреб.

Сорока методично излагал свои мысли Кругляку:

— Да, время тяжелое. Но пока жив хоть один человек, живет и дело, которому он служит. У нас, к счастью, почти не было провалов в руководстве. Значит, есть кому собрать новые силы, выждать и снова ударить. Но если почти на самой верхней ступеньке лестницы устраивается идиот, то... — Сорока безнадежно махнул рукой.

* Кривка — тайник, убежище.

«Допекло и тебя, — в душе злорадствовал Кругляк, — наконец заметил, что все разваливается». Он как-то пытался поговорить на эту тему с шефом, а тот его обозвал паникером и трусом.

— ...то от таких надо избавляться, — закончил свою мысль Сорока.

«Прикажет удавить или расстрелять?» — лихорадочно соображал Кругляк.

— Пан Сорока, повторяю, я предполагал, что речь идет об обычной проверке. Метод, который я применил, не подводил ни разу. Если человек его выдерживал, значит он наш...

— Итак, подведем итоги: с Менжерес вы действовали топорно. Шевчук, которую необходимо уничтожить, не нашли. Розум — работавший у вас под именем чекист — скрылся, теперь его не достать. Не так давно исчез референт пропаганды* — куда, при каких обстоятельствах? Тоже сказать ничего не можете. А вдруг этот референт сейчас выкладывает чекистам наши явки, связи, планы?

Шеф настроился на длинные нотации. Он удобно расположился в кресле, отодвинул настольную лампу, чтобы на лицо упала тень. У Кругляка немного отлегло от сердца: раз распекает, значит решил оставить в живых. Иначе не стал бы тратить время.

Раздался звонок. Сорока и Кругляк одновременно сунули руки в карманы. Настя, повинувшись взмаху руки шефа, ушла открывать. Слышно было, как она разговаривает в передней: «Шубку повесьте, будь ласка, сюда, а ботинки поставьте под вешалку».

— Это для вас сюрприз, Кругляк, — многообещающе протянул Сорока.

В комнату вошла Ива. Она тоже держала руку в кармане спортивной куртки, и Кругляк мог поклясться, что тот предмет, который так оттягивает карман, — пистолет. Глаз у него был наметанный.

— На улице отвратительная погода, — сказала Менжерес.

* Референт пропаганды руководил «пропагандистской» службой краевого провода.

— Дождь пополам со снегом, — откликнулся Сорока.

— В такую погоду лучше сидеть дома.

— Не у всех так выходит.

Обменявшись паролем, Ива нерешительно остановилась посреди комнаты. Она чего-то ждала. Руку из кармана не вынула.

— То, что вы ищете, стоит на серванте, — подсказал Сорока.

Ива подошла к серванту, взяла фотографию чубатого хлопца. Потом достала из сумочки свой фотоснимок точно такого же размера. Приложила их друг к другу, присмотрелась. Волнистый срез двух листов картона точно сошелся. Когда-то это была одна фотография — Ивы и чубатого хлопца: Ива была в национальном костюме, на косах веночек.

— Рада витаты вас, друже командир! — очень тепло приветствовала она Сороку. На Кругляка даже не глянула. Тот снова приуныл.

Ива поздоровалась с референтом СБ так, как принято было в сотнях УПА. Кругляк отметил это: ишь ты, прошла проверочку-закалочку. Он обратил внимание и на то, как свободно, без напряжения обращалась Ива с паролями — такое дается только длительной привычкой.

Сорока сердечно пожал девушке руку.

— С благополучным прибытием! — торжественно провозгласил референт.

Настя, улыбаясь умильно полными губами, внесла на подносе две рюмки, наполненные коньяком — наверное, Сорока заранее об этом распорядился. Кругляку выпить даже не предложил. «Ну и дидько с вами, — чертыхнулся про себя эсбековец, — все равно на одной гилляке висеть будем». С некоторых пор эта мысль все чаще приходила ему в голову.

— Согласно приказу я временно поступаю в ваше распоряжение, друже, — сказала Менжерес. Коньяк она выпила, смакуя, маленькими глоточками.

Кругляк, от которого не ускользала ни одна деталь, отметил и это: «Вот и пара нашему Сороке —

тоже из интеллигентов». В отличие от шефа для него слово «интеллигент» было ругательным.

— Знаю, — ответил Сорока, — человек, передавший фотографию вашего друга в мастерскую Яблонского, предупредил об этом и о том, что у вас есть также и свои задания.

Референт СБ, казалось, светился от радушия и приветливости.

— Но об этом потом, — махнул он нетерпеливо рукой. — Почему так долго не устанавливали контакты? — поинтересовался Сорока.

— Мне надо было легализоваться, привести в порядок свои дела. Хотя я и переходила кордон легально, но все могло быть — вдруг меня вздумали чекисты проверить? Надо было выждать. И, только убедившись, что опасности нет, явиться к вам.

— Да, об этом говорится в грепсе. Можно узнать о характере ваших поручений?

— Не о всех, друже референт. Простите меня, но... вы знаете наши законы не хуже меня. Об одном из них, очевидно, скажу позже.

«Вот тебе, — злорадно ухмыльнулся Кругляк, — получай и ты свое».

Сорока перехватил ухмылку, обжег эсбековца взглядом, как плетью перетянул по спине.

— Вы очень обиделись на проверку? — спросил он Иву. — Правильно говорят: заставь дурня богу молиться, так он и лоб побьет.

— Предполагаю, что она была вызвана необходимостью, — уклончиво ответила Ива. — Но, кажется, в данном случае действительно перестарались.

— Что будем с ним делать? — кивнул Сорока на своего помощника.

Ива пожала плечами.

— Это ваше дело. А в общем он действовал в меру своих сил и умственных способностей. — Ива без ненависти посмотрела на хмурого, вконец разстроенного неудачами Кругляка. — Насколько я понимаю, он у вас выполняет... вполне определенные функции по чистке?

Сорока кивнул.

— Когда надо, — он щелкнул пальцами, — убрать кого-нибудь, Кругляк полезен.

— Вот пусть этим и занимается по мере необходимости.

Сказала — как отрезала.

«А она ничего, — перекрестился мысленно Кругляк, — толковая бабенка». Он даже почувствовал симпатию к этой курьерше, так неожиданно ставшей причиной его неприятностей. Хоть и обошелся с нею не по-шляхетски, зла не помнит, понимает, что работа есть работа.

— Сколько дней требовалось на выполнение вашего задания? — вновь возвратился к началу разговора Сорока. Чувствовалось, что вопрос, почему Менжерес так долго не выходила на связь, его тревожит.

— Не ловите на мелочах, — вновь грубовато осадил Ива референта. — Если все еще требуется меня проверить — придумайте что-нибудь пооригинальнее.

Ива чувствовала себя на этой встрече уверенно. Она задавала тон в разговоре, чуть-чуть свысока отвечала на вопросы. Сороке и раньше приходилось принимать курьеров с «той стороны», из-за советской границы, однако им было далеко до Менжерес. «Порода всегда даст себя знать, — размышлял референт, — вот еще одно свидетельство того, что именно интеллигенты должны стать солью нашего движения».

Менжерес была одета с большим вкусом, можно сказать, изысканно — по трудным послевоенным временам. Даже человек, не сведущий в модах, сразу бы отметил, что ее спортивный костюм из светло-коричневой шерсти сшит первоклассным портным, а над прической трудились лучшие городские мастера.

— Хотела бы и я спросить. Оксана случайно набилась ко мне в квартирантки? Как давно она с нами?

— Случайно, — объяснил Сорока. — Оксана в город прибыла недавно. Раньше входила в сотню Беркута. Она и сообщила, что в институте появилась странная студентка. Честно говоря, намечалась обыч-

ная вербовка. Ваш приход в мастерскую все изменил. — Сорока не стал уточнять, что уже давно получил по подпольной почте уведомление о курьерском рейсе — приметы и пароли.

— Как вы намерены поступить дальше? Не очень удобно, что на одной квартире живут два ваших человека.

Ива намекала: в случае провала возьмут сразу двоих.

Сорока возразил:

— Вы с Оксаной учитесь на одном курсе. Большинство студентов снимают комнаты по двое, по трое. Раз так получилось, менять не стоит.

Ива поняла: служба СБ краевого провода хочет иметь рядом с нею своего человека, и ради этого идет даже на риск.

Сорока посоветовал:

— Может быть, вам изменить, как бы это сказать интеллигентнее, образ жизни? И одеваться скромнее? Здесь не любят, когда кто-то выделяется из толпы. Таких сразу берут на заметку. Вам, выросшей на Западе, этого не понять...

Ива задумалась. Она свободно положила ногу на ногу, приоткрыв круглые колени. Ноги у нее были стройные, красивые. «Запад есть Запад, — размышлял Сорока, — сразу чувствуется порода...»

— Вряд ли я теперь смогу переключиться на другой стиль. Заявка сделана, прелюдия сыграна. Не забывайте, я приехала из Польши официально, все знают, что я воспитывалась, как говорят схидаки, в буржуазной среде. Судя по всему, меня поручили перевоспитывать комитету комсомола — секретарь уже проводил со мной индивидуальные беседы, или как это там у них называется. — Ива улыбнулась. И откровенно добавила: — Да и трудно мне вести себя иначе. Боюсь, начну играть энтузиастку в красной косынке — провалюсь, особенно сейчас, когда эту жизнь я знаю плохо. Нет уж, лучше оставаться собой в допустимых пределах — это надежнее.

И опять Кругляк подивился разумности этой дивчины. Права, конечно, она, а не Сорока. Самая твер-

дая легенда — это твоя собственная жизнь. Если умно ее преподнести, естественно.

Сорока в конце концов тоже согласился с доводами Ивы. Он чуть торжественно предложил считать знакомство законченным.

— Мы возлагаем на вас особые надежды. Настали дьявольски трудные времена — распад и разлад. Мы должны любыми, вплоть до самых крайних, мерами предотвратить смуту в собственных рядах. Сами понимаете, наиболее быстро действуют решительные шаги. Те, кто изменил нашему делу, должны безжалостно уничтожаться...

Референт пожевал бескровными губами, достал из портфеля фотографию девушки.

— Вот смотрите...

Ива всмотрелась в фото. Симпатичная дивчина: глубокие глаза, приятный овал лица, мягкие губы. Короткая стрижка делала ее похожей на мальчишку — очень юного и задиристого.

— Красивая.

— Эта красотка, — сдерживая ярость, почти прошипел референт, — провалила одну из самых крупных операций, завлекла в западню людей Стася Стафийчука и Джуры. В двух словах о том, что произошло. В Зеленом Гае была завербована молодая учительница, приехавшая в село на работу. Подкольной змеей втерлась она в доверие к руководителям движения в этом районе. Выполняла такие задания, которые вскоре позволили ей выявить всю сеть. Один из «боевиков» опознал в ней бывшего секретаря райкома комсомола, участвовавшую в облавах. Тогда с помощью пробравшегося в нашу службу безопасности чекиста Розума она выдала себя за курьера с особыми полномочиями. Она выглядела такой интеллигентной, — меланхолично повествовал Сорока. — По-девичьи наивной, мягкой... И вдруг у этой Шевчук оказалась железная хватка. Вы знаете нашу систему. Действия курьера с особыми полномочиями не обсуждаются, он ни перед кем не отчитывается, только перед теми, кто его послал. Его приказы подлежат безусловному выполнению. А эта... назвала пароли,

ее личность подтвердил сам Розум, который занимал в нашей организации высокое положение. — Сорока не стал говорить о том, что у него Розум тоже пользовался полным доверием. Референт сокрушенно развел руками: — А все наша приверженность канонам. Сколько говорил — нельзя одного человека наделять чрезвычайными правами.

Ива улыбнулась.

— Обжегшись на молоке, дуete на воду? В организации должна быть железная дисциплина. Представьте, друже Сорока, что будет, если вместо выполнения приказов их будут обсуждать на каждом перекрестке? И если бы я, к примеру, предъявила пароли спецкурьера с особыми полномочиями, я бы тоже потребовала самого точного выполнения моих приказов.

Сорока поперхнулся:

— Вы... тоже?

— Основательно же вы напуганы, — звонко рассмеялась Ива. — Не скрою, я уже однажды воспользовалась своими правами на вашей территории.

— Когда? Для чего? — быстро спросил Сорока.

— Один из ваших людей недавно пропал. Не так ли?

— Да, исчез референт пропаганды. Нас это чрезвычайно волнует.

— По моим сведениям, он давно уже служит МГБ. Именно он передал чекистам сведения об операции «Гром и пепел». И тогда появилась Горlinka.

— Вы знаете об этом? — Сорока подхватился с кресла, забежал из угла в угол. Голова у него совсем вошла в плечи, длинные руки болтались в такт быстрым, мелким шагам.

— Об этом знает каждый на пути от Львова до Мюнхена.

«Да, — подумал Сорока, — так и должно быть. Провал операции мне не простят».

— Разразился неслыханный скандал, — продолжала холодным тоном Менжерес, — наши руководители предупредили корреспондентов влиятельных газет, что большевики готовятся уничтожить целое село

якобы за связь с организацией украинских националистов. Была даже названа дата этой акции. Готовились сенсационные материалы. А что же вышло на деле? — Менжерес горько, болезненно улыбнулась. — Чекисты устроили ловушку, а потом опубликовали показания ваших бандитов, другого слова я не подберу, о том, как они должны были сжечь Зеленый Гай и перебить его жителей, переодевшись в форму советских солдат...

«Именно так все и было, — констатировал Кругляк. — Чекисты подставили ножку, да так, что до сих пор под горку катимся. Наши славные руководители в дерьмо по уши вляпались». Кругляк иногда позволял себе весьма неместно думать о своих вождах. Ни в коем случае не выражая мысли вслух, разумеется.

— Мы вынесли смертный приговор Марии Шевчук, — пришел он на помощь референту СБ.

— Провал операции «Гром и пепел» — факт, который состоялся. Да и приговор до сих пор не приведен в исполнение, не так ли?

— С какой стати вас так заинтересовала эта акция? — Сорока был раздражен, голова его вошла в плечи, он сутулился больше обычного. — В конце концов это наше дело.

— Не только, — теперь уже и Ива не скрывала, что взбешена. — В операции было заинтересовано наше высшее руководство. Был издан приказ во что бы то ни стало выяснить истинные причины ее провала, наказать тех, кто проявил недопустимое нарушение правил конспирации, кто прямо или косвенно способствовал ликвидации нашего подполья в целом районе...

— Уж не подозревают ли там, за кордоном, и меня? — Сорока пытался произнести эти слова с презрением, однако Ива ясно уловила в них панические нотки.

— Это выяснит специальное расследование всех обстоятельств дела.

— Кто его будет проводить?

Ива недолго подумала, что-то прикидывая. Вста-

ла: строгая, неприступная, преисполненная сознания особой ответственности того, что ей предстояло сказать.

— Друже референт! В грепсе по поводу прибытия Офелии сообщалось, что она должна назвать пароль и только после этого изложить суть своего задания. Так?

— Да.

— Вы теперь уверены, что я Офелия?

— Не сомневаюсь.

— Я случайно узнала, что в этом году плохие виды на урожай...

— Были заморозки, и всходы погибли, — отвечая на пароль, Сорока тоже встал. — Значит, вы и есть тот человек, которому...

— Абсолютно точно. Это одно из моих заданий. А теперь, когда мы, наконец, выяснили наши отношения, расскажите, почему до сих пор эта предательница из Зеленого Гая не понесла наказания?

— Дайте собраться с мыслями, панна Ива. Вы ведете разговор в таком стремительном темпе...

— Мы не привыкли терять время, друже референт, — высокомерно ответила Ива. — Итак, я вас слушаю...

**ОДНАЖДЫ
ВЬЮЖНОЙ
НОЧЬЮ**

— Сразу же после того, как мы узнали о трагическом финале операции «Гром и пепел», я приказал отыскать Шевчук, — деловито начал Сорока. — Найти и уничтожить! К сожалению, с самого начала след к Шевчук был утерян — она будто сквозь землю провалилась. У нас не было даже ее фото. Пришлось одну из наших девиц загримировать под нее. Получилось достаточно достоверно — вы это фото сегодня видели. Фотографии роздали нашим людям, однако эту девицу пока обнаружить не удалось...

Референт потянулся к сигаретам. Курил он редко, очень заботясь о собственном здоровье. А сейчас разволновался — провал операции «Гром и пепел» темным пятном ложился на его репутацию среди бандеровских соратников.

Пани Настя внесла кофе. Сорока взял чашечку, подождал, пока хозяйка покинула их, и продолжил рассказ. После первой неудачи с поиском Горлинки он предложил взяться за Остапа Блакытного. Остап был телохранителем Марни, под ее влиянием сдал оружие и вышел из леса. Мария могла поддерживать

с ним каким-либо путем связь, интересоваться его судьбой — ведь она в некотором роде была его наставником на новых путях.

Остап, после того как порвал с бандитским прошлым, поселился в Зеленом Гае.

— Принципиальным оказался, сволота, — цедил сквозь зубы Сорока, — даже фамилию не стал менять. Хватит, говорит, и того, что я три года по лесам под чужой личиной скитался. Хочу, говорит, стать самим собой...

— И вы позволили ему... стать самим собой? — недоверчиво спросила Ива.

— В этом районе наша сеть была разгромлена, — нехотя признался Сорока. — Подполья там больше не существовало. Остались только два-три информатора, они ни на что, кроме как собрать слухи и сплетни, не способны. Ну, может, еще кто-то в бункерах отсиживается. Но речь шла не о нашей чести — поэтому я отдал приказ нашему «боевику» Беркуту отправиться в Зеленый Гай. И сообщил ему одну из уцелевших явок...

...Беркут, он же Марко Стрилець, хвастливо заявил Сороке, что у него бывали задания и потруднее. На следующий день он отправился на розыски Остапа.

Сравнительно благополучно — пригородным поездом, а потом часто меняя местные автобусы — Беркут добрался до зеленогайских лесов. Пользуясь явкой Сороки, отыскал хату одного из «боевиков», Хмеля. Там жила родственница этого бандеровца, а сам Хмель отсиживался после разгрома банд в бункере. Родственница быстренько собралась в лес по хворост. Убедить Хмеля явиться на встречу оказалось не так просто — родственница не один раз сходила в лес и обратно, натаскала топлива на месяц про запас.

Беркут знал, что только крайняя нужда может заставить такого вот лесовика зимой покинуть бункер. На чистом снегу очень заметны следы, трудно замаскировать вход в убежище, пробраться в село, еще труднее незамеченным воротиться обратно. Вот поче-

му «лесные братья» заваливались в свои бункеры — кривки — на всю зиму.

Только после того, как Беркут через все ту же родственницу-связную пригрозил, что сам отправится в лес и сунет в бункер гранату, «боевик» появился в село. Пришел он после полуночи — обросший клочковатой бородой, осунувшийся парень лет двадцати пяти. Лицо его от постоянного сидения в подземелье посерело, глаза лихорадочно бегали. Он давно не был в нормальном человеческом жилье и все старался тронуть, погладить рукой мебель, домашнюю утварь. Даже на расстоянии от него разило терпким, спрессованным потом, и мороз не смог вышибить из одежды запах плесени, гнили, лесной влажной земли. К тому же Хмель при каждом шорохе хватался за автомат. Беркуту даже показалось, что этот ошалелый от чистого воздуха и необычной обстановки парень может запросто всадить ему обойму в живот, не разобравшись что к чему. В иное время он и сам с радостью отказался бы от такого помощника. Но друзей не было, а Беркут понимал: одному схватить живьем Остапа и выпытать у него нужные сведения не под силу. Он терпеливо, несколько раз повторил пароль, пока не убедился, что Хмель понял, с кем имеет дело. После этого рассказал, зачем пришел.

Хмель знал Остапа Блакытного — раньше встречались. Но помогать Марку он отказался наотрез.

— Не пиду, — угрюмо бубнил он, — мени Остап ничего не зробив. А не дай боже, з ним що трапиться — емгебисты всю землю переріють, а знайдуть винуватого. Воны сыла, а мы... — Хмель смачно сплюнул на пол и растер порыжелым сапогом плевок.

— Не брыкайся, — Беркут съездил Хмеля по физиономии.

Удар получился звонким и увесистым. Это напомнило Хмелю, что перед ним эсбековец, а с СБ не шутят, ее приказы выполняют, хочется тебе или не хочется. Как ни странно, но оплеуха даже прибодрила «боевика». Раз бьет, значит имеет право.

Решили идти в Зеленый Гай в следующую ночь. День пересидели в погребе. Беркут в темноте черты-

хался и матерился, а Хмель блаженствовал — после бункера погреб с домашним запахом квашеной капусты, огурцов, помидоров казался ему раем. В темноте он отлично ориентировался и сразу же начал шарить по бочонкам, набивал рот всевозможной едой, приглушенно икая.

— Да перестанешь ты, наконец, жрать? — заорал в ярости Беркут.

— Посидел бы с мое на гнилой трухе, посмотрел бы тогда на тебя, — огрызнулся Хмель. Он долго еще бормотал что-то про чистоплюев, которые думают, что они пуп земли.

После полуночи хозяйка отбросила крышку погреба, и они выбрались наружу.

Начиналась метель. Белая муть слепила глаза, хлестала по лицу. Неба не было, оно слилось с землей, надавило тяжелой, непроницаемой пеленой на поля и лес. Резкий, порывистый ветер рвал одежду, швырялся мокрым липким снегом. До Зеленого Гая было километров семь. Хмель хорошо знал дорогу. Впервые за все время он прибодрился — в такую бисовую погоду, когда на небесах чертенята в пряталки играют, их никто не заметит. Следы действительно сразу же заваливал, размывал ветер.

Как и предполагали, к хате Остапа подошли в самую глухую пору. Беркут рассчитывал, что примерно полтора-два часа уйдут на допрос Блакытного. До позднего рассвета они успеют скрыться.

Зеленый Гай спал — присели под снегом дома, укрывшись от непогоды садами. Беркут, перекрикивая ветер, вдалбливал напарнику:

— Подходим к хате. Я стучу. Он спрашивает: «Кто?» Говорю ему: «Принес привет от Марии Шевчук, учительницы». Ты стоишь сбоку. Он, конечно, открывает. Бей его так, чтобы не до смерти, нам еще побалакать надо будет. Он падает, втаскиваем его в хату и там начинаем разговор. А потом...

Хмель кивал. Ему не терпелось теперь побыстрее прикончить Остапа, чтобы возвратиться в свой бункер, где его и с собаками не найдут.

— Хорошая ночь! — проорал он. — Наша ночка...

— Ты чем будешь бить? — дотошно допытывался Беркут.

— А ось! — Хмель гордо сунул ему под нос пудовый кулак. — Я им — как цепом.

— Лучше рукояткой пистолета — надежнее...

Подошли к хате Блакытного. Родственница Хмеля, знавшая всех в округе, утверждала, что тот жил один.

Беркут легонько стукнул в ставню. Никто не ото-звался. Эсбековец забарабанил сильнее. Остап откликнулся сонным голосом:

— Кого там лихая година несет? Нечай, ты?

Хмель встал у двери, поднял руку, зажав в кулаке ствол пистолета.

Остап, уже из сеней, снова спросил:

— Кто?

— Вы Остап Блакытный? — Беркуту приходилось перекидывать метель.

— Ну, допустим, я, — после паузы не очень приветливо откликнулся Остап.

— Вам прислала привет Мария Григорьевна Шевчук. Может, пустите погреться и пересидеть до утра, а то продрог в эту кляту завируюху, а где сильрада — не знаю.

— Чего так поздно? — недоверчиво расспрашивал Остап.

— На работу к вам назначили, завклубом. Вышел из райцентра утром и прибудил в непогоду.

Беркут потоптался, погрохал сапогами о крыльцо, чтобы Остап понял, как ему холодно.

Остап не торопился открывать. Его встревожило это позднее посещение. Где-то в глубине души он надеялся, что его бывшие соратники по бандитскому подполью забыли о нём, им не до мести после сокрушительного разгрома. И в то же время внутренне он был готов к тому, что однажды ночью вот так, как сегодня, постучат в окно и вызовут «для разговора». Да и кроме того, Беркут в самом начале допустил ошибку: Мария никогда не называла Остапа по кличке, только по имени. И Остап насторожился, он сам слишком долго пробыл в лесу, чтобы не знать, для че-

го являются иногда непрошенные гости к таким, как он. Вспомнил предупреждение начальника районного отдела МГБ:

— Вас, Нечипорук, не оставят ваши бывшие друзья в покое. Может быть, лучше уехать?

Остап тогда не согласился. Видно, напрасно. И теперь ему стало тоскливо: нехорошо в такую ночь одному встречаться с врагом. Сколько их там, за дверью? Один? Двое или трое?

Остап уже точно знал, кто пришел к нему в «гости». Припомнил, что именно так однажды эсбековцы выманнили из хаты «боевика», решившего сдаться властям. Проводами, что тот скрывается у матери, пришли ночью, передали ему привет от старого друга — «боевик» поверил, открыл дверь...

Надо было что-то делать. Если не открыть — швырнут гранату в окно, а то и крышу подпалят... И Остап решил дорого отдать жизнь.

— Никак не нащупаю этот чертов крюк, — недовольно сказал он, — сейчас зажгу лампу.

Остап возвратился в комнату — сквозь неплотно пригнанные ставни мелькнула полоска света. Беркут терпеливо ждал. Его напарник зашевелился, заворочался в темноте, устав стоять с поднятой рукой, и Марко погрозил ему кулаком.

А дальше все произошло в считанные секунды.

Остап внезапно открыл дверь. Керосиновая стеклянная лампа полетела в лицо Беркуту, который не успел ни отклониться, ни прикрыть хотя бы лицо руками. Эсбековец взвыл от жестокой боли. Он повалился в сугроб, чтобы снегом сбить ручейки пламени, поползшие по одежде. Остап с топором кошкой прыгнул на него. Пока Хмель сообразил, что надо выручать напарника, было уже поздно — топор опустился на голову Марка. Хмель схватился за автомат, он выжидал, когда Блакытный выпрямится, чтобы стрелять наверняка, не рискуя зацепить очередь лежащего в сугробе Марка — может быть, еще жив? Остап увидел его и понял, что теперь ему не уйти — сейчас, через мгновение встретит смерть.

Тихо, приглушенный метелью хлопнул пистолет-

ный выстрел. «Боевик» удивленно посмотрел куда-то в сторону и вдруг начал валиться на бок. Остап подхватил его автомат, отбежал за толстую грушу, подпиравшую хатенку, и упал в снег. Он подумал, что пришло трое, и тот, третий, которого он не заметил, случайно попал в своего. Остап не захотел укрываться в хате — его оттуда просто выкурят, сунув спичку под соломенную стреху. А здесь, во дворе, он на свободе и сможет продержаться, пока подоспеют на помощь свои, хлопцы из истребительного отряда. Теперь, когда у него в руках был автомат, Блакытный чувствовал себя уверенно: пусть сунутся. Он всматривался в темноту, исполосованную метелью, — где третий?

— Остап, не стреляй, — услышал он вдруг чей-то окрик.

Голос показался ему знакомым, но Остап решил никому не доверять и промолчал, чтобы не обнаружили, где он лежит.

— Остап, это я, Малеванный...

Лейтенант Малеванный, который допрашивал его после выхода из леса, отделился от стены сарая. Остап поднялся ему навстречу.

— Опоздал немного, — сказал Малеванный.

— Здорово стреляешь, — Блакытный пытался скрыть страх, который вдруг остро ударил по сердцу, — ведь еще немного, и... Откуда узнал, что эти... — он ткнул автоматом в сторону убитых бандеровцев, — собираются меня кончать?

— Родственница одного из них, Хмеля, пришла в сельсовет. Случайно услышала, куда собрались, и решила сообщить. Не хочу, говорит, за их злодейство отвечать. А я как раз в этом селе был проездом. Председатель сельсовета — ко мне, а я сразу сюда. Не было времени даже «ястребков» собрать.

— Спасибо, — Остап постепенно приходил в себя.

Оба бандита не шевелились — значит, наповал. Ветер сбил с Беркута пламя и уже начал заносить его снегом. Второй бандит лежал поперек порога, кровь растопила снег на ступеньках. Остап перевернул его, всмотрелся.

— Хмель...

— А там кто? — кивнул Малеванный на сугроб.

— Того не знаю...

...О всех событиях этой ночи Сороке стало известно из донесений информаторов.

— Черт с ним, с Беркутом, — мрачно констатировал референт, — а вот след к Шевчук мы тогда потеряли надолго.

— Значит, приговор так и не приведен в исполнение? — наседала Ива. — У нас так не делалось.

Сорока вскипел:

— Не забываете, здесь Советская Украина! Советская! Поработаете, увидите, что это значит. Думаете, я дурак и не понимаю: каждый старик, каждый мальчишка, узнай, кто я такой, немедленно побегит в МГБ! С Блакытным надо решать. Пошлю Северина.

— А вы уверены, что Блакытный все еще дожидается вас в Зеленом Гае?

— Не знаю, — чистосердечно ответил Сорока. — Но в ближайшие дни выясню. И тогда Северин вместе с жилами вытянет из него все сведения о предательнице.

Ива Менжерес непроницаемо молчала.

«А нет ли у нее связи с закордонным центром помимо нас? — вдруг подумал Сорока. — Тогда она сама сообщает руководству о всех наших делах. Надо доложить об этом Рену...»

«СОРОКА — РЕНУ: Прибыла курьер Офелия. Провел проверку. Одно из заданий — выяснение причин провала известной вам операции».

«РЕН — СОРОКЕ: Еще раз проверь курьера и запроси подтверждение по ту сторону кордона».

СПЕЦКУРЬЕР

Сорока был одним из многих лиц, имевших связь с главарем краевого проводника Реном. Точнее, даже он не знал, где находится убежище Рена, но поддерживал связь с ним с помощью курьеров. Зашифрованное донесение передавалось в три этапа. Курьер, уходящий из города, добирался до одной из деревень — там на старом католическом кладбище под могильной плитой находился первый почтовый тайник — так называемый «мертвый пункт». Курьер оставлял в тайнике грепс — кто его возьмет и когда, он не знал. Дальше шифровка попадала в хутор, прижавшийся к большому лесному массиву. В хуторе легально жил один из «боевиков». Он наблюдал за вторым «мертвым пунктом» и за лесом — отсюда начинались тропинки в глубь массива. Шифровку забирал один из людей Рена.

Только несколько человек знали, где находится его логово. Даже для многих руководителей банд Рен был личностью мифической: «Рен все может». Пропагандистская служба краевого проводника старательно изобретала и пускала в обиход легенды о верности Рена бандеровским идеалам. Стро-

жайшая конспирация, таинственность окружали каждый шаг краевого проводника.

Еще не так давно Рен гордо именовал себя лесным хозяином. Будучи в хорошем настроении, любил напоминать, что его владения занимают такую же площадь, как Бельгия и Швейцария, вместе взятые. Это и в самом деле было зеленое море, выплеснувшее на огромное пространство остроконечные волны деревьев. Места глухие, малолюдные, труднопроходимые. Тогда в подчинении у Рена были десятки «боевиков», вышколенная курьерская служба, его приказы безоговорочно исполнялись всеми бандами, а штаб находился в добротных бункерах.

Удар истребительных отрядов по основной базе националистов был неожиданным и жестоким. Рену удалось спастись, уйти в глубь леса, затаиться в глухомани. Краевой проводник принял решение ограничить число людей, связанных с Реном, свернуть операции, которые могли бы подставить под новый удар штаб. И все-таки именно Рен держал в своих цепких руках все нити подполья: по его указаниям осуществлялись убийства, из его логова шли приказы, обрекающие людей на смерть.

Подлинную фамилию Рена знали только несколько человек. Обычно он пользовался тремя псевдонимами: Рен, 25-й, 52-й. Рен — для своих приближенных, 25-й — для подписи под приказами, 52-й — для донесений закордонному проводу. Манипуляции с псевдонимами помогали запутывать следы и подкрепляли легенду о могуществе проводника.

И совсем уж немного людей знали историю его возвышения — не выдуманную националистическими пропагандистами, а подлинную. Он был сыном коммуняжера из Закарпатья. Обучался в Венском университете, по поручению гестапо шпионил среди «своих» — националистически настроенных студентов украинцев. Вместе с немцами пришел на Украину, деятельно сколачивал «вспомогательную полицию», насаждал в западных областях оуновские звенья.

Рена знал лично «фюрер» националистов Бандера, он же Сирый, он же Весляр, он же Баба, Старый,

Щипавка, Быйлыхо и т. д. Вместе с десятком отборных головорезов Рен иногда выполнял его наиболее ответственные приказы.

В 1943 году гестапо стало известно, что один из лидеров националистов Закарпатья проявляет колебания, подумывает о том, чтобы повернуть оружие против своих немецких хозяев. Рену и его команде поручили навести порядок. Рен застрелил «предателя» и занял его место. Надо сказать, что он не замедлил отблагодарить своих немецких покровителей: в том же 1943 году присоединился к решению «Третьего надзвычайного сбора ОУН» о переориентации на англо-американцев.

Рен не терпел инакомыслящих и круто расправлялся с ними. Во время чистки весной 1945 года по его приказам было убито много крупных и мелких главварей. Это позволило на какое-то время задержать разложение краевой организации ОУН. Когда один из эмиссаров закордонного провода познакомился с методами проверки лояльности, применяемыми Реном, он сказал: «На таком допросе и я показал бы что угодно: что был, к примеру, родственником абиссинского негуса, тайным агентом Парагвая, а мой пятнадцатилетний внук уже двадцать лет служит в МГБ...»

Таким был Рен. Одна ниточка связи тянулась к нему от референта СБ Сороки. А вторая — отсюда, где за стеной лесов, за синими Карпатскими горами находилась граница. Ею пользовались редко, только в самых необходимых случаях. Это была тропа особо доверенных курьеров, уходивших от Рена за кордон или доставлявших ему приказы отсюда. Рен давно уже ждал эмиссара закордонного провода — шифровка о его визите поступила месяца два назад. Эмиссаром оказался его старый приятель по Венскому университету Максим Дубровник. В годы войны Дубровник находился на Украине, вел националистическую пропаганду. В сорок четвертом перешел в подполье, в сорок пятом бежал за кордон, стал особо доверенным курьером центрального провода ОУН, выполнял различные поручения.

Рен и Дубровник встретились как старые друзья. Они долго обнимали друг друга, похлопывали по плечам. Рен пошутил:

— А повертись-ка, сынку...

Они были ровесниками, в одних бандеровских чинах, и шутка не понравилась Дубровнику.

— У нас один батько, — сказал он, намекая на Бандеру.

— У нас одна ненька, — подхватил Рен и тут же спросил: — А чего это хлопцы тут стовбычать? — Речь шла о двух телохранителях Дубровника, присевших на лаву, автоматы на коленях. — Или боишься? — ехидно осведомился он. — Так кого? Сюда еще ни один чекист не добирался.

— Отдохните, друзья, — обратился к своим спутникам Дубровник, — теперь мы у своих.

Хлопцы не торопясь выбрались из бункера. Устали они крепко, их шатало при каждом шаге.

Поговорили о длинном и трудном пути, который преодолел Максим. Вспомнили общих знакомых: кто погиб, кто по лесам бродит, кому удалось уйти за кордон.

Максим очень устал. Как пристроился на дубовом, сбитом из неоструганных досок табурете, так и не двигался. А Рен был, наоборот, весел и оживлен. Он размашисто вышагивал по просторному бункеру, грубовато шутил, прикидываясь эдаким селюком-простачком, и в то же время несколько покровительственно поглядывал на Максима: мол, мы хоть и лесовики, не то что вы там, за кордоном, но тоже не лыком шиты. Он приказал принести горячую воду, чтобы гость мог вымыться с дороги, приготовить обед. Адьютант проводника, Роман Чуприна, внес кастрюлю затирухи, бутылку самогонки. Рен половником разлил похлебку в деревянные тарелки. Пригласил:

— Садись к столу, наверное, отвык по закордонным ресторанам от козацкой затирухи в походной миске...

— Напрасно ты так, друже Рен, — спокойно ото-

звался Дубровник. — У вас свои трудности, у нас свои.

— Знаем, знаем, — веселился Рен, — всё места в будущей державе не поделите. А между прочим, настоящая борьба за нее идет именно здесь. — Рен стер с лица улыбку, глянул остро и жестко. — Наверное, с инспекцией прибыл? Ревизию производить?

— Об этом еще скажу, — уклонился от ответа Дубровник. — Устал очень, а про серьезное надо на трезвую голову говорить. — Он встал из-за стола — высокий, худощавый мужчина средних лет. Узкое лицо, длинные висячие усы, равнодушный взгляд придавали ему сходство со святым на изготовленных сельскими малярами иконах. Это сходство усиливалось тем, что глаза у Дубровника были будто застывшие — в собеседника он обычно всматривался так, будто примеривался, куда вогнать пулю.

— Сказал бы, где поспать. Трое суток на ногах...

— Трудно пришлось?

— Не особенно. Все заставы и посты прошли хорошо. Только в одном месте едва не напоролись на засаду — кого-то ждали.

— Пронесло?

— Слава богу. Твои предупредили, чтоб обошел.

— Спать будешь у меня. Второй бункер битком набит — там «боевики», курьеры... Потом что-нибудь придумаем.

— А хлопцы? Тоже здесь?

— Тесно будет. Отправим их к адъютанту.

Дубровник поморщился.

— Все выгадуешь, друже Рен?

— Ты о чем?

— Хочешь на всякий случай меня без охраны оставить?

Такая откровенность поразила проводника. Он только головой крутнул.

— Отточили тебе зубы, Максим.

— Приходится остерегаться. В рейсах всякое бывает.

Дубровник укладывался спать основательно. Сунул маузер под подушку из красного ситца, еще один

пистолет положил под матрац у бедра. Проверил автомат и поставил его у изголовья, подсумок с патронами и гранатами пристроил рядом. Рен молча наблюдал за этими приготовлениями.

— У тебя с нервами в порядке? — спросил.

Дубровник неожиданно признался:

— Не очень. Когда вижу москалей — трясет от ненависти, боюсь сорваться. Кстати, еще до меня к вам должен был прибыть наш человек, что с ним?

— Нормально. Учится в институте. Сообщила, что прибыла проверить причины провала операции «Гром и пепел». Сорока, наш референт службы безопасности, докладывал, что у нее есть еще какое-то задание. Какое — о том Офелия пока молчит.

— У нее два варианта действий. Я тебе расскажу. Прежде встретиться с нею надобно.

— Сюда ей дорога заказана. Ни один человек сюда не должен приходить — кроме таких, как ты, разумеется.

— А она и есть такая, как я. Курьер с особыми полномочиями. И если бы пожелала — давно бы добралась до твоей берлоги. Хотел бы я посмотреть на того, кто не выполнил бы ее приказ. Но у нее не было задания нанести тебе визит — вот ты и потерял возможность познакомиться с очаровательной девушкой.

— Чертовщина какая-то, — вскинулся Рен. — Сопливых девчонок наделяют чрезвычайными правами, направляют ревизовать нас, испытанных боями, пускают их по курьерским тропам, которые мы сберегаем ценой своей крови...

— Не горячись. Тропу для себя она сама проложила. Легальную. Понятно?

— Ну, допустим.

— Не нукай, не запряг. — Дубровник тоже начал раздражаться. — А что касается сопливых девчонок... Знаешь, чья она воспитанница?

— И угадывать не буду.

— Напрасно. Романа Шухевича — вот чья. Советую, как старый друг: смотри не ошибись в оценке этой «девочки». Но в одном ты прав: идти ей сюда

незачем. Опасно. И не для тебя, — Дубровник презрительно хмыкнул, — а для нее — дорога длинная, трудная. Есть у тебя надежная зацепная хата?

— Есть. Берегу для чрезвычайно важных обстоятельств.

— Считай, что они настали. Там я с нею и встречу...

Он заснул сразу же, как только привалился к подушке. Сон был беспокойный, напряженный — как только Рен звякнул пустыми мисками, Дубровник схватился за пистолет, спросонья пробормотал: «Живым не возьмете...» Рен озабоченно подумал: «Накрутит он у меня тут дел... С такими нервами только в рейсы и ходить...»

Он сел к столу, положил голову на руки. Свет керосиновой лампы-мигалки вырывал из темноты его лицо — крупное, с твердыми чертами, изрезанное глубокими морщинами. Рен прикидывал, какая связь может быть между появлением в его владениях Дубровника и дивчины из Польши, почему Максим отложил разговор о делах, ни звука не сказал о том, что давно обещано ему, Рену, — об уходе за кордон.

Проводник накинул на плечи полушубок, прошел в схрон адъютанта Чуприны:

— Передай приказ Сороке. Пусть еще раз срочно выяснит все про Офелию: чем занималась в прошлом, с кем встречается сейчас, какую информацию собирает. И пусть его не гипнотизируют ее высокие звания — проверить необходимо очень тщательно. Вместе с нею кто-то из наших живет? И про ту дивчину тоже все узнать... Да поторопи этого интеллигента — кишки из него вон, — наконец нашел на ком сорвать гнев проводник.

ДВА САПОГА — ПАРА

Выполняя приказ Рена — узнать все об Офелии, — Сорока с помощью Оксаны собрал необходимые сведения. Чтобы вызвать Иву на откровенность, Оксане пришлось рассказать кое-что о себе.

Прошлые Оксаны Таран референт службы СБ знал и раньше. Когда накопилось достаточно фактов, Сорока направил донесения Рену. Он не заботился о стиле, знал — проводника интересуют только строго проверенные данные, а за литературные красоты в таких серьезных делах он может крепко взгреть. Потому и получились донесения похожими на протокольную запись двух биографий. Вскоре ее читал Рен.

Оксана Таран. Родилась в 1925 году под Ужгородом в семье учителей. Отец, Трофим Денисович, был активным деятелем местного отделения «Просвиты». Жена разделяла убеждения мужа и принимала участие в акциях, организованных «Просвитой». Кроме них, в «Просвиту» входили еще несколько местных учителей-украинцев, лавочник, дочь униатского священника, землемер. Руководителем был директор школы. Наиболее крупные меро-

приятия — создание украинского народного хора, выпуск рукописного журнала «Свитанок»*, бойкот лавочника-еврея — основного конкурента члена «Просвиты» — под лозунгом «Украинцы покупают только у украинцев», устная пропаганда.

Во время событий 1939 года** относились к Советской власти откровенно враждебно, но активного сопротивления не оказывали — боялись. В годы оккупации абвер отнес местечко, где жила Оксана, к зоне, в которой карательные акции почти не осуществлялись***. Директор школы стал бургомистром. Он покровительствовал своим бывшим коллегам по «Просвите». Молодые из просвитовцев вступили в отряд украинской «вспомогательной полиции». К этому времени относится появление в местечке Марка Стрильця, известного вам под псевдо Беркут. Он пришел вместе с четвертой южной группой ОУН — «легионом «Роланд»****. Беркут возглавил отряд «вспомогательной полиции». О деятельности Беркута писать нет необходимости — вы о ней знаете. К этому времени Оксане исполнилось восемнадцать лет. Она вступила в ОУН и по поручению Беркута руководила в местечке молодежной секцией*****. Тогда же стала любовницей Беркута.

В 1943 году Беркут получил инструкцию готовиться к подпольной борьбе. В 1944 году в связи с при-

* «Свитанок» — «Рассвет».

** В 1939 году западные области Украины были воссоединены с Советской Украиной.

*** Абвер, проводивший на первых порах тактику интригования с определенными слоями украинцев на территории западных областей, действительно выделил такие зоны. Потом они были ликвидированы.

**** Накануне войны буржуазные националисты сформировали так называемые четыре походные группы ОУН: первую и вторую северные, третью и четвертую южные. По пути следования в лагере немецких войск они организовывали местные националистические органы, сотрудничавшие с оккупантами. «Легион «Роланд» был организован из украинцев — студентов венских и пражских учебных заведений.

***** Такие секции были созданы оуновцами в годы оккупации для подготовки «кадров» из молодежи. Распущены в 1945 году.

ближением Советской Армии он увел людей из полиции в лес и создал из них сотню УПА. Оксана ушла вместе с ним. Отец посоветовал дочери сменить фамилию, а сам распространил слухи, что Оксана уехала к родственникам во Львов (там у Трофима Денисовича и в самом деле жила сестра).

Два года Оксана вместе с Беркутом кочевала по лесам, лично принимала участие в нескольких акциях. Псевдо Оксаны — Зирка.

В 1946 году сотня Беркута пыталась прорваться на Запад, угодила в засаду и возвратилась обратно в леса. Тогда же Оксана вышла из подполья — все соседи были уверены, что она возвратилась из Львова, от родственников. Стала связной между сотней Беркута и запасной сетью*.

Во время облавы сотня Беркута была почти полностью уничтожена истребительными отрядами и подразделениями войск МГБ. Сотнику удалось спастись. Вашим указанием он был направлен в распоряжение краевой референтуры нашей службы безопасности. Оксана окончательно легализовалась. Однако в местечко просочились слухи о ее связях с Беркутом, и ей было трудно рассчитывать на доверие властей. Мы посоветовали ей под благовидным предлогом выехать. Она поступила в институт — мне нужен был опытный курьер. Беркут погиб в одной из акций...

Ива Менжерес. Отец Ивы был до войны известным в городе профессором западной литературы. В библиотеке института есть его научные труды. Сын крупного адвоката. Пользовался большим уважением среди украинской общественности.

В 1937 году профессор получил выгодное предложение преподавать в одном из университетов Польши. Семья переехала в Краков, а дом был оставлен на попечение дальней родственницы — со временем профессор надеялся возвратиться в родные места. Завещание на недвижимое имущество составил на малолетнюю дочь Иву. Завещание сохранилось.

* Запасная, или легальная, сеть — члены банд, проживающие легально.

В Польше профессор установил связи с руководителями нашего движения, помогал деньгами, читал лекции, подписал несколько воззваний к украинцам. На квартире своего отца Ива познакомилась с Романом Шухевичем. Шухевич говорил:

— В семье подлинных украинцев, которую я хорошо знаю, растет черноглазая русококая девочка с поэтическим именем Ива. С детства она знает, за что мы боремся, и сама готова на любые жертвы во имя наших идей. Мы подняли оружие ради наших дочерей, чтобы доля их не была плакучей, а земля родины не стала злой мачехой...

Есть свидетели этого выступления.

Иве было тогда пятнадцать лет. В шестнадцать она стала связной и курьером в ОУН, в семнадцать — руководительницей гражданской сети в одном из городов, выполняла сложные и ответственные задания.

Тогда же Ива познакомилась с Виктором Яновским, впоследствии сотником Бурлаком. Учился в Краковском университете. С приходом немцев учебу прекратил, активно участвовал в нашем движении. Прошел специальное обучение в школе в Австрии, работал на гестапо.

С его помощью Ива устроилась переводчицей в гестапо. Знает, кроме украинского, польский и немецкий языки. Сообщала ценные сведения СБ.

Виктор Яновский для любовных встреч с Ивой использовал одну из нелегальных квартир. В то же время убедил ее стать любовницей одного из высокопоставленных чинов гестапо. Это помогло ему выдвигаться по службе.

В 1944 году получил приказ уйти со своей сотней в леса. Действовал на территории Жешувского воеводства, часть населения которого украинцы. Сотня Бурлака выполняла приказ любыми путями помешать переселению украинцев, проживавших на территории Польши, на Украину*.

* Украинские националисты пытались всеми мерами помешать выезду украинцев из Польши на территорию Советской Украины в соответствии с соглашением между СССР и ПНР. Они сжигали села, нападали на обозы переселенцев, уничто-

В 1943 году отец Ивы умер. После его смерти Ива отдавала все свои силы организации. В 1945 году перешла на нелегальное положение и присоединилась к сотне Бурлака. Принимала участие во многих акциях, в частности в уничтожении отделений милиции на территории Жешувского воеводства в Польше.

Сотня Бурлака пыталась через Словакию прорваться на Запад. Но Бурлак был убит, сотня разгромлена. Ива получила приказ уйти на территорию Украины для продолжения борьбы. Возвратилась вначале в Краков, где заявила, что была в фашистском концлагере, потом в лагере для перемещенных лиц в Западной Германии. Предъявила властям соответствующие документы и справки. Получила, как украинка, разрешение на переселение на Украину. По линии организации была снабжена инструкциями, явками и паролями. Можно предполагать, что имеет конкретное задание. После возвращения поступила на учебу в институт, чтобы обеспечить себе «крышу».

Пользуется доверием у некоторых руководителей организации. Отмечаются личная храбрость Менжерес, опыт, ее убежденность и решительность. Награждена Золотым и Серебряным крестами.

По характеру крутая, замкнутая, склонная к истерике. Иногда ведет себя вызывающе, поэтому ее перевоспитанием занимается комсомол. Руководители института и общественных организаций считают такое поведение нормальным, так как, по их мнению, Менжерес росла в буржуазной среде.

...Две биографии. Два пути, схожие и не схожие друг с другом. Сведения были собраны по крошке теми, кто в этом был заинтересован. Но даже они не смогли бы сказать, что здесь правда, а что — из области специально разработанных легенд.

жали целые семьи. В то же время польские буржуазно-националистические организации терроризировали тех поляков, которые в соответствии с соглашением возвратились в Польшу.

Ива простила Оксане те неприятные минуты, которые ей пришлось пережить во время визита Кругляка.

— Я же не знала, кто ты, — оправдывалась потом Оксана. — Мне приказали, а в таких случаях не рассуждают.

— Успокойся. Каяться будешь перед смертью, — ответила ей Ива. — Ты поступила правильно. Единственное, что могу сказать, — действовала не очень умело. Будь на твоём месте дивчина поопытнее, так она сразу бы меня на тот свет отправила...

Жили они дружно, делили пополам хлеб и соль. У Ивы водились деньги, зато родители Оксаны бесперебойно слали своей доченьке продукты. Время от времени приезжали деревенские родственники Оксаны, передавали бесчисленные приветы, оставляли увесистые торбы с салом, яйцами и прочей снедью.

Однажды поздно вечером зашел на огонек Северин. Был он чем-то расстроен, поглядывал исподлобья. Оксана пригласила было садиться, а Ива начала ругаться — она не могла допустить такого грубого нарушения конспирации. Оксана успокоила:

— Не турбуйся, все знают, что Северин мой земляк, так что ничего особенного, если и проведает.

— Я «чистым» пришел. Трижды проверился, — сказал Северин. И жалобно попросил: — Не гоните меня, девчата. Тёшно на душе, будто ведьмы там поселились — так и скребут когтями.

Северин достал из кармана бутылку водки, поставил на стол. Оксана побежала на кухню готовить закуску.

— Такое ощущение, что вот-вот попаду в капкан и тогда все кончится — и жизнь и небо голубое.

— Даже если нас не станет, жизнь все равно не остановится, — тихо сказала Ива, — может, никто и не заметит, что нас нет.

— Угу, — согласился Северин. — Шел вечером по городу. Каждому в лицо смотрел, люди думали, наверное, тихопомешанный. А я загадал: попадется навстречу угрюмый человек, обиженная женщина — значит все в порядке. Так нет же, идут, смеются, молодежь песни поет...

— На горе загадывал?

— А я радости давно не вижу.

Глаза у Северина тоскливо блеснули.

— Вот ты была там, — он неопределенно кивнул в пространство. — Как на тех землях?

Ива догадалась, что спрашивает ее о сотнях, действовавших на территории Польши.

— Не буду обманывать — тяжело. Пока шла война, мы господарювали в целых районах, утверждали наши идеи словом, кровью и зброєю.

— Откровенно...

— Так було. Ты не из чужестранной газеты, а я не из референтуры пропаганды. Мы курьеры, «боевики». И знаем, что на наших полях посевы кровью орошаются, а урожай воронье собирает.

— Жестокая ты, и в глазах твоих ненависть...

— А у меня жовто-блакитна романтика вот где сидит. — Ива провела рукой по горлу. — Так вот, с того дня, как закончилась война, освободились войска с фронтов, превратились мы в зверя, на которого

вышла облавой вся громада. Горит земля от края до края, и в огне том горят надежды...

Сели к столу. Оксана внесла на шипящей сковородке яичницу, домашнюю колбасу, достала рюмки. Вот уже и Северин взялся за бутылку, чтобы разлить, а Ива все никак не могла успокоиться. Она нервно терзала косу, расплетая и сплетая ее пушистый кончик, хмурила брови — от полных губ пролегли жесткие морщинки. Потом вдруг встала из-за стола, попросила:

— Оксана, Северин, выйдите на минутку...

— Выйдем, — шепнула Оксана «боевику», — опять на нее нашло, лучше не перечить.

Когда они возвратились, Ивы в комнате не было. У стола стояла совсем другая девушка — незнакомая, только чем-то отдаленно напоминающая студентку педагогического института Иву Менжерес. Одета она была в ту полувоенную форму, в которой иногда ходили уповцы. На ней были защитного цвета брюки, куртка из зеленого сукна, широкий солдатский ремень чуть провис под тяжестью пистолета. Коса была короной уложена на голове, на короне чудом держалась пилотка. На груди — нашивки за ранения, на пилотке — трезубец, не самодельный, а настоящий, из тех, что были изготовлены в Германии в первые дни создания УПА.

— Очумела, — зло сказал Северин. — А вдруг обыск? Больших улик не требуется, только эти...

— Не галасуй! — властно прикрикнула на него Ива. — Это я только на сегодня достала из тайника. Ты нашел его, этот тайник, в паре с Кругляком? Нет? И те не найдут. А мне силы нужны, чтобы сражаться, мне надо хоть иногда в руках пистолет подержать, чтоб почувствовать сталь, ощутить уверенность в себе...

Ива подняла рюмку.

— Выпьем до дна, чтобы наша доля нас не чуралась, чтоб было у врагов наших столько счастья, сколько капель на дне останется.

— Злая у нас доля, — подхватила Оксана, — так пусть же станет не мачехой, но нянькой.

— Чепуха, — сурово отрезала Ива, — нет лучшей судьбы, нежели борьба за счастье родной земли. Именно ради этого и жить стоит. За то выпью... — девушка решительно опрокинула рюмку.

— Торопись вслед за ним? — Северин кивнул на фотографию чубатого хлопца, которая, как всегда, стояла на столе Ивы.

— Его не трогай, — Ива прикрыла фотографию черной косынкой. — И пусть он не видит, что я с тобой пью. Это был такой парень...

— Где погиб?

— В Словакии.

— Ого! И туда добрались?

— Мы хотели через Словакию уйти в Австрию. Глинковцы обещали помочь. И правда, дали проводника. Только не смогли мы пробиться.

Оксана снова налила в рюмки.

— Расскажи...

— Добре, — нехотя согласилась Ива. Глаза у нее тоскливо застыли. — От того рейда одна я осталась, остальные погибли, так что никому уже мой рассказ не повредит.

Ива медленно, часто задумываясь, замолкая надолго, поведала о том, как уходила сотня ее возлюбленного с польских земель.

Она припоминала детали, назвала людей, с которыми вместе воевала на территории Польши. Когда поляки загнали сотню Бурлака в горы, решено было уйти через Словакию в Австрию. Особенно подробно и взволнованно поведала о последнем бое, когда сотня, перейдя польско-чехословацкий кордон, столкнулась с пограничным отрядом, сформированным из рабочих пражских заводов.

— Они все легли там — Бурлак и его хлопцы. Ушли только я и проводник по тайной тропе. У меня были хорошие документы — будто я сидела в немецком лагере. Вернулась в Польшу, предъявила их и решила уехать на Украину...

Долго молчали. Потом Северин мрачно пробормотал:

— Интересная получается ситуация. Значит, би-

ли вас и украинские, и польские, и чешские коммунисты...

— Это и называется «пролетарии всех стран, соединяйтесь!», — разжала губы в тяжелой усмешке Ива.

Оксана обняла подругу, ласково провела рукой по волосам.

— А дальше? Что дальше было?

— Работа, — неопределенно пожала плечами Ива. — Но, как вы понимаете, это уже не только моя тайна...

Они выпили еще. Ива пила мало, предупредила, что нельзя — болит сердце.

Поговорили о том, что трудно сейчас, зимой, хлопцам в бункерах, отрезаны от всего мира. Снова выпили за здоровье тех, кто сражается. И Ива уточнила:

— За настоящих героев, кто знает цель и во имя ее зброю поднимает!

— За справжних так за справжних, — охотно согласился Северин. Он перехватил знак Оксаны, которая просила ни в чем не перечить Иве.

Ива подошла к пианино, пробарабанила одним пальцем что-то развеселое.

— Спой что-нибудь, — размягченно попросила Оксана.

Иву не надо было упрашивать. Она села за инструмент, подняла руки, будто взмахнула крыльями. Это была странная мелодия. В глухих, то ровных, то неожиданно бурных аккордах слышался шум леса, стремительный рокот горных потоков, порывы неведомых гроз. Музыка то нарастала, обрушиваясь волной звуков, то становилась плавной, звонкой — казалось, это подковы скачущих лошадей вызывают ее ритмичную канву. Голос у Ивы был чуть хрипловатый, низкий. В песне говорилось о том, как хлопец искал свою судьбу. Прошел горы и долины, леса и дубравы, казалось, скоро поймает свою судьбу-птицу, а она вела его все дальше и дальше, и не было у хлопца легкой дороги — только кручи и пропасти. Взял он тогда винтовку и пристрелил судьбу-

птицу. А легче от этого не стало — зовет его судьба за собой в могилу...

— Мороз по коже от такой песни, — поежился Северин. — Где ты ее слышала?

— Был у нас в сотне один хлопчина — очень ее хорошо пел, — объяснила Ива. И буднично добавила: — Расстрелять пришлось — сбежать от нас не думал.

— Ну, за упокой его души, — взялся за чарку Северин.

Хмель ударил «боевику» в голову. Он все порывался рассказать, как однажды они громили село, поддерживавшее партизан, и как здорово горели хаты.

— Солома на крышах сухая, как порох...

— Сорока с вами был? — равнодушно спросила Ива.

— С нами. Этот сучий последыш только в таких акциях и участвовал, а настоящего боя не нюхал, отсиживался в бункерах.

— За оскорбление командира... — пьяно забормотала Ива, расстегивая кобуру пистолета.

— Оставь, — посоветовал Северин и распахнул небрежно пиджак — за поясом у него торчал парабеллум. — Послушайся меня: сожги эту форму, а пистолет спрячь. Те, — он произнес это с нажимом, — ищут лучше нас.

— Не треба, Северыночку, сперечатись, подивисьсь краще на мене. — Оксана положила голову на плечо «боевику», ласково заглянула ему в глаза.

Они замолчали — говорить было не о чем. Северин достал пачку папирос, Ива попросила: «Дай и мне». Она ушла на кухню, бросив пренебрежительно: «Помилуйте, а я покурю».

Через некоторое время к ней выскочила раскрасневшаяся, с прыгающими чертиками в глазах Оксана. Умоляюще попросила:

— Можно, Северин у нас переночует? Поздно уже — будет уходить, соседи могут увидеть...

И, поколебавшись, добавила:

— Мы с ним уже давно...

— А... черт с вами! Я на кухне посплю, — раздраженно ответила Ива.

— Ой, спасибочки тебе, сестро!

Она втокнула Иву в комнату, весело защебетала:

— Северин, наливай по последней.

— Последней рюмки не бывает, — угрюмо пробормотал Северин, — последняя была у попа жинка да пуля в автомате у энкаведиста для такого злыдня, как я.

— Чего это у тебя настроение сегодня такое темное? — равнодушно, от нечего делать, поинтересовалась Ива.

— Эх, долго вспоминать, много рассказывать.

Ива не стала его больше расспрашивать. Что знает один, то не должен ведать другой. Однако Северин разоткровенничался:

— Уйду завтра в рейд. Тебе можно все рассказать, ты, дивчино, мне мозги не вправляй, вижу — из особых, проверенных. Придет время, мы еще перед тобой на задних лапках потанцуем гопака. Не случайно тут у нас объявилась, про то и Сорока говорил... Пойду я в треклятый Зеленый Гай: надо помочь Остапу Блакытному на тот свет отправиться...

— Хватит болтать, — рассердилась не на шутку Ива, — вот уж правду люди говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Разве не знаешь, что иногда и стены слышат?

Она забрала свою постель, грохнув дверью, ушла на кухню. Оксана и Северин остались допивать.

— Чего это она, га? — несколько растерянно спросил Северин.

— Такая уж есть, — прощающе сказала Оксана. — Видно, вошли ей в кровь леса: то вспыхнет вся, то вдруг такая добрая становится... Очень характерная...

...Через несколько дней Северин был убит в перестрелке, когда его пытались арестовать на автобусной остановке неподалеку от Зеленого Гая. Ему предложили сдаться, но «боевик» поднял бессмысленную стрельбу, от которой могли пострадать мирные люди.

Сорока бледнел от бешенства — краевой провод потерял испытанного курьера.

«СОРОКА — РЕФЕРЕНТУРЕ СБ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОВОДА: Сообщите обстоятельства участия Офелии в рейде Бурлака в Словакию. По словам Офелии, дело было так...»

«РЕФЕРЕНТУРА СБ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОВОДА — СОРОКЕ: То, что вы сообщили, соответствует действительности. Подтверждаем полномочия Офелии».

«А ВДВОЕМ
НАМ
НА
ЗЕМЛЕ
МЕСТА
НЕТ!»

— В том, что ты предлагаешь, есть разумное зерно, — сказал майор, начальник райотдела Малеванному, когда тот доложил свой план. — Есть и романтические домыслы. Давай попытаемся более четко выделить первое и отместить второе.

Майор до войны преподавал философию. От тех времен осталось стремление к строго научному анализу намечаемых операций и не совсем привычная для оперативных работников терминология.

— Основной вопрос: что первично у Чуприны — Савчука? Стремление действительно видеть свою родину счастливой или националистический дурман? Насколько точно понимает он суть происходящих событий? Согласен с тобой: леса надолго оторвали хлопца от нормальной жизни. К тому же он находится под постоянным воздействием такой, безусловно, сильной личности, как Рен. Молодости, — майор укоризненно покачал головой, — вообще часто свойственно произвольно вырывать отдельные явления из общей цепи, возводить их в абсолют. Сказываются недостаток жизненного опыта, отсутствие

серьезных знаний об окружающем мире, подверженность случайным влияниям...

Сотрудники райотдела называли уважительно майора Учителем. И сейчас Малеванный подумал, что неплохо бы действительно прослушать курс лекций в том институте, в котором будет преподавать. Учитель после ликвидации всякой бандитствующей сволочи.

— Но... дело еще и в том, что Чуприна не день и не два находится под влиянием националистов. Смертный приговор за пустячки не выносится — его вина перед народом огромна. И здесь в действие вступают новые обстоятельства: можем ли мы рассчитывать на то, что в конечном итоге у Чуприны возобладает стремление узнать истину, или главным для него будет чисто биологическое желание выжить любой ценой, убивая других, и этим, как ему кажется, оттянуть свой конец.

— Мы ничего не знаем о том, как ведет себя Савчук в последнее время, — сказал Малеванный. — Во всяком случае, сообщений о его непосредственном участии в террористических актах нет.

— Не забывайте, что убийца не только тот, кто нажал на спусковой крючок пистолета, но и тот, кто приказал это сделать. Но в принципе мы должны учитывать, что как раз сейчас, после того, как стало совершенно ясным отношение большинства населения к буржуазным националистам, для некоторых из них наступил период переоценки ценностей. Идеи, на протяжении десятилетий обраставшие мистической и романтической мишурой, оказались испачканными грязью предательства и провокаций. Помните знаменитое: а король-то голый? Если этот ваш Чуприна действительно мыслящее существо, то он должен переживать жесточайшую драму: то, чему он посвятил свою жизнь, оказалось элементарным бандитизмом.

— Немаловажное значение имеют и личные мотивы — его отношение к семье... — Малеванный невольно старался говорить так же сухо, но основательно, как и его начальник.

— Помню, — кивнул майор. Он не спеша ходил по комнате, говорил чуть глуховато. Много курил: пепельница щетинилась окурками. В кабинете плавал сизый дымок, забивался в темные углы.

Китель начальника райотдела висел на спинке стула. Он был в рубашке — пуговички воротника расстегнуты, — и это еще больше усиливало его сходство с человеком самой мирной профессии — педагогом. Но Малеванный знал, что майор может сутками не спать, никогда не жалуется на усталость, в жаростных стычках с бандитами, которые были не редкость после освобождения области от гитлеровцев, отличался удивительным самообладанием и выдержкой. Когда началась ликвидация националистических банд, майор занимал солидную должность в областном управлении. Он попросился в самую гущу.

Буквально на третий день работы на новом месте майор привез в райцентр всю свою семью — жену и пятеро детей. На население окрестных сел это произвело большое впечатление — значит, приехал новый начальник райотдела всерьез и надолго, а бандеровцам — конец, потому что не стал бы такой солидный человек рисковать жизнью своих детей. А майор, уезжая по ночным тревогам, с болью думал о том, что, если на его дом нападут бандиты, — жене одной с пистолетом не отбиться. Ныло от беспокойства сердце, но он видел выход не в том, чтобы отправить семью в более спокойные места, а в том, чтобы как можно быстрее ликвидировать банды, чтобы не только его семья — все люди могли бы спать спокойно темными ночами.

Таким был Учитель, и если бы Малеванного спросили, на кого он хотел бы походить, он, не задумываясь, ответил бы: на майора.

— Словом, — подвел итоги начальник райотдела, — попытаться можно. В конце концов мы ничего не теряем. Но как мы сможем установить связь с Чуприной?

— С помощью Евы Сокольской, — Малеванный, не задумываясь, выпалил давно приготовленный ответ.

— Это вариант. Он осуществим опять-таки только в том случае, если Ева захочет нам помочь.

Малеванный хотел изложить свои аргументы, которые казались ему неотразимыми и убедительными, но майор остановил его взмахом руки.

— Я понимаю, на что вы рассчитываете. Если Чуприна не видел и не знает нашей мирной жизни, то Ева, наоборот, не могла не заметить, что принесла эта жизнь ее сельчанам. Она одна из них и потому знает, как в селах ненавидят бандитов, в том числе и ее возлюбленного. Наконец, у нее растет дочь, и ей хотелось бы, чтобы у девочки был отец, которого та не будет стыдиться.

Малеванный в который раз подивился умению майора четко и ясно излагать мысли, которые он сам с большим трудом отбирал из массы неясных предположений, вертевшихся в голове.

— Решено, — сказал майор, — завтра же поедem в Зеленый Гай, попробуем поговорить с Сокольской.

Дом Евы стоял в густом яблоневом саду, наглухо прикрытый от посторонних глаз высоким забором. Майор и лейтенант Малеванный приехали под вечер, когда меньше людей могли обратить внимание на их визит. Вошли во двор. Ева была дома. Встретила она чекистов настороженно, дочку Настю сразу же отправила в другую комнату. Ева нервничала: без нужды суетилась, забыла предложить гостям сесть, за торопливой скороговоркой пыталась скрыть страх.

— Не ждала таких уважаемых гостей, непривычно мне это. Живу одна, как кукушка в лесу, редко ко мне кто ходит, вот и отвыкла от людей, не знаю, как вас звать и привечать...

Но она, несомненно, знала, кто такие майор и Малеванный, и догадалась, что пришли они неспроста.

Ева была действительно очень красивой. Невысокая, крепко сбитая, она уже вошла в тот возраст, когда девичья миловидность перерастает в зрелую красоту. Особенно хороши были глаза: большие, темные, они в то же время казались очень чистыми и светлыми.

Майор присел к столу. Малеванный скромно устроился на дубовой лаве, покрытой домотканым ковриком. Ева выжидающе посматривала на гостей: зачем, мол, пришли и что вам надо, люди добрые, в моей хате?

Учитель сразу начал с сути:

— Мы знаем, кто отец твоей дочери. Ромаи Савчук, не так ли?

Ева побледнела. Она быстро подбежала к двери комнаты, в которую отправила Настусю, прикрыла ее:

— Забирайте меня, только пожалейте ребенка, она ни в чем не виновата. Если у вас есть дети, не губите дивчинку...

— У меня пятеро, — уточнил майор. — Не говорите глупостей, мы с детьми не воюем, вы это отлично знаете. Прежде всего успокойтесь. И садитесь к столу, разговор у нас будет долгий.

— Все-все знаете? — спросила Ева.

— Все не все, но многое.

Малеванный про себя отметил, что майор не делает вид, будто схватил Еву «на горячем». Нет, он, наоборот, дает ей время прийти в себя, оправиться от неожиданности, чтобы разговаривать трезво и здраво. Потому и не употребляет такие «неотразимые» с точки зрения некоторых молодых коллег лейтенанта аргументы, как «поедешь с нами — заговоришь», «посидишь — будет время подумать». Вся его манера вести разговор была сродни той крестьянской основательности, с которой привыкли на селах решать важные дела.

Ева действительно немного успокоилась, присела на стул против майора, сложила руки на расшитой тяжелой шерстяной нитью юбке, приготовилась слушать. Она все еще не сумела преодолеть первый испуг, плечи ее были безвольно опущены, а в темных глазах затаилась тревога, но мирный тон майора вселил неясные надежды: вдруг все не так страшно, как казалось ей длинными, темными ночами. Малеванный задумался: что бы он сказал этой измученной постоянным беспокойством женщине? «Я бы

выложил ей все, что знаю про ее коханого муженька, — решил лейтенант. — Пусть бы поразмышляла, кого полюбила». А майор стал говорить совсем о другом. Впрочем, о том же, но другими словами.

— Воюете вы, ты и твой муж, против собственной дочери. А разве не так? Маленькой мирная жизнь нужна. Ей в школу скоро идти, расти честным человеком. Советская власть для нее эту школу открыла, а отец пытается сжечь. Три года девочка прожила на земле. Что видела? Больше оружия, чем игрушек, отца — ночами...

— Откуда вы узнали, кто ее отец? — волнуясь, спросила Ева. Бледность залила ее щеки, она казалась трогательно-беззащитной, и Малеванный посмотрел на нее с сочувствием. Ева перехватила этот взгляд, слабо улыбнулась лейтенанту. Ей нужна была в такую минуту поддержка, и она ее нашла там, где не ожидала.

— От людей ничего не скроешь, — ответил ей майор. — И то, что сегодня знают немногие, завтра может быть известно всем. На Настусю пальцами будут показывать — вот она, та, у которой батько — Чуприна, бандеровец и убийца...

Слова были жестокими, но справедливыми.

— Мой Роман никого не убивал — он мне сам в том поклялся памятью матери! — горячо заговорила Ева, прижав кулачки к груди.

— Убивали по его приказам, в ответ на его призывы, значит, и на его руках кровь. За что убивали? За то, что хотели люди счастья себе и детям своим...

Ева отвернулась к окну, чтобы не увидел майор слезы. Да, думала она об этом не раз, чувствовала сердцем, что за кровавое, несправедливое дело борется ее Роман. Говорила ему: «Ромцю, посмотри на наше село. Хорошо живут люди, и жизнь у них хорошая. А вы приходите с автоматами, с огнем, чтобы убить ее...» Роман молчал, хмурил брови или кричал зло: «То большевистская жизнь...» Однажды она набралась смелости, сказала: «Коммунисты принесли людям счастье, вы сеете горе...» Побледнел Роман, ожег Еву злым взглядом: «И ты продавалась ворогам

нашим...» — «Никому я не продавалась, — устало возразила Ева, — сидишь ты в лесу и ничего не видишь».

— Растет Настуся, — продолжал говорить майор. — И будет у нее та жизнь, которую взрослые, мы, для нее создадим...

— Щедрое же у вас сердце, если о детях врагов своих заботитесь, — с тоской проговорила Ева.

— Я тебе говорил: у меня своих пятеро. А я их почти не вижу, за муженьком твоим, его приятелями по лесам гоняюсь. И ведь все равно выведем их, выкурим. Не сегодня так завтра. Интересно, что скажет тогда Роман людям? Как оправдается за все преступления, которые творились при его участии?

Рассуждал майор очень по-домашнему, не кричал и не грозил, и был он весь уравновешенный и спокойный — умный, умудренный опытом человек, к словам которого нельзя не прислушаться. А выходило из них то, что Ева на судьбу свою руку подняла: если бы любила мужа, помогла бы ему выйти на честную дорогу. Иначе проклянет его имя народ, который ничего не прощает и ничего не забывает.

— Роман любит меня! — крикнула как последний довод Ева. — Счастья хочет Украине! Он хороший!

— Злая у него любовь, — очень серьезно возразил майор. — Много горя может принести тебе и дочке! Говоришь, счастья хочет Роман Украине? Тогда я тебе расскажу, перед кем он ее на колени хочет поставить. Расскажу тебе о Рене, у которого твой Роман — первый помощник...

Майор ничего не смягчал и не преувеличивал. Он приводил только факты, и от этого его рассказ о преступлениях Рена перерастал в обвинение всем украинским националистам. Даже у Малеванного, которому были известны в деталях преступления Рена, побежали мурашки по спине. Майор по памяти называл села, которые подверглись кровавым налетам банд Рена, имена активистов, убитых и замученных националистами.

— Рен воюет за отцовские капиталы, которых ли-

шила его народная власть. А за что воюет Роман? Когда Рен отдал приказ убивать каждого, кто вступит в колхоз, их семьи уничтожать, а дома сжигать, что тогда сделал Роман? Написал стихотворение «Кровью зросымо шлях у майбутне», в котором оправдывал все эти зверства. Ничего себе — хороший!

Ева плакала. То, что сказал майор, было правдой, и от этой правды никуда не скрыться. Она на минуту представила, что было бы, если бы этот майор и его помощник — чернявый лейтенант отнесли бы к ней, бандитской невенчанной жене, с той меркой, с которой Рен примерился к их семьям, и ей стало страшно. Так не могло быть, она это знала, но только сейчас поняла, почему такое невозможно. На их стороне и сила и правда, Рена же водит на веревочке только страх. И вслед за ним бредет ее коханий — Роман.

Майор встал.

— Подумай над моими словами. А Савчуку передай — хочу его видеть.

— Разве вы меня не арестуете? — удивленно спросила Ева.

— Надеемся, что этот разговор не пройдет впустую для тебя, и ты сама порвешь те последние ниточки, которые связывают тебя с бандеровцами. Что касается Романа, то ему, понятно, самому решать свою судьбу. Но думаем, и твое слово для него что-то значит.

Майор верил: не только автоматом нужно бороться с националистами. За годы чекистской работы он хорошо научился отличать врагов жестоких и коварных от людей, запутавшихся в чужих сетях, в силу обстоятельств оказавшихся на преступном пути. Казалось, в данной ситуации простейший путь — арестовать Еву, как бандеровскую пособницу, установить наблюдение за ее хатой: Чуприна обязательно выйдет из леса, чтобы узнать о судьбе жены, и попадет в засаду. Однако прямолинейность не всегда полезна в тонкой и филигранной работе чекиста, особенно когда борьба ведется за души людей,

их настроения, взгляды на жизнь, на будущее Родины.

Через несколько дней Ева, прошагав двадцать километров от Зеленого Гая в райцентр, пришла к майору. Не в райотдел, а домой, поздним вечером. Наверное, надеялась, что никто не заметит этот ее необычный визит. Постучала робко в окно, и майор тотчас откликнулся:

— Входите, открыто.

Ева удивилась: знала, что за начальником райотдела охотятся люди Рена, а он вот так — даже на ночь дверь не запирает.

В доме ужинали. Майор в вышитой сорочке сидел во главе стола, рядом жена, а вокруг них пятеро ребятишек — перед каждым по три картофелины и соль. По селам бродил голод, обрушились в том году на поля и град и засуха, уничтожили посевы, но Еве казалось, что голодно может быть везде, только не в хате такого большого начальника.

Она остановилась у порога, платок, надвинутый на самые брови, почти скрывал лицо, но майор узнал ее сразу.

— Проходите, не стесняйтесь, — пригласил. — Как раз к ужину. Валя, — сказал жене, — приглашай Еву за стол.

— Занимайте козушок та хустыну, — приглашала певуче жена, — повечеряйте з нами.

По выговору Ева сразу определила, что жена майора такая же селянка, как и она, и почему-то ей стало легче, прошел страх, который все не давал ей постучать в окно этого дома, а водил вокруг. Она не стала отказываться от приглашения, не принято обижать хозяев, если те просят к столу, уселась среди загальдевших, как галчата, детишек. Майор чистил картофелины детям, и те катали их, горячие, исходящие душистым паром, на ладошках, прежде чем приноровиться и куснуть. Потом пили чай — кипяток, настоящий на молодых вишневых ветках, — настоящего чая не было в селах еще с войны.

Еве стало хорошо в этом доме, где все почти так же, как в ее батьковском, — вот и отец любил сидеть

у торца стола, только клал рядом большую деревянную ложку и стучал ею по лбу для остротки каждого, кто лез в чугунок с картошкой без очереди. У них тоже была большая семья, прокормить ее с тех несчастных моргов поля, на которых гнул спину отец, было нелегко. И в то же время Еве болезненно хотелось, чтобы майор или его жена Валя хоть как-то выказали ей недоброжелательство, показали превосходство. Но майор был приветлив, ободряюще поглядывал на нее и даже извинился, что на столе так скромно — нечем и угостить.

Дети отправились спать, и слышно было, как в соседней комнате Валя укладывает их в кровати. Майор закурил, он не торопился начинать деловой разговор, выдерживая сельский этикет: когда гость сочтет нужным, тогда и скажет, зачем пожаловал.

— У нас тоже была большая семья, — сказала Ева, — батько, ненька, дидусь, трое хлопцев и нас четверо — девчаток... — Молодая женщина вдруг глянула майору в глаза и тяжело, словно снимая непосильную ношу, сказала: — Ну, вот я и пришла. Что делать, подскажите? Коханий по лесам прячется, а дочка растет, и мне такая жизнь ни к чему. Видно, злая ведьма на мою долю ворожила. Ходила в церковь, молилась — не помогает. Теперь к вам пришла, пан майор.

— Товарищ майор, — поправил начальник райотдела. — Я не бог, судьбами людскими не распоряжаюсь. А что делать, давай думать вместе.

— Верьте мне, он честный человек, мой коханий. Другого бы не полюбила. И если бы тогда, много лет назад, рядом с ним оказались другие люди, и он стал бы другим.

— Потому и хотим ему помочь...

Они проговорили очень долго. Ева ничего не скрывала. Она была из тех людей, которые, поверив человеку, открывают ему душу.

— А Роман вас знает, — сказала она, — и того молоденького лейтенанта тоже знает...

— Откуда? — немного неестественно удивился

майор. А сам подумал: «Конечно же, знает. То мы за ним гоняемся, то он нас выслеживает».

— Все люди про вас только хорошее говорят. Вот он меня как-то и спросил: «Что это за майор такой, эмгебист?» Я ему и рассказала. Ох, если бы я могла слова найти такие, чтобы убедить его!

— Давай попытаемся найти их вместе, — предложил майор. — Лейтенант Малеванный давно хотел твоему возлюбленному письмо написать. Только адреса не знал, не напишешь ведь: «Лес, берлога Рена, Чуприне в собственные руки». Отдашь Роману? Захочет — пусть ответит.

Так началась эта переписка между чекистами и адъютантом Рена. Савчук через Еву прислал ответ. Это был листок бумаги, на котором круглым почерком старательного ученика было написано следующее: «Письмо твое, друже лейтенант, получил и благодарю за внимание к моей скромной персоне. Никто еще из эмгебистов мне писем в лес не писал, а ты не погнушался послать весточку бандиту, как вы нас называете. Во первых строках моего письма сообщаю, что я жив и здоров, а тебе того не желаю, потому что на земле украинской вдвоем нам места нет: или ты, или я. Письма писать ты хорошо выучился. Все изложил: и про политический момент и про счастье народа. Только одного тебе не понять, что я в своей вере годами утверждался, свою правду годами искал, и не тебе меня пошатнуть в том, во что верю и на чем стою. Выследили, вынюхали вы мою дружину и дочку и думаете, что и меня на крючок поймали? Не надейтесь, я не та рыбина, которая сама в сеть плывет. Во имя своей борьбы мы не жалеем ни себя, ни своих детей. А «гражданином» меня не называй, так у вас арестантов зовут, меня же вы еще не поймали...»

Малеванный никак не мог понять, всерьез это написано или для того, чтобы поиздеваться над ним, попортить нервы.

Майор успокоил:

— Красуется Роман. Показывает: сам черт не брат... Судя по тому, что мы о нем знаем, Чуприна

гораздо умнее. А это письмо — пробный шар, хочет знать, что мы предпримем дальше. Собираешься ответить?

— Напишу, что он дурень, — со злостью сказал Малеванный.

— А чего ж, — неожиданно согласился майор. — Только начни вот так...

Майор хитровато подмигнул Малеванному и начал диктовать: «Роман! Если тебе не подходит обращение «гражданин», то не знаю, как тебя и величать. Товарищем тебя назвать не могу — какие мы товарищи? Употреблять ваше обращение «друже Чуприна», сам понимаешь, мне ни к чему: и не друг ты мне, и покрыли вы это хорошее слово позором. Разве ж не бывало так, что Рен приказывал: «Повесить!», а какой-нибудь бандит-сотник тянулся перед ним: «Послушно выконую, друже провиднык!»

Малеванный быстро записывал то, что говорил майор. Он склонил по-школярски голову набок, навалился грудью на край стола. «...А еще хочу написать — был о тебе лучшего мнения. И враги бываю умными. О тебе этого пока сказать не могу. У дураков, как известно, законы не писаны, своего ума нет, повторяют чужие сказки. Хорошо, если сказочки те не во вред людям. А если поднимают брата на брата?..»

Пункт за пунктом, строка за строкой разоблачал майор лживые выдумки националистов. Учитель остался верен себе: он не оставил без ответа даже второстепенных вопросов, которых касался в своем сумбурном послании Чуприна. Когда письмо было закончено, он еще раз прочитал его, местами подправил и приказал Малеванному:

— Отправляй. Посмотрим, что он на этот раз ответит...

Шли письма в лес, и шли письма из леса. Ева исправно выполняла роль курьера — дело, видно, для нее привычное.

Майор доложил о завязавшейся переписке поначалу. Он предполагал, что его могут раскрытиковать: мол, нашел время для эпистолярных уп-

ражнений. Но операция «Письмо», как ее шутя окрестили в райотделе, получила одобрение. Более того, в райотдел срочно прибыл майор Лисовский из областного управления. Майор оказался широкоплечим человеком, который въедливо и дотошно изучил все материалы о Чуприне из немецкого досье, еще раз встретился с Нечаем, попросил отыскать местных жителей, которые знали Чуприна по годам оккупации. Кстати, среди них оказался и Остап Блакытный. Бывший телохранитель Горлинки высказался очень определенно:

— Чуприна не так прост, как думает даже Рен. Он себе на уме. Этот если во что-то верит, так крепко, но если начнет сомневаться, то сам камня на камне не оставит от своей веры...

Остап приумолк, задумался: вспомнились хлопцу бандитские леса, бывшие «соратники по борьбе».

— У нас знаете в бандах как было? Чем меньше думаешь, тем лучше... Не дай боже, на беседах начнешь вопросы задавать — точно к стенке поставят. К чему-нибудь придерутся — и поставят... А Чуприна из тех, кто старался понять, что же все-таки происходит. Ни к дуракам, ни к фанатикам его не отнесешь...

Словом, много интересных подробностей рассказал Остап о Чуприне майору Лисовскому. А майор слушать умел: собеседника не перебивал, относился с полным доверием к тому, что говорилось, только изредка задавал разные вопросы, которые в общем-то преследовали одну цель: понять характер Савчука — Чуприны, составить представление о его душевном мире.

Уезжая, майор Лисовский посоветовал самым внимательным образом отнестись к возможностям повлиять на Чуприна и просил постоянно информировать его о ходе операции «Письмо».

...Чуприна не раз и не два перечитывал каждое письмо Малеванного. По рассказам Евы он знал, что лейтенант — его ровесник, молодой хлопец, воювал с фашистами, имеет боевые ордена, значит, не из робких. Длинными вечерами в бункере иногда

вспоминали прошлое: кто где ходил рейдами. В этих разговорах выплывала фамилия Малеванного. Один из «боевиков» припомнил, как чернявый лейтенант загнал в лесную балку сотника Яра. А сотнику тому уже вынесли Советы смертный приговор. Лейтенант гнал его всю ночь и загнал-таки в овраг лесной. И тогда встал над обрывом, Яр по нему из автомата шпарит, а лейтенант даже не пошатнется. Кричит: «Приговор приведу в исполнение лично!» И переселил-таки сотника в ту ночь на небо, не дай бог никому из нас с таким отчаянным встретиться.

Набожный рассказчик перекрестился.

— Какой он из себя? — допытывался Чуприна у Евы.

— Файный хлопчина. Волос темный, кучерявый, а глаза жаринками горят.

— Так я не про то, — раздражался Чуприна, — ну, на кого из наших он похожий?

Ева морщила высокий лоб, терпеливо объясняла:

— Нет, он совсем другой. Разная у вас порода. Ваши все больше злые, издерганные и не верят ни во что, хоть и клянутся святыми словами. Может, я многого не понимаю, своим бабыным умом не могу дойти до всего... Только помнишь, приходил с тобой хлопец, которого звали Дубом? Так я по очам его видела: сегодня у меня сидит, горилку пьет, ласковые слова говорит, а скажут ему: «Убей!» — приставит нож к горлу, даже не спросит, за что. А Чумак? Он ведь отца своего на воротах повесил за то, что тот в колхоз вступил. Нет, нельзя даже сравнивать твоих родов, проклятых матерями, с Малеванным! Чистой души он человек, счастливая та мать, у которой такой сын...

Чуприна, ревниво вслушиваясь в слова Евы, язвительно осведомился:

— Уж не полюбила ли чекиста? А чего же, нас скоро всех в распыл пустят, надо и тебе думать о будущем.

— Дурачок, — ласково и совсем не обидчиво ответила Ева. — Ну кому я нужна, невеста лесная?

Я и то удивляюсь, чего это они с тобой возятся? Может, так положено по их большевистской правде?

Роман припомнил письма Малеванного, в них искал ответ на мучившие его сомнения. Где правда? Неужели он жестоко, слепо ошибался многие годы?

— За тобой следят? — с тревогой спрашивал у Евы.

— По-моему, нет.

— А наши давно бы уже и лейтенанта и начальника его порешили, дай им такую возможность...

А тут Ева принесла еще одно письмо Малеванного.

«Если ты действительно хочешь счастья своему народу, — писал лейтенант, — то должен увидеть и пути к нему. Они противоположны тем, которыми идешь. Пока ты раздумываешь и колеблешься, льется кровь и гибнут ни в чем не повинные люди. Вчера по приказу Рена был убит бригадир-комсомолец, награжденный медалью «За трудовую доблесть». Вся его «вина» заключается в том, что он любил землю и трудился на ней до седьмого пота...»

МЕЧЕННЫЕ ПРОШЛЫМ

— Да проснитесь же! — с силой затряс Рена за плечо Чуприна.

Проводник вскочил с деревянного топчана, ошалело схватился за автомат. Адъютант проворно прыгнул в сторону, крикнул:

— Это я, друже проводник, Чуприна! Что за чертовщина вам снится, орете, будто вас на шматки режут!

Рен медленно приходил в себя.

— Ну и приснится же такое... В пору перекреститься...

— Вас Дубровник хочет видеть.

— Сейчас, только приду в себя.

Прошрое не забывается. Оно иногда оживает и приходит к человеку воспоминанием или сном. Приснилось Рену, как в сорок третьем его сотня громила село на Ровенщине. Подходящий выбрали момент. Ушли тогда партизаны в дальний рейд в Карпаты, а они выкорчевали партизанскую родню, заслужили благодарность немецкого командования. Немцы за эту акцию оружия подбросили.

Сколько их было после этого, пожаров!

Рен плеснул в лицо во-

дой, натянул френч, на последнюю дырочку застегнул ремень. Потрогал пистолет в кармане, ласково провел ладонью по стали — холодный металл успокаивал. Глянул в осколок зеркала на стене: припухли веки, сырость бункеров отравила кожу. Сорок лет не шутка. И ни семьи, ни человека близкого, только пожарища позади да кровь. Но он, Рен, не из слабеньких — до последнего будет идти своей дорогой.

Вошел Дубровник. Курьер отлежался, отоспался, даже в условиях подземной жизни привел себя в порядок. Щеки выскоблены до синевы, тонкий свитер обтянул грудь, полушубок накинут на плечи.

— Здорово, друже, — по-приятельски приветствовал он проводника. — Не гневайся, что разбудил, — солнце уже высоченько.

Рен искоса, недружелюбно глянул на курьера. Ишь ты, чувствует себя хозяином. Приходят оттуда, из-за кордона, такие вот уверенные в себе, властные курьеры, пробудут две-три недели — и обратно. Для них такой рейс — экзотика, чесотка для нервов, год потом рассказывают по мюнхенским ресторанам о «путешествии» на Украину. А для него, Рена, это жизнь: день за днем, месяц за месяцем. И кончится она пулей из чужого или своего пистолета.

Дубровник моложе Рена, ему только перевалило за тридцать. Когда Рен уже с автоматом гулял по лесам, Дубровник прозябал на писарских должностях при бандеровских штабах. А потом пристроился к высоким покровителям и начал делать карьеру. Так, спрашивается, где справедливость? Почему Рен должен гнить в бункере, а Максим шалопайничать в Мюнхене? В конце концов и там, за кордоном, сейчас немало работы для преданных Бандере людей.

Так размышлял Рен, а Дубровник в это время думал свое. Опустился проводник Рен, бонтя нос высунуть из бункера. Не способен вести за собой людей, потерял ориентиры. Отсиживается. Разговоры с его людьми показали, что они как огня боятся чекистов, надеются только на то, что те не найдут дорогу к их берлоге. Нужен внешний толчок, чтобы заставить их очнуться от спячки. Хоть приказывай своим телохра-

нителем взяться за оружие, подстрелить нескольких советских активистов — тогда перед угрозой обвала и уничтожения, может быть, зашевелятся и эти «борцы». А в центральном проводе говорили, что Рен боевой, командует большими силами, сторонник активных действий. Давно обещали Рену уход за кордон, но не время сейчас, нет людей, которые бы сменили его.

Дубровник сказал:

— Осмотрел твои владения. Одобряю. Сюда незаметной и птаха не проберется, зверь не пробежит. — И не удержался, съязвил: — Можно отсиживаться до скончания века...

Рен сделал вид, будто не заметил иронии.

— Ходил кто-нибудь с тобой? А то одному...

— Знаю. Чуприна сопровождал. Дельный хлопча, только скромный, слова не скажет.

— Этому скромняге советский суд еще в сорок четвертом смертный приговор вынес. В двадцать лет — руководитель подполья в целом округе.

— Такие люди — наш самый ценный капитал!

— Смертники?

— Пусть мы и погибнем, но на нашей крови вырастут будущие борцы.

— Пока растут те, кто нас за глотку хватает...

Рен не скрывал раздражения. Ему действовали на нервы и наигранно-оптимистический тон Дубровника и его желание всеми силами показать, что он здесь, в обстановке подполья, чувствует себя как дома. В голове прочно засела злая думка: «Максим уйдет, а я останусь». Очевидно, закордонные вожаки думают, что он способен только на черную работу — месяцами отсиживаться в берлогах, автоматом проводить в жизнь их идеи...

— Ты недооцениваешь потенциальные возможности нашего народа, — напыщенно сказал Дубровник. — Придет время, когда...

— Конечно, вам из Мюнхена виднее, — перебил беспардонно Рен, — впрочем, не ради же этой лекции ты меня разбудил? Мы с тобой давно знаем друг друга и можем обойтись без предисловий.

— Так, так. Тогда перейдем к делу.

Рен и Дубровник присели к столу, врытому в земляной пол бункера. Чуприна убрал кружки, миски, вопросительно глянул на Рена: могу уйти?

— Садись и ты, — распорядился Рен, — может, потребуешься.

— Сам понимаешь, — неторопливо и внушительно начал Дубровник, — не только непреодолимое желание подышать воздухом горячо любимой отчизны привело меня к вам. Наши руководители, отправляя меня в дальний рейс, поставили две задачи: информировать тебя об основных направлениях нашей современной политики и ознакомиться с положением дел на местах.

Дубровник сделал паузу, ожидая реакции Рена. Тот промолчал, никак не высказал своего отношения к словам курьера. Он давно ждал этого разговора, готовился к нему, но не торопил Максима: когда захочет, тогда пусть и говорит о своих делах.

Почему-то некстати вспомнился недавний сон: зарево вполнеба — вот оно его, Рена (25-го, 52-го), основное направление политики.

— Ты, наверное, слышал, — продолжал Дубровник, — что наши руководители обсуждали два возможных направления деятельности в недалеком будущем: или пропагандистская работа, накапливание сил для будущей борьбы, или усиление действий сегодня, немедленное введение в бой всех резервов.

— Другими словами: резать москалей немедленно или готовиться к тому, чтобы сделать это завтра? — иронически уточнил Рен.

— Зачем же так грубо?

— Благородным манерам не обучен, — окончательно вышел из себя Рен, — мое дело простое — на дуба вздернуть активиста, или еще там что...

— Видно, ты с левой ноги сегодня встал, — примирительно сказал Дубровник. — Мы считаем вопросы тактики важнейшими. От правильного выбора зависит будущий успех.

— Тогда я вам скажу, — глухо стукнул кулаком по дубовой крышке стола Рен, — прежде чем опреде-

лять тактику, надо спросить нас, тех, кто будет ее осуществлять. Знаете ли вы, что наши силы разгромлены, распылены и не представляют для Советов серьезной опасности? Они давно могли бы нас полностью прикончить. Но они тянут из непонятного мне гуманизма, разбрасывают над лесами листовки, предлагают, как они пишут, обманутым добровольно сложить оружие. И наши «боевики», особенно насильно мобилизованные, сдают автоматы, берутся за плуг, а потом оповещают своих друзей в лесах, что дураками были, надо раньше за ум браться. Тогда и те из лесов выбираются. Я скажу тебе, Максим, то, что никому и никогда не говорил: мы на краю пропасти, нас столкнут в нее не сегодня так завтра. Да, в годы оккупации мы хорошо подготовились к войне с Советами, сформировали сотни и курени, поставили во главе их преданных людей, соорудили основные и запасные базы. Но уже в сорок четвертом многие сотни были разгромлены. Другие сами сдали оружие. Мало стреляли? Вот донесения только из одного района...

Рен достал пачку измятых листков, исписанных химическими карандашами.

— Вот о чем доносили сотенные в ноябре — октябре сорок четвертого:

«21 ноября в с. Верхраты расстреляны две семьи местных жителей, у которых родственники ушли в Красную Армию;

3 декабря в с. Хуки в своем доме убит Герецкий Ф. А., ранена его одиннадцатилетняя дочка, расстреляна Башицкая М., ее дочь четырнадцати лет, ее дочка Мария двадцати пяти лет и четырехлетняя внучка;

24 ноября в с. Забож расстреляны три семьи из семи человек, активно поддерживавших Советскую власть;

17 ноября убит депутат сельсовета в с. Девичье; 1 декабря в с. Романувка убиты председатель сельсовета Штамкевич Ю., его жена и племянница...»

Я мог бы продолжить этот реестр... А чего добились? Нас возненавидели все. Знаешь ли ты, что бы-

ли дни, когда не десятки — сотни хлопцев записывались, несмотря на наши угрозы, в один день в Красную Армию? А истребительные отряды? Их посоздавали по всем селам, дали селянам винтовки, и стали они встречать нас свинцовыми гостинцами. И везде митинги, собрания, резолюции: «Геть бандеривцив — фашистських посипак!» Я удивляюсь, что нам хоть что-то удалось сберечь, уйти в глухомань и оттуда наносить удары.

Рена покинуло состояние обычного угрюмого спокойствия, он яростно затянулся сигаркой, смотрел на Максима так, будто тот был виноват во всех напастях. Он говорил о том, что не выдержали испытания идеи, жизнь разрушила убеждения, казалось, самых преданных. Потом начались месяцы тайной войны, войны мелких групп, одиночек.

— Как видишь, убивали, кого могли убить: председателей сельсоветов, депутатов, учителей, активистов. Мы резали, вешали, давили, топили в колодцах всех, до кого могли добраться. Наступили кровавые ночи, и они стали предвестником не нашей силы, но гибели. Потому что народ ответил на террор ненавистью. И эта ненависть была не абстрактной, а очень конкретной, к «своим» националистам, из своих сел. Вы там, на Западе, распространяете сказки о «восстаниях», а мы здесь думаем о том, как уцелеть. Основное звено выбито. На кого положиться? Я сам как раненый волк — щелкаю клыками и жду пулю в пасть.

— Откровенно сказано, Рен, — задумчиво протянул Дубровник. — А что же дальше? — Про себя курьер подумал, что если уж такие, как Рен, взвыли от боли, значит действительно припекло.

— Это я у тебя должен спросить! Когда придет обещанная помощь? Когда наши руководители выполнят свои обещания? В сорок пятом вы обещали американское вторжение на следующий год, в сорок шестом пророчили, что весь «свободный мир» обрушится на Советы через несколько месяцев...

— Не буду обманывать — условия для иностранного вмешательства и сегодня неблагоприятные.

— Что же вы порешили там, в Мюнхене?
— Большинство высказалось за усиление борьбы.
— И ты привез такой приказ?
— Да! — сказал, будто гвоздь вколотил, Дубровник.

— Тогда погуляем с автоматами, сколько можем, польем нивы украинские свинцовым дождем — и в пекло. За наши дела в рай не берут.

— Значит, приказ будет выполнен?

— А что остается делать? Да и нет у меня другого выхода. У тех, что остались со мной, — тоже. Мы все меченные нашим прошлым — пожарами, смертью.

Рен сообщил о тех силах, которыми располагает. Развернули крупномасштабную карту. Проводник по памяти называл места, где ждут своего часа его люди. Попутно он сообщал и о тех, кто попал в облавы, засады, кого выволокли из потайных убежищ истребительные отряды. Рен ничего не хотел скрывать, утаивать от представителя центрального провода — пусть видят, в каких условиях приходится бороться. Дубровник достал потрепанную записную книжку, хотел записать некоторые данные. Рен строго потребовал: никаких заметок. И оговорился: для центрального провода будет подготовлен особый рапорт, Дубровник получит нужные сведения перед уходом за кордон. А пока только общая картина.

Доклад Рена произвел безотрадное впечатление на Дубровника. Но он понимал, что в нем, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Только как докладывать там, за кордоном? Ведь его послали специально за оптимистическими новостями. В последние месяцы шефы из американской и английской разведок настаивали на активизации действий. Главарям ООН требовалось доказать своим покровителям, что они тоже кое-чего стоят. Фиктивным сведениям о положении в западных областях Украины американцы больше не верили, они справедливо подозревали, что эта «липа» фабрикуется за кордоном. Они уже не раз намекали, что не намерены швырять доллары на ветер. Американцы люди деловые, им нужны не дек-

ларации, а информация, разведанные, опытные агенты, пропагандистский бум, направленный против СССР.

Перешли к планам на будущее.

— Мы ждем немедленных действий, — напомнил Дубровник. Он понимал: наступила решающая минута разговора. Если Рен откажется выполнить приказ центрального провода по усилению террористической деятельности, значит миссия его, Дубровника, провалилась. Ему не с чем будет возвращаться за кордон.

— Я думал, ты что-нибудь понял, — устало сказал Рен. — Не можем мы вязываться в бой до весны...

Чуприна молчал, на лице его застыло непроницаемое выражение. Дубровник обратился было к нему за поддержкой, но Роман хмуро бросил: «Проводнику виднее», вновь замолк надолго.

Как и опасался Дубровник, Рен выбрал тактическую линию, известную среди бандеровских главарей под названием «Дажбог».

«Дажбог» — это уход в глубокое подполье, прекращение связей, диверсионной борьбы. Его цель — сохранение сети и кадров, создание видимости, будто подполье ликвидировано, уничтожено. А в то же время будет проводиться накопление сил, подготовка новых ударов.

На месте Рена он тоже поступил бы так же. Но лично ему, курьеру Дубровнику, такой выбор сулил неприятности, затруднял выполнение задания. Дубровник не все сказал Рену. Дело в том, что за кордоном углубился раскол среди главарей националистов. Возникло несколько «центров», претендовавших на роль «руководителей» и «представителей» ни мало ни много... украинского народа. Среди них УГВР — «Украинская головная вызвольная рада», мельниковский «Провод украинских националистов» (ПУН), бандеровский «Провод закордонных частей ОУН» в Мюнхене. Все они конфликтовали, соперничали друг с другом. И, высунув язык от холопского усердия, рвались к американскому корыту, мечтали о долларах, заседаниях в «международных комитетах», о «приемах», хотели «представлять», ходить в ми-

нистрах пусть и несуществующих, но правительств.

Американцы, люди деловые, готовы были оказать помощь. Не даром, разумеется. В обмен они требовали сведения, имена агентов «на землях», курьерские тропы.

Дубровник прибыл как курьер «Провода закордонного». И он должен был возвратиться восвояси не с Реном — на кой черт он нужен в Мюнхене, там деятелями из ОУН хоть пруд пруди, а с информацией о положении на западноукраинских землях, со сведениями об агентуре, верных людях, укромных тайниках. Это были бы козырные карты, с помощью которых можно бить соперников, то бишь соратников.

Всего этого Дубровник не говорил, разумеется, Рену. Зачем посвящать проводника в кухонные свары?

Спросил, тщательно скрывая раздражение:

— Но не думаешь же ты сидеть в бункерах до скончания века? Как-то представляешь ближайшие перспективы?

Рен, отметив про себя уступчивость курьера, сказал, что на весну и лето краевой провод наметил серию террористических актов и диверсий. Он не хотел, чтобы там, в центральном проводе, на основании доклада Дубровника о нем сложилось впечатление как о безвольном, отчаявшемся человеке. Это почти наверняка отрезало бы ему дорогу на Запад. И проводник постарался как можно убедительнее изложить свои планы.

— С весной, по черной тропе, когда укроются леса зеленью, мои люди выйдут из схронов — из тайных убежищ. Для каждой группы, каждого «боевика» намечены конкретные цели: села, партийные и советские работники, председатели колхозов, активисты. Над этим потрудились наша служба безопасности. Удары — беспощадные, по самым уязвимым местам — будут следовать один за другим. Надо создать впечатление силы — тогда, может быть, удастся пополниться новыми людьми. Я не скрываю от своих, что это последнее наше лето, оно все решит...

Рен перечислял имена, называл села, которые подвергнутся кровавым налетам. Он спокойно, деловито говорил о том, что снова отдан приказ не щадить никого — пусть в страхе содрогнутся села, и тогда страх станет союзником ослабевших отрядов Рена.

Курьер крепко пожал руку проводнику.

— Я доложу центральному проводу, что ты делаешь все возможное для нашей борьбы. — Посоветовал: — Разбейтесь на мелкие группы, рассредоточьтесь по всему краю. Ставку необходимо делать на внезапность, подвижность, мобильность. Ударить и скрыться в лесах, чтобы ударить в новом месте, где не ждут. Вносить панику, сеять страх, уничтожать сильных, ломать, ставить на колени слабых — это оправдано опытом предыдущих лет.

Холодная, рассчитанная жестокость сквозила в каждой фразе проводника, в деловитых вопросах и советах закордонного курьера. Люди, о которых говорил Рен, спокойно работали, им было нелегко, они лечили раны, нанесенные республике войной, не щадили себя во имя счастья своих сограждан. А над их жизнью нависла смертельная опасность — взбесившиеся собаки бросаются на каждого, кто повстречается на пути.

Дубровник не случайно так быстро согласился с проводником: у него созрел план, который мог значительно ускорить развитие событий.

Рен мучительно размышлял, почему курьер ни слова не сказал о его уходе за кордон. Он прямо спросил:

— Значит, решили там, в центральном проводе, не менять меня?

— Да. Тебе доверяют полностью. Новому человеку необходимо время, чтобы начать активно действовать, а это означает утерю и тех немногих позиций, которые мы сохраняем.

Рен внутренне был готов к такому ответу. И все-таки наперекор здравому смыслу в душе он надеялся, что, может быть, Дубровник пришел ему на смену или предоставит право выбора преемника из мест-

ных вожжаков, и тогда он, Рен, уйдет курьерской тропой к спокойной жизни, а умирать останутся другие. Уныло сжалось сердце. Все-таки доберутся до него чекисты.

Дубровник втолковывал:

— Ты уйдешь осенью, перед новой зимой, когда придется сворачивать акции. Тебя примут как национального героя. Само собой, центральный провод позаботится, чтобы у тебя были приличные условия для дальнейшей жизни. Наши вожди умеют ценить преданность...

— Что же, устроим Советам жаркую весну, чтобы и в Москве припекло. Пройдемся еще раз огнем и мечом.

Рен молодецки расправил широкие плечи, прошелся по бункеру. А в глазах притаилась тоска, она подбиралась к сердцу, нашептывала: «Никому ты не нужен там, в Мюнхене, потому и оставляют в лесах...» Рен прикидывал: сможет ли он, даже если погибнут все «боевики», будет уничтожена вся сеть, продержаться весну и лето, остаться в живых? Был только один выход — бросить в бой всех, а самому еще глубже уйти в подполье, на всякий случай заложить новые запасные базы, чтобы было где укрыться от облав. «Когда окончательно обложат со всех сторон, уйду в город — там искать не будут, — размышлял Рен, — знают, что я в лесу». Для этого у него были припасены добротные документы.

Дубровник примерно догадывался, о чем думает проводник, и едва сдерживал злорадную ухмылку: «Подожди, я тебе приготовил сюрприз».

Роман Чуприна неподвижно, как каменная глыба, сидел на колченогой табуретке. Со стороны могло показаться, что он абсолютно равнодушен к разговору главарей. Но это только показалось бы.

Если бы каждый из троих высказал свои мысли вслух и их можно было записать, то получилась бы очень любопытная стенограмма этой беседы «про себя»:

Рен: «Плунуть на все и уйти без приказа? Кому я там нужен, в Мюнхене? Прозябать на задворках?

После стольких лет борьбы исчезнуть в неизвестности? Нет, рано складывать оружие, еще не все потяну... Год выдержать можно».

Дубровник: «До весны — четыре месяца. Столько ждать нельзя. Руководители центрального провода не поймут такой заминки. Конечно, абсурд начинать активные действия сейчас, когда леса в снегах. «Боевиков» выбьют очень быстро. Ну и пусть. Зато снова загремят выстрелы и их эхо услышат на Западе».

Чуприна: «Сбежать хочешь? А на кого хлопцев бросишь? Свою шкуру спасаешь?»

Дубровник: «Надо заставить его действовать сейчас, еще до моего ухода. И сделать это руками чекистов. Если бы вдруг что-то толкнуло их прочесать леса, выпотрошить схроны? Тогда бы Рен вылез из берлоги и тоже начал бы огрызаться, как медведь-шатун».

Каждый из троих думал о своем.

— Есть еще одно дело, — первым нарушил молчание Дубровник. — Оно касается Офелии. По нашим сведениям, у нее все нормально, хотя она одной из первых испробовала легальный путь на восток. Открою тебе большую тайну — часть своих сил мы хотим в недалеком будущем перебросить из других районов на ваши земли. Эта операция рассчитана на будущее: люди будут внедряться, выжидать момент, чтобы снова взяться за оружие. Офелия — первая ласточка. У нее было специальное задание — прощупать возможности легализации и попытаться создать вспомогательную организацию из молодежи, которая встречала бы наших, оказывала им на первых порах поддержку. Мы понимаем, что можем потерпеть поражение и тогда придется спасать уцелевших. Контингент, среди которого Офелии рекомендовано работать, — молодежь. Одна из наших последних инструкций гласит, что каждый сознательный борец должен подготовить себе смену. Иначе мы останемся без будущего.

Рен скептически пожевал губами, устало потер виски:

— Мне докладывали, что эта психопатка для начала пристрелила референта пропаганды, потом чуть не шлепнула Кругляка. Живет в батьковом доме, шикарно одевается, заглядывает в рюмку. Какого биса она молчала про свое задание?

— Она получила такой приказ. А мы исходили из того, что нечего раньше времени будоражить хлопцев мыслями о поражении. И вообще наш закон: чем меньше людей знает о будущих планах — тем лучше. Как видишь, тебе я сам все рассказал, а остальным и сегодня ведать про то не обязательно. Офелия — надежный человек. Более того, по варианту № 2 нашей связи предусмотрено, что, если со мной случится несчастье, она занимает мое место. Если уничтожила референта пропаганды — значит у нее были для того причины. В последней своей шифровке сообщала, что добралась благополучно, легенда твердая.

Дубровник немного философски заметил, что Офелия — человек резко выраженных качеств. Каждое из них, взятое отдельно, несимпатично. Но в целом это человек, безусловно, смелый и преданный. Еще раньше ей здорово перепало от руководства за «чужачества», но, как ни странно, именно нахальство, пренебрежение к опасности помогали ей много раз выходить сухой из воды.

— Отменил бы встречу с Офелией, — настойчиво посоветовал Рен. — Как говорится, и на ровном месте спотыкаются.

— Чепуха, — обрезал Дубровник.

— Так-то оно так, но если с тобой что случится — связь с центральным проводом будет прервана. Жди, пока оттуда снова пришлют курьера.

— Каркаешь, как старый ворон. Офелию направляй за кордон — проверена и знает там все стежки. Наши предвидели, что со мной может всякое случиться — не на бал отправился. Потому и назначили Офелию моим курьером-двойником. У нее есть на этот случай инструкции. А что за оказия с этим, как его там... Кругляком?

— Проверку ей устроил.

— Вот и получил свое. Это на Офелию похоже —

любит щелкнуть по носу. Трудная у дивчины судьба. А смелости и опытности ей ни у кого не занимать. Мне необходимо с нею встретиться, друже Рен.

— Только не здесь, — решительно возразил Рен, — я доверяю вашим рекомендациям, но сюда дорога открыта только для лично известных мне людей: их железом жги, на дыбу сажай — будут молчать.

— А где? Мне в город ведь тоже опасно, — мягко, но настойчиво гнул свое Дубровник. — Документы у меня надежные, но чем черт не шутит, когда бог спит. Должен сказать, — улыбнулся курьер, — красивая дивчина, недаром раньше у нее было псевдо Красуня.

«Хочет превратить мой штаб в постоянный двор, — с неудовольствием размышлял Рен, — и так каждый день ждешь, что прознают эмгебисты о моей базе. Курьеры все равно какие-то следы оставляют».

Хитрым и осторожным был Рен.

— Ты ее, Офелию, как опознавать будешь?

— Есть пароли. Знаю в лицо. Случайности исключены. Я с нею несколько раз встречался — работали и раньше в паре.

«Вот, вот, — прокомментировал снова Рен, — тогда и завели шашни. Недаром тебе так хочется с нею встретиться. И Сорока сообщал, девка — огонь».

— Что-нибудь придумаем, — наконец отозвался он. — Есть у меня одна думка...

Во время этого длинного разговора Чуприна не проронил ни слова. Он давно привык быть тенью Рена, его телохранителем, советчиком. Он сидел неподвижно, будто дремал, и невозможно было понять, как относится к намеченным планам. Но Рен знал, что стоит ему вдруг, внезапно приказать «Стреляй!», и в ту же секунду прогремит выстрел, упадет Дубровник с пробитой головой: для Чуприна существовал только один начальник — батько Рен. Рен лично обучил Чуприна всем хитростям жестокой войны, и Чуприна не знал другой жизни, кроме той, которую сотворил ему своими жилистыми руками Рен.

ШУТКИ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Сорока вызвал Иву на срочную встречу. Место встречи — квартира пани Насти.

Референт начал изда-лека.

— Если я не ошибаюсь, вы получили приказ от нашего общего руководства по прибытии в город находиться в нашем распоряжении?

Ива подтвердила. Она пришла на встречу взволнованной, возбужденной: не могла усидеть в кресле, вскакивала, ходила по комнате, твердо и резко печатая шаг. Сорока это заметил, но причины такого ее настроения не знал.

— У меня к вам большая просьба, — вкрадчиво сказал он.

— Сегодня у меня радостный день, — лукаво ответила Ива, — поэтому просите что угодно.

— Ловлю вас на слове, — Сороке явно нравилась сговорчивость Ивы. — Поэтому поручаю вам лично заняться розыском Марии Шевчук.

— Что? — Ива, мерившая шагами комнату, остановилась, будто наткнулась на препятствие.

Сорока принялся объяснять.

— Два курьера погибли,

пытаясь распутать этот узел. Провалы в том районе сыпались один за другим. Сорвана важнейшая операция — это серьезно подорвало наш престиж за кордоном. Так неужели мы можем допустить, чтобы она осталась в живых?

— Северин и Марко погибли по собственной глупости. Шевчук здесь ни при чем. Провалы на вашей совести, друже референт: видно, были допущены ошибки при подготовке подполья. Или ваши люди слишком беспечно относились к конспирации...

— Ива, не забываетесь! Не я у вас, а вы у меня в подчинении!

— Фи, друже Сорока, — презрительно поморщилась Менжерес, — давайте поторгуемся, кто кого выше. С одной стороны, вы — референт службы безопасности краевого провода, а с другой стороны, я — курьер закордонного руководства... Не чинами, — продолжала она сурово, — а реальными действиями определяется ценность человека.

— Не читайте мне нотаций! — прикрикнул Сорока. — Лучше сразу признайтесь, что это задание вам не по силам! Контролировать всегда легче, чем рисковать самому.

— Хочу вам сообщить одну новость, — Ива сделала вид, что не заметила обвинение в трусости. — Днями на наши земли прибыл спецкурьер...

Сорока округлил глаза, тяжелые веки налились кровью, посинели.

— Если это действительно так, то об этом знает только он, пришедший, да наш проводник...

— Рен, он же 25-й, он же 52-й?.. — Ива легко, чуть иронически произнесла клички. Она улыбалась, а Сороке казалось, что сейчас из-под ее пухлых губок выскочит тоненькое змеиное жало и брызнет ядом.

— Я прикажу вас уничтожить! — Референт втянул голову в плечи, подобрался, будто для прыжка.

— Попробуйте, — откровенно издевалась Ива, окончательно сбивая спесь с референта. Потом холодно добавила: — Впрочем, с вас станется. Открою вам одну тайну: я еще там, на той стороне, знала,

когда уйдет в путь курьер. Мне обещали, что это будет опытный человек, такой, с которым ничего, — она выделила это слово интонацией, — не случится по дороге. Это не ваши кустари, которые не могут справиться с взбесившимся «боевиком». Наши курьеры проходят везде, где это требуется центральному проводу. — Иву явно распирало от гордости за безупречные качества эмиссаров центра. Она произнесла длинную тираду о том, как годами накапливался опыт борьбы, как в огне воспитывались лучшие люди, которые наделены и огромной выносливостью и преданностью национальной идее. Говорила очень быстро, почти не делая пауз между фразами, и от этого речь ее казалась пулеметной трескотней, когда выстрелы сливаются в единый звуковой поток. Собственные слова подхлестывали ее, разжигали, в жестах появилась резкость, на щеках запылал румянец.

«Она и в самом деле истеричка, психопатка», — подумал Сорока, вспомнив доклад Оксаны: «Такая способна на все: на отчаянную вспышку и на то, чтобы, не колеблясь, пустить пулю в лоб кому прикажут».

— Я знаю вашу преданность, ваш опыт, — миролюбиво сказал референт. — Потому и позволил себе обратиться с просьбой принять участие в крайне важной акции.

— И попутно обвинили меня в трусости. Ну ничего — Дубровник наведет у вас порядок.

— Дубровник?

— Да. Такое псевдо у закордонного курьера. Мне нет необходимости его скрывать от вас — все равно днями получите сообщение о его прибытии.

— Что же, надеюсь, он разберется в ситуации, сложившейся у нас. А вас все-таки попрошу выполнить мою просьбу.

— Хорошо! И если я возьмусь за это дело, можете не сомневаться, ваша Мария Шевчук получит все, чем ей обязана Украина.

— Да бросьте вы этот высокопарный тон, — поморщился Сорока, — в конце концов мы ведь не на зборах «боевиков».

— Для меня это жизнь, — чтобы успокоиться, Ива стиснула руки.

— Слишком много слов, друже Иво, — скептически протянул Сорока, — прошу прощения, но вы еще не отыскиали Марию — Горлинку...

— Пан референт вроде бы очень спешит? — иронией на иронию ответила Ива, — пан желает, чтобы похлебкой, которую он заварил, травились другие?

Сорока только удивился, как быстро Ива взяла себя в руки, от обороны кинулась в атаку. Конечно, история с Горлинкой не делает чести референту СБ. Он под носом у себя не рассмотрел врага, его подчиненный подтвердил полномочия этой чекистки. Права Менжерес, он был одним из поваров похлебки, которой отравились уже несколько банд и два курьера.

Ива беззвучно шевелила губами, глаза — злые, источающие презрение.

— Сейчас речь не обо мне, — как можно спокойнее сказал Сорока. — Если референтура СБ центрального провода посчитает виновным меня лично, я понесу соответствующее наказание, каким бы тяжелым оно ни было. Но Шевчук — в том не сомневаюсь — ходит нашими стежками, завтра могут последовать провалы в самых неожиданных местах. Такая, как она, не уйдет на вакацию. Да и сами знаете, «боевики» начали шептаться по всем углам: короткие у нашей службы безпеки руки, не могут придушить одну дивчину. Горлинка должна быть уничтожена! — твердо закончил референт.

— Уничтожена, уничтожена! — передразнила Ива. — Повторяете, будто на молитве! Разве я возражаю?

Сорока, естественно, не сказал Иве, что просьба помочь в поисках Марии Шевчук — это еще одна проверка для нее. Он получил твердый приказ Рена: проверить Офелию всеми возможными способами. Примитивная инсценировка с переодеванием, которую провел Кругляк, не удовлетворила Рена. «Дайте ей конкретное задание и проследите, как будет его выполнять», — посоветовал он Сороке. Референт СБ оценил такой ход: можно будет установить контроль

за каждым шагом Офелии и нащупать ее связи, если они имеются.

И сейчас он сказал твердо:

— Принято решение: в ближайшее время, Ива, отправитесь в Зеленый Гай...

— Посылаете меня на смерть? — тихо спросила Ива. — Не пойду!

Она лихорадочно прикидывала: Зеленый Гай — маленькое село, дорога туда опасная, случайность ли, что именно на этом задании «сгорели» два курьера? Ловушка для Горлинки превращается в ловушку для курьеров... Кто ее расставил?

Пять десятков хат в Зеленом Гае. Если в одну из них вдруг постучится человек — будет об этом знать все село. В таких селах надолго запоминают каждого, кто хоть раз в них бывал.

У Ивы Менжерес были очень серьезные причины обходить Зеленый Гай десятой дорогой.

— Бонтесь? — Сорока пытался угадать, о чем думает Ива.

— Боюсь... — откровенно созналась девушка. — Прикидываю, где расставлена ловушка. Кто знал о заданиях Беркуту и Северину?

— Я и Кругляк — больше никто.

— Ошибаетесь. И Беркут и Северин, как бы повежливее сказать, пользовались по очереди благосклонностью Оксаны. Могли проговориться?

— Беркут действительно был возлюбленным Оксаны. Но исключено, чтобы он сказал ей о предстоящем рейсе. Такое жестоко карается по нашим правилам.

— Не чипайте ваши правила, у меня было достаточно поводов усомниться в их нерушимости! Все собиралась вам доложить, что Северин в пьяном виде проболтался Оксане и мне о предстоящем рейсе...

Сорока вскочил с кресла. Вот она, та зрада, которую он почти предвидел!

— Если Северин проболтался, так Беркут наверняка сказал давней возлюбленной о задании, — размышляла Ива.

Так, так, Сорока замечал, что в последнее время

кольцо вокруг руководителей подполья сжимается, ощущение такое, будто тебя рассматривают со стороны внимательно и пытливо. Три человека знали о готовящихся рейдах. Курьеры погибли. Один из троих предал. Но какая выгода в том предательстве?

— Когда корабль начинает тонуть, каждый спасается, как может, — сказала Ива.

До чего отвратительная привычка у этой девчонки — читать чужие мысли! Не успеешь подумать, а она уже наперед знает, что скажешь. А с Оксаной надо раздаться быстро и решительно.

— У Оксаны в прошлом большие заслуги перед организацией, — напомнила Ива, опять угадав мысли референта.

— По ее делу назначу следствие. Предательство должно выводиться под корень.

Сорока пригладил редкие волосы, потер виски:

— И все-таки вам придется стправиться в Зеленый Гай. Это дело тоже не терпит отлагательства. О цели рейса, его маршруте и сроках будем знать только вы и я.

— На таких условиях согласна рискнуть. Через несколько дней в институте начинаются каникулы. Вот тогда и рушу в дорогу. Лучше, если это будет легальная поездка. Повод? Надумала так: буду разыскивать родственников отца, связь с которыми семья потеряла в годы войны.

— Нужны вам явки, адреса надежных людей?

— Хорошо бы, но вдруг они за это время пропались?

— Нет, совсем недавно проверял.

— Явки на всякий случай дайте. И все-таки я предпочитаю свободный поиск. Переночевать где — всегда найду. Вряд ли кто откажет в ночлеге симпатичной девушке...

«Подруга заболела. Ее собираются отправить в больницу. Если не поторопиться с быстросействующими лекарствами, возможен тяжелый исход. В с е л к а».

СЛУЧАЙНОСТЬ

Через несколько месяцев, когда пришла пора подводить итоги проделанного, Ива Менжерес назвала это происшествие случайностью. Из тех, от которых никто не застрахован. Кажется, все было тщательно продумано, взвешен каждый шаг, предусмотрены возможные варианты. И вдруг эта неожиданная встреча почти накануне отъезда в Зеленый Гай.

...Был поздний вечер. Ива бульваром возвращалась из институтской библиотеки. Только что выпал свежий снежок, идти было легко, весело. Холодно зато подмигивали по-зимнему яркие звезды. Ива отыскала взглядом одну, повисшую над самым горизонтом. Она будто оторвалась от звездного роя и брела по темно-голубой дороге в одиночестве. Далекая, гордая, недоступная. Про эту звездочку рассказывала еще мать, когда Ива была маленькой. Будто угнали татары в полон дивчину-казачку, накинули на шею аркан, за косы притащили в гарем. А она обернулась ледяной зиркой — звездочкой, — лучше сковать льдом собственную душу, чем отдать девичью красу нелюбимому, служить воро-

гу. «Вот и я, как та зирка, бреду по холодной скользкой дороге... Пройдут годы, и наступит на земле тишина. Дожить бы до тех дней...»

Ива насмешливо улыбнулась: с чего бы вдруг размечталась?

Она шла медленно, помахивая портфельчиком, на бульваре было малоллюдно, лишь изредка торопливо проходили запоздалые прохожие. И когда Иву быстрым шагом обогнал приземистый парень в щегольском полупальто и шляпе, она не обратила на это никакого внимания. Вернее, она заметила, какие у него оттопыренные, красные уши, они торчали даже из-под шляпы. «Чудак какой-то, — подумалось, — вырядился на мороз».

Парень остро глянул ей в лицо. Он прошел мимо быстро, не замедляя шага, но Ива перехватила этот взгляд, явственно ощутила, как он скользнул по лицу, короткий и цепкий. «Может, понравилась хлопцу, — мелькнула мысль, — по одежде он из тех, что по бульварам за красотками гоняются. Нет, не так смотрят, когда хотят познакомиться...» Ива нащупала в кармане шубки пистолет. Несмотря на строжайшие запреты Сороки, советы Кругляка и Оксаны, она всегда носила оружие с собой. Парень снова обогнал ее, немного прошел вперед и остановился, поджидая. Он смотрел куда-то в сторону, но Ива была теперь убеждена, что ждет именно ее, и никого другого, — слишком равнодушной была поза, в которой стоял, прислонившись к дереву. «Выследили? — забилась мысль. — Тогда почему один? Или потому, что дивчина — много ли для нее надо?» Она спустила предохранитель браунинга.

— Перепрошую красно паненку. Не скажете, котра година?

Парень стоял теперь у нее на дороге, руки в карманах, ноги чуть расставлены — так готовятся нанести удар.

— У меня нет часов, — ответила Ива.

— По-москальскому заговорила, сволочь? — яростно зашипел парень. — Не узнаешь?

Он стоял теперь совсем близко к Иве — глаза

в глаза, — а она по-прежнему не узнавала его и от этого колебалась: кто? откуда? почему встал у нее на пути? Медленным шагом протащились мимо два старика, и незнакомец сказал так, чтобы они слышали:

— Не гнивайся, серденько, з ким не бувае, ти ж знаеш, що по-справжньому кохаю тильки тебе...

Старики, видно, в своей жизни не первый раз видели ссорящихся влюбленных, и обошли их стороной: милые бранятся — только тешатся.

— Я тебя, суку, еще днем заметил, тогда бы и прикончил, только народу много было...

Парень зорким взглядом охватил край бульвара — парочки уже ушли, было пустынно и холодно.

— А ты меня ни с кем не путаешь? — спросила Ива.

— Не-е-ет, — торжествующе сказал парень. — Не путаю. Я тебя хорошо запомнил, хоть и видел один раз.

— Сядем, — сказала Ива. — Вот скамейка. Сядем, ради бога. — Она повернулась к парню спиной, чувствуя, как ноги налились чугуном, пошла к скамейке. «Ему еще что-то надо мне сказать, иначе бы выстрелил без предисловий. Любитель мелодрам. А может, время тянет, чтоб не кинулся вслед случайный прохожий? Я его никогда не видела — это точно. Кто же он? Вдруг ошибусь? Вдруг свой? Еще раз гляну — может, вспомню...»

Вот и скамейка уже рядом. Парень тяжело дышал, смотрел торжествующе, как смотрели много веков назад степные наездники на брошенных под копыта скакунов полонянок. Он все еще держал руки в карманах полупальто — один из них провис под тяжестью металла.

— Хочешь шубу? Возьми и уходи! — Ива стала поспешно ее снимать. Но один из крючков не поддавался. Тогда девушка рванула шубку — треснули застежки, скомкала мех в сверток, протянула парню: — Возьми...

— Вот такой я и хотел тебя видеть, — злорадно сказал тот, — чтоб испугалась. — Он выпрямился,

будто хотел стать выше ростом: — Именем погибших, кровь за кровь...

Глухо, почти бесшумно хлопнул выстрел. Парень пошатнулся. Ива толкнула его в грудь — он опустился, будто сел, на скамейку. Старички, ушедшие совсем далеко, оглянулись, им показалось, что треснула на морозе ветка. Они увидели — влюбленные так и не доссорились: она стояла, он сидел на скамеечке, откинувшись на крутую спинку. «Ну и молодежь пошла, — сказал один из них, — чтоб в наше время кавалер сидел, если паненка стоит...» «Никогда в жизни, — горячо поддержал его спутник, — мы знали, что такое вежливость». Они ушли дальше, в синюю темень.

Ива развернула шубку, выдернула из меха браунинг, морозный воздух запахом дымком пороха. «Не забыть портфель. Не оставить никаких следов. Идти не домой — вдруг кто-то видел. В центр — с автобуса на автобус... Нет, не годится — на одежде кровь, пуля оставила след на шубе... Тогда в парк — там на аллеях легче заметить слежку... Какой недоумок сунул мне этого молокососа поперек дороги? Свои, чужие? Идиот, сам себе выбрал смерть».

...Она пришла домой под утро, всю ночь петляя по городу, обходя редких прохожих. Миновала свой дом, убедилась — все спокойно. Направилась к подъезду, прижимаясь к стене, пригибаясь под окнами: никто не должен видеть, что она возвратилась так поздно. Оксана ахнула.

— Хотели арестовать?

— Да нет, ворюга какой-то на шубку позарился...

— Ранил?

— Нет. Сам нарвался на пулю.

Ива погладила золотистый мех шубки, взяла нож, протянула край мехового пласта Оксане: «Держи». Под охи и ахи подруги она кусок за куском отправила шубку в огонь.

— Психопатка! Зачем?

Ива почти без сил рухнула на кровать.

— Прикрой чем-нибудь. Жалко, конечно, но он там лежит — на бульваре. А это улика: дыра от пу-

ли. Мне жизнь дороже тряпок. Скажу Сороке, пусть компенсирует из своих фондов — пострадала на тяжелой работе...

— Ты еще шутить можешь?

— Пытаюсь... — Ива уткнулась лицом в подушку, плечи ее вздрогнули, она расплакалась.

Из рапорта участкового милиционера Сиротюка В. С.

Минувшей ночью на Советском бульваре выстрелом в упор был убит неизвестный гражданин. Убийство произошло вскоре после полуночи, когда на бульваре не было прохожих и гуляющих. Найти свидетелей и очевидцев убийства путем опроса населения близлежащих улиц не удалось. Судя по характеру, выстрел был произведен из огнестрельного оружия мелкого калибра, может быть, спрятанного в одежде, что приглушило звук. Гражданин Квасик В. М. и гражданин Соколовский С. П. показывают, что незадолго до убийства видели на бульваре молодую пару, которая ссорилась на семейной почве. Более точных сведений дать не могут, так как не обратили внимания на их внешность, а только на то, что мужчина сидел, а женщина стояла, что к делу не относится. Документов при убитом не оказалось, личность не установлена. Труп отправлен в городской морг. Мною приняты меры для опознания убитого.

Резолюция на рапорте: «Выделить оперативную группу в составе..., принять все меры для поимки убийцы».

Вторая резолюция, появившаяся на рапорте через несколько дней: «Все документы и материалы по данному делу переданы в Управление Министерства государственной безопасности. В связи с этим розыск убийцы прекратить, оперативную группу расформировать».

Ива снаряжалась в дорогу основательно. Она перерыла шкаф с одеждой и осталась недовольна: многочисленные кофточки, блузки, костюмы никак не подходили для длительного путешествия.

Пришлось обратиться к всемогущему Стефану. Поскольку Ива собиралась в поездку легально — для розыска родственников, она сказала Стефану, что намерена поехать по краю, если будет возможность — поохотиться, посмотреть, как живут люди.

Широкоплечий Стефан понимающе кивал:

— Без родственников одной трудно. Поищите, может, и найдете кого-нибудь...

— Но не могу же я поехать в этой юбчонке, — Ива пренебрежительно указала на модную расклешенную юбку, в которой ходила в институт.

— Да, такие наряды только для города, — согласился Стефан.

Разговор этот происходил на квартире у Ивы. Оксана была дома, гремела посудой на кухне, но Ива могла спорить, что подруга ловит каждое слово.

— Есть что-нибудь более подходящее? — уже раздраженно спросила Ива,

— С скромный костюм для охоты и прогулок... — прикидывал вслух Стефан.

— Наоборот, мне хотелось бы иметь костюм модный, броский. Мне идут яркие тона. И кроме того, я не собираюсь каждый год приобретать такие вещи — не миллионерша.

— Ива, — вмешалась Оксана, — Стефан прав: в наше время лучше быть неприметнее, одеваться попроще...

— Ничего вы не понимаете! — Ива капризно прикусила губку. — Могу, конечно, и ватник надеть, только первый же селюк скажет: «Что это городская девка так нарядилась? От кого скрывается?» А мне скрываться нет смысла — дело у меня вполне законное и благородное.

Она почти размечталась:

— А вдруг найду родственников? Пусть посмотрят, какая я красивая...

Стефан умел понимать неожиданные желания своих красивых клиенток. Но вместе с тем он привык относиться к своему делу весьма серьезно. Уточнив, что именно хотелось бы иметь Иве, прикинул, как быстро может выполнить заказ.

— Есть у меня один знакомый мастер. Если хорошо заплатить, дня за три все сделает.

Стефан назвал большую сумму.

Хозяйственная Оксана всполошилась.

— Да за такие деньги можно принцессу одеть...

— Паненка Ива у нас красивее принцессы, — гордо отпарировал Стефан.

У него было правило: никогда не уступать своим клиентам в цене. Сумма названа, можешь заплатить — хорошо, нет — будем говорить о «товаре» попроще. «Каждый варит свою юшку», — говаривал предприимчивый молодой человек. Но сделка намечалась выгодная, и Стефан постарался задобрить подругу Ивы. Порывшись в портфеле, извлек пару тонких чулок, немножко торжественно вручил Оксане:

— Думаю, что они очень подойдут к вашим престелным ножкам.

Оксана раскраснелась, неожиданный подарок привел ее в восторг.

— Не знаю, как и благодарить тебя, Стефанчику...

Оксана не числилась в клиентках Стефана, и он сразу же перешел с нею на «ты». «Предприниматель» не допускал панибратства в деловых отношениях, а в остальном был вполне своим хлопцем.

Ива насмешливо улыбнулась.

— Я бы на вашем месте, Стефан, помогла бы Оксане и примерить подаруночек... Ей это доставит удовольствие.

— Ох и вредная ты, подруженька, — незлобиво улыбнулась Оксана. — А як на то, — простовато призналась она неожиданно, — то я и не против. Пан Стефан — человек серьезный, солидный, не ровня какому-нибудь волоцюге...

— Семья у него будет обеспечена, о детях позаботится, — подхватила Ива.

Пришла очередь краснеть Стефану.

— Пошутили, и хватит, — сказала Ива, которую признание Оксаны привело в веселое настроение. — Цена высокая, но я согласна. Вот задаток, — она вручила Стефану деньги.

Парень поблагодарил, тщательно уложил ассигнации в пухлый бумажник.

— Хотел бы посоветовать... — осторожно начал он. — В тех местах, куда вы едете, у меня есть знакомая...

— Везде у вас приятельницы, — погрозила изящно пальчиком Ива.

— По нашим временам друзья — самый ценный капитал, — серьезно сказал Стефан. — Работает приятельница официанткой в чайной. Поможет вам устроиться. Передайте ей от меня привет, и она вас хорошо примет. У нас были общие дела, она дорожит знакомством со мной.

— Спасибо.

— Моя знакомая сведет вас с нужными людьми,

которые будут вам полезны. И еще, на вашем месте я зашел бы попрощаться к пану Яблонскому — он очень вас полюбил и может забеспокоиться, если вдруг надолго пропадете...

— Я всегда ценила ваши советы, Стефан, — поблагодарила Ива.

На автобусной остановке суতোлка. Подходят рейсовые автобусы: старые, потрепанные дальними километрами и жизнью без капиталки. Стынут перед многотрудным путем машины, которым отправляться в разбросанные по области поселки и городки. Билеты заранее проданы — кому не удалось их приобрести, штурмуют автобусы, как неприступные крепости. Обороняют их вместе с горластыми кондукторшами те, кому удалось влезть первыми. Пассажиры — командированные, жители пригородов, чуть обалдевшие от толчи сельские бабы, приезжавшие в город по базарным, родственным или иным делам. Одеты все для непогоды: полушубки, ватники, валенки, отчего кажутся толстыми и неповоротливыми.

Ива Менжерес резко выделялась среди пассажиров. Она была в теплой женской шубке-дубленке, совсем новой, еще не обтершейся. Края шубки оторочены белым мехом. Светло-синие из тонкой шерсти брюки и меховые полусапожки скорее годились для загородных зимних прогулок, нежели для дальних поездок. На голову Ива небрежно набросила белый платок из легкого козьего пуха — он красиво обрамлял ее смуглое лицо. В руках у Менжерес был небольшой дорожный саквояж — с такими элегантные паненки в прошлые времена садились в международные вагоны сверкающих огнями экспрессов дальнего следования.

Ива неторопливо прошлась по перрону вокзала. Ей охотно уступали дорогу, мужчины подталкивали друг друга локтями, переглядывались.

— Дывы, яка краля, — услышала она чей-то восторженный шепот.

Девушка довольно улыбнулась.

Билет на нужный рейс ей накануне передал Кругляк. Автобус отыскала довольно быстро, пассажиры все на местах, двери закрыты, перед ними кучка людей, желающих во что бы то ни стало попасть в эту металлическую коробку. До отхода оставалось минут двадцать, и Ива не стала торопиться, еще раз прошла по перрону, незаметно приглядываясь к вокзальной публике.

Она была убеждена, что где-то здесь, среди этих людей находится соглядатай Сороки — не может быть, чтобы референт не поручил кому-нибудь проконтролировать ее отъезд. Ива подумала об этом без всякой злости: условия подполья требовали постоянной проверки каждого, и она знала лучше других, как важно соблюдать обязательное правило: доверяя, проверяй. У нее вдруг возникло мальчишеское желание — выяснить, кого к ней приставили. Ива быстрым шагом подошла к стойке такси, жавшимся к автобусам, спросила у шоферов, куда они поедут. И тут же заметила, как из толпы пассажиров выскочил толстенный мужчина с портфелем, подбежал к другой машине и затоптался в нерешительности на месте. «Куда товарищ-гражданин желает?» — открыл дверь у машины водитель. «Сейчас решим», — невнятно забормotal толстенный. Ива немного поторговалась с шофером, громко объявила, что за такие деньги она сама кого хочешь доставит хоть к бабушке, хоть к матушке, отошла в сторонку. Пассажир с портфелем тоже, видно, не сошелся в цене.

Ива, независимо помахивая саквояжем, двинулась к автобусу. Она показала водителю зеленый квадратик билета, и тот открыл дверь. Кондукторша растопырила руки, чтобы не вкатились в автобус лишние, чуть посторонилась, впуская девушку. Место Ивы заняла шустрая молодница в мужском пальто с огромным клунком. Ива небрежно попросила ее подняться, сама переставила клунок подальше от сиденья. Молодница раскрыла рот от удивления, всплеснула руками:

— Кто ж вона така, щоб з миста зганяти? Я ще звечера прийшла...

— Мое, — отрезала Ива. — Не галасуйте, не допоможете.

Молодица еще долго ворчала, поминая городских девок, у которых ни стыда, ни совести.

На стеклах налипли причудливые наросты инея. Ива сложила губы трубочкой, подышала на изморозь. Оттаяло маленькое окошечко. Толстенный с портфелем вертелся поодаль от машины. «Поихалы», — наконец облегченно сказала кондукторша; автобус недолго порычал дымом, покатился по скользкой зимней дороге.

Примерно через час референту Сороке докладывали, что девушка, приметы которой он указал, отправилась рейсовым автобусом № 17, оделась в дорожку броско, вела себя как избалованная городская паненка. «Это на нее похоже», — пробормотал Сорока. Он еще несколько дней назад отправил через курьеров необходимые распоряжения и теперь стал дожидаться новых вестей. У него появились сомнения: а не напрасно ли все это затеяно? И этот курьерский рейс Менжерес, и хлопотная работа по сбору информации? Но Сорока тут же решил, что это необходимо; Ива с ее исступленной преданностью национальной идее является тем человеком, который, возможно, сможет выполнить приказ краевого проводника о наказании тех, кто провалил операцию «Гром и пепел». С другой стороны, имеется реальная возможность проверить ее в деле, уже стоившем жизни двум курьерам. По всему пути за Ивой будут наблюдать внимательные глаза, каждый ее шаг станет известным службе безопасности националистов — человек она новый, и такая предосторожность никогда не повредит.

Из следующего донесения Сорока узнал, что Ива Менжерес не совсем благополучно прибыла в районцентр неподалеку от Зеленого Гая. Сообщал один из местных жителей, состоявший в легальной сети — на большее, кроме эпизодических заданий, он не был способен в силу преклонного возраста и глубоко укоренившегося страха перед провалом. Так вот этот дидок, занимавший должность ночного сторожа склада

райпотребсоюза, вышел на автобусную остановку, чтобы зафиксировать прибытие девушки с приметами, указанными в грепсе.

Однако автобус в тот день так и не пришел. Чуть позже дидок узнал, что на одной из промежуточных остановок машина забарахлила, ее пытались отремонтировать. Потом злой шофер сказал, что потек радиатор — это надолго, придется ему замерзать здесь до прибытия автомастерской, а пассажирам — добираться самостоятельно. Девушка в полушубке, платке из козьего пуха и сапожках была все время в автобусе, она очень ругалась, потому что у нее каникулы и времени совсем немного, каждый день дорог. Потом ей повезло: согласился подвезти шофер проходящего такси, притормозивший, чтобы узнать, что случилось с автобусом. Другие пассажиры тоже добрались на попутных. Информатор вчера встретил эту девушку в райпотребсоюзской чайной — она зашла пообедать. Одета все так же: новая короткая шубка из дубленой кожи, отороченной мехом, синие брюки, сапожки, белый платок. Она разговаривала с официанткой, спрашивала, у кого может остановиться на несколько дней, потому что Дом колхозника переполнен да и вообще такое жилье не для нее. Официантка отправила ее к своей сестре, продавщице раймага Наталке Стоян. Наталка потом рассказывала соседкам, какая красивая городская дивчина у нее квартирует. Заплатила за неделю вперед и попросила помочь отыскать родственников Менжереса, того, что был профессором в городе еще до войны. Все знают: в двадцатых годах здесь жил один Менжерес, директор гимназии, но потом куда-то выехал. Был ли он родственником городского профессора — неизвестно. А куда он перебрался, может быть, знает его наймычка Гафийка.

Из этого сообщения Сорока уяснил, что Менжерес удалось найти пристанище в райцентре и она приступила к работе, используя в качестве прикрытия историю с поисками родственников. Он отметил, что девушка действует не то чтобы смело, а нахально, будто нарочно заботится о том, чтобы каждый ее шаг

стал известен окружающим. Так они и задумывали эту акцию: у Ивы хорошие документы, ей нечего прятаться, скрывать легальную цель приезда.

Прошло несколько дней, и Сорока получил новое донесение. Ива нашла Гафийку, ныне Гафию Степановну. Та ей рассказала, что Менжерес, у которого она служила, выехал в тридцать шестом году во Львов. У Панаса действительно был родственник в городе, кажется, родной или двоюродный брат, но он не любил о нем говорить — братья были в ссоре. Ива Менжерес по вечерам ходит в районный Дом культуры на танцы и в кино, завела много знакомых среди местных студентов, приехавших к родным на каникулы.

Еще через парочку дней отозвалась бабка Кылына из Зеленого Гая, оказывавшая услуги еще Стасю Стафийчуку, в банде которого находился ее сын. Правда, в последний год бабуся запросилась на покой, но люди Сороки ее так пугнули, что старая карга вновь обрела былую прыть. Кылына была неграмотной, и ей пришлось добираться до райцентра, чтобы рассказать деду из райпотребсоюза последние новости, а тот уже отправил грепс. По ее словам, в Зеленом Гае появилась городская девушка, на стыд людям натянувшая на себя мужские штаны. «А хустына у той дивчины добра, из настоящего козьего пуха, теперь таких и за золотые горы не купишь. У дивчины имя Ива, а призывще Менжерес».

Баба Кылына просила в заключение отблагодарить ее усердие малой толикой грошей — решила купить корову.

«И вот с такими людьми мы думаем победить? — горестно размышлял Сорока, прочитав донесение, писанное ночным сторожем. — Самых преданных выбили, разумные разбежались на все четыре, остались такие, как самогонщица Кылына да райпотребсоюзский дед — тот был осведомителем еще у польской дефензивы, платили ему в злотых за то, что выдавал украинцев, потом продал немцам партизана и получил в награду старую клячу, — боится, как бы

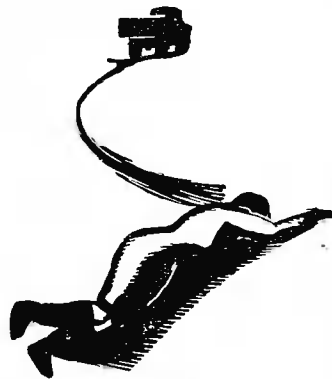
все это не выплыло наружу, не стало известно людям.

Впрочем, кто думает о победе? Продержаться бы еще немного, пока американцы не обрушатся на Советы, у них атомная бомба, они сотрут с земли весь этот народ, которому и дела нет до будущей великой державы». В последние дни Сороку все чаще и чаще охватывало тупое отчаяние, к сердцу подступала темная ненависть к людям: ходят по земле, работают, детей рожают, какое-то соревнование выдумали, плюют на всего его, сорочки, призывы к борьбе. Один из его коллег по работе в институте, которому Сорока в доверительной беседе полунамеками изложил свои представления о счастье украинского народа, едко ответил: «Есть, к сожалению, люди, ослепшие много лет назад — задурманили им головы националистической отравой, — и не видят они, что пришла на украинскую землю новая жизнь, растет национальная держава, в труде куется счастье». Сорока тогда виновато моргал глазами, втягивал голову в плечи, бормотал: «Я и сам то бачу...» — «Ни черта вы не видите, — обозлился коллега. — Примите мой совет — приглядитесь к событиям, может, хоть что-нибудь поймете. А нет, пеняйте на себя. Народ не любит, когда у него на дороге становятся».

И сказал это не какой-нибудь там молодой из комсомола, а уважаемый преподаватель института, всю жизнь посвятивший изучению украинских народных песен. Еще три года назад Сорока приказал бы своим «боевикам» — и прощай шановный профессор, а квартиру его с редкими записями этих самых песен — в дым бы, чтоб другим неповадно было принюхиваться к восточным ветрам. Сейчас же приходится терпеть, делать зарубки в памяти — придет время, посчитаемся.

Только придет ли такое время?

ОФЕЛИЯ ВЫХОДИТ НА СЛЕД

— Видите, как хорошо иметь распространенную фамилию! — Ива Менжерес была в прекрасном настроении. Поездка в Зеленый Гай, несомненно, пошла ей на пользу. На щеках заиграл свежий румянец, зимний ветер коричнево прижег отбеленную кремами кожу.

Она докладывала Сороке о поездке в иронических тонах:

— Я стала совсем селянкой — научилась коров доить и в печи обед варить. Собиралась даже замуж выйти, сватался там один хлопчина-механизатор. Ты, говорит, песни поешь гарно, станешь у нас самодеятельностью руководить вместо Леся Гнатюка, нашего дорогого товарища-друга, убитого проклятыми бандерами...

— Но-но! — Сорока поджал губы, укоризненно погрозил пальцем.

— Так это же не я, это он говорит... — постреляла глазками Ива. — В нашем крае Менжересов — через пять хат шестая. И в Зеленом Гае живут три или четыре под такой фамилией, со всеми познакомилась, а с одним даже породичалась: его дедушка к моей бабушке в садок шастал...

— Перестаньте, Ива, переходите к делу. Что у вас за дружба получилась с Нечаем?

— За что люблю вас, друже референт, так это за откровенность! Ну где бы мне догадаться, что вы следили, а так нате вам — сами выложили! Вам бы батырусами* командовать! — Ива не выбирала выражений.

Сорока от неожиданности поперхнулся. В самом деле, проговорился. И тут же постарался как-то объяснить Иве неосторожный свой вопрос:

— Вы там были приметной гостьей. И естественно, мне сразу же сообщили о появлении в тех местах дочери известного общественного деятеля профессора Менжереса. Специально за вами устанавливать слежку не было необходимости, согласен, это было бы с моей стороны неинтеллигентно. Да и людей у нас мало — за всеми не углядишь, к каждому курьеру сопровождать не приставишь...

— Опять же спасибо! А я ведь, наивная, думала: таким, как я, доверять надо полностью! Можете вы распорядиться, чтобы Настя принесла после дальней дороги рюмочку? Пролетела и... привыкла...

«Не хватало еще, чтоб алкоголичкой стала», — подумал Сорока, попросив Настю принести чего-нибудь выпить.

— В Зеленом Гае у каждого свежи в памяти интересные вас события. Марию Шевчук хорошо помнят. Нечай мне сам рассказывал, как преследовал ее однажды на плантации подсолнечника и едва не погиб от пули телохранителя. Он ненавидит Марию лютой ненавистью, прямо белеет, как только упоминается ее имя, считает предательницей, ярой националисткой и прочая и прочая. А его жена, Влада, наоборот, думает, что учительница была неплохим человеком, случайно попала к националистам и уже не смогла от них отделаться...

— Слушайте, Ива, вы будто нарочно меня злите: разве позволительно так говорить о наших верных соратниках?

* Батырус — босяк.

— Вы кого имеете в виду: Шевчук или тех, кого она вокруг своего пальчика обвела?

— Тьфу, пресвятая дева Мария, какая вы въедливая...

— Это вам за слезку! По существу: никто в Зеленом Гае не знает, что стряслось с Шевчук. Все убеждены, что она погибла во время ликвидации сотни Стася Стафийчука. А вот от чьих рук — здесь мнения расходятся. Нечай уверен: убил кто-нибудь из участников облавы, когда она пыталась уйти. Другие придерживаются версии, будто погибла от руки одного из телохранителей Стася, вырвавшихся из кольца. Остап Блакитный все это время не получал от Марии ни одной весточки, хотя и пытался ее отыскать. Но...

— Но...

— Влада утверждает, будто видела несколько месяцев спустя Марию Шевчук в нашем городе.

Сорока встрепелся, как гончая, напавшая на след. Его бледное анемичное лицо порозовело, коричневые круги под глазами обозначились четче. В комнату некстати заглянула Настя, хотела что-то спросить. Сорока властным жестом загнал ее обратно за дверь.

— Где? Когда? При каких обстоятельствах?

— Влада рассказывает, будто приезжала в город за обновками к празднику. И вот на железнодорожном вокзале столкнулась лицом к лицу с Марией. Влада настолько удивилась, что даже не окликнула. А когда опомнилась — учительницы и след простыл, она затерялась в толпе, как раз подошел пассажирский из Киева, на перроне было много людей. Мария была одета как деревенская девушка: вышитая блузка, кеппарь, цветастый платок, сапоги хромовые...

— И все это успела заметить ваша Влада?

— А вы разве не знаете женскую психологию: сперва обратить внимание на одежду, а потом уже на человека?

— Скажите, а не помнит ли Влада, были при Шевчук вещи, ну там чемоданы, сумка?

— Вот, вот, друже референт, меня это тоже заинтересовало. Влада говорит, что учительница не была похожа на отъезжавшую, скорее пришла кого-нибудь встретить.

Референт процедил сквозь зубы:

— Если она в городе — тогда можно заказывать молебен за упокой души ее грешной. Родная нянька ее трижды в гробу перевернется, когда мы доберемся до предательницы.

Ива с любопытством посмотрела на Сороку: выдох весь от ненависти, полцентнера костей и три кило провяленного мяса, леса да бандитское подполье все человеческое из него выветрили.

— И откуда у вас такая жестокость? Вы с Марией Шевчук враги: откровенные, непримиримые. Понятно: или вы ее, или она вас. Попадете учительнице на мушку — у нее рука не дрогнет, слеза не покатится. Но издеваться над вами она не станет. Вы же из нее жилы вытянете, все тело измордуете и только потом убьете.

Ива говорила неторопливо, будто размышляла вслух.

— Вы это к чему? — насторожился референт. Он все никак не мог определить: как же ему вести себя с этой своенравной особой? С одной стороны — она находится в его «зоне», следовательно, обязана выполнять все его приказы. И Офелия не возражает против этого, сама сказала: «направлена в ваше распоряжение». С другой стороны, за ее спиной — центральный провод. Мало ли о каких инструкциях она умолчала...

Рен запрашивал — надежна ли? Бойтся проводник, что опять вместо курьера прибыла чекистка. Нет, такими чекистки не бывают — слава богу, Сорока в своем ремесле кое-что понимает. Ива — паших, лесных кровей, ей уроки преподавал сотник Бурлак — видно по стилю. У Сороки нюх хороший: по характеру, по норову сразу можно вызнать, на каких лугах лошадка паслась. Надо будет сообщить Рену, что Менжерес вне подозрений.

— А к тому, — зло проговорила Ива, — что нель-

зя давать волю эмоциям! И не потирать руки от удовольствия, представляя, как будете мучить Шевчук, а действовать в соответствии с законами нашей организации!

— Так я же именно про то... — растерялся Сорока.

— Нет, вы о другом... Рассуждаете не как референт службы безопасности, а как заурядный палач...

— Прекратить! — Сорока побледнел от негодования. Оскорбление тем более было обидным, что еще никто из руководителей краевого провода не ставил ему в вину жестокость.

— Не нравится? Тогда скажу по секрету: я тоже не особенно люблю, когда меня оскорбляют...

Только теперь Сорока начал понимать что к чему.

— Все-таки обиделись за слезку.

— Не то слово — обиделась... Вначале решила вообще прикончить вашего толстенького с портфелем. Вот, думаю, пентюх, за кем же ты следить вздумал? Сейчас возьму такси и поеду, ты, крыса амбарная, ведь тоже за мною помчишься. А я выеду за город, где лесок начинается, из машины выйду, в березняке постою, пока ты сам на мою пулю не набежишь... А референту скажу: прицепился эмгекбист, я его и прикончила, другого выхода не было...

Лицо референта передернулось в жесткой гримасе.

— И вы бы смогли — своего?

— Тот, кто шпионит за тобой, — не свой...

— Не распускайтесь, Ива, прошу вас. Так и до беды недалеко. Трудно, понимаю, но тем радостнее будет наша победа.

Референт выпрямился, выдернул голову из плеч, высокопарно произнес:

— Идет война, и в этой войне нашим оружием являются также и выдержка, дисциплина, преданность. Нам нужны люди интеллигентные, умные. Мы возлагаем на вас большие надежды, вы прошли суровую школу и еще послужите нашему общему делу...

— Слава героям, — утомленно сказала Ива.

— Героям слава! — одухотворенно ответил на националистическое приветствие референт Сорока. —

Вам поручается довести до конца следствие с Шевчук. Вы будете нашим карающим мечом, который достигнет предательницу.

— Я найду ее, — твердо пообещала Ива, — для меня это тоже вопрос престижа. А теперь скажите: к этому вы приложили руки?

Она достала из сумочки местную газету. На последней полосе под рубрикой «Происшествия» сообщалось, что под колесами автомобиля погибла студентка педагогического института Оксана Таран. Автор заметки поучающе писал о том, к каким трагическим последствиям может привести несоблюдение правил уличного движения. Студентка переходила перекресток при красном свете светофора. Ее сбила неизвестная машина, водитель которой разыскивается.

— К этому мы не имеем отношения. Только проверили: действительно в тот день на Советской улице грузовик сшиб девушку. Кругляк наведывался в морг, но к телу его не допустили — не родственник. Впрочем, так, может, и лучше — возни меньше.

— Не придумывайте, друже референт: за рулем, наверное, тот же Кругляк и сидел?

— Говорю вам, случайность!

— Знаем такие «случайности»!

Но, судя по всему, внезапная гибель подруги не очень взволновала Иву: такие у них в организации порядки, от нежелательных лиц надо избавляться своевременно и решительно.

— Хотя бы провели следствие? — спросила Менжерес.

— Не успели.

— Бог мой! — ужаснулась Ива. — И вы говорите об этом так спокойно? Я настоятельно советую немедленно проверить явки, связи — все, к чему имела Оксана отношение. Не верю внезапным катастрофам!

Сорока понимающе кивнул. Да, кое-что он и сам уже предпринял: поменял пункты связи, шифры, приказал «боевикам» избегать личных контактов. Не так он прост, чтобы что-нибудь принимать на веру. И все-таки опасности почти никакой. Прошло уже несколько дней — все спокойно, ни один курьер не «зады-

мился», по их следу — установлено точно — никто не идет.

— Как думаете, мне ничего не грозит? Ведь Оксана знала, кто я? — Объяснения Сороки не очень убедили Иву.

Сороке понравилась ее осмотрительность. И вместе с тем он почувствовал превосходство: ему ведь тоже грозит опасность, но он не впадает в панику. Сознание собственного превосходства приятно щекотало самолюбие. Референт СБ назидательно разъяснил:

— Если бы успела предать — вас давно бы замели. Так что не волнуйтесь. Хватит о неприятностях. — Сорока решительным жестом подчеркнул, что разговор на эту тему лично ему неприятен. — Хочу сообщить вам хорошую новость: к нам прибыл эмиссар, о котором вы упоминали. Об этом получена шифровка от известного вам руководителя организации. Эмиссар хочет видеть вас.

Ива обрадованно заулыбалась.

— Наконец-то!

«Веселке: Для вашей подруги сими подбирали больницу. Чувствует себя хорошо, выздоравливает, начинает разговаривать».

«Прибыл высокий родственник. Хочет меня видеть. Боюсь, что его не узнаю, он меня тоже. Обеспечьте встречу без последствий. Веселка».

ЛОВУШКА ДЛЯ СЕБЯ

Вот как докладывал об этом Чуприна Рену:

— Они сами виноваты. То ли наших условий не знают, то ли перестали чувствовать опасность. Шли как на прогулку. До сих пор не понимаю, как мне удалось уйти.

— Отстреливались?

— Мы первые начали. Но нам так ответили, что я один унес ноги.

Рен озабоченно поинтересовался:

— Ты уверен: точно погибла группа? Вдруг кто-то попался живым?

— Вряд ли. Я сам слышал, как их обыскивали — мертвых.

— Как все случилось?

— Думаю, мы случайно наткнулись на оперативную группу. Их было пятеро: лейтенант, старшина и три местных комсомольца из истребительного отряда. Знаете, обычный обход. У старшины — ручной пулемет, у остальных автоматы. Встретились с ними на автобусной остановке, предъявили документы — направляемся на лесозаготовки. Они нас пропустили и вообще не очень расспрашивали, только лейтенант предупредил, чтобы держались настороже — в районе, мол, беспокойно. Разо-

шлись. И вдруг Дубровник говорит: «Давайте их за селом подождем, хочу с настоящими большевиками побалакать». Я ему и так и сяк, а он ни в какую: приказываю. Ну что ты будешь делать? Совсем осатанел мужик, хоть и высокого чина. Еще трусом меня обозвал: ты, говорит, и стрелять разучился. Вышли мы по одному за село, выбрали место подходящее, он в этом деле понимает — с двух сторон лес, дорога узкая, змеится по дну овражка, стали ждать...

...Чуприна появился час назад. Рука перевязана куском рубашки, на ватнике запеклась кровь, диск автомата пустой. Он почти полз, когда его заметили дозорные и помогли добраться до базы. Роман повалился на топчан — он потерял много крови. Один из «боевиков» отрезал рукав ватника, отодрал пропитавшееся кровью полотно сорочки, туго перетянул рану. В бункер пришел Рен. Пока Чуприна приводили в себя, он хмуро и устало сутулился на широком пне, заменявшем стул. Еще вчера они втроем — Рен, Дубровник, Чуприна — обсуждали предстоящую встречу с Офелией. Ей уже сообщили, что эмиссар закордонного провода будет ждать ее в зачепной хате лесника Гайдамацкого леса. Маршрут ее движения разработал Сорока. Хата была вне подозрения. Лесник Хмара ни в чем замешан не был, осторожный и хитрый мужик скрывал свои связи с подпольем. Он и Рену не раз говорил: «Вы придете и уйдете, а мне здесь век вековать». Рен ценил таких предусмотрительных людей, и хотя знал, что у Хмары иногда останавливаются на отдых «ястребки», возвращающиеся из засад, не осуждал: чужих не выдает, а своих и подавно не продаст. Жил лесник с дочкой и сыном. Сын был ранен в годы войны, когда служил у сотенного Яра, и это крепче всяких обещаний привязывало Хмару к «лесным братьям»: какому отцу охота, чтобы единственный сын попал в тюрьму? От базы Рена до хаты Хмары добираться было не очень трудно, несколько десятков километров лесом. Можно было и другим путем: часть дороги проехать в рейсовом автобусе. Сам Рен, конечно же, пошел бы лесом: хоть и долго, зато надежно. А Дубровник ре-

шил по-другому. «Хочу хоть глянуть, как люди живут на омоскаленной Украине» — так он объяснял свое решение. Рен же подозревал, что курьеру просто лень плестись чащобами да буераками. Проводник берег хату Хмары на крайний случай. А теперь пришлось разрешить Дубровнику воспользоваться этим убежищем — Рен перебрал все возможные варианты, остальные явки казались ненадежными. «Там и заночевать сможете с Офелией, — вьедливо бросил он, — у Хмары есть боковушка для таких гостей, как мы».

Они подробно обговорили каждый шаг Дубровника к хутору. Рен, знавший эти места как свои пять пальцев, советовал избегать случайных знакомств — народ осатанел, на каждого нового человека смотрит косо. К автобусной остановке надо выходить по одному, чтобы не бросалось в глаза, что передвигаются они группой — это вызовет подозрение. В автобус садиться лучше всего рано утром, когда он обычно переполнен. Впрочем, этот участок сравнительно безопасный, Рен запретил здесь появляться своим людям — даже волки не промышляют у берлог. Труднее будет уйти из конечного автобусного пункта снова в лес, но и это возможно. Надо подрядить у одного из мужиков — Рен сказал у кого — подводу, чтобы осмотреть лесные делянки, — здесь помогут документы лесозаготовителей.

У Дубровника и его хлопцев были короткие немецкие десантные автоматы, которые легко упрятать под полушубки и стеганки. Рен советовал не злоупотреблять оружием — это раньше каждый лайдак мог шляться по селу с обрезом под полою, сейчас не то время.

— Несу за тебя полную ответственность, — втолковывал он Дубровнику, — не рискуй, Максим, три раза под ноги погляди, прежде чем шагнешь.

Рен назначил Чуприну в сопровождающие закордонному гостю.

Хмара предпочитал из всех паролей личное знакомство: приходит с новыми людьми знакомый человек — все ясно и понятно, можно и им довериться.

Адъютант хорошо знал лесника, были у него и еще знакомые в окрестных селах, но такие, что если и встретят случайно — пройдут мимо, глазом не моргнут.

На другом конце курьерской тропы так же подробно инструктировал Офелию Сорока. Офелия весь путь проделывала легально — искала все тех же родственников. Кроме того, энергичная Ива выкинула головоломный трюк. Она официально вступила в общество охотников и рыболовов, зарегистрировала свою двустволку в милиции, завела приятелей среди местных охотников и в выходные дни пропадала по лесам. Но она могла случайно привести с собой «хвост», и Сорока просил тщательно проверяться на всем пути, а в Гайдамацком лесу в самом деле попугать зайцев — так легче заметить наблюдателя, если он вдруг объявится.

— Дубровник не обычный курьер, — втолковывал он Иве, — если с ним что-нибудь случится, центральный провод с нас шкуру спустит.

Иве надоел дотошный референт, она уже все продумала, изучила предстоящий путь до мельчайших деталей.

— Нудный вы человек, дружэ Сорока, — сказала она, — хороший из вас преподаватель получился бы...

— Что, что?

— Вам только лекции читать — солидно да методично. Ладно, не обижайтесь. Справа в тому, что ваш знаменитый курьер — мой близкий приятель. Мы с ним давно трудимся на национальной ниве. Впрочем, он сам при случае все объяснит. А пока не волнуйтесь, лишь бы Дубровник глупостей не натворил — он может.

Ива насмешливо поиграла темными глазами, ласково положила руку на плечо референту:

— Очень ценю я вашу заботу о моей драгоценной персоне...

«Чтоб ты сквозь землю провалилась», — искренне пожелал своей бойкой помощнице Сорока.

Референт вздохнул с облегчением, когда Ива сказала, что ей все ясно, и она постарается не подвести своего строгого наставника.

В это время Дубровник и его охрана были уже в пути. Их провожал до тайных троп сам Рен. На прощанье Дубровник сказал:

— Так помни, если что случится, советую в качестве курьера использовать Офелию. Пусть те сведения, которые должен доставить за кордон я, передаст она. Вот пароль для связи на этот крайний случай, — Дубровник наклонился к Рену, прошептал несколько слов. Затем театрально поднял руку, сказал нарочито сдержанно:

— Ну бувай...

Так, по его представлению, уходили на опасное дело настоящие мужчины.

Рен бодро хлопнул курьера по спине:

— Брось, Максиме, завешание составлять. Уйдешь — вернешься, не впервой. А то, может, мои люди все сделают?

— Мне поручено, Рен, с нею связаться. Да и хочется посмотреть своими глазами, что творится на украинской земле. Другого такого случая не будет.

— Тогда счастливого пути, — пожелал Рен.

Он постоял недолго на опушке, пока скрылись за мохнатыми елками, присевшими под зимними белыми шапками, Дубровник и его спутники. Они шли след в след, на снежной целине осталась цепочка этих следов, и она очень беспокоила Рена. «Хотя бы завирюха пустилась, а то выбили торный шлях к лагерю. Не дай бог попадет кому на очи».

Лес густой стеной окружил лагерь Рена. Он был его опорой и защитой, и Рен поймал себя на мысли, что уже давно смотрит на лес только с одной точки зрения: на том вот пригорке неплохо поставить пулемет, а вот эта полянка насквозь пробивается пулями. Но, оказывается, иногда и просто постоять в лесу приятно, в густоте елей есть своя красота, и воздух здесь звонкий и чистый.

Возвратился «боевик», который вновь поставил

мины на тропе, открытой на время для группы Рена. Все подступы к базе были густо наштапкованы минами и ловушками. Был случай, когда один из «боевиков» надумал бежать из этой берлоги. Глухо пророкотал взрыв, тугая волна разбросала по деревьям то, что осталось от беглеца. Рен приказал окончательно перекрыть все стежки, оставив единственный узкий проход. На выход из лагеря требовалось его специальное разрешение.

Когда Дубровник покинул лагерь, солнце только выползло из-за сосен, бросило лиловый свет на пламенившие снега. Утро было морозным, ясным, и, хотя идти по снежной лесной целине было нелегко, Дубровник искренне радовался и погожему утру и морозу.

Курьер думал, что он, наверное, никогда больше не увидит такой простор, эти строгие леса, сохранившие первозданную красоту, — он был в последнем курьерском рейсе, а в скорую победу давно уже не верил. Радовала предстоящая встреча с Офелией: доводилось им вдвоем отправляться в длинные рейсы, и, чего скрывать, делить хлеб и постель. Потом пути разошлись: Ива осталась на польских землях, а Дубровнику удалось своевременно перебраться в Мюнхен, подальше от тех мест, где стреляют. А дивчина она настоящая, не кривляка какая-нибудь, признает только одну верность — идею, на любовь щедрая.

Еще Дубровник думал о том, что скоро придется осуществить первую часть его плана активизации действий Рена. Однажды на охоте он видел, как охотники выманивают из берлоги медведя. Берут длинный острый шест, суют в дыру и подкалывают мишку под бока. Тот терпит, терпит, а потом встает на дыбы. Бывает, его тут же пристрелят, но случается, уходит мишка и тогда бросается на первого встречного. Рен, конечно, выберется из первой волны облав — проводник он опытный — и обрушится на села. Именно это сейчас требуется: выстрелы и пожары. Только бы создалась благоприятная ситуация...

Чуприна прокладывал первый след. Замыкал цепочку один из телохранителей Дубровника, он нароч-

но выдергивал ноги из глубокого снега так, чтобы развалить, разрушить четкие отпечатки — тогда невозможно будет определить, один человек прошел или десять. Изредка вспугивали зайцев-беляков, те ошало отбрасывали уши, пушистыми комочками катились по сугробам. Чуприна радовался косым — значит, проходят по заповедным местам, опасаться нечего. Он был в теплой стеганке, смушковую шапку сбил на затылок. Шел споро, ориентируясь по известным только ему одному приметам. А Максимовы телохранители вышагивали равнодушно, без азарта, будто выполняли скучную работу, и Максим подумал, что служба у них тупая, отбивающая любые эмоции. И тут же постарался оправдать своих хлопцев: когда каждую минуту рискуешь получить пулю в лоб, не до праздных переживаний.

Первую часть пути прошли без особых происшествий. В одном месте услышали стук топора, обошли лесоруба далеко стороной. И постепенно у Дубровника росла уверенность, что все будет в порядке, места тихие и пустынные, лишь бы встретились чекисты, а то сорвутся все его задумки. Он представил, как будет потом рассказывать в Мюнхене: тяжелый бой, полчища чекистов, а курьерская группа вырывается из огненного кольца, оставляя на своем пути трупы врагов. Он намекнет, чтобы «хозяева» раскошелились, заплатили за рейс подороже — храбрость штука недешевая.

Дубровник чекистов увидел в селе, куда они вышли к рейсовому автобусу. Патруль или оперативная группа вынырнули внезапно. Люди Дубровника болтались среди других пассажиров в ожидании автобуса. Они делали вид, что незнакомы друг с другом. К стоянке подошли пятеро с автоматами и ручным пулеметом. На полушубке одного были лейтенантские погоны. Патруль вежливо попросил всех предъявить документы, лейтенант довольно небрежно перелистал паспорта и удостоверения: такой-то направляется на заготовку леса для такого-то предприятия. Лейтенант возвратил бумаги, сказал: «Советую в одиночку в лес не забиваться, беспокойно». — «Благодарю, товарищ

лейтенант», — нажимая на согласные, бойко ответил Дубровник. Он опустил глаза, чтобы не выдали: в них кипела ненависть к этому молодцеватому офицеру, судя по выговору, чистокровному украинцу, и к селянам, так равнодушно и спокойно встретившим проверку документов: у них совесть чистая, волноваться нечего, а если проверяют, то потому что не перевелись еще лесные злодии.

«Быдло, — рвалась наружу злость, — скоты, лайдаки!» Он наметил на чистеньком полушубке лейтенанта, чуть выше пряжки, на груди место, куда при случае постарался бы вогнать пулю. Взвинчивая себя, подогревал злыми словами ненависть, накопившуюся за годы скитаний на чужбине. И когда патрульная группа ушла по улицам села, Дубровник подошел к одному из своих хлопцев, скомандовал: «Выходи за село, передай то же другим». Недоумевающий Чуприна попытался было убедить Дубровника не делать глупостей. Тот не стал даже разговаривать.

Сразу же за селом начинался лес. Там они и собрались.

— Прихлопнем большевиков, — сказал Дубровник. — Они ведь будут обходить и окрестности села, не так ли? — спросил у Чуприны.

— Так.

— Тогда решено, отправим на небеса партию антихристов.

Телохранители, привыкшие безоговорочно выполнять любые приказы, какими бы странными они ни казались, извлекли из-под полушубков автоматы, осмотрели оружие. Чуприну поразило, что они, эти два молодых хлопца, даже не попытались осмыслить неожиданное распоряжение Дубровника.

Чуприна яростно заспорил:

— Выстрелы поднимут на ноги всю округу. Мы не пробьемся к Хмаре. Ну, убьем мы этих пятерых, а свое задание не выполним. Да и не такие они дураки, чтобы полезть под наши пули...

Но Дубровник ничего не хотел слышать, он уже прикинул, кто где ляжет, откуда лучше вести огонь и куда отходить после уничтожения патруля.

Он давно уже придумал этот план: уничтожить кого-нибудь из активистов, чтобы коммунисты пошли на лес облавами, и тогда Рен на удар вынужден будет ответить ударом, убраться из спокойных мест. А тут сам бог послал ему патруль — сразу пятеро. Коммунисты, конечно, придут в ярость. В том, что его группа справится с патрулем, Дубровник не сомневался.

Если бы Рен догадывался, что задумал Дубровник, он бы просто не выпустил его из лагеря. Потом, когда ему доложит об этих событиях адъютант, проводник скажет: помутился разум у курьера от собственной храбрости. Но даже он не догадается об истинных мотивах неожиданных действий Дубровника. Видно, недаром считали в Мюнхене Максима одним из самых находчивых и решительных курьеров.

Чуприна вынужден был снять автомат и вместе с другими ждать, пока подойдет патруль.

Они очень долго лежали в снегу, уже солнце начало садиться на пики сосен и запарусили от горизонта облака. Было морозно, солнце из красного стало багровым. Чуприна завожился в снегу, приподнялся, чтобы посмотреть, что делают остальные. И почти сразу увидел чекистов.

Лейтенант оказался не таким уж неопытным. Он, конечно, обратил внимание на «лесозаготовителей» — как на подбор, широкоплечих, ладных хлопцев. Насколько он знал, зимой лесозаготовки в этих местах проводятся только в крайних случаях, а уполномоченные предприятий по этим делам приезжают непосредственно в райцентр. Но документы были в порядке и задерживать лесозаготовителей не было повода. Поэтому лейтенант решил все-таки присмотреться к странным людям. И когда увидел, как они гуськом, по одному потянулись к недалекому лесу, понял, с кем имеет дело.

Лейтенант повел свою группу в противоположную сторону. Пришлось сделать солидный крюк, протопать пяток лишних километров. Они зашли в тыл «боевикам» Максима, сумели обнаружить их в сугробах (лейтенант прикинул и решил, что именно там,

на гребне оврага, он сам устроил бы засаду) и подобралась вплотную.

Лейтенант и его солдаты шли не группой, как предполагал Дубровник, а растянувшись в широкую, веером, цепь. Шли очень настороженно, чутко, готовые к любым неожиданностям. Лейтенант был ближе всех к бандеровцам, и именно его взял на мушку Дубровник, выпустил длинную очередь. Однако лейтенант каким-то чутьем уловил этот миг, плашмя упал в снег и очередь простучала по стволу вековой сосны.

Бандиты открыли стрельбу, а лейтенант почему-то не подавал команды «огонь!». Он укрылся за сосной, выжидал, присматривался.

— Сдавайтесь! — крикнул лейтенант бандеровцам.

Дубровник ответил автоматной очередью. И тогда лейтенант швырнул гранату.

— В несколько минут все было кончено, — докладывал Чуприна Рену. — Они просто засыпали нас гранатами, а автоматы довершили дело. Я лежал на правом фланге, рядом тянулся глубокий ров. Когда они ударили из автоматов, я прыгнул в этот ров и дал ходу. Отбежал и залег. Они не стали преследовать. Я даже слышал, как старшина докладывал лейтенанту: «Тот, который в стеганке, смылся». Лейтенант ответил: «А, черт с ним, он со страху так пятки салом смазал, что за десяток верст очухается. А как остальные?» — спросил лейтенант. «Все убиты», — ответили ему. Я выждал, пока они ушли, пролежал в снегу до ночи, потом ушел к Еве — на базу сразу возвращаться не стал, вдруг они меня засекли и решили выследить.

— Ева говорила, о чем судачат на селе?

— Будто лейтенант — его фамилия Малеваный — наткнулся со своими на бродячую группу националистов, перебивавшихся из одного укрытия в другое. Такое и раньше случалось. Особой тревоги этот случай не вызвал.

— Хорошо. А вот Максима жаль. Не знал хлопец, где со смертью поручкается.

— Я не мог ничего сделать.

— Верю. Никогда, хлопче, не думай, что ты умнее всех. Так случилось с Максимом. Если б он тебя послушал — не укрылся бы сосновой доской.

Рен сумрачно размышлял о последних событиях. «Мысль должна быть холодной», — любил повторять Рен. Понимал он это так: не торопись с выводами, нищи — кому выгодно. В случае с Дубровником он пришел к твердому выводу, что чекистам невыгодно было уничтожать курьера. Если бы они точно знали, с кем имеют дело, то наверняка постарались бы любой ценой взять Максима живым. Судя же по рассказу Романа, чекисты с самого начала и не думали об этом. Кто знал о курьере? Несколько человек: «Рен — Чуприна — Сорока — Офелия». Ну и, конечно, сам Дубровник. Если Дубровник — «кольцо», то все остальные — цепочка к нему. Колечко оторвали, цепочка осталась целой, ее звенья прочными. Напрашивался вывод: о предательстве речи быть не может. Игра продолжается. Но как сообщить за кордон, что не уберегли курьера? И пусть бы в дороге... А то здесь, на месте, где можно было обеспечить реальную безопасность.

В центральном проводе поднимут шум — постарел Рен, потерял былую силу. Добре, если это ускорит замену другим человеком, а вдруг решат просто от него избавиться, как от старого, ненужного хлама? И такое бывало.

Проводник повернулся к Чуприне.

— У тебя что с рукой?

— Пустяк. Пуля прошила мякоть, — неестественно бодро ответил адъютант. А сам подумал: «Мог бы и раньше поинтересоваться».

— Тогда пару деньков отлежись — и в дорогу. Офелия ведь все равно придет к Хмаре? Надо встретиться с ней. И поручить ей сообщить за кордон о гибели курьера.

— Крупная птаха...

— Боюсь, подбросили в наше гнездо эту птаху не случайно. Не доверяют дорогие вожди, — позволил выплеснуться раздражению Рен. Это с ним бывало

редко. Рен не обсуждал обычно приказы начальства и сам не терпел, чтобы судачили о его особе. — Сообщение Офелии должно быть таким, чтобы там поняли: не смерть за Дубровником гонялась, а он пошел ей навстречу. Не надо скрывать, что погиб по собственной дурости Максим. Ты расскажешь Офелии все, как было.

— Смогу ли я на нее повлиять?

— Постарайся. Ты хлопец молодой, приметный, а она ведь той же породы, что и остальные девки.

Чуприна удивленно вскинул тонкие черные брови. Проводник так с ним никогда не разговаривал. Обычно проворчит что-нибудь, и все. А тут чуть не просит. Видно, всерьез обеспокоен смертью Дубровника, опасается, как поведет себя Офелия, и хочет прибрать ее к рукам, чтоб помогла свести концы с концами.

— А если она захочет с вами встретиться?

— Не торопись с ответом. Не отказывай, но и конкретного ничего не обещавай.

— Понятно.

— На хуторе побудь три дня, а если надо, то и больше. Спешить некуда. Приласкай курьершу, чтоб доверилась. Недаром говорят: «Оружие любит смазку, а баба ласку», — коротко хохотнул старой остроты Рен. — Приценись к ней: действительно важная особа или так себе, из третьестепенных?

Настроение у Рена было горькое, как хина. «Не мала баба хлопоту, купила порося». Мало своих забот — прислали непутевого курьера.

Примерно в то же время Учитель «распекал» Малеванного. При разговоре присутствовал сотрудник областного управления майор Лисовский.

Майор уже несколько дней находился в райотделе. Он подолгу беседовал с Учителем, уезжал в села, вел, судя по всему, интенсивную подготовку к какой-то сложной операции.

Обычно сдержанный Учитель вышел из себя, когда лейтенант доложил ему о стычке с бандеровцами.

— Какое у вас было задание? — внешне спокойно спросил он. — Повторите, пожалуйста.

Спокойный тон не обманул Малеванного. По еле приметным признакам лейтенант уловил приближение грозы.

— Наблюдать, обо всем подозрительном немедленно сообщать в райотдел!

— Вот, вот. Наблюдать! Вы вышли за рамки приказа, без согласования с руководством решились на необдуманный шаг...

— Товарищ майор, то ж бандиты...

— Помолчите, лейтенант. Научитесь слушать старших. Вы знаете, что за бандитов уничтожили? Говорите, из окружения Рена, раз был Чуприна? Тогда я вам скажу: вы, по всей видимости, со своими молодцами перестреляли группу курьера центрального провода. Понимаете? Этот курьер нам нужен был живым.

Малеванный виновато моргал длинными пушистыми ресницами. Конечно, глупость — ликвидировать такую птицу. Курьеры, как тыквы семечками, набиты полезными сведениями, к ним многие ниточки сходятся.

— Чтоб неповадно было впредь — пять суток домашнего ареста!

— Товарищ майор, в самый разгар событий меня — на печку? — побледнел от волнения Малеванный. Взмолился: — Накажите как-нибудь по-другому.

Лисовский отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Как ребенок, честное слово. Стрельбой своей всполошил всю округу. А ведь курьера этого давно ждали, и взять должны были в другом месте, очень незаметно взять, чтобы Рен заметался в поисках курьера, обнаружил себя.

Майор отпустил Малеванного: вместе с Лисовским предстояло обсудить неожиданно сложившуюся ситуацию.

**ЧТО
МОЖЕТ
ИВА?**

Третий день Ива жила у Хмары. Курьера все не было. Энергичная дивчина с утра вскидывала двустволку за плечи и отправлялась на охоту. Хмара предупреждал: «Смотри, в лесах разные люди. Меня знают, не трогают. А как с тобой обойдутся, не могу сказать. Встречаются и из ваших, да и «ястребки» теперь чешут лес, как волосы гребешком, каждый след на заметку берут». Хмаре не нравилось, что в его дом нагрянула эта бойкая дивчина. А ну как привела кого на хвосте? Ему казалось, что старый дружка Рен, наконец, оставил его в покое, не тревожил несколько месяцев. Так нет, опять вспомнил. Времена не те, нельзя служить и вашим и нашим: что будет, если власти раскопают прошлое сына, дознаются, что в хате уважаемого лесника Хмары бандеровская явка? А эта чертова девка шляется по перелескам, зайцев лупит добре, вчера троих приволокла, сын Мыкола помогал свежевать. Да хорошо бы таскала только зайцев, так нет, пришла вместе с «ястребками» — встретила где-то в лесу, хлопцы поморозились — вот и пригласила погреться. У Мыколы руки

тряслись от страха, когда сел с их начальником Малеванным за стол чай пить. А дивчине хоть бы что: смеется, глазки строит.

Хмара сумрачно качнул головой. После того как «ястребки» попрощались и ушли, он попытался поговорить на повышенных тонах с Ивой. Но та сама на него прикрикнула — голосом бог не обидел:

— Не лезьте не в свое дело! Тоже мне нашелся конспиратор! Да меня полрайона видело, как я на охоту в лес отправлялась. И доложили кому следует, что, мол, появилась в наших местах городская охотница, у Хмары поселилась... Они меня уже давно проверили, откуда приехала и действительно ли я Ива Менжерес, студентка. Раз не трогают, значит все в порядке. А если я прятаться от людей начну? Сразу забеспокоятся — почему да отчего... Ну что вам те хлопцы дались? Пришли, укропу попили, ушли... А мне все спокойнее...

Хмара вынужден был согласиться с доводами Ивы. Про себя подумал: нет злее врага, нежели баба; ее и сам черт не перехитрит. Возможно, к такой оценке привело и то, что его жена Маланка по одной ей известным признакам всегда точно определяла, заходил ли Хмара в чайную, когда его вызывали в район, или нет.

Дом у лесника был просторный, на две половины, и он выделил Иве одну комнату. Чистенькую, с рушниками на иконах, обставленную по-городскому: круглый стол посредине, никелированная кровать с шариками, высокий диван, обтянутый бордовым дерматином, пузатый шкаф. На кровати горкой возвышались пуховые подушки, прикрытые кисейной накидкой. «Йой, — обрадовалась Ива, когда увидела эти подушки, — як у неньки риднои!» А на иконы почти не обратила внимания.

— Не веришь? — строго осведомился Хмара.

— Верю... в то, что черти на том свете нас уже с железными гаками дожидаются, — засмеялась Ива.

Хмара хотел со злости плюнуть, но пол был так чисто вымыт, что жалко стало. Он только глянул на Иву, как огнем обжег. «Серьезный дядя, — отметила

этот взгляд Ива, — такой по голове топором хрястнет, а потом богу своему помолится за упокой убиенных и спать спокойно ляжет».

— А скажу я вам еще вот что, — сказала, как пропела. — Встретились мы с вами и разойдемся, когда дело сделаем. И нет мне никакого резона в вашу душу лезть, а вам в мою заглядывать. Верую, не верую, кохаю, не кохаю — то никого не обходит. Вот так, вельмишановный Зенон Денисович...

Хмара, по трезвому размышлению, решил, что дивчина права: чем меньше он знает о ней, тем лучше. Попросилась пожить, пока охотится, заплатила деньги за постель да еду — вот и весь сказ, если «те» спросят.

— У меня будешь столоваться? — спросил. — Если так, то еда денег стоит...

— Понимаю, — улыбнулась Ива. — Вот три червонца, положите на видном месте, если поинтересуются — то платила...

«И где только такие девки родятся, — озадаченно полез в потылицу Хмара, — ты еще рот не раскрыл, а она уже знает, что скажешь».

А дочери Хмары, Ванде, Ива понравилась. Она старалась угодить ей, чем могла, восхищалась ее красотой и весьма откровенно намекала брату Мыколу: «Я б на твоём месте...» Ива посмеивалась, шутила с парнем, но как-то основательно шлепнула игривого Мыколу по рукам, когда тот дал им волю. Мыкола обиделся, полдня не разговаривал, ушел во двор колоть дрова. Он легко взмахивал тяжелым колун, и сосновые кругляки полосовались, как тонкие чурки. Ива присела рядом, присмотрелась к работе Мыколы, одобрила:

— Умеешь.

Мыкола отбросил колун, достал папиросу. Потянуло его на доверительный разговор «про життя».

— Ты вот что скажи: какая беда тебя носит по лесам? Что ты-то потеряла? — спросил он.

— Во всяком случае, не то, что ты искал в сотне у Яра, — отрезала Ива.

— Пронюхала?

— А ты думал, я так вот в гости приду в вашу хату: «Здравствуйте, люди добрые, я ваша племянница, мой тато с вашей мамой гусей пасли?»

— Битая, видно. Но я все-таки мужчина, мне к автомату не привыкать, в лесу дорогу с завязанными глазами найду — по запаху, по шороху листьев, по тому, как земля под ногой гнется. А ты? И зачем только впуталась? Что ты можешь? Попадешь на глаз эмгебистам и...

— Пожалел волк кобылу...

— С тех пор как определили мою службу здесь, при этой хате, было время подумать, — задумчиво протянул Мыкола, — откуда совсем по-другому все смотрится, чем из сотни...

«Значит, Мыкола обслуживает контактный пункт, — отметила Ива. — Разумно. Чем приставлять к зачепной хате первого попавшегося, то не лучше ли сына к родителю пристроить?» Она решила тут же проверить свою догадку. Если есть у Мыколы оружие, то до сих пор ходит в «боевиках».

— Сомневаешься, что могу? — переспросила. — То же, что и ты. И учти, не хуже. — Она достала из кармана шубки браунинг, взвесила на ладони. — Давай попробуем? Услышат выстрелы?

— Так тут на десять верст сейчас ни живой души. Разве случайно кто бродит.

— Жалко, игрушечка моя маленькая и легкая...

Мыкола с видом знатока осмотрел пистолет, чуть подбросил и поймал — рукоятью в ладонь.

— Да, по воробьям и стрелять.

Он встал, тяжело прошагал к дому, возвратился тоже с пистолетом в руках.

— Может, этот подойдет?

Ива присмотрелась — тяжелый немецкий «вальтер». Распорядилась:

— Поставь что-нибудь шагов на тридцать. Да отца предупреди, а то еще за автомат схватится.

Мыкола позвал отца. Вечно хмурый Хмара неодобрительно покрутил головой, но мешать не стал — в лесу действительно в эти дни пусто, лесозаготовки давно кончились, «ястребки» вчера только «гостили».

Мыкола приладил к дереву у тына пачку «шахтерских».

— Не жалко папирос? — спросила Ива.

— А ты попади! — вошел в азарт сын лесника. — Тут тридцать метров верных, на таком расстоянии в бычка пулю всадить — и то добре.

Ива осмотрела «вальтер», несколько раз подняла пистолет и опустила его, чтобы почувствовать тяжесть оружия не только ладонью, но и локтем, предплечьем. Рука привыкла к пистолету, будто срослась с ним. Первый выстрел девушка сделала навскидку, со стороны казалось, даже не прицелилась. Мыкола удивленно раскрыл рот: пачка папирос слетела в снег, затемнела на нем серым квадратиком.

Ива по-мальчишески озорно подмигнула сыну лесника: знай наших! И снова нажала на спусковой крючок. Она стреляла с тем небрежным изяществом, которое присуще только очень опытным, уверенным в себе стрелкам, и после каждого выстрела пачка папирос на снегу подпрыгивала, словно живая, пока от нее не остались лохмотья.

— Хватит! — закричал Мыкола. — Скажена! Оставь хоть одну папиросу целую!

— Вот так! — взволнованная, разгоряченная стрельбой, Ива говорила громче, чем обычно. — Кое-что и я могу. А «вальтер» добрый, с таким не страшно и отбиваться... Может, подаришь?

— Бери! — так, словно отдавал полцарства, крикнул Мыкола. — Бери, три чорты його маме в печинку! Чи вы бачили колы-небудь таке, тато? — восторженно спросил он у отца.

Лесник немигающе уставился на Иву.

— Добре тебе навчылы... людей убываты... — выдушил из себя не то одобрительно, не то со злостью.

«Смотрит, как сова из дупла», — подумала Ива. Она не откликнулась на слова старика, примеривала «вальтер» к карману полушубка: не трудно ли будет выхватить в случае необходимости? Мыкола передал девушке запасные обоймы.

— А как же ты? — спросила Ива.

— У меня еще «парабель» есть, да и кое-что по-серьезнее. Хватит.

— На кой ляд до а склад оружия устроил? Вдруг труснут?

— А как же в лесу без зброи? А заметут меня не за то — за Яра. Добре погулял батько Яр, хоть и было ему тогда всего двадцать пять годочков. И мы с ним тоже — у многих зарубки в памяти оставили, не простят, если дознаются.

Мыкола храбрился, но Ива ясно расслышала в его словах тоску и безысходность.

Ванда крутилась на крылечке, нараспев приглашала Иву:

— Ивонько, серденько, иди в хату, застудишься. Бач, який витер злий...

Погода менялась. Хмурое небо почти прикрыло лес, срывался крупный мокрый снег. Ветер закачал верхушки сосен, и они зашуршали — заговорили о том, что плохо в ненастье путнику в лесу.

— Зараз прийду, — откликнулась Ива. И спросила у Мыколы: — Ванда знает? Ну, про твоє прошлое и про то, что и сегодня с батьком помогаете нам?

— Да. А как иначе: одна хата — одно горе!

— Осторожнее в словах, — разозлилась Ива, — а то я тебе пропишу «горе»!

Прошло еще два дня — курьер все не появлялся. А тут старик Хмара принес известие, что была перестрелка в лесу и уложил Малеванный со своими дружками троих землю удобрять, а четвертый вроде бы ушел.

— Может, наши? — забеспокоилась всерьез Ива.

— А наверное, наши, — равнодушно сказал Хмара. — С другими Малеванный не воюет.

Иву поразило спокойствие, с каким отнесли лесник и его сын к гибели бандеровцев. Или столько смертей видели, что привыкли? А может, даже радуются: другие попались, не мы. Что же это в конце концов: животное безразличие к тому делу, борцам за которое считаются, или свинцовая тупость, как у скотины, рожденная животным существованием?

— Твоих побили, не сомневайся, — хладнокровно

растолковывал Хмара. — Больше некого. Кого из наших еще не перевели эмгебисты, те в бункерах сидят, весны дожидаются.

Он явно радовался, что теперь курьер уйдет в свой город и снова его хату надолго оставят в покое.

Ива решила иначе.

— Буду ждать. Тем более что живется мне у вас неплохо, — не удержалась от шпильки в адрес лесника, — свежий воздух, здоровая еда и все такое...

**КЛИН
КЛИНОМ
ВЫШИБАЮТ**

Опаздывал Чуприна вот почему. Когда Рен приказал адъютанту отправиться к Хмаре и установить контакт с Офелией, Роману пришла неожиданная мысль. Она была до того заманчивой и в то же время дерзкой, что Чуприна в разговоре с Реном отвел глаза в сторону — вдруг выдадут.

Решил Чуприна встретиться с Малеванным. Рен не ограничил своего адъютанта какими-то конкретными сроками, он мог находиться в отлучке хоть три дня, хоть месяц. Этим следовало воспользоваться, тем более что в последние дни у Романа твердо зрело решение обязательно поговорить с глазу на глаз с тем молодым чекистом. Он смутно представлял, что ему даст разговор и зачем он нужен, но почему-то надеялся: после него все может перемениться в его жизни.

В тот же день Роман сообщил Еве, что хотел бы встретиться с лейтенантом.

К вечеру Ева разыскала Малеванного.

— Роман хоче вас бачить.

— Давно пора. Где, когда?

— В полночь на поляне. Он придет один. И вы должны прийти один, без оружия.

Иначе он из лесу не выйдет. Говорил, чтобы не сомневались, отнеслись с доверием, он, мол, не иуда. И тоже придет без оружия...

— Ладно, буду.

Малеванный пообещал уверенно, а сам засомневался: отпустит ли его на эту встречу руководство?

Когда он доложил начальнику райотдела, тот сразу же снял трубку и кому-то позвонил:

— Отозвался интересующий вас человек. Может, зайдете?

Через несколько минут в кабинет вошел Лисовский из областного управления. Он молча пристроился к краю стола. Малеванный немного оробел от присутствия высокого начальства, но доложил четко.

— Не исключена провокация, — сказал майор. — Такие фокусы бандеровцы иногда выкидывали.

— А если нет? Тогда будут упущены большие возможности. Риск, понятно, есть, но и без риска в нашем деле нельзя, — настаивал лейтенант.

Майор не торопился с ответом, он так и сяк прикидывал вероятные последствия этой встречи. Ему явно нравились настойчивость лейтенанта и его юношеская готовность «рискнуть». И в то же время начальник райотдела хотел быть уверенным до конца, что с хлопцем ничего не случится. Рисковать надо тоже разумно. Есть ли в этом необходимость?

— Но ты же понимаешь, в случае предательства тебе придется расплачиваться головой. И ведь не просто убьют — замучают. Не с людьми имеем дело — со зверьем.

— Товарищ майор, я ему верю. Наши письма пропахали первую борозду в его душе, нелогично останавливаться на полдороге. Сейчас Чуприна на чужом берегу, он сомневается, колеблется, боится. Ну, а если протянуть ему крепкую руку? Вдруг решится перебраться через реку?

Лисовский одобрительно кивнул, и лейтенант почувствовал себя увереннее. Лисовский перебрал в памяти отчет о переписке с Чуприной, содержание писем. Он прикидывал, насколько встреча с Романом будет соответствовать усилиям его коллег, осущес-

ствляющих операцию против Рена. По всем пунктам выходило, что она была бы очень полезной. Во всяком случае, настроения адъютанта Рена окончательно прояснятся.

Так прикидывал Лисовский, а Малеванному казалось, что он, как и Учитель, колеблется.

— Ничего со мной не случится, — настаивал он на своем. И выложил свой самый «главный» довод: — Ведь вы, будь на моем месте, пошли бы?

Майор очень серьезно ответил:

— Наверное, добивался бы разрешения на встречу.

— Ну вот! А меня не пускаете! — по-мальчишески наивно обиделся Малеванный.

— Пусть идет, — не приказал, а скорее посоветовал Лисовский.

— Давай условимся так: наши ребята незаметно тебя подстрахуют, — предложил Учитель.

— Не надо, — уже увереннее нажимал на начальника райотдела лейтенант. — Если доверять, так до конца. Я все взвесил — осечки быть не должно.

— Хорошо. А с чем ты придешь к Чуприне?

— Как с чем? — не понял Малеванный. — Буду ориентироваться по обстановке.

— Так не пойдет. Мы должны предугадать, зачем и для каких целей понадобилась Чуприне эта встреча, что он от нее ждет и что мы можем ему предложить. Вот к примеру. Он тебе скажет: «Письма вы пишете хорошие, и все в них правильно. Только вынесен мне смертный приговор, и не дурак я, чтобы из лесу выйти и сразу к стенке стать». Что ты ему ответишь?

Малеванный задумался. А в самом деле? Ведь не пообещаешь же отменить приговор — не в его это власти, да и нет пока таких мотивов, которые привели бы к пересмотру. А тут требуется абсолютно четкий ответ.

— Давай попытаемся продумать наперед весь ход вашего randevu, — предложил майор. — У нас еще есть в запасе часа два...

Когда они втроем закончили отработку предстоя-

щей операции, зимний вечер уже давно лег на сады, на красную черепицу домов — надо было торопиться.

Малеванный встал из-за стола. Оружие он оставил в райотделе. Майор проводил его до двери, сказал, что будет дожидаться возвращения.

— Счастливо, — скупно пожелал Лисовский.

Несколькими часами раньше — ему предстояло проделать путь гораздо длиннее — собирался в дорогу Роман Савчук, он же Чуприна. Роман проверил автомат, диски к нему, затолкал короткий «шмайсер» под полу ватника. Осмотрел маузер. Подумал и положил в карманы круглые, как яблоки, «лимонки». Вылез из бункера, махнул рукой на прощанье Рену — проводник не стал его провожать до границ базы, как Дубровника. Уже уходя, Чуприна уточнил:

— Я могу действовать самостоятельно — правильно понял вас?

— Так, — подтвердил Рен. — Главное — прибрать к рукам эту Офелию, откуда она выдряпалась на нашу голову...

«Пень горелый, — беззлобно ругался в душе Чуприна. — Хоть бы слово доброе на дорогу сказал — ведь очень просто могу не возвратиться, сколько уже ушло отсюда и как в воду...»

Он уверенно шагал через чащобу, размышляя о том, что нет действительно для Рена ничего святого на земле: ни родины, ни семьи, ни друзей. Убили старого его приятеля Дубровника — даже для виду не огорчился, сразу стал прикидывать, как гендляр на ярмарке, какой убыток принесет ему эта смерть. Рушатся все их надежды — Рен только и думает, как бы выжить, убраться подальше из этих мест. И давно бы уже смылся отсюда, да боится, что если сделает это без благословения закордонного провода — придется ему по чужим городам нищим скитаться. Заграничные фюреры не любят, когда нарушают их приказы. А если будет такое решение, прибудет Рен в Мюнхен в славе — денежные дотации, мемуары, ореол борца и «несгибаемого лыцаря»... Вдруг еще

и американцы, как «специалисту», службу предложат — куда лучше.

Роман сплюнул со злости и пошел быстрее, сердясь на себя. «Что это со мной происходит? — подумал. — Или безделье одолело? Мысли в голову лезут — будто кислиц объелся...» А тут еще вспомнилось наставление Рена поближе сойтись с этой курьершей: «Звидныкувач * старый, знает же, что у меня Ева и Настуся, так нет, к закордонной стерве в постель толкает, чтоб плохого о нем не лягнула...»

...Малеванный вышел из села, прислонился к придорожному дереву, затих. Стоял долго, прислушивался к ночным звукам. Все было спокойно, звезды крупно и ярко попятнали небо, затихал медленно сельский вечер. Только однажды почудилось Малеванному, будто скрипнул снег под чьим-то осторожным шагом. Но подозрительный шум не повторился, и Малеванный направился к кромке леса.

Шли навстречу друг другу два человека. И каждый нес свою думу.

Лейтенант чувствовал себя так, будто ему чего-то не хватает такого, к чему привык. Он вдруг понял, что впервые за несколько лет идет без оружия — пистолет не оттягивает своей тяжестью ремень — это было так здорово, что Малеванный даже присвистнул от удивления. «А ведь придет такой день, когда можно будет сдать пистолет старшине и сказать: «Все, вырубил весь чертополох», — подумал лейтенант. Но сразу же появилось ощущение опасности, Малеванный прикинул, как легко бандитам его сейчас убрать: очередью из-за дерева, внезапным ударом ножа, десятком других способов, которые применяли бандеровцы.

Лес, темный и враждебный, навалился на него со всех сторон. Могучие деревья застыли неподвижно, упираясь верхушками в звездное небо.

Малеванный выбрался на поляну. Он не стал прятаться — Роман выйдет из леса только, когда увидит его. И тот вышел: высокий, статный, широко-

плечий. Чуприна отделился от деревьев и зашагал к Малеванному, положив руку на автомат. Это был отработанный жест. Чтобы стрелять, оружие не надо было вскидывать: просто жми на спусковой крючок и сыпь веером от бедра.

Не доходя десятка шагов до чекиста, он остановился, всмотрелся в него и опустил автомат.

Малеванный стоял спокойно, он не сделал ни одного лишнего движения, просто стоял и ждал.

Савчук положил автомат на землю, рядом пристроил маузер, освободил карманы от гранат.

— Ишь ты, целый арсенал прихватил, — белозубо улыбнулся Малеванный. — Ну, здравствуй...

— Поперед положи зброю! — потребовал Роман.

— Мы же договорились — без оружия, — развел руками лейтенант. — А мне мое слово дорого...

Роман недоверчиво глянул на Малеванного, но весь вид лейтенанта — беспечная поза, дружелюбный взгляд — свидетельствовал: говорит правду.

— Добрый вечер, — откликнулся, наконец, бандеровец.

Руки друг другу не подали.

Много лет спустя Учитель сказал о Малеванном: у него были удивительно голубые, добрые глаза. Человеку с такими глазами нельзя было не верить.

Поверил чекисту и Роман. О чем они говорили в ту ночь на поляне? Сейчас уже невозможно воспроизвести весь разговор в деталях. Но, видно, нашел лейтенант самые нужные слова, если вера Савчука — Чуприны в бандеровские идеи поколебалась, зазмеились по ней трещины — так раскалывается раскаленный на злом солнцепеке камень, если плеснуть на него чистой родниковой водой.

Уже под утро Малеванный возвратился в райотдел, доложил:

— Все нормально. Савчук вел себя вполне порядочно. Судя по всему, на душе у него кошки скребут. Ищет выхода и не может найти.

Учитель медленно сбрасывал напряжение многих часов ожидания. От бандеровцев всего можно ожи-

* Звидныкувач — сводник.

дать: вдруг лейтенант, честный и смелый хлопчина, угодил в ловушку?

Молчаливый Лисовский крепко пожал лейтенанту руку.

— Значит, мы действовали правильно?

— Еще бы! — не без хвастовства сказал Малеванный. — Савчук говорит, что мы своими письмами как плугом по его душе прошли — все перепахали.

— Где он сейчас?

— Можете меня ругать и наказывать — у Евы.

— Час от часу не легче!

— Товарищ майор, понимаете, какая мысль появилась там, на поляне... Ну, пришел Чуприна, кинул автомат на землю: «Берите меня». Одним бандитом меньше, другие узнают о его выходе из лесу, задумаются тоже. Хорошо? Неплохо! Но уж если столько сил на операцию потратили, надо добиться от нее максимальных результатов. Да и Роман на большее способен! В общем он нам больше пользы принесет в лесу, рядом с Реном.

— И поэтому вы его демаскировали, вывели в село?

— Не совсем так, товарищ начальник райотдела. Он ведь и раньше бывал у Евы — и никто про то не знал. А сейчас я его просил быть впятеро осторожнее, чтоб даже собаки след не взяли.

Учитель спросил у Лисовского:

— Ваше мнение?

Тот решительно поддержал лейтенанта.

— Малеванный поступил совершенно правильно. — И объяснил Учителю: — Дело, по которому я приехал, близится к завершению. И Чуприне может принадлежать в нем далеко не второстепенная роль.

— Я тоже так думаю, — сказал Учитель. Осведомился: — Что же вы предлагаете дальше делать?

Он чувствовал: появился у Малеванного какой-то план, хлопец разумный, может предложить очень стоящие вещи.

— И после нашего разговора Чуприна не повернет оружия против своих — слишком многое его свя-

зывает с Реном. Он мне прямо сказал: «Со мной делайте что хотите, но не стану вам помогать, не надейтесь. Меня — хоть на дуб, а товарищей своих предавать не буду». Видите как — бандюки лесные для него все еще друзья... Вот я и подумал: надо так дело повернуть, чтобы он сам увидел: не друзья они ему, а враги. Всему народу враги...

Малеванный помолчал, собираясь с мыслями. Он волновался, зная, что от того, удастся ему убедить майора и Лисовского или нет, зависят дальнейшие отношения с Чуприной.

Майор спросил:

— Есть конкретные предложения?

— Есть, — не усидел на стуле лейтенант. — Так сложились обстоятельства, что Чуприна может на несколько дней безопасно для себя исчезнуть из лесу. Рен отправил его куда-то по своим бандитским делам на весьма неопределенный срок. Вот если бы нам этим воспользоваться! Повозить бы Романа по колхозам, по заводам, дать ему возможность с людьми поговорить, то есть столкнуть его лоб в лоб с той жизнью, против которой он воюет, с теми людьми, которых он проклинает. Конечно, не в нашей области, а по соседству, где его никто не опознает. Повод можно придумать. К примеру, я мог бы стать на время пожарным инспектором, а Чуприна — моим помощником... — увлеченно развивал свои планы Малеванный.

«Клин клином вышибают» — так говорится в народной пословице. Лейтенант предлагал в качестве лекарства против националистического яда влияние советской жизни. В самом деле, Чуприна видит людей как бы в злом, все уродующем зеркале — по брехливым выдумкам националистов, по той лжи, которой они пичкают своих «боевиков». В селах появляется с автоматом, в сопровождении таких же бандитов, как сам, — нагоняют страх, грабят, тут не до разговоров «про життя». Малеванный хочет, чтобы убежденный националист встретился с действительностью как мирный человек, сопоставил бы свои представления, воспитанные годами лесного бро-

дядничества, с тем, что происходит на самом деле. Нет на свете оружия сильнее правды.

Так прикидывал майор, взвешивая все «за» и «против». Задуманная «поездка» требовала и организаторской работы и предусмотрительности, мало ли что может случиться в дороге, какие встречи произойти. А хорошо бы провести Романа по колхозам, побывать с ним на концертах самодеятельности, в школах, если удастся — в институтах, и потом спросить: «Видишь, вражий сыну, против кого и чего воюешь?»

Предложение Малеванного определенно понравилось и Лисовскому. Лисовский одобрил его и попросил срочно соединить с областным центром.

В ЛЕСАХ ЗАКОНЫ НЕ ПИСАНЫ

Курьер от Рена пришел тогда, когда Ива уже перестала его ждать. Поздно вечером, когда семья Хмары и Ива уже собирались укладываться спать, в окно постучали — властно и сильно. Мыкола сунул руку в карман, щелкнул предохранителем. Ива отошла к стене у двери: если войдет враг, Мыкола встретит его лицом к лицу, она же окажется за спиной незваного гостя. Стрелять в спину не очень красиво, ну да бог простит...

— Открывайте! — нетерпеливо крикнули со двора. Мыкола многозначительно посмотрел на отца.

— Кого там носит лихая година? — ворчливо спросил старший.

— Впусти, а потом посмотришь!

Хмара отодвинул засовы, и вместе с клубами морозного свежего воздуха в комнату ввалился хлопец в ватнике, шапке-ушанке. Правая рука его тоже была засунута в карман ватника.

— Слава героям, миру этому, — с церемонным достоинством хлопец снял шапку, слегка поклонился сразу всем. — Насилу добрался...

— Чуприна! — узнал гостя Хмара. — А я думал с тобой уже на небе встре-

чаться. Говорили, будто шлепнули тебя эмгесты.

— Чтоб ты язык свой поганый проглотил, мухомор трухлявый, — выругался Чуприна. — Добре ж ты гостей встречаешь...

Мыкола и Ванда дружески пожали Чуприне руку. Видно, они его хорошо знали по прежним встречам.

А когда Роман шлепнул ласково Ванду чуть пониже талии, та сыпнула довольным смешком — чубатый красавец ей, судя по всему, нравился.

— А где же ваша городская паненка? — спросил Чуприна.

Ива все еще стояла у него за спиной, и он ее не видел.

— Не оборачиваться! — резко потребовала Ива. — Руку из кармана, быстро!

Роман не спеша вынул руку и чуть качнул ею в воздухе — пустая, любуйся. Но Ива явственно ощутила, как окаменела его широкая спина, стянутая ватником, как пружинисто отвел он чуть влево корпус, и снова скомандовала:

— Два шага вперед! Марш!

И Роман, повинуясь отрывистой, как щелканье чабанского бича, команде, расслабил тело, готовое к прыжку, послушно шагнул вперед.

Мыкола лупоглазо моргал, не понимая, что происходит. Вот так же гавкали эсэсовцы в зондеркоманде, в помощь которой их, украинских полицаев, пригнали, приказав «робыты порядок з жидкамы» в Раве Русской. Два крока вперед, обрыв ямы, выстрел...

«Влетел в ловушку? — лихорадочно соображал Роман. — Сколько их? Автомат под ватником, не вырвать... Хоть бы знать, что там творится за спиной.. Если одна девка — справлюсь, лишь бы лицом к себе повернула, носком сапога — по руке, пистолет к потолку... Только одной ей тут делать нечего, не может она одна в засаде сидеть, если хата накрылась. Нет, тут что-то другое...»

Старый Хмара нагнулся, будто хотел поправить завернувшийся половичок, и взялся за ножку тяжелой дубовой табуретки.

— Облыщите стилецы! * — заметила его жест Ива. — Стреляю без предупреждения!

— Течет вода от явора... — медленно сказал Чуприна.

— Яром на долину, — откликнулась Ива. — Красуется над водою...

— Красная дивчина, — продолжил Роман. В известных шевченковских строчках было заменено одно слово: поэт писал о калине. Именно о таком пароле Ива уславливалась с Дубровником. Но это была только часть пароля.

— Часы в кармане. Золотые, — уже уверенно сказал Роман.

— Якои пробы?

— Дев'яносто шостой...

— Все. Можешь поворачиваться. Извини...

Роман облегченно вздохнул.

— Комедию ломаешь? Мало того, что меня весь Хмарын выводок знает?

— А я могу в них быть уверена? Курьер неделю не идет, что стряслось? Может, это моих дорогих хозяев работа...

— Предусмотрительная. Был бы таким Дубровник... Убили курьера.

Ива и бровью не повела. Шагнула к столу, положила руку на край, сказала серо, бесцветно:

— Раздевайся, потом доложишь...

«Ишь ты, доложишь... — только теперь начал наливать гневом Чуприна. — Сперва пистоль в спину, а потом раздевайся. Правду передавал Сорока: стерва со взведенным курком».

Хозяева хаты медленно выкарабкивались из шока, в который их поверг неожиданный поступок Ивы. Хмара беззвучно шевелил губами — он бы и вслух высказал все, что думал, но мешало присутствие дочери. Ванда проворно забежала от печки к столу, собирая ужин для позднего гостя. Мыкола полез в шкафчик под иконами.

— Промерз? — спросил он сочувственно, добывая

* Оставьте стул!

оттуда бутылку самогонки. — Ветер такой — прощипывает насквозь. Ива, Ванда, составите компанию?

— Не откажусь, — согласилась Ива. — Зеноне Денысовичу, перестаньте зубами клацать на ночь глядя. Лучше присаживайтесь к столу.

«Дожил, — еще больше обозлился лесник, — приходит потаскушка какая-то и меня же в моей хате к чарке приглашает».

А стакан с самогонкой взял.

Ванда все норовила быть поближе к Роману, заботливо подкладывала ему в тарелку то вареной картошки, то солененьких огурчиков.

Ива ее не осуждала: красивый парень — редкий гость в лесу.

— Где гостя положите? — спросила она после того, как не спеша и основательно закусили.

— Ты как, с паперами или без них? — спросил Мыкола у Чуприны.

— Документы есть, только ты ж сам знаешь — кто им поверит, если застукают меня у вас? Что мне здесь делать?

— Тогда упрячем тебя в боковушку.

И объяснил Иве:

— Из той комнаты, где вы с Вандой спите, ход есть еще в одну, маленькую.

Ива не стала разочаровывать Мыколу. Она еще в первый день обратила внимание, что пузатый двусторчатый шифоньер красуется не на самом удобном месте, а как раз посредине стены. Обычно в деревенских хатах шкафы стараются поставить косо к углу. В задней стенке шифоньера курьерша обнаружила узенькую дверцу, плотно подогнанную к боковине.

Длинная дорога утомила Чуприну. И хотя он крепился, заметно было, что ему смертельно хочется спать.

— О делах завтра, — распорядилась Ива. — Раз уж пришел — торопиться некуда.

Чуприна ушел вслед за Вандой в боковушку. Автомат он прихватил с собой.

Ванда вскоре возвратилась. Сказала:

— Не дал даже постель расстелить. Упал как убитый.

— Нравится он тебе? — с чисто женским любопытством поинтересовалась Ива. А думала о своем. Дубровник погиб. Везучим был, не один раз смерть обходила его стороной. Все до поры. Теперь по законам подполья она, Ива, должна его заменить, выйти на прямую связь с Реном.

Придется переходить на нелегальное. А как чтобы правдоподобнее? Исчезновение студентки Менжерес в пединституте заметят, начнут разыскивать. Стоит ли рисковать? Надо что-то придумать...

Ива забралась в постель, свернулась калачиком, подтянув колени к подбородку, и моментально уснула под восторженный шепоток Ванды:

— А Роман не такой, как все, он даже Рену не боится перечить. И стихи пишет такие гарные, что плакать хочется. Шкода, его Ева, принцесса обдрипанная, ну та, из Зеленого Гая, до рук прибрала.

На следующее утро Ива попросила Мыколу отправить грепс в город, Сороке. Она сообщала, что родственник, которого она так долго разыскивала, с божьей помощью умер, да так неожиданно, что и к похоронам приготовиться не успели, а сама она заболела, температура очень высокая, и потому должна отлежаться, чтоб не вызвала болезнь осложнений. Ива просила коханого друга уладить ее дела в институте, чтобы зря не волновались коллеги по учебе, знает она их беспокойный характер, еще искать начнут. Если надо какие документы про хворобу, то пусть выручит Стефан из мастерской Яблонского, он все может, среди его клиенток есть и врачи. Все это Мыкола тщательно зашифровал и послал по подпольной «почте».

Ива надеялась: Сорока догадается, в чем дело, и примет необходимые меры, чтобы ее длительное отсутствие не вызвало чрезмерного любопытства. О смерти Дубровника он уже, конечно, знает и сделал выводы.

Роман Чуприна подробно информировал ее о гибели группы закордонного курьера. По его словам вы-

ходило так, будто Дубровник чуть ли не нарочно искал себе смерть. Адъютант Рена не удержался и обозвал курьера пыхатым дурнем, петушком из чужеземного пташника, который решил их, местных «боевиков», учить храбрости. Ива поморщилась при этих словах и вяло одернула Романа — скорее для порядка, чтобы не подрывать авторитет закордонного проводника.

— Дубровник думал, эмгебисты на ходу спят, а они все видят, даже когда в другую сторону смотрят. И командиром группы был Малеванный — тот самый, который всех жителей района в лицо знает, и дружок закадычных у него в каждом селе через три хаты — в четвертой...

Вот так и живем, — меланхолично заключил Чуприна, — сегодня по земле топчемся, а завтра землею укрываемся и растет на наших останках золотое жито.

— Поэтично, — поджала пухлые губы Ива. — А может, чертополох да будяки всходят?

Роман не стал возражать — может, и чертополох. Настроение у него был паршивое, будто сунул кто кончик ножа в сердце и слегка поворачивает в разные стороны.

— За что тебе такое псевдо дали — Чуприна? — поинтересовалась Ива.

— Когда нашел меня батько Рен, был я нечесаный да косматый, волос до самых очей отрос. Вот сотник и сказал: «Быть тебе Чуприной». С тех пор и хожу с кличкой, как пес хуторской.

— А теперь припомни, будь ласка, слово в слово, что Дубровник тебе говорил, и ты ему, как из села выбрались, когда вас из автоматов стали угощать, и как ты в живых остался, а хлопцы погибли. Приказ тебе был простой и ясный: что бы ни случилось, выручать курьера, но ты передо мной сидишь, он же погиб...

Все свои вопросы Ива задавала очень доброжелательно, только вяло от той доброжелательности холдом, как из ледника.

— Следствие разводишь? — сердито спросил Роман. — Я уже про все доложил Рену. Для меня он начальник.

— И я тоже, — медово-сладким голоском подсказала Ива. — Есть у меня такие права, не сомневайся. Только мне следствие ни к чему, меня другое волнует. Вот сейчас на эту хату налетят «ястребки», а ты в окно — и ходу, бросишь меня так же, как оставил в беде Дубровника?

— Хорошо, — махнул рукой Роман, — расскажу, как было. И тогда сама суди, надо ли мне было и свою голову там оставлять?

Роман припоминал подробности, он живо и образно нарисовал картину того, как осатанел Дубровник при виде хлопцев Малеванного и как он разумно расположил своих в снегу, только Малеванный оказался хитрее — пришел оттуда, откуда не ждали, и был готовым к бою; засада не получилась.

Рассказывая все это, Роман помнил наказ Рена — Офелия должна понять, что погиб курьер по собственной глупости, переоценил свои силы, потому и шлепнулся, как глупый карась, на сковородку рыбаков-чекистов.

Они еще недолго поговорили об обстоятельствах гибели Дубровника. Кажется, Иву вполне удовлетворили объяснения Романа.

Роману понравилась зарубежная курьерша, и он даже подумал, что с удовольствием выполнит вторую часть инструкций Рена — сойтись с нею поближе. Вот только с какой стороны подступиться — не представлял. Не Ванда ведь, которая — чуть приласкаешь — уже смотрит на тебя, как кошка на сало.

— Сколько пробудешь у Хмары? — спросила Ива.

— Сколько тебе нужно. Так Рен распорядился.

Они с самого начала стали обращаться друг к другу на «ты», были одного возраста, да и ни к чему шляхетские церемонии в лесу.

— Тогда поживи несколько дней. Я должна все обдумать и прикинуть. Может быть, с тобой уйду к Рену.

Роман решительно сказал:

— Проводник просил передать, что в случае необходимости сам с тобою встретится.

— Бойтся, старый волк, из берлоги выползает? —

залилась злым румянцем Ива. — Тогда сообщай, хочу его видеть. И чем скорее, тем лучше для него.

Роман прикинул: «Если Рен — камень, то эта курьерша — коса. Посмотрим, кто кого. Но между косой и камнем пальцы всовывать не стоит». Мыколе в тот день пришлось дважды наведываться к «мертвому пункту» — конец не близкий. Второй раз относил он грепс для Рена. Кто-то — а кто, один Рен знает, — заберет листочек бумаги с непонятными для посторонних значками из дупла старого замшелого дуба на дальней опушке леса, понесет дальше, к следующему контактному пункту. Там он попадет в другие руки, опять-таки неизвестные Мыколе. И только дня через два-три прочитает шифровку сам Рен.

И день прошел, и второй, и третий. Роман и Ива переговаривали о многом, но друзьями не стали: к радости Ванды, Ива держала «боевика» на расстоянии. Однажды Роман спросил:

— Почему решила литературу в институте штудировать? Ведь ты могла выбирать науки, так я понимаю? И как вообще в институтах учатся? Я и близко к ним не подступался — когда окончил восемь классов, война началась.

— Если всерьез спрашиваешь, то расскажу.

— Ох, горе мое, лыхая година, — хлопнул Роман кулаком по столу. — И почему ты в каждом слове подвох ищешь? Если у меня характер с перцем, то твой с самой злой ведьмы списан...

— Обменялись комплиментами. А филологом решила я стать вот почему... Конечно, ты слышал песни «Виють витры, виють буйни...», «Ой, не ходы, Грицю...», и сам, наверное, не раз их пел...

Ива рассказала, что еще в доме отца своего, профессора литературы, слышала о том, будто слова и музыку к этим и другим песням написала молодая дивчина. Поют их из поколения в поколение, стали они народными, спроси любого — песни знает, а кто их написал — нет. И во всех песенниках под заглавиями значится: «Слова и музыка народные». Родилась мечта — отыскать, найти в глубине времен имя чудесной народной поэтессы. Пришлось перечитать

сотни книг, многие часы просидеть в библиотеках. Был бы жив отец, он бы порадовался такому прилежанию дочери. Но отца не стало, и надолго пришлось отложить поиски — война, оккупация, «отчизна позвала под ружье» — так сказала Ива. Лишь совсем недавно, уже в институте, ей снова удалось продолжить поиски. И вот что она установила. Жила в Полтаве юная красавица. Принадлежала к знатному и славному роду козацкому, отец ее сложил голову в боях с врагами Украины.

Звали девушку Марусей. Вот как описывал ее современник: «Черные глаза ее горели, как огонь в хрустальной лампаде; лицо было белым, как воск, стан высокий и прямой, как свеча, а голос... Ах, что это был за голос! Такого звонкого и сладкого пения не слышали даже от киевских бурсаков...»

Полюбила девушка Грица. На свою беду, на погибель полюбила. И огромная любовь ее родила песни, которые стали народными. Их и сегодня поют в каждом селе, не зная, что сложила песни те чернобровая дивчина почти три столетия назад. «Засвит встали козаченьки», «Виють витры, виють буйни», «На городи верба рясна» — десятки поэтических шедевров были созданы молодой козачкой, дочерью урядника Полтавского охочекомонного полка. Судьба обделила радостями поэтессу. Ее огромная, самоотверженная любовь осталась без ответа. Тот самый, из песни, Гриц оказался парнем слабохарактерным. Под влиянием матери решил он жениться на дочери богатого есаула, Гале. А для поэтессы ее чувство было единственной звездочкой на земле и на небе. Излила она боль, тоску, страдания в песнях, прекрасных как любовь. И пришел такой день, когда поняла девушка, что не может жить без любимого и не может простить ему измену. Что было дальше, рассказывается в одной из ее песен: в воскресенье утром зелье копала, а в понедельник переполоскала, как пришел вторник — зелье сварила, а в среду утром Грица отравила, в четверг вечером Гриценко умер, пришла пятница — похоронила Грица.

Суд был скорый: поэтессу приговорили к смерти.

В последнюю минуту прискакал на взмыленном коне казак (любил ее тот хлопчина, а она отдала свое сердце другому) и привез наказ гетмана Богдана Хмельницкого: прекратить казнь, засчитать голову отца, погибшего в бою с лютыми врагами, за голову дочери.

Пронеслись не годы — века. Песни девушки-казаки живут, они стали частью украинской культуры. Имя ее обросло легендами. Воистину сказочная судьба выпала Марусе Чураивне: и песням ее и чувству...

— Как же судьба сложилась у Чураивны? — тихо спросил Роман.

— Она недолго прожила. Ходила по селам, по монастырям, на глазах таяла от неизвестной болезни, угасла скоро, как свеча.

— Не смогла без любви...

— Горе тому, кто поднимает руку на любовь, — очень серьезно сказала Ива. — К человеку ли, к родные. Горе тому, — повторила она с силой, — кто надеется любовь заварить злым зельем. Даже если у него талант от земли до ясноглазых звездочек!

— Правда, был такой обычай: голова за голову? — медленно, размышляя о чем-то своем, спросил Роман.

— Да. Но он не прижился у народа нашего. Люди больше уважали другой: когда добром искупается зло.

Было о чем подумать Роману после таких разговоров с Менжерес.

...Рен всегда рассчитывал точно. Так было и на этот раз. Однажды, когда Ива и Роман вели свои споры о том, как живут люди на земле и чего им не хватает, в хату лесника Хмары вошел... проводник краевого провода. Его сопровождали два телохранителя.

— Слава героям! — поспешно подхватился с лавы Роман.

Ива сидела спокойно, только очень недружелюбно поглядывала на проводника и его охрану.

— Чего зыркаешь? — спросил Рен вместо привет-

ствия. Телохранители не снимали руки с автоматов.

— Смотрю, кому это законы наши не писаны, — процедила девушка, заливаясь багровым румянцем. — Не зачепная хата, а цыганский табор...

— Законы я диктую. А что злая — то добре. Знаешь, кто я?

— Не гадалка.

— Роман, представь меня пани курьерше по всем правилам.

Чуприна опустил руки по швам.

— Проводник краевого провода Рен!

Ива погасила злые огоньки в глазах, поднялась с лавы.

— Курьер Офелия. Послушно выполняю ваши указы.

— От и славно, — сумрачно улыбнулся Рен. — С этого бы и начинала.

Спросил Хмару:

— Боковушка свободна? Надо мне с дивчиной этой по душам поговорить. Чтобы нас не слышали, и мы тоже — никого.

Ива сунула руку в карман. Но ладонь не охватила рубчатую рукоять пистолета — острая боль впиалась в предплечье. Рядом с нею стоял один из телохранителей проводника и небрежно массировал ребро ладони.

— Сволочь, — сказала Ива. — За что?

— Чтоб не лапала пистоль, — объяснил равнодушно бандеровец.

— Можно и мне его почаствовать, друже Рен? — закипая гневом, повернулась Ива к проводнику.

Рен не успел еще сообразить, о чем просит эта бедовая дивчина, как Ива резко, почти не отводя руку, рубанула телохранителя ниже подбородка. Удар был не сильный, так бьют для острастки. Бандеровец икнул, нелепо взмахнул руками и начал ловить ртом воздух.

— Чего она, батьку? — недоуменно крикнул он и сорвал с плеча автомат.

— Облыш! — властно скомандовал проводник. — Побавылись, и хватит!

— Ну и остолопы у вас в телохранителях, дружка Рен, — проговорила Офелия. — И как не боитесь с такими в рейсы ходить?

— Ладно, пошли... — сказал проводник. И приказал Чуприне: — Проследи, чтоб не мешали нам. И обеспечить охрану.

— Послушно выполняю...

В боковушке Рен снял полушубок, сел за стол, пригласил Иву:

— Садись и ты.

Он чувствовал себя и здесь хозяином.

— Чего сами пришли? — спросила Ива. — Не проще ли было мне к вам, если потребовалась?

— Про цыганский табор ты хорошо сказала. Вот и не хочу, чтоб к моим схронам торный шлях пробили. Дубровник побывал, ты придешь, еще и Сорока собирается. Где уж тут про конспирацию думать. — Он спросил напрямик:

— Как думаешь, отчего Максим погиб?

— Оттого, что поглупел, — горестно поморщилась Ива. — Никогда за ним такого мальчишества не водилось... Мне Роман все рассказал.

— То-то и оно, оторвался Дубровник от земли, решил, как та синица, море поджечь. А море волной хлюпнуло и...

Проводнику понравилось, что Ива винит в гибели самого Дубровника.

Он поднялся тяжело с лавы, приоткрыл дверь в горницу.

— Ванда, дай нам повечерять. Сюды неси, довга у нас буде розмова з пани Ивою...

Они проговорили всю ночь. Вначале Рен спрашивал — Ива отвечала. По тому, чем он интересовался, Ива сразу поняла — знает Рен каждый ее шаг и о каждом ее поступке ведает. За эти месяцы дотошный Сорока прощупал всю ее жизнь — и прошлую и настоящую.

— Я приказал срочно переводить тебя на нелегальное, — сказал вдруг проводник. — Догадываешься, зачем?

— Видно, мне больше не надо возвращаться в город...

«Умная, — отметил Рен. — Так о ней и Дубровник отзывался. Да, другого выхода нет, — размышлял проводник. — За кордоном ждут курьера. Дорога туда опасная — не каждый ее пройдет, для этого мало храбрости, нужны и хитрость, и знание обстановки, умение ориентироваться в сложнейших ситуациях. Ива пришла «оттуда» — значит, ей проще, нежели другим, добраться до центрального провода. Человек свой — проверена многократно. И раньше ходила в рейсы, значит, не в диковинку ей эта работа».

— Ты уйдешь за кордон.

— А как же с Марией Шевчук, зеленогайской учительницей?

— Сорока докладывал: вышла ты на след... То добре, приговор должен быть выполнен. Это делают другие. Но сейчас важнее всего вот что: центральный провод следует информировать о наших делах. Ты пойдешь не с победными реляциями, а с докладом об истинном положении вещей. Сможешь?

— Постараюсь.

— И чтоб никаких фокусов в пути — у тебя только один приказ: обеспечить связь. Если почувствуешь, что попалась, тогда...

— Я поняла...

— Потому что сведения, которые ты понесешь, если попадут к чекистам, уничтожат всю организацию, точнее то, что от нее осталось.

Рен горько улыбнулся.

— Покажи руки, — неожиданно потребовал он.

Не удивляясь, Ива протянула тонкие девичьи руки — ладошками вверх.

— Никогда не думал, что вот в такие беличьи лапки вручу ключи от нашей сети.

Девушка обиделась.

— Если не доверяете — тогда к бисовой маме со всеми вашими тайнами...

— Не кипятись. Это я, чтоб прочувствовала, какую тяжесть на себя принимаешь. А другого выхода нет — только ты знаешь этот путь.

— Откровенно.
— Говорят, любишь с оружием забавляться. Учти, в этом рейсе у тебя в случае опасности может быть только один выстрел — для себя.

— Уже предупреждали.
— С Дубровником был спокоен — Максим знал, как в таких случаях действовать. Дубровник — кремень. Но его нет. И говорить об этом больше не будем. А теперь слушай и запоминай.

Рен перешел к детальной характеристике подполья. Разговор закончили под утро. Рен час-другой подремал и сразу же ушел со своими хлопцами лесами на базу. Ива должна была отправиться в рейс через день — провожать до кордона ее будет Роман.

— Я ему приказал, — сказал Рен на прощанье, — чтоб стрелял в тебя при первой же опасности.

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ МАЙОРА ЛИСОВСКОГО С ОБЛАСТНЫМ УПРАВ- ЛЕНИЕМ:

Лисовский: Все идет нормально.

Начальник облуправления: Знаю, сообщение о ходе подготовки получил. Спасибо за отличную работу. Сообщите Веселке: за храбрость и мужество в борьбе с врагом ей присвоено досрочно звание капитана, она награждена именным оружием. Поздравьте от имени всех нас.

Лисовский: Здорово! Сразу же передам эту новость...

Начальник облуправления: Берегите ее. Обеспечьте максимум возможной безопасности.

Лисовский: Постараюсь. Но какая уж тут безопасность? Она в самом пекле...

Начальник облуправления: Ну что ж, если все готово, приступайте к заключительному этапу операции. Желаю успеха...

ЗЕЛЕНАЯ РАКЕТА

Ива разрешила Роману попрощаться перед уходом на задание с женой и дочкой, только попросила особенно не задерживаться.

— Завтра же и возвращусь, — заверил Роман. Он ушел, когда стемнело: автомат повесил на грудь и тщательно проверил пистолет.

Ива видела, как он собирався, и что-то ей не понравилось в той сосредоточенности, с которой Чуприна покинул хату лесника. Так не уходят, если намерены вернуться...

Предчувствие не обмануло ее. Роман не пришел к назначенному сроку, он не появился и в следующую ночь. Тщательно разработанный план полетел кувырком. Ива и так и сяк прикидывала, куда мог деться Чуприна, и не могла прийти к определенному выводу. Роман мог попасть в облаву, нарваться на случайную пулю, отправиться к Рену, если заподозрил неладное, явиться в ближайшее отделение милиции — вдруг решил выйти из леса? — наконец, заболеть. Вариантов было много, как тропинок в лесу.

Старик Хмара ворчал:

— Ну, вот и допрыгалась. Схватили Чуприну, на-

верное, сейчас рассказывает, как к моей хате проще пройти.

— Не нойте, — властно прикрикнула Ива на лесника, — и без вас тошно. Сегодня ночью все узнаю...

Она действительно к вечеру тоже ушла. Прощаясь, приказала:

— Если к утру меня не будет, уходите к Рену.

Мыкола принялся чистить автомат, поминая недоброе слово всех святых, которые его, непутевого, спутали с бандеровцами.

Когда рассвело, Ива постучала легонько в окно хаты Хмары. Она устало сбросила запорошенный снегом козушок, с трудом стянула валенки.

— Все в порядке, — сказала Хмаре. — Заболел Роман, потому и исчез. Отлеживается у Евы. Завтра будет здесь. — Ива, ехидно улыбнувшись, добавила: — Наконец-то вы от меня избавитесь — завтра ночью отправимся мы с Романом в дальний путь...

Она не стала ужинать, ушла в свою боковушку, предупредив, чтоб не будили: хочет отоспаться. Ей действительно надо было отдохнуть — происшедшие за эти дни события потребовали немало сил и выдержки.

Роман Чуприна, как только добрался до Зеленого Гая, сразу же послал Еву к Малеванному. «Передай лейтенанту, — втолковывал он жене, — что мне нужно с ним встретиться немедленно. Понимаешь, очень срочно...»

Чуприна твердо решил: придет Малеванный, и он ему скажет, что пора заканчивать эту затянувшуюся игру, сколько бы веревочке ни виться, а все равно конец будет. Да, он ошибся. Да, его ошибки оплачены дорогой ценой. И поскольку платили другие, то Чуприна готов встать перед людьми: «Карайте меня и судите так, как я того заслужил».

Дальнейшая борьба действительно бессмысленна. Замахнулись трезубом * на солнце.

* Трезуб — символ украинских буржуазных националистов.

И ни жарко от этого солнышку, ни холодно.

Не хочет больше Чуприна возвращаться в лес, к Рену.

Лучше к стенке.

И с этой курьершей не хочет идти — от таких осатанелых вся беда. Пусть идут чекисты к хате Хмары и забирают ее. И еще, если требуется, Роман сам выведет их к логову Рена.

Против кого сражались? Против народа, вот против кого. Сколько их было, тех, кто поднимал руку на народ? Петлюра... Скоропадский... Махно... Тютюнник... Всех не перечесать. По-разному кончили, а судьба у всех предателей одна: ненависть и презрение.

«Вот придет Малеванный, скажу: «Веди, как дурного бычка, на веревочке туда, куда всех нас водите... Будь что будет, все равно конец, рано или поздно...»

Однако лейтенант Малеванный почему-то не очень торопился одобрить решение Романа. Он приехал сразу же, как только получил весточку от Евы. И твердо сказал Роману:

— Погоди, не пори горячку. Мне надо посоветоваться кое с кем. Если решил окончательно порвать с лесом — дело доброе. Но сделать его надо уметь.

Договорились, что встретятся на следующую ночь в лесу — Малеванный просил строго соблюдать все правила конспирации. Роман еще подивился тому, что сообщение о важной курьерше на лейтенанта не произвело заметного впечатления.

С трудом дождавшись ночи, Чуприна пошел на приметную лесную поляну, где встретился с Малеванным в первый раз.

Лейтенант опаздывал, и Роман уселся на пень, прикрыл лицо воротником от сырого ветра, гнавшего впереди себя колючие снежинки. Автомат он положил на колени — решил сдаваться лейтенанту с оружием. «А добрый бы из Малеванного товарищ получился. С таким не страшно и через огонь», — подумал с симпатией.

То ли ветер заглушил звуки, то ли необычные мы-

сли притупили лесное чутье Романа, но не услышал он шагов, не заметил, как от края поляны, оттуда, где встали вековые дубы, отделился человек и пошел по снежной, прикатанной ветром целине.

Снег был мокрый — не скрипел под валенками.

Гуляла поземка по поляне, человек шел, подняв воротник, уткнувшись подбородком в овчину полушубка, отворачиваясь от ветра.

Поляна была в деревьях, как в кольце. С одного края разрежала это кольцо просека, и врывался ветер в нее, будто в трубу печную. Темнел в конце просеки кусок неба.

Человек подошел вплотную к Роману, остановился. Сидел Чуприна на пне большой, нахохлившейся птицей, втянул голову в плечи, сгорбился.

— Вечир добрый, Романи, — услышал неожиданное совсем рядом.

Через мгновение был на ногах, уткнул ствол автомата в грудь пришельцу.

— Выследила?

— Погоди! — крикнула Ива. — Не стреляй, одна я, успеешь еще. Пришла к тебе с приветом...

— От кого?

— Велел кланяться лейтенант Малеванный...

Чуприна не нажал на спусковой крючок, но и не опустил автомат. Он быстро прикинул, что в лесу один на один ему нетрудно справиться с Ивой — к утру и снегом ее заметет, пролежит до весны. Первая его мысль была: попал лейтенант в западню. Но нет, Малеванный не из тех, кто предает товарищей. Тогда откуда здесь взялась курьерша? Сам Рен говорил, что Ива прошла огонь и воду, ей закордонное руководство доверяет полностью. Фанатичка, особо доверенный курьер... Такие идут до конца... Тогда, значит, тянулись за ним хвостом эсбековцы, когда встречался с чекистом. Как же он не заметил?

Роман прикидывал: выследили, захватили лейтенанта, когда шел на встречу, и послали Иву — может, что-нибудь выпытает. Пулю ей в лоб, чтоб не шкодила больше, не посылала на убийства... Только раньше попробовать надо — вдруг скажет что-нибудь

о Малеванном и еще можно выручить хлопца? Что спасти придется от своих, об этом как-то не подумалось. А то лучше отвести ее к чекистам — пташка закордонная. Скажут чекисты спасибо...

— Соображаешь, как меня в райотдел спровадить, — прочитала его мысли Ива. — Не ломай голову напрасно.

— Куда дели Малеванного? — заорал, не сдерживая больше душившей его ярости, Роман. — Замордовали хлопца, падашь закордонная? Отвечай! Не поведу тебя к чекистам, у них законность очень соблюдают! Становись под дуб, молись богу, если не разучилась...

Роман сыпал проклятиями и ругательствами, выбирая такие, что ранят побольнее.

— Охолонь, хлопче! — отвела безбоязненно ствол автомата Ива. — Прежде чем лаяться, послушай... Не найдется у тебя сигареты?

— Ты ж не курила, — хмуро ответил Роман.

— Чудак чудачина! И сейчас не курю. Это Малеванный велел спросить: не найдется у тебя сигареты?

— Предпочитаю самосад, — по-прежнему ничего не понимая, ответил на первую фразу пароля Роман.

— Крепкий?

— Кому как, а для меня в самый раз.

— Ну вот, а ты сразу «становись под дуб», — устало поддразнила Ива хлопца.

— Так ты...

— Не будь чересчур любопытным. Об этом пароле с лейтенантом договаривался? Об этом... Останемся в своем знакомстве пока на достигнутом...

Малеванный предупреждал, что вместо него может прийти другой человек. Мало что случится... Вот только курьера Иву никак не ожидал встретить Роман.

Они стали плечом к плечу — пурга в спину, — Чуприна почувствовал на лице легкое дыхание Ивы. Снег выбелил ей брови, таял на густых ресницах.

Небо было недобрым, размалевал его ветер густой завирюхой.

Был у них странный разговор.

— Мне Малеванный сказал: хочешь выходить из лесу?

— Так решил.

— Хочу просить тебя, Роман, не торопись с этим.

— Ты в своем уме? Я дважды себе дорогу не выбираю.

— Знаю, хлопчина ты крепкий, сама убедилась. Но не свернул ли ты на самую легкую стезю?

— Ночами не спал, пока решил. В конце той «легкой» стези — смерть. Приговор никто не отменял. Да и кто ты такая, чтобы отговаривать от единственного правильного шага в моей жизни?

— Повернись лицом к ветру! Чуешь? Чем пахнет ветер? Весной! Придет апрель, почернеет земля, выползут из зимних берлог «боевики», пошлет их Рен убивать...

— Как мне тебя называть: Ива или по-другому?

— Скажу, не торопись. Все скажу. Ты ведь слышал, как снаряжал меня Рен за кордон. Сообщил, сколько бандитов осталось, и планы свои на весну раскрыл — усилить террор.

— Рен такой: отрубят руки — зубами будет кусаться.

— Мало осталось лесных твоих родичей, не обижайся, Ромцю, а много могут горя принести.

— Не все выполняют приказ Рена. Некоторые за зиму поумнели, хотят тикать из лесов.

— Кто-то выполнит. Снова сироты, снова пожары...

— Так что ты хочешь от меня? Я не иуда, изменой жизнь не покупаю!

И тогда сказала Ива, будто ножом в сердце ударила:

— Да, ты однажды изменил! Украину предал врагам ее заклятым! Так подними оружие против тех, кто обманул тебя, против врагов своей Отчизны!

— Вот ты как меня...

— А ты думал, уговаривать стану? А люди пусть гибнут? Что нам с того, не твоя сестра и не моя, не наши дети? Нет, Роман, не так ты про честь думаешь! Мне моя гордость не меньше твоей дорога, а наде-

ваю вашу шкуру и в вашу стаю забираюсь, чтобы не лилась кровь, чтобы не пострадала Родина от рук бандитов! Сказал, выбрал уже дорогу... Так иди до конца, не останавливайся. Мужчиной будь!

— Не агитируй, не на комсомольских зборах. Ведь, наверное, комсомолка?

— Ошибся, коммунистка!

— Ого! Спроважу тебя к Рену, вот будет подарочек нечаянный!

— Йой, Ромцю, ну що за глупство? Ты в свою душу заглянь, другим стал за эти дни, навек от бандитов отвернулся. — Ива спросила:

— Помнишь, как погибла группа Дубровника?

— Сам там был.

— Ты живым ведь тогда ушел... — вела свое Ива.

— Только чудом и спасся. До сих пор удивляюсь... — Романа явно заинтересовал неожиданный поворот разговора, он выжидающе смотрел на девушку.

— Благодарю Малеванного, что землю топчешь.

— Так он...

— Да. Узнал тебя на автобусной остановке, фотография твоя есть, еще со времен оккупации. Вот и провалился бездарно Дубровник. Правда, и курьер наделал ошибок, решил, что он умнее всех, захотел в «герои» выбиться. А может, и по каким другим причинам напал на группу Малеванного — сейчас не узнаешь. Только Малеванного не проведешь, увидел тебя, узнал. А кто с тобой мог быть, как не бандиты? Потому и засел в крайней хате, откуда все ваши маневры как на ладони видел. Знаешь, какой приказ он отдал?

— Какой? — Роман никак не мог свернуть самокрутку, ветер рвал из дрожащих пальцев квадратик бумаги.

— Приказал Малеванный: «Не захотят сдаваться, дойдет дело до стрельбы, смотрите не зацепите того чубатого, что в стеганке. То мой крестник». Потому и ушел ты живым. Никаких чудес, так-то, Ромцю...

Где-то очень далеко, там, где за серой пеленой

снега спряталось село, поднялась в небо красная ракета. Ива проводила взглядом оранжевый, размытый пургой комочек огня.

— Как по вашим правилам вы поступаете, если видите в небе ракету? — спросила у Романа девушка.

— Обычно обходим то место. Мы ракетами не пользуемся, ходим в темноте. А раз ракета — значит там «ястребки» хороводятся...

— Добре, — почему-то обрадовалась Ива и сунула руку за отворот колушка.

Роман отпрыгнул в сторону, потянул затвор автомата.

— Оставь. Ни к чему мне в тебя стрелять. И не пистолет у меня, а ракетница. Договорилась со своими, если беспокоятся, пусть сигналият, я отвечу, ваши обычаи мы тоже знаем.

Ива переломила ракетницу, достала из кармана два заряда.

— Зеленая ракета — «все в порядке», красная — «прощайте, товарищи»... Какую выбирать?

Роман ответил не сразу. Вот и наступил тот момент, когда надо решать окончательно: или — или... Он, наконец, скрутил сигарку, прикрылся полком ватника, прикурил.

— Зеленую. Кажы, що бажаеш од мене?

Улетел в небо зеленый комочек, описал дугу, погас.

— Ну, що робыты? Вирю Мальованому, а раз прыйшла од нього, то й тоби вирю...

— Тебе придется возвратиться к Хмаре. Завтра же. Потому что должны мы с тобой уйти в тот рейс, в который посылает нас Рен...

— Все шуточки шутишь? — всерьез обиделся Роман.

— Сейчас не до шуток.

— А почему не пришел Малеванный?

— Потому, что не ему, а мне требуется твоя помощь. Впрочем, давай по порядку...

ДВОЕ В БУНКЕРЕ

Роман возвратился на базу Рена недели через полторы и доложил: все в полном порядке, курьершу провёл до самого кордона, верные люди сообщили, что на ту сторону перешла благополучно. «Ну-ну», — неопределенно протянул Рен. И распорядился, чтоб Чуприна никуда с базы не отлучался, может понадобится. Роман молча ушел в свой бункер, два дня отсыпался, почти не появлялся у проводника. Его очень обеспокоило, что Рен даже не поинтересовался подробностями трудного перехода к кордону. За эти годы он хорошо изучил проводника и сразу понял, что того беспокоят какие-то подозрения.

Рен и в самом деле почувал опасность. Трудно сказать, по каким признакам. Правду говорят, у старого волка нюх особый. А вроде бы все было спокойно, «боевка» занималась будничными делами: кто латал одежду, кто чистил оружие, кто лениво перебрасывался в карты.

Рен с утра неприкаянно бродил по бункеру, порой о чем-то задумывался и тогда стоял неподвижно, подпирая головой низкий накат. Когда на проводника находило такое настроение, в его

бункер боялись соваться. А тут Рен сам вызвал двух «боевиков» и приказал проверить, хорошо ли заминирован схрон с архивом краевого провода.

Архив накапливался несколько лет. В металлических патронных ящиках хранились донесения от сотников и проводников, рапорты самого Рена центральному проводу, протоколы совещаний его штаба, копии приказов, записи бесед с разными людьми. Рен во всем любил порядок: когда кого повышал в звании, расстреливал или награждал — все фиксировал в документах.

Бумаги эти представляли определенную ценность. По ним можно было проследить действия краевого провода за значительный отрезок времени, выявить важные связи. Кроме того, они, по сути, являлись грозным обвинением: в рапортах сотников и военно-полевой жандармерии националистов подробно перечислялись все акции против населения. На большинстве приказов и рапортов значилось вместо названия территории стандартное «місце постою», но в тексте встречались наименования сел, лесов, рек, дорог, и по ним можно было определить зоны действия банд. Правда, они уже не существовали, однако в тех местах еще скрывались уцелевшие «боевики».

Рен собирался вывезти свой архив за кордон, — когда придет на то время, чтобы сказать там: вот оно, подтверждение моей борьбы...

«Боевики» возвратились растерянные.

— Друже проводник, в минах вывернуты взрыватели, — переминаясь с ноги на ногу, доложили Рену.

— Заминируйте снова, — внешне спокойно распорядился проводник. — Ящики откройте, рядом поставьте канистры с бензином. Чтоб дотла сгорело все после взрыва.

«Неужели Роман предал? — росло у Рена подозрение. — Он минировал схрон с архивами... Он знает, как и обезвредить мины».

Велел позвать Чуприну. Пока искали Романа, проверил пистолет, еще один сунул в задний карман брюк.

Роман влез в бункер заспанный — подняли с нар. — Кажется, Роман, приходит нам конец, — проводник был очень встревожен. — Надо менять базу связи, курьеров — все менять, если хотим остаться живыми.

Говорил, а сам испытующе поглядывал на адъютанта.

— Нелегко это зимой, — после короткого размышления сказал Роман. — Будем, как медведи-шатуны, по лесам мотаться. А что стряслось? Вроде бы ни откуда тревожных сигналов не поступало...

«Сказать про архив или нет? — колебался Рен. — Нет, пока не скажу».

— Вот то-то и оно... Не могут чекисты оставить нас в покое. Они даром хлеб не едят. Откуда, почему такое затишье? Будто и нет нас на белом свете. Не к добру. Значит, собираются с силами, чтоб ударить смертельно.

— Так и наши не активничают, — продолжал сомневаться Роман. — Может, потому и тишина? Мы их не трогаем, они нас тоже?

— Глянь, Романе, мени в очи, — негромко приказал Рен.

Чуприна поднял голову. Было у него в неясном свете копилки лицо как из меди; отливала светлым литым металлом присушенная, прокаленная зимним студеным ветром кожа. Он не моргнул даже тогда, когда проводник медленно опустил руку в карман.

— Был я тебе отцом...

Рен внимательно всматривался в голубые глаза Романа, будто искал в их глубине то, что подтвердило бы его неясные сомнения, навеянные сегодняшним днем подозрения.

Роман смотрел на него без ненависти — равнодушно, чуть озабоченно.

— Помнишь слова Тараса Бульбы? И крикнул он сыну Андрею...

— Изменил Андрей Украине...

— ...Крикнул сыну Андрею: я тебя породил, я тебя и убью!

— Это на вас одиночество так действует. Сидите

в бункере безвылазно. Слышал я, будто в одиночку люди с ума сходят, — дерзко сказал Роман.

— Щенок! — загремел проводник. — Языком измену заметаешь? А у самого очи застыли, как из гипса вылепленные!

«Вот и конец, — горестно подумалось Роману, — недолго ждать довелось». И еще обрывками, обгоняя друг друга, понеслись другие мысли: не оставит Рен в покое Еву и дочку, пошлет своих головорезов, закатуют.

У Рена рука твердая. Он не знает жалости. Отравлена его дурная кровь ненавистью.

А там, над толстым накатом бревен, опускается в леса солнце. Низкое вечернее небо навалилось на сосны. Сегодня оно спокойное: желто-оранжевый диск солнца, идут медленно бесконечные облака. Стынет на ночь глядя лес. Наверное, именно сейчас двинулись в путь оперативные группы. Если бы протянуть несколько часов...

В бункере душно. Воздух плотный, стоялый, пропитанный потом, запахами пищи, ружейной смазки, лежалой одежды. Роману хочется разрезать воздух на куски, как студень, и выбросить через круглый люк наружу. У Рена рука в кармане — там пистолет. Он всегда был предусмотрительным, Рен, даже когда подобрал оборвыша, сунул ему кость: жри и помни, чье мясо лопаешь...

У Рена рука в кармане. Хорошо стреляет Рен. Стоит Роману потянуться к рукоятке «парабеллума», торчащего за широким солдатским поясом — нажмет Рен на спусковой крючок, опрокинет Романа пуля, останется Настуся сиротой, а Ева — молодой вдовой. А предупреждала ведь Ива, чтобы ни на секунду не ослаблял внимания, Рен опытный и хитрый зверь.

— Руки за спину, — приказал проводник.

Роман стоял, чуть расставив ноги, зорко следил за каждым движением проводника. Он нехотя выполнил приказание, всем своим видом показывая, как его возмущают непонятные подозрения.

— Кто вывинтил взрыватели?

— Какие взрыватели? Спал я. Кому приказали, у того и спрашивайте.

— Пообещали тебе жизнь сохранить эмгебисты? В обмен на архивы? Или на меня? Может, ты и Дубровника под пулю подвел?

— Жизнью своей не торгую! — презрительно процедил Чуприна. — Сами отучили беречь свое життя и чужое!

Рен вырвал из-за Романового пояса «парабеллум», швырнул его в дальний угол.

— Шагай из бункера!

Проводник взял автомат, щелкнул предохранителем, повесил на грудь.

Вход в бункер — круглый металлический люк, вроде тех, что на канализационных колодцах. Закрывается массивной крышкой. Когда крышкой не пользуются, на ней растет разлапистый куст, маскирует вход. Его можно сдвинуть в сторону или, наоборот, «посадить» точно на чугунную плиту, прибросить снегом, и первая же метель заметет, запорошит все следы.

Сейчас люк отброшен — лагерь глубоко в лесах, и каждый, кто попытается к нему подобраться, напорется на мину еще на дальних подступах. Они стерегут логово — эти деревянные коробочки, прикрытые снегом, — лучше всяких часовых. Но и охранение тоже выставлено: на высоких соснах устроены несколько гнезд для наблюдателей.

Чтобы выбраться из бункера, надо подняться по лесенке, как в погребе, протиснуться в узкую круглую дыру.

— Давай, давай! — подтолкнул проводник Романа автоматом.

Интересно, куда поведет? К схрону с архивами? Зачем? Тогда подальше от бункера — дальним эхом откликнется в соснах автоматная очередь, станет одним жильцом меньше на белом свете? Но если отойдут от лагеря, сразу увидит Рен разрытый снег, свежеприсыпанные ямки — там, где были мины. Еще днем, как и договаривался с Ивой, расчистил Роман тропу, повывинчивал взрыватели у чертовых

игрушек. По этой тропе скоро пройдут оперативные группы.

Роман поднялся по ступенькам лесенки, услышал сзади тяжелое дыхание Рена. Не бережется проводник, ой не бережется. Уверен, что сломил тогда, в далеком селе, Романа, навеки поселил в его душе веру в свое могущество. И страх... А может, думает, что сын на батька руку не поднимет? Хватило у Андрея сил лишь на то, чтобы принять Тарасов удар... Только Андрей действительно изменник был, променял Украину на паненку, и карал его Тарас не одной отцовской волей — именем родины...

Ива говорила: будешь колебаться — погибнешь. Как только выберутся из бункера, дальше что ни шаг — все к смерти. Потом соберет Рен «боевиков», ткнет автоматом в распростертого на снегу Романа, сурово скажет: «Дурную траву с поля...» И добавит что-нибудь вроде: «Сына не пожалел — был он мне как сын...» И будут хлопцы покорно бродить за Реном по лесам — никому неохота вот так падать в снег. А по бандеровским схронам пойдет гулять еще одна легенда о «железном Рене», не знающем, что такое жалость. Из всего умеет извлекать выгоду хозяйственный Рен.

Роман подтянулся на руках, выбросил тело из люка. Солнце уже почти село, еще несколько минут, и наступит темнота. Потом придет Малеванный. Он будет идти по тропе, которую приготовил для него Роман. А на стежке той снова будут мины. Жаль, погибнет такой хороший парень...

Голова Рена показалась из бункера. Отяжелел проводник, квадратные плечи с трудом протискиваются в отверстие.

Роман решил. Он ударил ногой по подпорке, удерживающей массивную крышку. Литая из чугуна плита опустилась на голову проводника. Роман открыл ее и прыгнул в бункер. Проводник, оглушенный, лежал у лесенки, разбросав руки. Роман вырвал из безжизненных рук автомат, пистолет, оттащил тело в сторону.

Послышались голоса — к бункеру шли. Роман

даже знал кто: те двое, которых посылал Рен заминировать схрон с архивами. Выполнили приказ проводника и теперь шли доложить. Заглянут в бункер — все: пришибленного Рена спрятать некуда.

Роман высунулся из бункера.

— Все в порядке, хлопцы? — спросил спокойно.

— Сделали! А где проводник?

— Отдыхать лег. Велел не тревожить.

— Или он сдурел, или ты! По лагерю чекистская зараза шляется, взрыватели повывинчивали, а он почивать вздумал. Нашел время! — Высокий бандеровец, Роман его хорошо знал, впрочем, как и всех в этом лагере, решительно направился к бункеру. — Пустите к Рену!

— Стой! — все еще надеясь, что они отвяжутся, крикнул Роман. — Сам доложу!

— А иди ты, хлопче, к... — люто выругался высокий. — И мы язык не проглотили...

Они были уже метров за десять.

— Стреляю! — предупредил Роман.

— Он воно що! — понимающе процедил бандеровец. И внезапно упал в снег, срывая автомат с плеча.

Роман нажал на спусковой крючок первым...

И НАСТУПИЛА ТИШИНА

— А ну, хлопцы, бегом! — скомандовал начальник райотдела. — Черт знает, что у них там творится!

Он вслушался в треск автоматных очередей. Стрельба шла беспорядочная, очереди частили, перекрывая одна другую, лес раскатывал их звонко по полянам. Вот ухнула, будто лед на пруду раскололся, граната.

Учитель недаром прошел войну. Он быстро отличил, что один автомат — у каждого оружия свой «голос» — бьет через равные промежутки, скупое и экономно, короткими очередями.

— У твоего Чуприны какая «машинка»? — спросил майор на бегу у Малеванного.

— Немецкая.

— Похоже, он отбивается.

Вытянувшись цепью, по лесу бежали солдаты, бойцы истребительного отряда.

Быстро темнело, и пробиваться сквозь густую чащу было трудно. Мешал глубокий, протаявший за день, ставший вязким снег. Малеванный путался в полах длинной шинели и проклинал себя, что не надел ватник — показалось неудобным перед солдатами. Автомат он держал в руке,

готовый стрелять немедленно, по первой же подозрительной тени.

Он с тревогой думал, что вот сейчас наступит в лесу тишина, это значит — не выдержал Роман боя, прикончили Романа. Жаль хлопца, только начал он нащупывать свою дорожку в честную жизнь.

«Боевка» Рена вместе со штабом насчитывает десяток человек — так говорил Чуприна. Один против десяти...

— Внимание! — поднял руку Учитель. И Малеванному: — Уже близко дозор бандеровцев. Иди!

Лейтенант и еще двое солдат ушли в темноту. «Хорошо ходят, — отметил одобрительно майор. — Ни звука...»

— Тропа есть, — доложил вскоре Малеванный. — Дозор покинул вышку, наверное, побежали в лагерь на выстрелы.

Теперь шли медленно, посматривая под ноги. Наткнулись на первую чуть прикиданную снегом ямку. Малеванный осторожно разбросал снежок — пусто.

— Мины сняты! — обрадовался он. — Молодец Роман!

Автоматы стучали совсем рядом.

Вся операция была продумана заранее до деталей. Майору не надо было отдавать новых приказаний. Он только следил, чтобы все шло так, как рассчитывали.

Солдаты и «ястребки» начали окружать плотным кольцом поляну. На руках у всех белели повязки — чтоб не перестрелять в темноте друг друга. На оцепление поляны отводилось двадцать минут. Майор уже поглядывал нетерпеливо на часы, когда наступила тишина. «Доконали хлопца!» — пронеслось в голове. Майор поднял ракетницу, и бледный свет вырвал из темноты черные фигурки людей, сбившихся в кучу.

— Сдавайтесь! — крикнул Учитель.

В ответ снова заработали автоматы. Но их тут же перекрыли гранатные взрывы — вспышки больно ударили по глазам. И все было кончено.

Краевой провод перестал существовать.

Майор и Малеванный вошли в бункер проводника. Роман попытался встать, но тут же бессильно упал на земляной пол.

— Он меня в спину, гад, — прошептал еле слышно.

Майор кивнул. Ему не надо было объяснять, что тут произошло. Проводник очнулся в разгар боя Романа с «боевкой» и выстрелил ему в спину — по старенькому кожушку парня расплылось бурое пятно.

— Врача, быстро! — распорядился он.

Рен не ушел далеко. Его нашли среди других бандеровцев, разбросанных гранатными взрывами по поляне. Наверное, выстрелив в спину Роману, он кинулся к тайнику с архивами — и не добежал...

У бункеров встретились несколько человек, от усилий которых, храбрости и умения зависел исход всей операции. Начальник райотдела — Учитель... Лейтенант Малеванный... Ива Менжерес... Майор Лисовский...

Ива подошла к Лисовскому.

— С победой вас, Стефан, — сказала очень просто. И поправилась: — Виновата: с победой, товарищ майор!

Лисовский улыбнулся:

— Это мне надо вас поздравлять в первую очередь, товарищ капитан.

Он вдруг озорно подмигнул, зачастил:

— Недавно получил с большим трудом партию дефицита. Люкс, перша кляса... Что желает прекрасная паненка?

— Прекрасная паненка желает, наконец, отоспаться, — устало сказала Ива.

На этом можно было бы поставить точку. Операция закончилась, а значит, закончился и наш рассказ. Но автор знает, что у читателей осталось несколько вопросов. Где Мария Шевчук? Что случилось с Ивой Менжерес? Какова судьба Сороки, Оксаны, Кругляка, Яблонского и других бандитов? Как сложилась, наконец, доля Романа Савчука?

Ну, что касается Сороки и его приспешников, то здесь все понятно: сели они на добротную сколоченную украинским столяром скамью подсудимых. Грозным обвинением против них и других бандеровцев стали, в частности, документы, что хранились в тайном архиве Рена. Их обнародовали, и люди узнали о зверствах, молва о которых глухо катилась от села к селу.

На судебном процессе рядом с Сорокой сидели и те, кто прятался по бункерам и схронам, кто направлял руки убийц, указывал им цели, отдавал приказы о грабежах и поджогах. Сеть националистов-бандеровцев, подготовленная в годы оккупации, была ликвидирована стремительным ударом в ту ночь, когда перестало существовать логово Рена.

Роман Савчук оправился от раны. У Настуси теперь есть отец — колхозный механизатор, влюбленный в машины и в родное село Зеленый Гай, где он поселился.

А как же Мария — Ива?

Через много лет после описываемых событий автор отыскал бывшего начальника областного управления МГБ. Помните, того, что напутствовал Марию Шевчук в дорогу к обычному чекистскому подвигу? Он давно уже в отставке, и вряд ли кто из соседей по дачному поселку догадывается, какой удивительной судьбы человек живет рядом с ними. Чекисты и в отставке хранят молчание о событиях, в которых им пришлось участвовать. Но в данном случае правило было нарушено — прошло двадцать с лишним лет.

— Однажды, — сказал полковник, — мы перехватили закордонного курьера. Она переходила границу легально. Легенда была крепкая: побывала в фашистских лагерях, дочь местного профессора и так далее...

— Офелия?

— Да. Такая кличка была у этой девицы. Подлинное имя — Ива Менжерес...

— Значит, все-таки Ива...

— Не торопитесь. На границе Иву — Офелию

опознали как активную бандеровку из Жешувского воеводства Польской Народной Республики. Она попала к нам. Дивчина злая, издерганная судьбой, плотно напичканная националистическими идеями.

— Как же вам удалось?..

— Опять лезете поперек батька в пекло! Не буду рассказывать, что и как удалось. Скажу только: вместо Ивы дальше пошел наш человек. Чекистка. Лейтенант государственной безопасности. Комсомолка. Вот так. Если догадаетесь кто, будем разговаривать дальше. — Полковник улыбнулся и вдруг махнул рукой:

— Не ломайте голову, не сообразите. Мария Шевчук пошла «курьером» — вот кто!

— Позвольте! Но ведь у Ивы было задание найти виновников провала операции «Гром и пепел», уничтожить зеленогайскую учительницу Марию Шевчук.

— Вот она и искала саму себя. Очень деятельно искала: по всему краю ездила, бандеровские явки устанавливала, связи выясняла, к самому Рену пробила.

— Тогда как же с покушением на Иву? И как она могла появиться в тех местах, где ее знали как Шевчук?

— В нашей работе тоже бывают случайности. Опознал Марию в городе один из недобитых «боевиков» Стася Стафийчука. Бывает и так: все рассчитано, продумано, выверено — и вдруг случай, нелепость могут погубить операцию. Трудно ей пришлось, но смогла принять единственно верное решение и выстрелить первой.

— А с поездкой?

— Помните, автобус сломался, и Ива — Офелия пересела в попутную машину? В дороге всякое может произойти... Могла же в райцентр приехать другая дивчина: в брюках, в шубке, в пуховом платке, меховых сапожках? А Мария хоть передохнула несколько дней — напряжение страшное, нужны железная воля и быстрый ум, чтобы выдержать такую «игру». Формально, исходя из своего положения закордонного курьера, она могла бы отказаться от за-

дания Сороки. Но это навлекло бы на нее подозрения, она бы вышла из доверия. Потому и пришлось ей собираться в дорогу...

— И вместо Марии в Зеленый Гай прибыл другой человек?

— Марию — Иву провожал на автобусной станции соглядатай Сороки. И по курьерской цепочке ушло сообщение: уехала, приметы (платок, сапожки, косы, глаза и т. д.) такие-то. Но Марин нельзя было появляться в тех местах, где ее знали в лицо. И ей на помощь пришла подруга-разведчица. Мы, конечно, рисковали, но степень риска снизилась оттого, что были правильно предугаданы действия Сороки и его приспешников.

Мы знали также, что к Рену должен прийти курьер. Об этом рассказала настоящая Ива. Прибытие курьера было достаточно точно зафиксировано. Конечно, абсурдно бы было допускать встречу Дубровника с Офелией — ведь спецкурьер хорошо знал подлинную Иву, работал в паре с нею раньше. Вот почему мы планировали взять Дубровника живым на пути к хате лесника Хмары. Естественно, Малеванный в эти детали операции не был посвящен и при встрече с группой Дубровника проявил инициативу...

— За что и получил разнос?

— Но лейтенанта тоже можно понять: нос к носу столкнуться с бандитами и дать им уйти? В конечном счете гибель Дубровника только ускорила развязку — Рен заметался в поисках связи с закордонным центром и принял решение направить туда Офелию. Это была огромная удача. Сведения, которые ей были при этом сообщены, помогли нам ликвидировать антинародное подполье.

— Помните, Чуприна доложил Рену, что Ива благополучно ушла за кордон?

— Об этом мы его попросили. Необходимо было выиграть хоть немного времени для заключительного этапа операции и усыпить заодно бдительность проводника краевого провода. Роман какое-то время отсиживался у жены, а потом явился к Рену: все

в порядке, курьер за кордоном. А мы за эти дни на основе сведений, сообщенных Реном Иве, подготовились к тому, чтобы ликвидировать одновременно все звенья бандеровского подполья.

— Это произошло в ту ночь, когда вел свой бой Роман?

— Да. Одна группа окружила логово Рена. А другие группы в эти же часы перекрыли тайные курьерские тропы, блокировали тайные убежища. Должен сказать: это была сложная операция. Она развивалась по двум направлениям: «Офелия» и «Письмо». На последнем этапе усилия были объединены. Руководил операцией майор Лисовский, который вначале выступал в качестве мелкого торговца Стефана. Иве — Марии за ее осуществление было досрочно присвоено звание капитана, ее храбрость была отмечена почетной для чекиста наградой — именным оружием. Мария Григорьевна Шевчук проявила подлинное мужество!

— Скажите, Сорока и другие главари бандеровцев узнали, кем на самом деле была Ива?

Полковник иронически прищурился:

— Это только в приключенческих романах чекисты на последних страницах обязательно встречаются со своими врагами в кабинете следователя. Нет, мы постарались сделать так, чтобы никто в те дни не догадался, кто такая Ива Менжерес. Чекистам не нужны аплодисменты.

— И самый последний вопрос: что случилось с Ивой? То есть, я хотел спросить, с Марией Шевчук?

— Помните ленинское: всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если умеет защищаться? Совсем недавно я увидел в одном зарубежном журнале фото: упитанный юнец прицелился из винтовки в карту нашей страны, разлинеенную под мишень. Там, где Москва — «десятка»... Чужой мир смотрит на нас сквозь прорезь прицела — винтовочного, ядерного, идеологического. И пока он так смотрит — чекисты должны оставаться на посту.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	
ОХОТА НА ГОРЛИНКУ	4
Часть вторая	
ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ	182

Константинов
Лев Константинович

УДАР МЕЧОМ. М., «Молодая гвардия».
1970.

416 с., с илл.

P2

Редактор А. Строев
Художник Б. Федотов
Художественный редактор Л. Белов
Технический редактор Е. Брауде

Сдано в набор 4/XI 1969 г. Подписано к печати 21/I 1970 г. А02510. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 13 (усл. 21,84). Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 100 000 экз. Цена 70 коп. Т. П. 1970 г., № 222. Заказ 2244.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушцевская, 21.

70 коп.

4-00

13/4624/5 72

160

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

